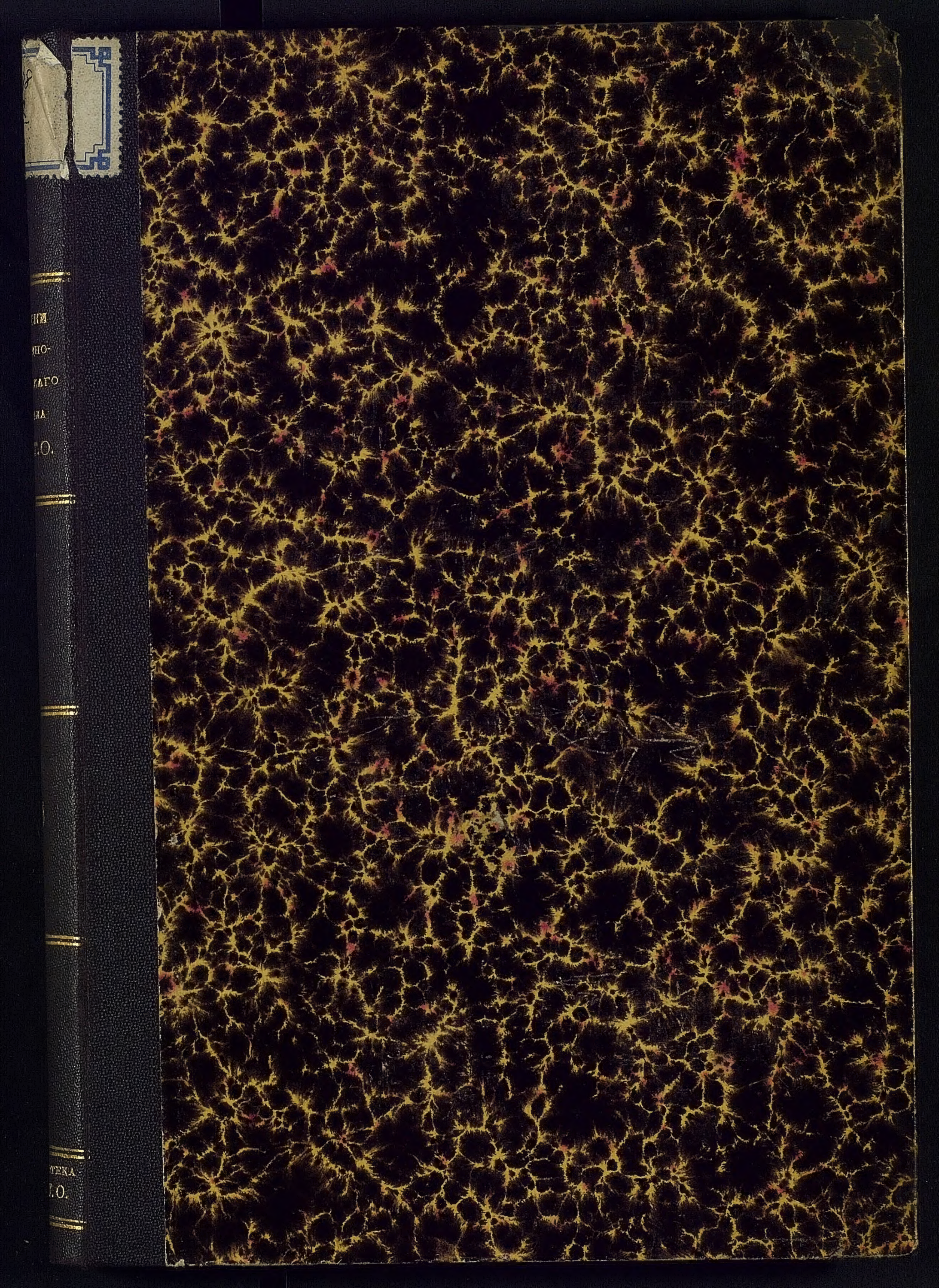

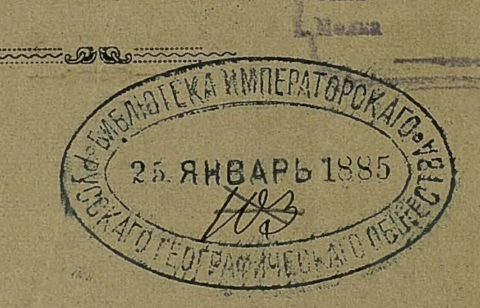
ЗАПИСКИ

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА VI.

Печатано по распоряженію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.
Типогр. Окружн. Штаба.
1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

На подлинномъ написано:
„*Утверждаю*“
Степной Генералъ-Губернаторъ,
Генералъ-Лейтенантъ *Колпаковскій*.
24 Декабря 1882 г.

ПОЛОЖЕНІЕ
о
РАСПОРЯДИТЕЛЬНОМЪ КОМИТЕТѢ ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА[1]).

1) Для упрощенія дѣлопроизводства въ Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ среды членовъ его составляется Распорядительный Комитетъ. Въ составъ его входятъ четыре члена по особому избранію и правитель дѣлъ Отдѣла, который считается непремѣннымъ секретаремъ Комитета.

2) Члены Комитета избираются ежегодно Общимъ Собраніемъ въ декабрѣ, срокомъ на годъ. На случай выбытія, продолжительнаго отсутствія или болѣзни членовъ Комитета избираются тѣмъ же Собраніемъ, также на годовой срокъ, 4 кандидата. Послѣдніе замѣщаютъ членовъ Комитета по старшинству полученныхъ балловъ или по особой очереди, установленной заблаговременно Распорядительнымъ Комитетомъ.

3) Распорядительный Комитетъ выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя и разрѣшаетъ вопросы большинствомъ голосовъ.

4) Дѣятельность Распорядительнаго Комитета заключается въ слѣдующемъ:

а) Комитетъ передаетъ на разсмотрѣніе членовъ Отдѣла получаемыя рукописныя сочиненія и затѣмъ постановляетъ окончательныя рѣшенія о томъ, какія изъ нихъ могутъ быть напечата-

[1]) Учрежденіе Распорядительнаго Комитета было признано полезнымъ на общихъ засѣданіяхъ членовъ Географическаго Отдѣла 13-го и 19-го декабря 1882 г. (см. протоколы, помѣщенные въ IV книжкѣ „Записокъ“ Отдѣла).

ны въ „Запискахъ“ Отдѣла. Такимъ же порядкомъ разсматриваются и статьи на иностранныхъ языкахъ, которыя Комитетъ признаетъ полезнымъ въ полномъ переводѣ или въ извлеченіи помѣстить въ „Запискахъ“ Отдѣла.

б) На обязанности Комитета лежитъ изданіе „Записокъ“ Отдѣла, редактированіе ихъ и всѣ разсчеты по этому изданію съ типографіями, литографіями, картографическими заведеніями, художниками и пр.; продажа „Записокъ“ и разсылка ихъ членамъ, постороннимъ лицамъ и ученымъ обществамъ.

в) Комитетъ особенно заботится объ устройствѣ научныхъ бѣсѣдъ въ Отдѣлѣ, имѣющихъ связь съ его дѣятельностью, а также о привлеченіи къ этой дѣятельности лицъ, могущихъ принести несомнѣнную пользу Отдѣлу.

г) Комитетъ вноситъ на обсужденіе Общихъ Собраній дѣла, касающіяся научныхъ предпріятій Отдѣла, какъ-то: проэкты экспедицій на средства Отдѣла членовъ его или постороннихъ лицъ, извѣстныхъ своею научною дѣятельностью; предположенія объ изданіи отдѣльныхъ сочиненій, относящихся къ кругу занятій Отдѣла, о пріобрѣтеніи инструментовъ, книгъ для библіотеки, разныхъ предметовъ для обогащенія музея и вообще всѣ болѣе важныя дѣла и вопросы.

5) Для разсчетовъ по удовлетворенію различныхъ нуждъ Отдѣла предоставляется Комитету право расходовать до 1000 руб., съ представленіемъ отчета Общему Собранію.

6) Постановленія Комитета записываются въ особую книгу, въ видѣ протоколовъ, которые должны быть подписаны всѣми членами Комитета и секретаремъ Отдѣла.

7) Постановленія Комитета докладываются обязательно каждый разъ Предсѣдателю Географическаго Отдѣла, которому предоставляется передавать рѣшенія Комитета, прежде ихъ исполненія, на обсужденіе Общаго Собранія членовъ Отдѣла.

8) Постановленія Комитета печатаются, по возможности, въ мѣстныхъ сибирскихъ газетахъ.

9) По постановленіямъ Комитета переписка ведется отъ имени Географическаго Отдѣла, за подписью Предсѣдателя Отдѣла и скрѣпою секретаря. Менѣе важныя бумаги предоставляется подписывать одному секретарю Отдѣла.

Подписали: Предсѣдатель *И. Бобковъ.* члены: *А. Круссеровъ, Водянниковъ, А. Поповъ, В. Краузе, В. Энгельфельдъ* и Секретарь *Ѳ. Усовъ.*

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

15-го января 1883 года.

Засѣданіе Распорядительнаго Комитета.

1) Избранъ предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета М. В. Пѣвцовъ[1]).

2) Доложено письмо изъ Томска чл.-с. А. В. Адріанова, который сообщаетъ о своемъ намѣреніи будущимъ лѣтомъ совершить научную экскурсію въ малоизвѣстныя юго-восточныя части Алтая. Въ кругъ изслѣдованій войдетъ: опредѣленіе истока р. Томи, высочайшей снѣжной горы въ Кузнецкомъ округѣ—Мустага, также водораздѣла Абакана и Мрассу; изученіе горныхъ озеръ и ихъ своеобразной фауны, пещеръ по Мрассу, съ цѣлью рѣшенія вопроса, необиталъ-ли тутъ первобытный человѣкъ; собраніе этнографическаго матеріала, сказокъ, легендъ, свѣдѣній о шаманствѣ; раскопка могилъ; фотографическіе снимки типовъ и видовъ. *Опредѣлено:* Въ виду извѣстнаго уже научнаго достоинства трудовъ г. Адріанова, какъ путешественника, оказать ему денежное содѣйствіе до 500 руб.

3) Обсуждались предположенія о научныхъ экспедиціяхъ, какія полезно было бы снарядить на средства Отдѣла лѣтомъ настояща-

[1]) Члены Распорядительнаго Комитета на 1883 г. были избраны въ засѣданіи 19-го декабря 1882 г. (Протоколъ помѣщенъ въ IV книжкѣ „Записокъ“).

го года. *Постановлено:* просить И. Я. Словцова, не признаетъ ли онъ возможнымъ, для окончанія своихъ изслѣдованій по Кокчетавскому уѣзду, совершить вновь туда поѣздку, или же предпринять экскурсію въ Ялуторовскій и Курганскій округа для составленія экономическаго ихъ описанія, а также сдѣлать сношеніе съ чл.-с. Ефимовымъ по этому предмету.

6-го февраля 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Засѣданіе открылось въ половинѣ 2-го часа пополудни, въ помѣщеніи военнаго клуба, въ присутствіи Степнаго генералъ-губернатора и постороннихъ лицъ.

Предметомъ занятій было научное сообщеніе чл.-с. Тихменева подъ названіемъ: „Военно-топографическій обзоръ восточной пограничной полосы Семирѣченской области". Прежде всего лекторъ указалъ направленіе границы по С.-Петербургскому и Чугучакскому договорамъ и пограничную межу, установленную на протяженіи 400 в., въ прошломъ году коммиссарами, отъ Тянь-шаня до Аруцындалака. При этомъ выяснилъ, какое направленіе было-бы желательно сообщить граничной чертѣ для благопріятнаго разрѣшенія вопроса о поземельномъ устройствѣ нашихъ кочевниковъ. Затѣмъ онъ перешелъ къ обзору топографическихъ свойствъ пограничной полосы, раздѣливъ ее на 4 участка: 1) бассейнъ внутреннихъ озеръ, 2) горная страна, образованная западными развѣтвленіями Джунгарскаго Алатау, въ верховьяхъ рѣкъ: Баскана, Саркана, Аксу, Каратала и Коксу съ ихъ притоками, 3) часть Илійской долины на протяженіи отъ р. Хоргоса до р. Чарыка и 4) часть долины р. Текеса на протяженіи отъ р. Уртечъ-Музарта до р. Баянтола. Послѣ того былъ изложенъ подробный очеркъ перваго участка, т. е. бассейна внутреннихъ водъ, его поверхности, фигуры, окраинныхъ хребтовъ, главныхъ рѣкъ и озеръ; при чемъ были даны свѣдѣнія о его колонизаціи и о кочевомъ населеніи, о производительности и жизненныхъ средствахъ, о путяхъ сообщенія, между которыми различаются внутренніе и внѣшніе, колесные и вьючные.

Въ заключеніе сдѣлана была характеристика обороноспособности означеннаго участка.

Въ то же утро, съ 11-ти часовъ, открытъ былъ для публики музей Отдѣла; причемъ хранителемъ музея, г. Лебединскимъ, дѣлались указанія и разъясненія.

28-го февраля 1883 года.

Засѣданіе Распорядительнаго Комитета.

1) Выслушавъ вновь полученное письмо отъ г. Адріанова, касательно необходимаго подготовленія его къ научной экспедиціи въ Алтай, *постановили:* выслать ему имѣющіяся въ библіотекѣ Отдѣла руководства къ раскопкѣ кургановъ и сочиненія по антропологіи; пріобрѣсти въ военно-топографическомъ отдѣлѣ необходимые листы 10-ти верстной географической карты, заключающіе Кузнецкій Алтай; просить Московское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи о снабженіи г. Адріанова инструкціями и инструментами для антропологическихъ измѣреній, для чего, въ случаѣ надобности, употребить изъ средствъ Отдѣла до 100 руб.; столько же предоставить г. Адріанову на наемъ чучельщика. При этомъ просить г. Адріанова о возможномъ расширеніи программы орографическихъ и геологическихъ изслѣдованій въ Кузнецкомъ Алтаѣ и о доставленіи въ Отдѣлъ свѣдѣній, обработанныхъ въ видѣ отдѣльной монографіи: о торговыхъ путяхъ, ведущихъ изъ Енисейской губерніи въ сѣверную Монголію, въ бассейнъ верхняго Енисея, съ подробнымъ обозрѣніемъ торговой дѣятельности Минусинскихъ купцовъ въ этой странѣ.

2) Слушали письмо Г. Н. Потанина, который, указывая на значеніе въ научныхъ и промышленныхъ цѣляхъ спеціальнаго изслѣдованія рыбнаго богатства въ оз. Балхашскомъ, сообщаетъ, что консерваторъ музея при С.-Петербургскомъ университетѣ, зоологъ Никольскій, не откажется принять на себя означенное изслѣдованіе. *Опредѣлено:* Въ виду значительнаго расхода, сопряженнаго съ экспедиціей на Балхашъ, доложить объ этомъ Общему Собранію членовъ Отдѣла.

3) Доложенъ письменный отзывъ чл.-с. Мирошниченко о томъ, что полученныя отъ г. Лазарева астрономическія наблюденія и опредѣленія высотъ въ Алтаѣ заслуживаютъ вниманія, какъ по тщательности, такъ и потому, что относятся къ мѣстностямъ, въ которыхъ подобныя изслѣдованія еще не производились. При чемъ г. Мирошниченко, заявляя о необходимости сдѣлать нѣкоторыя поправки въ вычисленіяхъ Лазарева, признаетъ, что затѣмъ возможно было-бы напечатать ихъ въ „Запискахъ" Отдѣла.

4) Были предъявлены поступившія въ даръ Отдѣлу:

а) Отъ Полковника В. А. Фишера: печатная брошюра „Поѣздка водою на Таранчинскомъ каюкѣ по рр. Или, отъ старой Кульджи до выселка Илійскаго" и рукопись „Озеро Балхашъ и низовья р. Или".

б) Отъ врача Путилова печатная статья его по антропологіи.

в) Отъ войсковаго лѣсничаго, А. И. Хайдукова—рукописная статья: Описаніе протока Козу-Кочь и р. Ишима, съ картою, пять образцовъ почвъ, собранныхъ съ пахатныхъ казачьихъ земель въ Баянъ-Аулѣ, Каркаралахъ, на Бель-Агачѣ и Бишь-Карагаѣ; 32 экземпляра разныхъ минералловъ изъ Баянъ-Аула и Каркараловъ.

г) Отъ чл.-с. Полковника Мирошниченко—колекція минераловъ.

д) Отъ секретаря Отдѣла Ѳ. Н. Усова: „Инструкція генерала Шпрингера, данная въ 1765 г. комендантамъ крѣпостей пограничныхъ линій Иртышской, Прѣсногорьковской и Бійской". Инструкція эта имѣетъ большое историческое значеніе, такъ какъ она въ теченіи полувѣка служила безусловнымъ руководствомъ во многихъ отношеніяхъ по военно-гражданскому управленію на Сибирской военной границѣ прежняго времени, имѣя характеръ какъ-бы закона. Даже въ настоящее время эта инструкція продолжаетъ служить основаніемъ правъ Сибирскаго казачьяго войска на прилегающее къ казачьимъ линіямъ 10-ти верстное пространство Киргизской степи. Къ сожалѣнію, подлинной инструкціи генерала Шпрингера пока не отыскивается. Представленная Усо-

вымъ копія снята съ копіи же, списанной въ 1855 г. и подшитой къ одному архивному дѣлу войсковаго правленія Сибирскаго казачьяго войска.

Опредѣлено: за всѣ означенные вклады выразить отъ лица Отдѣла искреннюю благодарность; рукопись г. Фишера „озеро Балхашъ и низовья р. Или", напечатать въ „Запискахъ" Отдѣла; почвенные образцы отправить въ вольно-экономическое общество; статью Хайдукова: описаніе р. Ишима и инструкцію Шпрингера поручить разсмотрѣнію членовъ-сотрудниковъ.

7-го марта 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Засѣданіе происходило съ $7^1/_2$ до 10 часовъ вечера, въ помѣщеніи военнаго клуба, подъ предсѣдательствомъ И. Ѳ. Бобкова и было открытымъ для публики.

1) Прочтено письмо Степнаго генералъ-губернатора на имя Предсѣдателя Географическаго Отдѣла. Выражая теплое сочувствіе научной дѣятельности Отдѣла, Его Высокопревосходительство препроводилъ при означенномъ письмѣ въ даръ Отдѣлу: 1) два роскошныхъ альбома, заключающихъ 100 прекрасно исполненныхъ фотографическихъ видовъ и типовъ Семирѣченской области и Кульджинскаго края, 2) первый выпускъ изящнаго иллюстрированнаго изданія „Среднеазіатское искусство", заключающее превосходные рисунки по среднеазіатской орнаментаціи и 3) препарированное чучело Семирѣченскаго тигра. Весьма цѣнный вкладъ этотъ вызвалъ просьбу членовъ къ предсѣдателю—передать отъ Отдѣла глубокую благодарность начальнику края, причемъ постановлено повѣсить портретъ Его Высокопревосходительства въ библіотекѣ Отдѣла,—вмѣстѣ съ портретомъ бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова, положившаго начало Отдѣлу.

2) Доложено письмо отъ консерватора музея при Петербургскомъ Университетѣ А. М. Никольскаго, выражающаго желаніе предпринять научное путешествіе на оз. Балхашъ, съ пособіемъ

изъ средствъ Отдѣла. Цѣлью путешествія представляется: 1) изслѣдованіе ихтіологической фауны озера, существующаго рыболовства и составленіе предположеній о мѣрахъ, могущихъ поднять этотъ промыселъ, 2) изслѣдованіе фауны всѣхъ позвоночныхъ животныхъ озера, его береговъ и окрестностей; 3) географическое описаніе посѣщенныхъ мѣстъ (орографія, петрографія, жители, флора и фауна въ общихъ чертахъ). Г. Никольскій высказываетъ предположеніе пробыть на Балхашѣ съ февраля по октябрь 1884 г., чтобы видѣть ловъ судака киргизами по льду, наблюдать весенній и осенній ходъ рыбы. Всѣ коллекціи звѣрей, птицъ, рыбъ, гадовъ, этнографическихъ предметовъ, послѣ точнаго опредѣленія ихъ въ Петербургѣ, будутъ предоставлены въ пользованіе Отдѣла. На путешествіе признается необходимымъ 1000 руб.

При обсужденіи этого предложенія, секретарь Отдѣла привелъ справку изъ денежной книги, что Отдѣлъ въ настоящее время располагаетъ капиталомъ въ 4000 руб. слишкомъ и что, за предположеннымъ расходомъ въ 500 руб. на поѣздку въ Алтай г. Адріанова, не предвидится пока другихъ расходовъ на экспедиціи. *Опредѣлено*: въ виду того, что программа, предложенная г. Никольскимъ, обнимаетъ довольно разносторонній кругъ изслѣдованій оз. Балхаша и прилежащей къ нему малоизвѣстной мѣстности,—сообщить г. Никольскому о согласіи Отдѣла выдать ему на означенную экскурсію 1000 руб., съ тѣмъ, чтобы кромѣ коллекцій былъ доставленъ въ Отдѣлъ для помѣщенія въ его „Запискахъ" подробный отчетъ о путешествіи.

3) Чл.-с. А. П. Круссеровъ прочелъ рефератъ о присланной въ Отдѣлъ учителемъ Вяткинымъ и принадлежавшей Н. А. Абрамову рукописи подъ заглавіемъ „Записная книга о Сибири, переписанная съ рукописной, находящейся съ давняго времени въ Тобольской архіерейской ризницѣ". По словамъ г. Круссерова, разсматриваемая рукопись обнимаетъ 105-ти лѣтній періодъ воеводскаго управленія краемъ отъ 1583 до 1688 г. и заключаетъ перечень сибирскихъ воеводъ, письменныхъ головъ и подъячихъ, указаніе времени постройки городовъ, церквей и монастырей, быв-

шихъ пожаровъ, прибытіе и отъѣздъ архіереевъ, слѣдованіе послов изъ Россіи въ Китай, посылку каравановъ изъ Тобольска въ Киргизскую степь и для торга съ бухарцами и калмыками около Ямышева озера и т. п. Всѣ свѣдѣнія изложены сжато, въ видѣ хронологическаго указателя. Вообще рукопись, какъ историческій матеріалъ о Сибири, уступаетъ Черепановскому сборнику и отличается невѣрностями въ хронологіи и именахъ лицъ, такъ что напечатать ее можно не иначе, какъ послѣ тщательной редакціи.

4) Вслѣдствіе выраженнаго желанія избраны: дѣйствительнымъ членомъ Отдѣла губернаторъ Акмолинской области М. А. Ливенцовъ и членами-сотрудниками Отдѣла: предсѣдатель Семирѣченскаго областнаго правленія Н. А. Аристовъ, начальникъ штаба войскъ Семирѣченской области А. Ф. Костенко, Борохудзирскій уѣздный судья Н. Н. Пантусовъ, начальники отдѣленій Семирѣченскаго областнаго правленія: И. В. Селицкій и К. А. Ларіоновъ.

5) Затѣмъ происходило второе научное сообщеніе чл.-с. Тихменева по военно-топографическому обзору пограничной полосы Семирѣченской области. На этотъ разъ было приведено подробное описаніе втораго участка этой полосы, а именно: горная страна, образованная западными развѣтвленіями Джунгарскаго Алатау въ верховьяхъ рѣкъ Баскана, Саркана, Аксу-Каратала и Коксу съ ихъ притоками. Описаніе касалось, какъ физической структуры этого района, такъ и свѣдѣній о его колонизаціи, о кочевомъ населеніи, о путяхъ сообщенія, о производительныхъ средствахъ и т. п.

6) Опредѣлено выразить благодарность Отдѣла М. А. Водянникову за пожертвованіе коллекціи изъ 150 яицъ разныхъ птичьихъ породъ Западной Сибири.

3-го апрѣля 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Засѣданіе происходило съ 12 до 2 ч. дня въ помѣщеніи воен-

наго клуба, подъ предсѣдательствомъ И. Ѳ. Бобкова, въ присутствіи посторонней публики. Музей Отдѣла былъ открытъ для посѣтителей и учащихся.

1) Доложено о полученіи отчета (съ картою) чл.-с. Н. Н. Григоровскаго о совершенной имъ, по порученію Отдѣла, поѣздкѣ въ Васюганскую тундру. Въ присланномъ при этомъ письмѣ г. Григоровскій сообщаетъ, что онъ объѣхалъ въ минувшее лѣто только рѣки Васюганъ, Чертанлы и Ятылъ-ягъ и описалъ ихъ притоки, но не успѣлъ побывать на большихъ рѣкахъ Нюролькѣ и Чижапкѣ. Вопреки ходившимъ слухамъ, онъ не нашелъ самовольныхъ и тайныхъ заселеній крестьянъ въ Васюганской тундрѣ, да, по его словамъ, ихъ и быть не могло, потому что по всей тундрѣ нѣтъ порядочнаго клочка земли подъ пашню, хотя она обильна превосходными покосами и поемными лугами. Хотя по Васюгану, въ юртахъ Тимольгиныхъ, Айполовскихъ, Ай-игаль-куголь и близь озера Егъ-сигатъ и выстроено по одному крестьянскому дому, но сами крестьяне живутъ тутъ только зимою для промысла и торговыхъ оборотовъ, а весною уѣзжаютъ въ Тарскій округъ, чтобы заняться хлѣбопашествомъ. *Постановили*: благодарить г. Григоровскаго за труды по изслѣдованію тундры и выслать ему еще 250 руб. на новую поѣздку въ означенную тундру по рр. Нюролькѣ и Чижапкѣ.

2) Прочтено письмо изъ Зайсана отъ г. Лютика, относительно предположеній его по изслѣдованію кургановъ въ Зайсанскомъ приставствѣ. *Опредѣлено*: Въ виду приведенныхъ въ письмѣ затрудненій, встрѣчаемыхъ при подобнаго рода изслѣдованіяхъ въ Киргизской степи, сообщить г. Лютику, что Отдѣлъ отказывается до времени отъ курганныхъ разслѣдованій и предпочитаетъ оказать ему пособіе въ предпріятіи географическихъ или этнографическихъ экскурсій.

3) Выслушанъ и одобренъ годовой отчетъ о дѣятельности Отдѣла за минувшій 1882 г. Въ отчетѣ говорится между прочимъ,

что число членовъ-сотрудниковъ Отдѣла увеличилось въ прошломъ году съ 69 до 109; что для возбужденія въ обществѣ интереса къ задачамъ Отдѣла, стали публиковаться въ губернскихъ и областныхъ вѣдомостяхъ протоколы засѣданій Отдѣла и разсылаться въ печатныхъ бюллетеняхъ членамъ-сотрудникамъ; что въ 1882 г. оказано было изъ средствъ Отдѣла пособіе 3-мъ экскурсіямъ: Лебединскому въ Тарскій округъ, Краузе въ Алтай и Григоровскому въ Васюганскую тундру; что музей Отдѣла обогатился большими коллекціями чучелъ птицъ; что Отдѣломъ издана IV-я книжка „Записокъ"; что было оказано содѣйствіе Императорскому вольно-экономическому обществу доставленіемъ образцовъ почвъ; что собирались инородческія сказки и пѣсни; что для оживленія дѣятельности Отдѣла избранъ былъ Распорядительный Комитетъ и положено устраивать научныя бесѣды.

4) Избранъ въ чл.-с. священникъ села Васюгана П. В. Красновъ.

5) Послѣ того, происходила вторая научная бесѣда чл.-с. Краузе по сообщенію о поѣздкѣ его на Алтай въ лѣто прошлаго года. Въ настоящей бесѣдѣ былъ описанъ путь отъ Катонъ-Карагая по Китайской границѣ до Укока и затѣмъ обратній путь къ Бійску.

6-го Апрѣля 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Происходила въ публичномъ засѣданіи Отдѣла, первая научная бесѣда чл.-с. врача Путилова: „къ исторіи гигіены питанія человѣка мясомъ, (условія питанія человѣка мясомъ какъ одна изъ причинъ болѣзненности). Содержаніе этой бесѣды: 1) Мѣстное значеніе вопроса. Питаніе мясомъ съ древности (у египтянъ, сирійцевъ, грековъ, римлянъ, евреевъ, мусульманъ и христіанъ) до нашихъ временъ. Постановленія, касающіяся мяса у евреевъ, поляковъ, русскихъ и т. д. Убой животныхъ и бойни (у американцевъ, англичанъ, въ Петербургѣ, Омскѣ). Что такое нормальное мясо: его химизмъ. Поддѣлка подъ свѣжее смясо. Гнилое мясо. Мясо больныхъ животныхъ.

30-го мая 1883 года.

Засѣданіе Распорядительнаго Комитета.

1) Доложено секретаремъ Отдѣла объ отсылкѣ денегъ, согласно съ постановленіями предшествовавшихъ засѣданій: а) чл.-с. Адріанову—300 руб., въ пособіе для совершенія научной поѣздки въ Кузнецкій Алтай; б) секретарю отдѣла антропологіи въ Императорскомъ обществѣ любителей естествознанія г. Икову—100 руб.,—на заказъ и изготовленіе антропологическихъ инструментовъ для г. Адріанова и в) чл.-с. Григоровскому—250 руб. для совершенія второй научной поѣздки въ Васюганскую тундру.

2) Выслушано и принято къ свѣдѣнію письмо чл.-с. Н. М. Ядринцева. Сообщая что имъ оканчивается монографія о Чанскихъ озерахъ и затѣмъ будетъ приступлено къ подробному изложенію быта и культуры Алтайскихъ инородцевъ, г. Ядринцевъ выразилъ обѣщаніе прислать одну изъ этихъ работъ для помѣщенія въ „Запискахъ" Отдѣла.

3) Принято предложеніе Геологическаго Комитета вступить съ нимъ въ обмѣнъ изданіями.

4) Д. чл. М. В. Пѣвцовъ представилъ оконченный имъ подробный отчетъ о своемъ путешествіи въ 1879 г. въ Монголію и сѣверо-западный Китай. *Опредѣлено*: приступить нынѣ же къ печатанію этого отчета отдѣльною книжкой, въ количествѣ 500 экз.

5) Доложено о пожертвованіи Степнымъ генералъ-губернаторомъ генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ въ музей Отдѣла модели конно-горной пушки съ лафетомъ, передкомъ и зарядными ящикомъ, построенной по проэкту и чертежамъ покойнаго Туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта К. П. Фонъ-Кауфмана, для дѣйствія въ средней Азіи. *Постановлено*: благодарить Его Высокопревосходительство за пожертвованіе, а модель хранить, какъ вещественный знакъ дѣятельности генерала Кауф-

мана, окончательнаго присоединителя къ Россіи Кокансцаго ханства и перваго организатора сопредѣльнаго съ Западною Сибирью Туркестанскаго края.

6) Прочтены письменныя заявленія учителей: Семипалатинскаго городскаго пятикласснаго училища Барулина, Скорковскаго, Семипалатинскаго приходскаго училища Донскихъ и Петропавловскаго городскаго пятикласснаго училища Зеневича и Кривоногова о желаніи ихъ быть сотрудниками Отдѣла. Поименованныя лица, выражая готовность своими трудами содѣйствовать въ осуществленіи задачъ Отдѣла, просятъ указать, на что именно должны быть обращены ихъ труды, или прислать подробныя программы для мѣстныхъ изслѣдованій. При обсужденіи этихъ заявленій, Распорядительный Комитетъ пришелъ къ заключенію, что указывать каждый разъ своимъ сотрудникамъ предметы ихъ занятій весьма затруднительно, по неимѣнію въ виду, какими они обладаютъ научными свѣдѣніями и спеціальными знаніями, и что лучше всего было бы напечатать и разослать имъ подробныя программы по различнымъ предметамъ и отраслямъ, входящимъ въ кругъ дѣятельности Отдѣла, съ тѣмъ, чтобы желающіе быть полезными Отдѣлу сами выбрали для себя подходящіе труды. А потому *постановлено*: просить г. библіотекаря Отдѣла В. И. Квятковскаго подобрать изданныя и обработанныя разными учеными обществами программы для мѣстныхъ изслѣдованій по предметамъ географіи, статистики, этнографіи, археологіи, естественной исторіи и пр., съ тѣмъ, чтобы, по пересмотрѣ этихъ программъ, отпечатать ихъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ съ нужными, по мѣстнымъ условіямъ, измѣненіями и дополненіями, и разослать таковыя всѣмъ членамъ-сотрудникамъ и лицамъ, желающимъ посвятить свои труды на собираніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній въ разныхъ мѣстностяхъ изслѣдуемаго края.

1-го іюля 1883 года.

Засѣданіе членовъ Распорядительнаго Комитета.

1) Доложено секретаремъ Отдѣла о возвращеніи 250 руб.,

которые были отосланы, согласно протоколу предшествовавшаго засѣданія, г. Григоровскому на совершеніе имъ второй научной поѣздки въ Васюганскую тундру и остались невыданными за смертью его, послѣдовавшею 25-го апрѣля. По поводу этого печальнаго извѣстія, чл.-с. И. А. Козловъ сообщилъ на засѣданіи краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ, рисующія его скромнымъ и весьма дѣятельнымъ труженикомъ на поприщѣ какъ миссіонерской дѣятельности, такъ и особенно по составленію этнографическихъ и бытовыхъ очерковъ населенія Нарымскаго края.

2) Окружный Военно-Медицинскій Инспекторъ, М. Г. Соколовъ, прислалъ письмо съ статьей „Флора г. Омска и его окрестностей", составленною, по его порученію, младшимъ фармацевтомъ Омскаго аптечнаго магазина, Килломаномъ. Разсмотрѣніе этой статьи принялъ на себя М. А. Водяниковъ.

3) Отъ И. Я. Словцова получена 30-го іюня телеграмма слѣдующаго содержанія: „Близь Тюмени открылъ сооруженія обитателей каменнаго періода. Благоволите телеграфировать, можетъ-ли Географическое Общество дать для раскопокъ триста рублей. Успѣхъ несомнѣнный; отчетъ въ сентябрѣ". *Постановлено*: извѣстить г. Словцова о согласіи Отдѣла по телеграфу.

4) А. Подкорытовъ, изъявляя въ письмѣ согласіе производить въ г. Маріинскѣ метеорологическія наблюденія и готовность устройство станціи принять на свой счетъ, проситъ Отдѣлъ о снабженіи его руководствами, инструментами и проч. *Постановлено*: извѣстить г. Подкорытова, не признаетъ-ли онъ возможнымъ, по существующему порядку, обратиться съ своимъ заявленіемъ непосредственно въ Главную Физическую Обсерваторію.

5) Чл.-с. Адріановъ, въ письмѣ изъ Минусинска отъ 5-го іюня, сообщаетъ о ходѣ своей экспедиціи. Выѣхавъ изъ Томска 12-го мая, онъ, чтобы не терять даромъ время, собиралъ по дорогѣ образцы почвъ и свѣдѣнія о производительности земли, т. е.

размѣрѣ посѣвовъ, сортахъ хлѣба, степени ихъ урожая и т. д. Изъ Маріинска, свернувъ съ почтовой дороги, поѣхалъ на Тисуль, по хлѣбороднѣйшей мѣстности, затѣмъ, на Степную думу съ цѣлью познакомиться, хотя бы и бѣгло, съ Кызыльскими татарами. Здѣсь ѣхалъ чрезъ улусы, горами, черезъ горный и Бѣлый Юсы на Русскую деревню Сонъ (близъ озера Ширы, извѣстнаго своей цѣлебной водой; по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, купанье особенно помогаетъ ревматикамъ, золотушнымъ, при различныхъ пораненіяхъ, изъязвленіяхъ). Въ Минусинскъ пріѣхалъ 20-го мая. Съ 24-го мая, началъ раскопку кургановъ на большомъ островѣ (Татарскомъ), противъ города. При трудности достать рабочихъ въ настоящее время, работа идетъ медленно. Пока раскопано и разобрано только три кургана. Каждый курганъ, т. е. небольшая насыпь заключаетъ по нѣскольку могилъ. Устроены эти послѣднія по двумъ типамъ: или деревянныя, или каменныя, на глубинѣ отъ нѣсколькихъ футовъ до сажени слишкомъ. Каменныя могилы представляютъ настоящіе гроба изъ плитъ, поставленныхъ на ребра и закрытыхъ сверху большими плитами (величиной до квадратной сажени и толщиной до 4 вершковъ), деревянныя могилы представляютъ срубы изъ нетолстыхъ бревешекъ, иногда обложенныхъ съ боковъ плитками, а сверху закрытыхъ большими плитами. Костяки положены прямо на гальки (пробный шурфъ близь кургановъ обнаружилъ, что галька начинается на глубинѣ 1 фута 3 дюйма отъ поверхности дерна), въ лежачемъ на спинѣ положеніи, головой (теменемъ на востокъ), съ вытянутыми руками и ногами (только въ одномъ курганѣ оказалось, что костяки лежали головами одинъ на востокъ, другой на западъ). При каждомъ костякѣ въ головахъ (съ лѣвой стороны) стоитъ горшокъ глиняный, хорошей работы; у другихъ по два горшка, по ту и другую стороны черепа, а у нѣкоторыхъ одинъ горшокъ въ головахъ, другой въ ногахъ (съ лѣвой же стороны). Металлическими предметами могилы до крайности бѣдны; чаще всего попадаются *мѣдныя* коническія ($2^1/_2$ сантиметра въ діаметрѣ) бляшки, затѣмъ попадаются *мѣдные* гвозди, *мѣдные* ножи и др. предметы изъ мѣди. Въ двухъ могилахъ попались зубы кабарги (?) съ просверленной дырочкой

на каждомъ, и въ одной могилѣ найдены 2 трубочки изъ плющенаго золота, обволакивавшія такія же трубочки (3 мм. въ діам. и 12 мм. въ длину) *изъ мѣди.* Дерево въ могилахъ въ сильно-иструхшемъ состояніи, нѣкоторые костяки также, причемъ большая часть и сильно разрушена, и въ безпорядкѣ, вслѣдствіе паденія сгнившаго сруба и тяжелыхъ плитъ вмѣстѣ съ массой земли. Костяки каменныхъ могилъ сохранились достаточно хорошо. Въ заключеніе, сообщаетъ, что все снаряженіе экспедиціи уже закончено: лошади, сѣдла, провизія, рабочіе—готовы.

6) В. Плотниковъ, въ письмѣ изъ Устькаменогорска отъ 9-го мая сообщаетъ, что съ мѣсяцъ назадъ, въ 70-ти верстахъ отъ Устькаменогорска по дорогѣ на Кокпекты, на правомъ берегу р. Сибинки, случайно вырыта чаша, похожая на вазу, изъ красной мѣди, вѣсомъ 1 п. 8 ф.; недалеко отъ мѣста находки существуютъ остатки старой крѣпостцы, въ окрестностяхъ которой есть курганы. *Постановлено*: войти въ сношеніе съ владѣльцемъ чаши о пріобрѣтеніи ея для музея Отдѣла.

7) Выслушано заявленіе В. И. Квятковскаго о предполагаемыхъ переводахъ научныхъ статей для „Записокъ" Отдѣла. Имъ предположено на выборъ четыре сочиненія: Вамбери „Туранскіе языки, какъ матеріалъ для сужденія о культурномъ развитіи туранскихъ расъ"; Дорндорфа „Описаніе г. Тобольска въ 1832 г."; Котта „Алтай" и Гутцлиха „Исторія Китая". Предпочтеніе отдается первому сочиненію: какъ по имени автора, извѣстнаго знатока этнографіи Средней Азіи, такъ и по значенію самаго сочиненія для изученія сибирскихъ инородцевъ—одной изъ главнѣйшихъ задачъ Географическаго Отдѣла. Изданный Вамбери словарь туземныхъ языковъ (монгольскаго, алтайскихъ, киргизскаго) даетъ возможность дѣлать любопытные выводы, касающіеся міросозерцанія инородцевъ.

24-го сентября 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Засѣданіе происходило отъ $7^1/_2$ до 10 часовъ вечера, въ при-

сутствіи временно и. д. Степнаго генералъ-губернатора И. Ѳ. Бобкова и постороннихъ лицъ.

1) Прочтено письмо г. генералъ-губернатора изъ С.-Петербурга, приглашающее Отдѣлъ заняться научнымъ изслѣдованіемъ растенія, извѣстнаго въ нѣкоторыхъ частяхъ Алтая подъ именемъ *теплой травы*. При этомъ была прочтена также приложенная къ письму записка чл.-с. г. Гуляева о полезномъ значеніи упомянутой травы, которою алтайскіе горные обитатели въ зимнее время, отправляясь въ дальній путь, обертываютъ ноги, чтобы предохранить ихъ отъ озноблепія; также кладутъ ее въ сапоги вмѣсто войлочной подстилки.

Опредѣлено: сдѣлать необходимое сношеніе о доставленіи образчиковъ означеннаго растенія для изслѣдованія.

2) Прочтенъ письменный отзывъ чл.-с. Н. М. Ядринцева о разсмотрѣніи имъ самимъ и, по просьбѣ его, нѣкоторыми спеціалистами свѣдѣній о сельскихъ общинахъ Западной Сибири, составленныхъ по программѣ Отдѣла волостными правленіями. Вся масса этихъ свѣдѣній, состоящихъ изъ однихъ непровѣренныхъ цифръ и краткихъ отвѣтовъ на вопросы программы, какъ оказывается, не можетъ служить для научной разработки вопроса о сельской общинѣ.—При этомъ, г. Ядринцевъ рекомендуетъ помѣстить въ „Запискахъ“ Отдѣла отвѣты, доставленные по той же программѣ отъ 4-хъ алтайскихъ учителей и акцизнаго чиновника Воскресенскаго.

3) Избраны членами-сотрудниками Н. А. Поповъ, Смотритель Омскаго уѣзднаго училища и А. С. Хохловъ (въ Зайсанѣ).

4) Для помѣщенія въ „Запискахъ“ Отдѣла присланы:

Чл.-с. Г. И. Потанинымъ двѣ небольшія статьи, составленныя, по его догадкамъ, покойнымъ Чоканомъ Валихановымъ: „Вооруженіе киргизовъ въ древнія времена“ и „Слѣды шаманства у киргизовъ“.

И. Г. Путинцевымъ: Этнографическій очеркъ племени Сибо.

5) Поступили пожертвованія: отъ чл.-с. К. В. Ельницкаго изданный имъ недавно „Учебникъ географіи“ и отъ чл.-с. Н. А. Попова: остяцкія лыжи и нитки изъ оленьихъ жилъ.

Затѣмъ преподаватель древнихъ языковъ въ Омской гражданской гимназіи М. А. Стратилатовъ прочелъ „Введеніе“ къ переведенной имъ съ нѣмецкаго языка книгѣ А. Вамбери „Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen“. Сдѣлавъ перечень появившихся доселѣ въ свѣтъ сочиненій Вамбери и объяснивъ, почему онъ выбралъ для своего чтенія именно „Введеніе“, а не какую-либо главу изъ переведенной имъ книги Вамбери, г. Стратилатовъ кратко резюмировалъ затѣмъ содержаніе всей книги, состоящей изъ 20-ти главъ и во „Введеніи“, довольно обширномъ (состоящемъ изъ 6-ти главъ) подробно остановился лишь на существенно-новыхъ и оригинальныхъ идеяхъ автора:

1) О необходимости компромисса въ точкахъ зрѣнія различныхъ ученыхъ (лингвистовъ, физіологовъ) при дѣленіи человѣческаго рода на расы.

2) О тождественномъ вліяніи климата и другихъ естественныхъ условій по отношенію къ человѣку, животнымъ и растеніямъ.

3) О силѣ и неотразимости вліянія народовъ, обладающихъ высшею культурою, на языкъ народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры (напр. номадовъ, полу-номадовъ и т. п.)

4) О полномъ и безусловномъ преимуществѣ тюркскаго языка (какъ агглютинативнаго) предъ арійскими языками при опредѣленіи идей, органически связанныхъ съ звуками (посредствомъ лишь простаго этимологическаго разчлененія), о неразрывно связанной съ агглютинаціей тюркскаго языка, его косности (Stabilität), происходящей, въ свою очередь, отъ замкнутости (Seclusivität) тюрко-татарскаго народа, и о сравнительно позднемъ дробленіи тюркскаго народа, какъ цѣлаго, на племена.

5) Объ одинаковой способности *всѣхъ* человѣческихъ расъ къ цивилизаціи и несправедливости прерогативы въ этомъ отношеніи, обыкновенно присвоиваемой арійцамъ и семитамъ.

6) О глубинѣ, мѣткости и многоемлемости идей, выражаемыхъ звуками языка всѣхъ народовъ, стоящихъ „на примитивныхъ ступеняхъ культуры", о полной и безусловной общности и равенствѣ развитія разума у всѣхъ племенъ человѣческаго рода.

7) О несостоятельности теоріи различія народовъ по возрасту.

12-го октября 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Засѣданіе происходило отъ 8-ми до 9½ часовъ вечера, въ присутствіи временно и. д. Степнаго генералъ-губернатора И. Ѳ. Бобкова и постороннихъ лицъ.

1) Научная бесѣда по сообщенію чл.-с. В. А. Лебединскимъ отчета о своей ботанической экскурсіи въ Тарскій округъ, совершенной въ 1882 г.

2) Чл.-с. П. А. Леваневскій прочелъ переведенную имъ главу „Геологическое строеніе Алтая" изъ соч. Котта: „Der Altai".

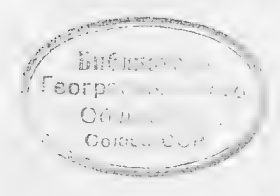
Опредѣлено: прочтенныя статьи помѣстить въ „Запискахъ" Отдѣла.

5-го ноября 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Въ присутствіи генералъ-лейтенанта И. Ѳ. Бобкова, членовъ Отдѣла и посторонней публики, состоялись чтенія: 1) чл.-с. П. А. Леваневскаго переведенной имъ главы изъ соч. Котта „Der Altai"—Степь и степная флора Западной Сибири" и 2) преподавателя Омской гимназіи М. А. Стратилатова—„Семирѣченская область"—общій очеркъ, составленный на основаніи матеріаловъ, находящихся въ книгѣ американскаго путешественника по Туркестану, д-ра Скайлера, „Turcistan", отчетовъ гг. Дельмара-Моргана и Кларка, напечатанныхъ въ англійскомъ періодическомъ изданіи „Procedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geongraphy", и личныхъ воспоминаній о Туркестанѣ.

Изъ *общаго очерка Семирѣчья* видно, что, по разнообразію его физической природы (доходящей мѣстами до величественно-прекрасныхъ картинъ), богатству естественныхъ произведеній и осо-

бенности этнографической, оно рѣзко отличается отъ остальныхъ областей Степнаго генералъ-губернаторства. Уже за Сергіополемъ (если ѣхать по тракту изъ Семипалатинска) начинается вполнѣ характеръ туркестанской природы. Здѣсь цѣпь *Тарбагатая*, составляющая вѣтвь *Алтайской горной цѣпи* и тянущаяся съ в. на з. непрерывною линіей въ 400 миль, образуетъ отдѣльный, огромный, *естественный барьеръ* между Семипалатинскою областью Западной Сибири и Семирѣченскою областью Туркестана. Дѣйствительно, съ сѣвернаго склона *Тарбагатая* всѣ рѣки текутъ въ озеро *Зайсанъ* и, слѣдовательно, въ бассейнъ *Иртыша*, а съ южнаго склона—въ озера *Балхашъ* и *Ала-куль* и, слѣдовательно, въ бассейнъ пониженія Арало-Каспійской впадины.

На западѣ, цѣпь Тарбагатая далеко углубляется въ киргизскую степь, подъ именемъ хребта *Джингизъ-тау*, представляющаго рядъ скалистыхъ возвышеній, изобилующихъ мѣдью и другими минераллами. Это любимое мѣсто сходбищъ киргизъ во всѣ времена года, особенно же зимой. Въ Джингизъ-тау находится крайне любопытный феноменъ природы, привлекающій путешественниковъ,—это звучащій камень (по киргизски *Джингеръ-ташъ*), звукъ котораго, по догадкамъ нѣкоторыхъ, происходитъ отъ той же причины, какая производитъ звукъ древняго Мемнонова колосса въ Египтѣ. Камень этотъ составляетъ предметъ суевѣрнаго страха и, въ нѣкоторомъ родѣ, культа киргизовъ.

Отъ Джингизъ-тау идетъ рядъ скалистыхъ холмовъ въ другомъ направленіи. Эти холмы называются Ak-chau-li; они возвышаются на 3000 фут. надъ уровнемъ моря. На ю.-з. отъ нихъ находится отдѣльно стоящій, пустынный пикъ *Сандыкъ-ташъ*—извѣстный, какъ давній притонъ степныхъ разбойниковъ, и многими романтическими легендами, могущими составить особый циклъ.

Подвигаясь далѣе къ югу, путешественникъ достигаетъ озеръ Балхаша, Ала-куля и Сассыкъ-куля и приближается къ гигантской цѣпи *Джунгарскаго Ала-тау*. Джунгарскій Ала-тау—это первая ступень къ цѣлой серіи подъемовъ на возвышенность центральной Азіи (если приближаться къ ней съ с.)—состоитъ изъ многихъ, почти параллельныхъ цѣпей, внѣшніе склоны которыхъ

покрыты массивными пластами юрской формаціи и изрѣзаны ложами рѣкъ: Лепсы, Баскана, Саркана, Аксу и др. Эти рѣки прорываются сквозь глубокія, большею частью непроходимыя, пропасти и ущелья и, достигши равнины, впадаютъ въ оз. Балхашъ. „Съ высоты перваго подъема, я—говоритъ г. Дельмаръ-Морганъ—ясно слышалъ оглушительный ревъ водопадовъ въ гранитныхъ скалахъ, примыкающихъ къ ледникамъ, на разстояніи четырехъ или пяти миль". Нѣсколько гигантскихъ полувывѣтрившихся массъ (Boulder), замѣченныхъ здѣсь г. Д.-Морганомъ, дали ему поводъ высказать догадку о томъ, что эти массы—остатки той отдаленной эпохи, когда здѣшнія мѣста были покрыты ледянымъ океаномъ и громадныя, ледяныя горы сложили здѣсь свое бремя на затопленную поверхность. Рѣка Лепса протекаетъ въ тѣни главнаго хребта, среди колоссальнаго амфитеатра горъ, носящаго у киргизъ названіе Djeilau (джейлау), или лѣтняго пастбища. Климатъ этой мѣстности (лежащей на 3500 фут. надъ уровнемъ моря) умѣренный и здоровый во всѣ времена года; альпійскій же характеръ природы, обиліе озеръ и водопадовъ придаютъ ей особенное очарованіе и упрочиваютъ за ней названіе „земнаго рая".

Собственно же степная область оз. Балхаша покрыта песчаными, солонцеватыми лагунами и имѣетъ растительность, аналогичную съ растительностью Арало-Каспійской впадины. Сѣверо-западный берегъ озера представляетъ обширныя террасообразныя возвышенія, покрытыя сыпучими песками и имѣющія чисто степной характеръ. Этими песками всасывается много маленькихъ рѣчекъ (а ихъ впадаетъ въ этомъ направленіи 40), не достигающихъ озера. Что касается южной стороны озера, то здѣсь во многихъ мѣстахъ переходъ отъ сухой поверхности къ водѣ до того постепененъ и незамѣтенъ, что большею частью, бываетъ невозможно сказать, гдѣ начинается озеро и гдѣ кончается земля. Очевидно также, что оз. Балхашъ соединялось нѣкогда съ оз. Ала-кулемъ и вода озеръ занимала все пространство теперешней низменной песчаной области, начиная отъ ст. Арганаты, и самое озеро Ала-куль съ тѣхъ поръ постепенно раздробилось на три или четыре маленькія озера.

Озеро *Иссыкъ-куль* (5300 фут. абсол. выс.). По многимъ догадкамъ и соображеніямъ, можно допустить, что на берегу оз. Иссыкъ-куля, въ давнее время существовали города и селенія, на что указываютъ находимые здѣсь остатки древняго быта: утвари, черепицы, статуэтки, обломки металлическихъ сосудовъ и пр. На сѣверной сторонѣ Иссыкъ-куля, называемой Корой-Сарай, и въ двухъ мѣстахъ на восточномъ краю озера остатки потонувшихъ городовъ видны еще и теперь, на разстояніи лишь нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности воды. Одна изъ древнихъ китайскихъ картъ помѣщаетъ на берегахъ Иссыкъ-куля городъ *Чи-гу*, а такъ называемая Каталанская карта (1375 г.) отмѣчаетъ на южномъ берегу озера одинъ Несторіанскій монастырь, въ которомъ хранились мощи Св. Апостола и Евангелиста Матѳея. До 1869 г., развалины, находящіяся подъ водой Иссыкъ-куля, не были надлежащимъ образомъ изслѣдованы; но въ этомъ году, по почину Г. А. Колпаковскаго, разсмотрѣны нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, въ устьѣ р. Кой-су, на разстояніи 7 фут. отъ берега, на глубинѣ 3 фут., усмотрѣны три, весьма ясно различаемые, ряда кирпичныхъ валовъ или стѣнъ, параллельныхъ другъ другу. Г. А. Колпаковскій видѣлъ также здѣсь массивный камень съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ человѣческаго лица. Послѣдующіе затѣмъ наблюдатели, при осмотрѣ подводныхъ руинъ, плавали на лодкѣ и увѣряли, что вблизи р. Тунъ (на с.-в. берегу), въ ясный день, они могли различать подъ водой остатки зданій. Поэтому можно сдѣлать одно изъ двухъ предположеній: или почва, образующая берега озера, опала; или же самое озеро лежитъ теперь выше, чѣмъ лежало прежде. Судя, однако, по террасообразному строенію берега (на ст. Туру-айгыръ), заключаютъ, что озеро Иссыкъ-куль лежало прежде выше настоящаго уровня, и доказанъ уже тотъ фактъ, что это озеро, при прежнемъ болѣе высокомъ стояніи, изливало свои воды въ р. Чу, которая, принявъ также воды оз. Балхаша, р. Сары-су, изливалась нѣкогда, старымъ ложемъ Аму-дарьи, въ Каспійское море, и нынѣшнія рѣки Сыръ-дарья и Аму-дарья были прежде лишь обширными вѣтвями многоводной р. Чу.

3-го декабря 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

Предсѣдатель И. Ѳ. Бобковъ прочелъ присланную на его имя г. Степнымъ генералъ-губернаторомъ записку г. Гуляева о пользѣ изданія мѣстныхъ (областныхъ и губернскихъ, по городамъ и уѣздамъ) статистическихъ сборниковъ и справочныхъ книжекъ по приложенной имъ примѣрной программѣ. Имѣя въ виду, что изданіе подобныхъ сборниковъ лежитъ на обязанности губернскихъ и областныхъ статистическихъ комитетовъ, *постановлено*: оказать возможное содѣйствіе статистическимъ комитетамъ Западной Сибири, въ изданіи ими сборниковъ, всѣми средствами и матеріалами, которые имѣются въ распоряженіи Отдѣла.

Прочтено письмо чл.-с. Адріанова о совершенной имъ, минувшимъ лѣтомъ, при пособіи отъ Отдѣла, научной поѣздкѣ въ водораздѣлъ рр. Оби и Енисея. Въ письмѣ сообщается о разнообразныхъ результатахъ этой экспедиціи (археологическіе, естественно-историческіе, этнографическіе и пр.), которые подвергнуты уже внимательной обработкѣ авторомъ, обѣщающимъ представить въ Отдѣлъ подробный отчетъ о поѣздкѣ и различные предметы, для западно-сибирскаго музея, изъ собранныхъ имъ коллекцій. Изъявляя заранѣе свою признательность къ трудамъ много-обѣщающаго піонера въ никѣмъ еще непосѣщенной области Сибири, Отдѣлъ выслушалъ предложеніе г. Адріанова объ экспедиціонномъ изслѣдованіи экономическихъ условій (почвы, землевладѣнія, доходности земли и мѣстныхъ промысловъ и пр.), по округамъ Томской губ., для настоятельнаго удовлетворенія нуждъ надвигающагося въ Сибирь переселенческаго движенія.

Заявлено, о крайне тѣсномъ и неудовлетворительномъ помѣщеніи Отдѣла (нѣтъ особой залы для засѣданій; нѣтъ достаточно обширной и свѣтлой комнаты для библіотеки и читальни; тѣсное, холодное и сырое помѣщеніе музея),—почему Отдѣлъ лишенъ возможности удовлетворять не только требованіямъ самихъ чле-

новъ его, но и скромнымъ желаніямъ интересующейся публики. Въ виду этого, г. Предсѣдатель выразилъ, съ своей стороны, готовность войти въ сношеніе, по настоящему предмету, съ г. завѣдывающимъ инженерною частію объ уступкѣ для Отдѣла одного изъ казенныхъ помѣщеній въ Омскѣ.

Въ заключеніе, обсуждались вопросы по библіотекѣ Отдѣла: о выборѣ помощника библіотекаря и о составленіи каталога библіотеки. Библіотекарь Отдѣла В. И. Квятковскій, заявилъ, что, обязанный по дѣламъ службы дѣлать частыя и продолжительныя поѣздки по округу, онъ признавалъ бы необходимымъ, для безпрепятственнаго пользованія библіотекой, имѣть, на время своего отсутствія, замѣстителя, каковымъ и выбранъ большинствомъ голосовъ Г. Е. Катанаевъ. Что касается каталога библіотеки, то окончаніе его близится къ концу: судя по тщательной разборкѣ самимъ библіотекаремъ всего печатнаго матеріала, заключающагося въ книгахъ (причемъ выписывались имъ на карточки не только заглавія книгъ и сочиненій, но и предметы ихъ содержанія), Отдѣлъ будетъ имѣть полный и систематическій каталогъ своей библіотеки, при составленіи которой имѣлось и имѣется въ виду собрать, по возможности, все, что есть наиболѣе капитальнаго по изслѣдованію Сибири и сопредѣльныхъ съ нею странъ.

17-го декабря 1883 года.

Засѣданіе Распорядительнаго Комитета.

1) Предъявлено полученное при письмѣ Его Высокопревосходительства г. Степнаго генералъ-губернатора, отъ 9-го октября, новое высоко-цѣнное пожертвованіе: превосходно-исполненный этнографическій альбомъ Кульджинскаго раіона и Семирѣченской области, съ краткими этнографическими замѣтками о туземцахъ Кульджинскаго раіона.

2) Доложено о приношеніи въ музей Отдѣла чл.-с. Н. Н. Пантусовымъ: а) коканской и кашгарской серебряныхъ монетъ; б) чая—суррогата изъ растенія, добываемаго въ Ак-суйскомъ

ущельи; в) 2-хъ экземпляровъ *шанло*—сосудовъ для помѣщенія жертвенныхъ свѣчей передъ кумирами; г) китайскаго компаса съ солнечными часами и д) китайскаго зеркала.

3) Чл.-с. Стратилатовъ сообщилъ въ общихъ чертахъ содержаніе книги Лансделя: „Чрезъ Сибирь" и выразилъ желаніе прочесть въ общемъ собраніи членовъ извлеченіе изъ этого сочиненія.

4) Въ виду ожидаемаго прослѣдованія чрезъ г. Омскъ останковъ капитана Де-Лонга, натуралиста Коллинза, врача Эмблера и 7-ми ихъ достойныхъ сподвижниковъ, погибшихъ въ устьѣ Лены 18—30 октября 1881 г. (съ яхты „Jeannette", потонувшей въ Сѣверномъ океанѣ 13-го іюня 1881 г.), чл.-с. И. А. Козловъ предложилъ почтить какимъ-либо образомъ память усопшихъ мучениковъ знанія. *Постановлено*: составить, отъ лица Отдѣла, сочувственный адресъ и вручить таковой, чрезъ представителей, лейтенантамъ Гарверу и Шютце, сопровождающимъ означенные останки.

ГЕРОИ-МУЧЕНИКИ ЗНАНІЯ.

25-го декабря, въ 3 часа дня, прибыли въ Омскъ и остановились въ гостинницѣ „Москва" лейтенанты—американцы Гарверъ и Шютце, съ останками капитана „Жаннетты" Де-Лонга и его 9-ти сподвижниковъ, погибшихъ въ устьѣ Лены. 26-го числа, въ 1 часъ дня, по обмѣнѣ визитами съ генералъ-губернаторомъ, и губернаторомъ, наши за-атлантическіе путешественники приняли депутацію отъ мѣстнаго Географическаго Отдѣла (изъ Предсѣдателя Распорядительнаго Комитета М. В. Пѣвцова и за Секретаря И. А. Козлова), которая, объяснивъ имъ цѣль своего прихода и выразивъ сожалѣніе, что по кратковременности пребыванія ихъ въ Омскѣ (они выѣхали далѣе на Оренбургъ того же 26-го числа въ 5 часовъ по полудни), Отдѣлъ не имѣетъ возможности почтить ихъ присутствіе здѣсь болѣе достойнымъ и торжественнымъ образомъ,—вручила имъ сочувственный адрессъ, въ переводѣ на англійскій языкъ, нижеслѣдующаго содержанія:

«G E A N N E T T E»

(18 VII/8 79—18 VI/13 81)

Памяти лейтенанта "Де-Лонга (G. W. De-Long), натуралиста Коллинза (Kollins), врача Эмблера (Ambler) и ихъ достойныхъ сподвижниковъ: машиниста Ли и матросовъ: Ахъ-Самъ, Бойдъ, Гарцъ, Дресслеръ, Качъ и Мерсонъ, погибшихъ въ устьѣ Лены 18—30-го октября 1881 года.

Омскъ, 26-го декабря 1883 года. Западно-Сибирскій Отдѣлъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества, привѣтствуя благородныхъ лейтенантовъ Гарбера и Шютце, сопровождающихъ останки поименованныхъ лицъ, выражаетъ свое скорбное сочувствіе, по поводу кончины этихъ мучениковъ знанія, и почтительно склоняется передъ настойчивою энергіей пытливаго ума, сильнаго любовью ко всеобъемлющей природѣ.

Подлинный подписали: Предсѣдатель *Бобковъ*

за Секретаря *Козловъ*.

Затѣмъ, въ 5 часовъ по полудни, происходили хотя скромные, но почетные проводы американцевъ, въ присутствіи Командующаго войсками Омскаго военнаго округа, генералъ-лейтенанта Г. А. Колпаковскаго и Начальника штаба этого округа, генералъ-лейтенанта И. Ѳ. Бобкова (онъ же Предсѣдатель Западно-Сибирскаго Географическаго Отдѣла). Когда подводы были готовы и печальный кортежъ тронулся въ путь, усопшимъ отдана была военная почесть отъ мѣстныхъ войскъ, выстроенныхъ для этого на площади предъ гостинницею. О дальнѣйшемъ безостановочномъ и спокойномъ слѣдованіи американцевъ, чрезъ Петропавловскъ, на

Оренбургъ со стороны мѣстнаго начальства, сдѣланы необходимыя распоряженія.

31-го декабря 1883 года.

Засѣданіе Общаго Собранія членовъ.

1) Доложено о пожертвованіи въ музей отдѣла чл.-с. Н. Н. Пантусовымъ двухъ таранчинскихъ шлемовъ (сотъ) и при нихъ, нагрудника, наколѣнника и шапки, надѣваемой подъ шлемъ. *Опредѣлено*: благодарить г. Пантусова, какъ за это, такъ и за всѣ прежнія пожертвованія.

2) По произведенной баллотировкѣ, большинствомъ голосовъ избраны въ члены Распорядительнаго Комитета: М. В. Пѣвцовъ, А. В. Поповъ, М. А. Водяниковъ, и Г. Е. Катанаевъ, и въ кандидаты по нимъ: И. Ѳ. Соколовъ, П. Н. Павловъ-Сильванскій, Г. Г. Анзиміровъ и И. А. Козловъ.

3) Чл.-с. д-ръ медицины П. В. Путиловъ сдѣлалъ сообщеніе: а) о различномъ примѣненіи Алтайской „теплой травы"; б) о хирургическомъ примѣненіи остяцкихъ оленьихъ нитей и в) о врачебномъ примѣненіи сибирской древесной сѣры.

4) Чл.-с. М. А. Стратилатовъ началъ рядъ чтеній изъ книги г. Лансделля „Чрезъ Сибирь". На этотъ разъ лекторъ сдѣлалъ краткій обзоръ главныхъ рѣчныхъ системъ Сибири, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ гг. Виггенса, Тиля, Норденшильда и Зеебома, и остановился на нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцахъ, преимущественно тунгусахъ. По филологическимъ сближеніямъ, авторъ высказалъ предположеніе о родствѣ тунгусовъ съ тюркскими племенами; также высказано имъ предположеніе о большемъ могуществѣ и значительномъ распространеніи ихъ въ прежнее время.

ОЗЕРО БАЛХАШЪ

и

ТЕЧЕНІЕ Р. ИЛИ ОТЪ ВЫСЕЛКА ИЛІЙСКАГО ДО ЕЯ УСТЬЕВЪ.

Въ двухъ книжкахъ Инженернаго Журнала за 1872 г. №№ 10-мъ и 11-мъ помѣщена моя статья подъ заглавіемъ: „Поѣздка водою на таранчинскомъ каюкѣ по р. Или отъ Старой Кульджи (Таранчинской) до выселка Илійскаго“ съ маршрутною картою участка рѣки между двумя поименованными пунктами на протяженіи $375^1/_2$ верстъ. Въ этой статьѣ, кромѣ подробнаго обозрѣнія указаннаго участка р. Или съ перечисленіемъ населенныхъ прибрежныхъ пунктовъ, сдѣлано заключеніе о возможности судоходства по Или на означенномъ пространствѣ и выгодахъ отъ него. Не имѣя въ то время достаточно матеріаловъ, я описалъ только вкратцѣ озеро Балхашъ и нижнее теченіе Или. Впослѣдствіи, при содѣйствіи г. Маева, мнѣ удалось собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой рѣкѣ и о самомъ озерѣ. Эти свѣдѣнія, кромѣ распросныхъ, собранныхъ въ Вѣрномъ, были: 1) Статья Генеральнаго Штаба полковника (нынѣ генералъ-лейтенантъ) И. Ф. Бобкова „О ходѣ топографическихъ изслѣдованій озера Балхаша“. 2) „Краткое топографическое описаніе озера Балхаша“ г. Нифантьева. 3) „Дневникъ“ г. Грабицкаго. 4) „Замѣтки о кочевомъ населеніи Вѣрненскаго уѣзда“ г. Балицкаго и 5) „Топографическое описаніе пространства между рр. Или и Караталомъ“ г. Стрѣльникова.

Изъ перечисленныхъ источниковъ одна только статья И. Ф. Бобкова напечатана въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ за 1867 г., а остальные представляютъ рукописи, которыми я и воспользовался для составленія настоящаго очерка.

ОЗЕРО БАЛХАШЪ.

Это огромное водохранилище простирается въ длину до 570 верстъ, считая отъ юго-восточной оконечности Ала-куля[1]) до устья р. Аягуза. Наибольшая ширина Балхаша къ сѣверу отъ устьевъ р. Или около 84 верстъ, а наименьшая противъ устья р. Лепсы только 10 верстъ. Вообще юго-западная часть Балхаша между параллелями устья р. Или и полуострова Акъ-тюбе отличается весьма значительной шириной (отъ 50 до 84 верстъ). Поэтому неудивительно, что волны въ этой части озера достигаютъ иногда, по словамъ очевидцевъ, болѣе 11 арш. высоты. Восточная, наиболѣе длинная часть Балхаша, значительно уже юго-западной, но и въ этой части встрѣчаются плёсы шириною въ 50 слишкомъ верстъ.

Географическое положеніе этого огромнаго озера до послѣдняго времени было крайне неопредѣленно, такъ какъ на его берегу имѣлся только одинъ астрономическій пунктъ (устье р. Лепсы), опредѣленный Ѳедоровымъ въ 1834 г. Въ прошедшемъ десятилѣтіи г. Мирошниченко опредѣлилъ на сѣверномъ берегу Балхаша географическое положеніе 5-ти пунктовъ и далъ возможность чрезъ это установить его въ географической сѣти несравненно точнѣе прежняго.

Съ занятіемъ Семирѣченскаго края, по распоряженію бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири, генерала Гасфорда, въ 1851 и 1852 гг. произведено топографическое изслѣдованіе озера Балхаша офицеромъ корпуса топографовъ, г. Нифантьевымъ, заключавшееся не только въ съемкѣ береговъ и острововъ, но и въ промѣрахъ глубины его.

На Лепсинскомъ пикетѣ построены были двѣ лодки и спущены по р. Лепсѣ съ большими трудностями въ озеро въ началѣ августа 1851 г. Въ составъ съемочной партіи, кромѣ г. Нифантьева, входили еще два топографа и 76 казаковъ. По причинѣ мелководія р. Лепсы въ низовьяхъ и густыхъ зарослей камыша на протяженіи двухъ послѣднихъ верстъ, г. Нифантьевъ прорылъ по старому, высохшему руслу этой рѣки канаву въ 5 арш. ширины. Такъ какъ глубина ея оказалась недостаточною, то изъ войлоковъ отъ 4-хъ юртъ была устроена подвижная плотина, которая

[1]) Озеро Ала-куль представляетъ крайнюю южную часть Балхаша длиною до 30 верстъ и шириною отъ 8 до 16 вер., соединенную съ нимъ неширокимъ ($3^3/_4$ вер.) проливомъ.

поднимая воду, облегчала движеніе лодокъ. Эту импровизированную остроумно плотину тащили шедшіе по берегу люди.

Повредившіяся лодки были перевезены къ устью р. Акъ-су, вытащены на песчаный берегъ и тамъ-же исправлены; затѣмъ топографы приступили къ изслѣдованію восточной части озера отъ устья р. Акъ-су до устья р. Аягуза.

Отправившись на одной изъ лодокъ къ востоку, г. Нифантьевъ провѣрилъ прежнія съемки южнаго берега озера до р. Аягуза, сдѣлалъ промѣры пройденнаго имъ фарватера вдоль обоихъ береговъ озера, при чемъ найдены глубины отъ 2 до 30 арш.; произвелъ опыты рыбной ловли и выбралъ мѣсто для пристани у мыса Таръ-Тюбекъ на сѣверномъ берегу озера, въ 20 вер. западнѣе устья р. Аягуза. Топографъ Булатовъ, которому поручена была съемка сѣвернаго берега той-же части Балхаша, сильною бурею былъ отнесенъ обратно отъ полуострова Чаукаръ къ устью р. Лепсы и затѣмъ, направившись вслѣдъ за г. Нифантьевымъ, у мыса Ауліетасъ потерпѣлъ крушеніе. Будучи вынужденъ отправить свою лодку обратно къ устью р. Акъ-су, онъ пробрался на сѣверный берегъ озера сухимъ путемъ и произвелъ съемку части этого берега.

Вслѣдствіе развитія морской болѣзни между казаками отъ качки и поврежденій, оказавшихся въ первой лодкѣ, г. Нифантьевъ отправилъ её также къ устью р. Акъ-су 20-го сентября и возвратился въ городъ Капалъ.

Съ наступленіемъ весны 1852 г. началось продолженіе изслѣдованія озера. По неудобству плоскодонныхъ судовъ при волнененіяхъ отъ порывистыхъ вѣтровъ, подъ тѣ-же лодки подведены были киле, а необходимый для этого лѣсъ сплавленъ по р. Акъ-су, низовье которой, подобно низовью р. Лепсы, покрыто камышемъ и затрудняло немало доставку этого лѣса. Въ концѣ іюля на одной изъ этихъ лодокъ г. Нифантьевъ отправился отъ устья Акъ-су къ устью р. Караталъ, вдоль по южному берегу, опредѣляя глубину, оказавшуюся отъ 4 до 10 арш., и нанесъ на планъ лежащія на этомъ пространствѣ острова, заливы и полуострова. Между тѣмъ другой отрядъ казаковъ шелъ по берегу на одной высотѣ съ лодкою. Изслѣдователи нашли, что устье Каратала свободно для плаванія только на 2 версты, а дальше вверхъ рѣка эта поросла камышемъ.

Южный берегъ Балхаша на пространствѣ отъ устья р. Акъ-су до устья р. Караталъ и далѣе отъ послѣдняго на 50 вер. къ западу, до залива Узунъ-Чаганъ, открытый и ровный. Отъ залива же Узунъ-Чаганъ юговосточный берегъ озера до устья р. Или, на протяженіи 250 вер. покрытъ сплошь высокимъ и густымъ камышемъ, полоса котораго простирается въ ширину отъ 10 до 20 вер., а мѣстами и болѣе. По этой причинѣ г. Нифантьевъ потерялъ всякое сообщеніе съ тою сухопутною партіею, которая шла по берегу, сначала по мѣстности песчано-волнистой, покрытой мѣстами мелкими кустами саксаула и джингала, а затѣмъ отъ урочища Кара-куль по безводной, солонцевато-глинистой равнинѣ, поросшей густымъ саксауломъ. На этой равнинѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ поднимается сильная пыль и носится долго въ воздухѣ даже по наступленіи затишья. Въ лѣтнее время на ней, по близости камышей, бываетъ множество комаровъ и овода.

Войдя въ устье р. Или, г. Нифантьевъ соединился съ сухопутной партіей и отправивъ часть команды съ лодками вверхъ по рѣкѣ Или, приступилъ къ съемкѣ ея береговъ. При движеніи лодокъ бичевою встрѣчались значительныя затрудненія отъ быстроты теченія и отъ камыша, покрывавшаго ложе рѣки. Казаки, которымъ приходилось въ холодное время слѣзать въ воду для перетаскиванія лодокъ, стали заболѣвать тифомъ, а потому г. Нифантьевъ поспѣшилъ закончить съемку и прибылъ въ октябрѣ съ лодками въ выселокъ Илійскій.

Отъ устья рѣки Каратала до р. Или вдоль южнаго и юговосточнаго береговъ озера сдѣланы промѣры не только по направленію фарватера, глубина котораго найдена отъ 4 до 20 арш., но и возлѣ самаго берега, гдѣ она оказалась меньше, именно отъ 2 до 6 арш. Глубины отъ устья р. Или до Бертысской пристани (находящейся на сѣверномъ берегу озера въ 250 вер. отъ г. Каркаралинска), нанесенныя на карту г. Бобкова, приложенную къ его вышеупомянутой статьѣ,—колеблются отъ 3 до 15 арш. вдоль западнаго и сѣверо-западнаго береговъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ г. Вѣрномъ и по дневнику купца Гравицкаго, подъ наблюденіемъ котораго совершено въ 1856 г. плаваніе по озеру Балхашу отъ Бертысской пристани

до устья р. Или, далѣе вверхъ по этой рѣкѣ до выселка Илійскаго и на 40 вер. выше послѣдняго, а потомъ обратно внизъ по теченію той же рѣки и по озеру Балхашу до Бертысской пристани, я составилъ краткое описаніе этого плаванія. Оно было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ 1854 г. при основаніи Алматинскихъ станицъ (нынѣ г. Вѣрный) по недостатку въ окрестностяхъ новаго поселенія провіанта, требовавшагося для прибывшихъ туда войскъ и поселенцевъ-казаковъ, гг. Паклевскій и Кузнецовъ, принявъ на себя отъ казны поставку этого провіанта, рѣшились закупить его въ станицѣ Каркаралинской и сплавить водою до выселка Илійскаго въ количествѣ 8000 пудовъ.

Съ этою цѣлью на сѣверномъ берегу озера Балхаша, у Бертысской пристани, ими построено было судно, названное „Св. Николай“ и на немъ дѣйствительно сплавленъ былъ провіантъ по озеру Балхашу и р. Или до выселка Илійскаго. Судно это было сдѣлано изъ лѣсныхъ матеріаловъ, заготовленныхъ въ окрестностяхъ ст. Каркаралинской, доставка которыхъ на озеро обошлась по 30 к. съ пуда. На слѣдующій 1855 годъ, по причинѣ хорошаго урожая въ Алматахъ, не было уже надобности подвозить туда хлѣбъ изъ ст. Каркаралинской, а потому судно подрядчиковъ, оставленное на зиму на Бертысской пристани безъ надзора, пропало безслѣдно.

Опишемъ теперь плаваніе судна „Св. Николай“, по дневнику его капитана, г. Грабицкаго.

15-го мая 1856 г., въ 4 часа по полудни это судно тронулось въ путь съ Бертысской пристани и направилось вдоль сѣверо-западнаго берега подъ парусомъ, къ 11-ти часамъ вечера стало па якорь противъ сопки Таргылъ, пройдя въ 7 часовъ около 25 верстъ. 16-го числа оно шло на завозахъ; 17-го была буря, отъ которой сломался руль и повредилась одна изъ бывшихъ при суднѣ 3-хъ лодокъ. Съ полудня 18-го числа буря начала стихать и судно, починивъ руль, отправилось 19-го утромъ далѣе подъ парусомъ, а 20-е число шло снова на завозахъ. Увидѣвъ 21-го числа на берегу озера лѣсъ, г. Грабицкій послалъ туда своихъ рабочихъ за деревомъ для починки лодокъ, которыя исправлялись на водѣ. 22-го мая судно шло сначала на завозахъ, а затѣмъ подъ парусомъ. 23-го оно двигалось тоже подъ парусомъ, но въ этотъ день случилась неудача: вслѣдствіе перемѣны вѣтра бро-

шенъ былъ якорь и когда потомъ рабочіе, сидя на одной изъ лодокъ, стали поднимать его, то лодку оторвало и унесло. Имъ бросили съ судна веревку съ боченкомъ, которую волной отнесло къ лодкѣ и только тогда рабочіе съ трудомъ могли притянуться къ судну, 24-го шли снова подъ парусомъ, а 25-го по случаю сильнаго вѣтра стояли на якорѣ. 26-го шли завозами, а потомъ на парусѣ и въ 8 часовъ утра 27-го мая дошли до острова (вѣроятно Ташъ-аралъ). Разстояніе отъ сопки Таргылъ до этого острова около 40 верстъ пройдено было въ 11 дней, а за исключеніемъ остановокъ, судно находилось въ движеніи приблизительно 90 часовъ, слѣдовательно скорость этого движенія была не болѣе 0,4 версты въ часъ. Такое тихое плаваніе должно быть объяснено медленностью движенія на завозахъ при отсутствіи попутныхъ вѣтровъ.

Остановившись у острова на якорѣ, г. Грабицкій послалъ къ берегу лодку за дровами, но въ это время поднялся сильный вѣтеръ, и её пришлось вернуть назадъ. Въ тотъ же день въ 5 часовъ по полудни, при попутномъ вѣтрѣ, судно „Св. Николай“ отправилось дальше. 28-го мая при перемѣнномъ вѣтрѣ оно шло почти цѣлыя сутки и остановилось вблизи семи каменныхъ острововъ. Затѣмъ, обойдя 29-го числа подъ парусомъ выступавшіе изъ воды камни, стало къ вечеру того же дня на якорь. 30-го мая, выступивъ рано утромъ, г. Грабицкій подошелъ въ 12 часовъ дня къ восточному острову группы Учъ-Аралъ и въ 9 часовъ вечера достигъ устья р. Или.

Путь, отъ острова Ташъ-Аралъ, до большаго острова группы Учъ-Аралъ, около 150 верстъ, былъ совершенъ судномъ „Св. Николай“ въ теченіи трехъ дней, а исключая остановки, простиравшіяся въ сложности до 44-хъ часовъ, средняя скорость движенія выходитъ около 3,4 версты въ часъ. Разстояніе въ 32 версты отъ Учъ-Арала до устья р. Или пройдено въ 9 часовъ, т. е. при скорости 3,5 версты въ часъ, а все пространство отъ Бертысской пристани до устья р. Или въ 247 вер. пройдено въ теченіи 16-ти сутокъ.

Прибывъ къ устью р. Или 31-го мая, г. Грабицкій отправился на томъ же суднѣ вверхъ по р. Или. Объ этомъ плаваніи будетъ изложено ниже, а теперь опишемъ обратное его слѣдованіе по озеру Балхашу отъ устья р. Или къ Бертысской пристани.

Поставивъ 29-го сентября того же 1856 г. маякъ при устьѣ р. Или, г. Грабицкій поплылъ сначала по направленію на западъ, а затѣмъ 30-го числа утромъ, поднявъ паруса, направился къ сѣверо-востоку и въ 2 часа ночи остановился на якорѣ. Въ 6 часовъ утра 1-го октября судно „Николай", придерживаясь того же направленія, пошло дальше и въ 5 часовъ вечера бросило якорь противъ сопки Таргылъ, находящейся на западномъ берегу озера. Простоявъ 2-е число на мѣстѣ, 3-го октября въ первомъ часу по полудни судно отправилось дальше на сѣверъ, бросило якорь въ 6 часовъ вечера у сѣвернаго берега озера, а въ 12 часовъ дня 4-го октября прибыло уже къ исходному пункту, къ Бертысской пристани.

Изъ предъидущаго видно, что плаваніе по озеру въ обратный путь совершено несравненно скорѣе, чѣмъ въ передній, всего въ 4 дня. Такой успѣхъ слѣдуетъ отнести къ благопріятной погодѣ и попутнымъ вѣтрамъ, а отчасти, быть можетъ и тому обстоятельству, что посрединѣ озера существуетъ, вѣроятно, хотя незначительное теченіе по направленію отъ устья р. Или къ С.-З. или С.-З. С. Тумановъ на Балхашѣ почти не бываетъ, судоходство по нему можетъ затрудняться только бурями, которыя бываютъ иногда очень сильны. Поэтому суда для плаванія по Балхашу должны быть большихъ размѣровъ и при слѣдованіи по озеру, какъ совѣтуетъ г. Нифантьевъ, держаться болѣе сѣверо-западнаго берега, не приближаясь однако къ нему на близкое разстояніе. Въ случаѣ бури необходимо искать убѣжища въ заливахъ того же берега, такъ какъ юго-восточный берегъ неприступенъ: заросъ камышами и при немъ часто встрѣчаются отмели.

Окружность озера Балхаша простирается до 1320 верстъ. Абсолютная высота его поверхности, по барометрическому опредѣленію г. Мирошниченко, около 900 ф., а наибольшая глубина 10 саж. Прибрежныя отмели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простираются до 2 верстъ въ ширину. Дно бо́льшею частью песчано-иловатое, покрытое водорослями, мѣстами же каменистое. Весною вода въ озерѣ подымается футовъ на 5 надъ зимнимъ своимъ уровнемъ и затопляетъ прибрежныя низменности на далекое пространство. Въ обыкновенный же уровень она приходитъ только въ концѣ іюля. Во время сильныхъ бурь высота волнъ достигаетъ 11 фут. и даже болѣе.

Вода въ Балхашѣ вообще солоновата, но соленость ея весьма различна въ разныхъ мѣстахъ. Близь устьевъ р. Или и далѣе къ сѣверу, во всей широкой юго-западной части озера, она почти совершенно прѣсная и вполнѣ пригодная для питья и пищи; къ востоку, по мѣрѣ съуженія озера, соленость воды увеличивается и въ крайней сѣверо-восточной части она уже совершенно солена и негодна къ употребленію. Пс этой причинѣ тамъ не должно быть вовсе рыбъ. Въ крайней южной части озера, т. е. въ Алакулѣ, вода до того горько-соленая, что дикія животныя, утоляя ею нестерпимую жажду въ сильные жары, нерѣдко издыхаютъ отъ того. Киргизы опредѣляютъ качество воды этой части озера словами: „итъ ичмесъ“ (т. е. собака не пьетъ).

Озеро Балхашъ весьма богато рыбою. Въ немъ водятся: маринка, окуни, сазаны, османы, сомы; есть также, по всей вѣроятности, лини и караси (1).

Островов на озерѣ мало; изъ нихъ наиболѣе замѣчательны по величинѣ: острова группы Учь-Аралъ, Ташъ-Аралъ, Ультрахты, Корджунъ-Тюбетъ, Байгабылъ и Алгазы-Калганъ. Берега вышеупомянутыхъ большихъ острововъ—утесисто-каменисты; а почва этихъ острововъ твердая—глинистая, за исключеніемъ Ультрахты, гдѣ она песчаная.

Наиболѣе значительные полуострова Балхаша суть: Корджунъ-Тюбекъ, Чаукаръ, Узунъ-аралъ, Акъ-Тюбе, Косъ-агачъ и Дернынъ. Послѣдніе два обрываются къ озеру утесами и окружены подводными камнями; приставать къ нимъ возможно, только въ тихую погоду, а во время бури лучше оставаться въ открытомъ озерѣ, если нѣтъ поблизости залива. Изъ большихъ заливовъ замѣчательны: Сары-чаганъ и Джингиль-чаганъ.

(1) Къ вышесказанному слѣдуетъ прибавить, что, вѣроятно, вслѣдствіе почти совершеннаго отсутствія человѣка на берегахъ озера въ лѣтнее время, оно служитъ излюбленнымъ мѣстомъ для множества всевозможныхъ водяныхъ птицъ. Здѣсь можно встрѣтить: пеликана, лебедя, баклана, гуся, а также множество утиныхъ породъ. Кромѣ того, на сѣверномъ берегу озера, встрѣчаются также и ядовитыя насѣкомыя, именно: фаланга, скорпіонъ и тарантулъ.

Самый крайній восточный астрономическій пунктъ находится противъ острова Байгабылъ. Верстахъ въ 30 къ сѣверу отъ этого пункта на единственномъ колодцѣ, гдѣ я остановился ночевать, случайно нашелъ двухъ черепахъ. Были ли онѣ кѣмъ либо потеряны или здѣсь ихъ обитаетъ много, мнѣ не удалось узнать достовѣрно, но слышалъ, что черепахи водятся и на самомъ озерѣ.

Прим. Мирошниченко.

Уровень Балхаша со времени съемки его, т. е. съ 1852 г., довольно замѣтно понизился. На юго-восточномъ берегу по примѣтамъ вода удалилась на 3—4 версты, отъ прежней береговой линіи, а небольшія озерки близъ устья р. Каратала совершенно высохли и обратились въ солончаки (²).

Балхашъ замерзаетъ въ началѣ ноября, а вскрывается въ концѣ марта. Хотя толщина льда бываетъ незначительна, однако Каркаралинскіе киргизы ѣздятъ зимою черезъ озеро въ г. Капалъ.

Сѣверныя прибрежья Балхаша солонцеваты и песчаны. Въ 10-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ озера растетъ саксаулъ, а еще далѣе въ томъ же направленіи по долинамъ рѣчекъ мелкій лиственный лѣсокъ. Сѣверный берегъ покрытъ широкою лентою камыша только мѣстами, на пространствѣ въ общей сложности не болѣе 70 вер. Къ нему примыкаютъ холмы Джитель-уатъ. Отъ полуострова Чаукаръ прибрежья озера ровны вплоть до усть р. Аягуза, протекающей внизу по болотистой мѣстности, покрытой густымъ и высокимъ тростникомъ (³).

(²) На сѣверномъ берегу также находятся несомнѣнные признаки пониженія уровня озера. Такъ уроч. Диресень, очевидно, когда-то было островомъ, отдѣлявшимся двумя заливами, глубоко вдавшимися въ материкъ и протокою между ними, но теперь оба залива и протока высохли и образовался непроходимый, топкій солонецъ, окаймленный со всѣхъ сторонъ широкою полосою камыша.

(³) Вся мѣстность, лежащая къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Балхаша представляетъ волнистую поверхность. Она постепенно поднимается къ сѣверу и на меридіанѣ Каркараловъ достигаетъ наибольшей высоты—около 3000 фут. На ней встрѣчаются отдѣльныя сопки, какъ наприм. Бектау-Ата, находящаяся верстахъ въ 30-ти отъ озера и значительно поднятая надъ поверхностію степи, такъ что бываетъ видна съ возвышенныхъ мѣстъ на разстояніи 120 верстъ и небольшіе хребтики, которые мѣстами близко подходятъ къ озеру и образуютъ береговыя сопки, какъ наприм. Таргылъ, Джандау и другія. Вообще сѣверный и сѣверо-западный берегъ Балхаша можно назвать возвышенными.

Въ геологическомъ отношеніи, ближайшія окрестности озера, сколько можно было судить по нѣкоторымъ обнаженіямъ, состоятъ изъ разнообразныхъ сланцевъ; между прочимъ, на дорогѣ изъ Каркараловъ на Бертысскую пристань недалеко отъ послѣдней, я встрѣтилъ кристалы исландскаго полеваго шпата, совершенно прозрачные и съ двойнымъ преломленіемъ, что даетъ поводъ предполагать, что здѣсь залегаютъ известняки. Дневная поверхность окрестностей сѣвернаго берега, представляетъ почти совершенно безводную и лишенную растительности степь. Песковъ здѣсь почти нѣтъ, но за то есть огромныя пространства солонцевъ или совершенно обнаженныхъ или покрытыхъ солончаковыми растеніями.

Южный берегъ Балхаша отъ рѣки Аягуза къ западу солонцеватый, а далѣе къ устью р. Лепсы на немъ встрѣчаются небольшія песчаныя пространства. Въ 20-ти верстахъ восточнѣе полуострова Бурлю-тюбетъ, есть урочище, называемое Акъ-култукъ, пригодное для поселенія. Берега р. Акъ-су болотисты и покрыты камышемъ, но заливъ Телеубайнынъ-чаганакъ можетъ служить хорошею гаванью.

Къ западу отъ р. Акъ-су по берегу Балхаша тянутся пески на протяженіи около 150 верстъ, а далѣе къ юго-западу до самаго озера Ала-куль прибрежная полоса шириною отъ 10 до 20 верстъ болотиста и покрыта высокимъ камышемъ. Пустынная равнина, заключающаяся между рѣками Караталъ и Или, состоитъ изъ солонцевато-песчаныхъ пространствъ, покрытыхъ песчаными

Колодцевъ въ окрестностяхъ озера очень мало, да и въ тѣхъ, большею частію, вода горькосоленая.

Рѣчекъ съ сѣверной стороны направляется въ Балхашъ значительное количество, но всѣ онѣ по маловодію и вслѣдствіе сильнаго испаренія изсякаютъ далеко не доходя до озера.

Рѣка Токрау обильнѣе всѣхъ другихъ рѣчекъ водою, но и та 25 верстъ не доходитъ до Балхаша.

По всему почти сѣверному берегу озера тянется полоса камыша, мѣстами значительно расширяясь; къ востоку отъ Бертысской пристани на урочищахъ Басъ и Орта-Диресень встрѣчаются, отдѣльно стоящія низкія, приземистыя деревья, называемыя киргизами Торанги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу озера, встрѣчаются небольшія рощицы березы и тала. На западъ нѣсколько далѣе Бертысской пристани подходитъ къ самому берегу, караванная дорога изъ Семипалатинска въ Ташкентъ.

Недостатокъ корма для скота по берегу Балхаша и несмѣтное количество комаровъ и овода, а также скудость сколько-нибудь удовлетворительной воды въ прибалхашскомъ районѣ, служатъ причиною, что берега озера и его окрестности въ теченіе цѣлаго лѣта совершенно пустынны; здѣсь въ это время нельзя встрѣтить ни одного кочевника. Но въ глубокую осень, когда выпадаетъ первый снѣгъ, сюда прикочевываетъ множество киргизъ, располагающихся по всему сѣверному и сѣверо-западному берегамъ Балхаша, а когда озеро покроется льдомъ, они перекочевываютъ на противоположный берегъ и тамъ пасутъ свои стада.

Не смотря однако на недостатокъ корма и воды въ прибалхашскомъ районѣ, здѣсь пасутся огромные табуны кулановъ и стада сайги. Около озера кормъ сравнительно лучшій, но массы комаровъ и овода заставляютъ этихъ животныхъ удаляться отъ озера на значительное разстояніе и только по вечерамъ, когда оводъ исчезаетъ, онѣ приближаются къ нему для водопоя.

Прим. Мирошниченко.

буграми, поросшими саксауломъ. На этой равнинѣ есть нѣсколько сухихъ руслъ, на которыхъ находятся развалины старинныхъ укрѣпленныхъ поселеній Акъ-тамъ и Дуртгутъ.

Восточный берегъ озера Ала-куля песчаный и покрытъ саксауломъ, по южному тянется солонцеватая полоса около 2-хъ верстъ ширины, окаймленная съ полуденной стороны холмами Май-джарлысанъ. Правый берегъ рѣчки Джартанынъ-кара-су, впадающей въ озеро Ала-куль съ запада, нагорный, лѣвый тоже высокъ и прорѣзанъ глубокими оврагами.

Съ западной стороны къ Балхашу примыкаетъ пустыня Бекъ-пакъ-дала (голодная степь), оканчивающаяся у юго-западнаго берега озера обрывами, прорѣзанными оврагами, въ которыхъ есть источники съ солоноватой водой. Вдоль этого берега тянутся холмы Бирча-кара и Савлагай, простирающіеся съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Въ 25-ти верстахъ отъ урочища Сарымсакты, близъ залива Сары-чаганъ, къ Балхашу спускается длинный оврагъ, по солонцеватому дну котораго течетъ рѣчка Наузалъ въ заливъ Джингиль-Чаганъ. Отъ урочища Сарымсакты до Бертысской пристани, на протяженіи около 50 верстъ, берегъ озера песчаный и частью глинисто-солонцеватый.

Въ озеро Балхашъ впадаютъ слѣдующія рѣки: съ сѣверо-востока Аягузъ, съ юго-востока: Лепса, Акъ-су, Караталъ и Или, а съ запада Джартынынъ-кара-су и Наузалъ. Съ сѣвера же Балхашъ не принимаетъ ни одной рѣки.

Рѣка Аягузъ протекаетъ большею частью по солонцеватымъ мѣстностямъ. Сѣвернѣе почтовой станціи Талды-кудукъ, по ея долинѣ растетъ кое-гдѣ небольшой лиственный лѣсокъ, а устье покрыто густымъ камышемъ; устье р. Лепсы точно также поросло камышемъ.

Немного западнѣе Лепсы въ Балхашъ впадаетъ р. Акъ-су, въ устьѣ которой возможно устроить пристань. Такъ какъ въ Акъ-су большія суда входить не могутъ, то г. Нифантьевъ предполагаетъ воды Лепсы отвести въ эту рѣку посредствомъ канала, который можно безъ затрудненій прорыть въ 15-ти верстахъ выше устья Акъ-су, около могилъ Копъ-мола, длиною всего въ 400 саженей. Поселеніе имѣло-бы въ этой мѣстности отличные сѣнокосы, а для топлива кустарникъ; вверхъ по Лепсѣ въ 40 верстахъ отъ устья — хорошія пашни, а по р. Акъ-су можно сплавлять лѣсъ съ ея

верховьевъ и только небольшой порогъ Саркарату въ 6-ти верстахъ выше помянутыхъ могилъ Копъ-мола препятствовалъ-бы нѣсколько сплаву.

Рѣка Караталъ течетъ сначала на сѣверо-западъ, а потомъ на сѣверъ и изливается въ Балхашъ многими рукавами, изъ которыхъ главный западный. Къ западу отъ низовья р. Кара-талъ лежитъ группа соляныхъ озеръ, соль которыхъ чиста, но горька. Къ востоку отъ тѣхъ же низовьевъ, въ небольшомъ озерѣ, есть сѣрая соль вполнѣ пригодная для употребленія. Ее развозятъ по окрестнымъ мѣстностямъ подъ названіемъ „кара-тузъ", т. е. черной соли.

Къ числу рѣкъ, впадавшихъ нѣкогда въ Балхашъ, или, точнѣе, древнихъ ложъ р. Или, слѣдуетъ отнести нѣсколько сухихъ руслъ, направляющихся отъ этой рѣки почти прямо къ сѣверу, къ озеру. Крайнее восточное русло, отстоящее въ 100 верстахъ къ западу отъ р. Кара-талъ и называемое Читъ-Баканасъ, отдѣляется отъ живаго русла р. Или на уроч. Чильгоранъ, близъ могилы Котунъ, что въ 180 верстахъ выше устья Или, и направляется почти прямо на сѣверъ, къ Балхашу. Въ 40 верстахъ отъ названнаго урочища сухое русло Читъ-Баканасъ отдѣляетъ къ сѣверо-западу вѣтвь, которая въ свою очередь въ 40 верстахъ отъ раздвоенія раздѣляется на два рукава: Орта-Баканасъ и Курсъ-Баканасъ. Русло Орта-Баканасъ, направляясь почти параллельно восточному руслу Читъ-Баканасъ, т. е. почти прямо къ сѣверу, раздвояется и потомъ смыкается, образуя обширный островъ, около 20-ти верстъ въ длину и 10 въ ширину. Другое сухое русло, Курсъ-Баканасъ, идетъ къ сѣверо-западу и раздробляется близъ Балхаша на 5 рукавовъ. Весьма вѣроятно, что въ прежнее время р. Или направлялась къ Балхашу по этимъ русламъ, занесеннымъ нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пескомъ.

ПЕСКИ САРЫ-ИШИКЪ-ОТРАУ.

Обширная равнина, ограниченная на востокѣ р. Кара-талъ, на юго-востокѣ крайними западными отпрысками горной цѣпи Ала-тау, горами: Молай-сары, Куланъ-басы и Кокошъ-ель, на юго-западѣ р. Или, и примыкающая на сѣверо-западѣ къ озеру Балхашу, представляетъ обширную и малоизвѣстную пустыню.

Восточная ея часть, заключающаяся между сухимъ русломъ Читъ-Баканасъ и р. Кара-талъ покрыта сплошь высокими песчаными сугробами, поросшими саксауломъ; между тѣмъ какъ въ западной части, между р. Или и помянутымъ русломъ, пески встрѣчаются лишь спорадически на солонцеватой равнинѣ. На этой равнинѣ, нынѣ безжизненной, встрѣчаются мѣстами явственные слѣды древнихъ арыковъ и развалины селеній, свидѣтельствующіе, что она прежде была далеко не такою маловодною, какъ въ наши дни.

Описываемая пустыня, по всей вѣроятности, въ диллювіальную эпоху представляла дно моря, что подтверждается: существованіемъ иловато-глинистаго грунта подъ слоемъ наноснаго песка, обиліемъ на ней солончаковъ и другими признаками отступившаго моря.

Растительность описываемой пустыни, за исключеніемъ береговъ р. Или и Кара-тала, весьма скудная и однообразная. Изъ деревьевъ только изрѣдка встрѣчаются одинокіе тополи по упомянутымъ древнимъ русламъ р. Или. Песчаные сугробы покрыты саксауломъ, достигающимъ 2 саж. высоты и представляющимъ прекрасное топливо. Въ нихъ встрѣчается также травянистое растеніе кокпекъ, служащее хорошимъ кормомъ для скота, а въ сухихъ лощинахъ рѣдкая и низкорослая полынь. Юго-восточный берегъ Балхаша, отъ залива Узунъ-чаганъ почти до самаго озера Ала-куль, на протяженіи 250 верстъ, покрытъ камышемъ, полоса котораго простирается отъ 10 до 20 верстъ въ ширину. Камышъ встрѣчается также не рѣдко на рр. Или и Кара-талъ, берега которыхъ покрыты тополемъ и тальникомъ, а на озерѣ Балхашѣ растетъ еще кустарникъ Акъ-калъ (Джида?) до 2-хъ аршинъ высоты съ голубыми вкусными ягодами. Лѣтомъ въ этой пустынѣ бываютъ невыносимые жары. Зима же въ ней довольно теплая и малоснѣжная. Количество выпадающихъ осадковъ во всѣ времена года ничтожно. Рѣчекъ и источниковъ внутри страны вовсе нѣтъ, колодцевъ мало, да и въ тѣхъ вода большею частью горько-соленая.

По берегамъ рр. Кара-тала, Или и озера Балхаша, въ густыхъ заросляхъ камыша, водятся кабаны и тигры, а въ пескахъ, по близости помянутыхъ рѣкъ и береговъ озера, пасутся стада куланов. Въ юго-восточныхъ горахъ водятся аркары (горные бараны). Рѣки Или и Кара-талъ обильны рыбою, въ нихъ водятся: сомы, маринка, сазаны, османы и окуни. На нихъ гнѣздится также множество плавающихъ и болотныхъ птицъ.

Горы Молай-Сары, поднимающіяся среднимъ числомъ футовъ на 700 надъ уровнемъ р. Или, тянутся непрерывнымъ хребтомъ на протяженіи около 80 верстъ съ востока на западъ. Сѣверный склонъ ихъ отлогій, а южный очень крутъ и не вездѣ доступенъ даже для верховыхъ. Этотъ хребетъ окаймляетъ собою съ сѣвера плоскогорье, ограниченное съ востока рѣчкою Чингильды, а съ юга и запада рѣк. Или. Нѣсколько ниже Илійскаго выселка это плоскогорье обрывается къ р. Или крутымъ, скалистымъ утесомъ.

Къ сѣверу отъ этихъ горъ лежитъ отдѣльная группа Куланъ-басы; на сѣверо-западъ отъ послѣдней—сопка Кумъ-басы, а на востокъ—Акъ-тюбе. На сѣверо-востокъ отъ этой сопки вплоть до рѣчки Биджи тянется возвышенность Кокошъ-ель. Всѣ эти горы состоятъ изъ глины и только южный склонъ Молай-Сары изъ твердыхъ породъ, обнажающихся также въ оврагахъ плоской возвышенности Кокошъ-ель. Въ ключахъ, получающихъ начало на южномъ склонѣ горъ Молай-Сары, водятся піявки.

Кочевыя дороги пролегаютъ въ этой пустынѣ почти исключительно по рѣкамъ Или и Кара-талъ, а также по юго-восточному берегу озера Балхаша, на окраинѣ камышей. Внутренность пустыни пересѣкается однимъ лишь путемъ отъ р. Биджи къ устью р. Или, длиною около 250 верстъ. На этомъ пути вырыто 15 колодцевъ, глубиною около 2-хъ саженей. Дорога пролегаетъ по пескамъ и въ лѣтнее время, по причинѣ страшныхъ жаровъ, по ней не бываетъ сообщенія, а исключительно зимой.

ПЕСКИ ТАУ-КУМЪ.

По лѣвому берегу р. Или тянется широкая песчаная полоса, простирающаяся отъ р. Курту (лѣвый притокъ Или) до самаго озера Балхаша. Ширина ея въ юго-восточной части около 45-ти верстъ, а въ сѣверо-западной доходитъ до 70-ти верстъ. Вся почти эта страна покрыта высокими песчаными буграми и носитъ общее названіе Тау-кумъ. Въ частности же киргизы отличаютъ различныя ея мѣстности особыми названіями, а именно урочища: Чангильды-соръ, Акъ-тугай, Джуванъ-тюбе, Акъ-джалъ, Аякъ-кумъ-джирекъ-огырь и Кызылъ-тау. На послѣднемъ урочищѣ встрѣчаются обширныя чашеобразныя котловины, изъ которыхъ въ особенности замѣчательна котловина Исетулъ, видимая съ песчаныхъ

холмовъ на далекое разстояніе. Въ юго-восточной части, на окрайнѣ песковъ есть минеральный источникъ Калы-чингильды-булакъ. Источникъ выбрасываетъ воду на поверхность земли изъ чашеобразной ямы, имѣющей около 3 саж. въ діаметрѣ. Вода въ этой ямѣ подвержена постоянному и сильному волненію.

Растительность песковъ Тау-кумъ, подобно песчаной пустынѣ Сары-ишикъ-отрау, крайне бѣдна. Песчаные холмы покрыты высокорослымъ саксауломъ, достигающимъ 4-хъ саженей высоты и до 8-ми вершковъ въ діаметрѣ внизу у поверхности земли. Въ лощинахъ, между холмами, растутъ: низкорослая полынь; растеніе *изень,* служащее въ раннемъ возрастѣ пищей скоту, а впослѣдствіи употребляемое на топливо; *пырей*—очень хорошая кормовая трава; *кызылча,*—растеніе, похожее но хвощъ и поѣдаемое верблюдами. Золу этого растенія киргизы примѣшиваютъ къ нюхательному табаку. Затѣмъ *перекень,* служащій пищею верблюдамъ, и *джузгунъ*—въ видѣ виноградныхъ лозъ. Дымъ при сжиганіи джузгуна, по повѣрію киргизъ, излечиваетъ будто-бы глазныя болѣзни.

Пески Тау-кумъ крайне маловодны: источниковъ въ нихъ вовсе нѣтъ, колодцевъ же мало. Глубина ихъ около 3 саженей и вода большею частью солоноватая. Зима въ этихъ пескахъ бываетъ малоснѣжная и сравнительно теплая. Зимнія стойбища киргизъ находятся преимущественно на р. Или, но и въ глубинѣ песковъ можно встрѣтить зимою киргизскіе аулы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть кормъ и хорошая вода.

НИЗОВЬЯ Р. ИЛИ, СЧИТАЯ ОТЪ ИЛІЙСКАГО ВЫСЕЛКА.

Отъ выселка Илійскаго до устья теченіе р. Или простирается до 370 верстъ. Общее направленіе его на этомъ пространствѣ сѣверо-западное, но отъ уроч. Чильгоранъ, на которомъ отъ Или отдѣляется сухое русло Читъ-Баканасъ, рѣка уклоняется больше къ западу, чѣмъ отъ выселка Илійскаго до этого урочища.

Съ лѣвой стороны въ р. Или впадаютъ рѣчки: Какеленъ съ притокомъ Алматинскимъ, на которомъ расположенъ г. Вѣрный и Курту, берущія начало съ горъ Кунге-Алатау, а съ правой—рѣчка Кере-булакъ, составляющаяся изъ ключей на плоскогорьѣ, что къ югу отъ горъ Молай-сары. Рѣка Или отъ поселка течетъ

сначала въ возвышенныхъ и отчасти каменистыхъ берегахъ, которые постепенно возвышаются и въ 15-ти верстахъ отъ него достигаютъ уже 300 футовъ надъ уровнемъ рѣки, образуя мѣстами крутые утесы. Ниже устья рѣчки Курту по обѣимъ сторонамъ р. Или тянутся сплошные пески, сопровождающіе ея теченіе почти до самаго устья. Самая долина рѣки, имѣющая отъ 2-хъ до 9-ти верстъ ширины, представляетъ длинную ленту плодородной земли, почти сплошь покрытую лугами, лиственнымъ лѣсомъ и зарослями кустарниковъ.

Отъ уроч. Чильгоранъ, отстоящаго въ 180 верстахъ отъ выселка Илійскаго, р. Или, какъ выше сказано, уклоняется болѣе къ западу и въ 100 верстахъ отъ устья раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны по величинѣ: Курлю, Караклы и Джеманъ-клы на востокѣ и Кокъ-талъ на западѣ. Дельта р. Или, называемая Камау, болотиста, заросла камышемъ и только частью обработывается подъ посѣвы хлѣба.

Растительность ея весьма богата. Кустарники, деревья, камышъ и ползучія растенія образуютъ здѣсь густыя заросли, въ которыхъ возможно пробраться только по тропамъ, протоптаннымъ кабанами.

Г. Балицкій, посѣтившій дельту р. Или въ мартѣ 1867 г., остановился легеремъ не доходя до Балхаша, а потомъ, не смотря на предостереженія бывшихъ при немъ киргизъ, направился къ озеру, которое было покрыто въ то время еще льдомъ. Пробираясь съ большими усиліями по зарослямъ камыша, усталые сильно путники остановились среди ихъ на ночлегъ. Тигры, заслышавъ близость людей, подходили къ нимъ два раза, пугая птицъ, издававшихъ оглушительные крики и лошадей, которыя отъ испуга всю ночь тряслись и ничего не ѣли. Г. Балицкій и бывшіе съ нимъ киргизы не спали всю ночь, поддерживая огонь и пугая тигровъ криками. По словамъ бывшаго Капальскаго уѣзднаго начальника, полковника Веселитскаго, киргизы охотятся на тигровъ такимъ образомъ: по близости убитаго, но еще не съѣденнаго тигромъ животнаго или приманки они устраиваютъ клѣтку изъ многихъ рѣшотокъ (кереге) отъ юртъ, наложенныхъ одна на другую и крѣпко стянутыхъ арканами. Клѣтка прикрѣпляется прочно къ землѣ кольями. Въ эту клѣтку садятся охотники съ ружьями. Если раненый звѣрь послѣ выстрѣла бросится на клѣт-

ку, то охотники закалываютъ его изнутри пиками и ножами. Тигровая шкура стоитъ на мѣстѣ отъ 15-ти до 20 рублей.

По нижней Или кочуютъ *Киргизы-камауцы* въ числѣ 350 кибитокъ. Они не устраиваютъ себѣ для зимы хижинъ, а живутъ въ юртахъ и дѣлаютъ только загоны для скота. Кромѣ скотоводства, камауцы занимаются съ успѣхомъ хлѣбопашествомъ и рыбною ловлею. Мельницъ у нихъ нѣтъ: зерно толкутъ въ ступахъ. Излишній хлѣбъ камауцы обмѣниваютъ каркаралинскимъ киргизамъ на скотъ.

Рыбная ловля составляетъ важное подспорье въ хозяйствѣ камауцевъ. Какъ только на Балхашѣ станетъ ломаться ледъ, все населеніе немедленно принимается за ловлю рыбы. Для этого употребляются саки, морды и мережки, сплетенныя изъ шерстяныхъ нитокъ. Посоливъ пойманную рыбу, камауцы запасаются ею на весь годъ. Рыба слѣдующихъ породъ: османы, маринка, сомы, окуни, бѣлая рыба, въ родѣ нельмы, и язь. Сазаны ловятся почти исключительно въ Балхашѣ, а прочія породы въ омутахъ р. Или.

Лѣтомъ въ дельтѣ р. Или не рѣдко случаются разливы, происходящіе отъ поднятія воды въ ея низовьяхъ, спираемой господствующими въ это время года на озерѣ западными вѣтрами. Эти разливы продолжаются не болѣе сутокъ, но случается порою, что выступившая изъ береговъ рѣка потопляетъ расположенныя на низкихъ мѣстахъ юрты, унося съ собою плоты и имущество киргизъ. Плоты камауцевъ, называемые *салами,* устраиваются изъ двухъ или трехъ бревенъ съ камышевою настилкою.

Берега нижней Или повсюду покрыты лиственнымъ лѣсомъ высокоствольнымъ и прямымъ тополемъ, джигдой, таломъ, тальникомъ и множествомъ кустарниковъ. Въ этихъ лѣсахъ и перемежающихся съ ними заросляхъ кустарниковъ и камышей водятся тигры и кабаны. Плавающихъ и болотныхъ птицъ здѣсь множество; встрѣчаются по Или также и фазаны. Но камауцы, за недостаткомъ ружей и пороха,—мало занимаются охотою.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ теченіемъ р. Или на пространствѣ отъ выселка Илійскаго до устья, считаю не лишнимъ описать плаваніе по этому участку судна „Св. Николай“.

30-го мая около полудня это судно, какъ выше сказано, достигло устья Или.

По причинѣ мелей, встрѣченныхъ на устьѣ, судно должно было 31-го мая выгрузить на берегъ часть муки и дѣлать безпрестанно промѣры для отысканія фарватера. Къ вечеру 2-го іюня оно съ помощью завозовъ поднялось до первыхъ киргизскихъ ауловъ и, не смотря на быстроту теченія, сдѣлало въ этотъ день около 15-ти верстъ.

15-го числа того же мѣсяца судно подтянулось къ высокому ветловому лѣсу, преодолѣвъ на пути не мало препятствій. Въ этотъ промежутокъ времени оно двигалось большею частью безъ помощи вѣтра,—на однихъ только завозахъ, при чемъ канаты не рѣдко обрывались. Два раза оно натыкалось на мели и одинъ разъ на камень, вслѣдствіе чего приходилось перегружать муку для облегченія судна; кромѣ того, ударившись объ яръ, сломало руль. Отъ первыхъ ауловъ, встрѣченныхъ на Или, до ветловаго лѣса приблизительно 65 верстъ.

Утромъ 21-го іюня судно поравнялось съ лѣсомъ, находящимся на правомъ берегу Или и называемымъ малый Сулу-янки; возлѣ него стояли въ то время киргизскіе аулы. Къ вечеру того же дня съ помощью паруса оно прибыло къ лѣсу большой Сулу-янки, близь котораго его такъ сильно вертѣло, что два раза лопались канаты. Отъ ветловаго лѣса до урочища большой Сулу-янки около 30-ти верстъ, а это послѣднее находится близь перваго раздѣленія р. Или на рукава, т. е. въ началѣ ея дельты.

Вслѣдствіе противнаго вѣтра и дождя все 27 число пришлось простоять на якорѣ, а 28-го г. Гравицкій подошелъ къ 10-ти деревьямъ, стоявшимъ на правомъ берегу Или. Ширина Или въ этомъ мѣстѣ до 600 саж., фарватеръ очень мелкій и пролегаетъ у праваго берега. 29-го іюня судно подошло снова къ киргизскимъ ауламъ и простояло около нихъ цѣлыя сутки. Въ этомъ аулѣ г. Гравицкій узналъ, что мѣстные киргизы камауцы имѣютъ мало рогатаго скота, а содержатъ больше барановъ, которыхъ промѣниваютъ на разные предметы, необходимые въ домашнемъ быту татарамъ—скотопромышленникамъ, пріѣзжающимъ изъ г. Капала. Татары же гонятъ этихъ барановъ прямо въ г. Ташкентъ на продажу. Отъ начала дельты Камау до этихъ ауловъ около 40 верстъ.

Съ 1-го по 5-е іюля судно „Св. Николай“ шло бичевою, частью завозами, а частью подъ парусомъ. Теченіе рѣки было очень быстро. Жары и множество комаровъ изнуряли сильно рабочихъ.

Отъ солнца палуба до того нагрѣвалась, что безъ поливки водою не было возможности по ней ходить. Въ этотъ промежутокъ времени попортило вѣтромъ парусъ и однажды судно столь сильно вертѣло, что у одного завоза переломился даже якорь. Въ концѣ этого участка находится большая роща, въ которой г. Грабицкій предполагалъ въ обратный рейсъ нарубить и забрать лѣсъ для устройства пикета на Бертысской пристани. Отъ послѣднихъ ауловъ до этой рощи около 30-ти верстъ, а потому нужно полагать, что она находится на уроч. Чильгоранъ, на которомъ отъ Или отдѣляется ея древнее русло Читъ-Баканасъ.

6-го іюля въ 5-ти верстахъ отъ этой рощи на правомъ берегу Или, путники видѣли песчаныя сопки. Грунтъ дна въ этомъ мѣстѣ оказался слабый, такъ что завозный якорь подмыло и судно отнесло теченіемъ далеко назадъ. На слѣдующій день, 7-го іюля, судно наткнулось на мель, отчего завозный канатъ снова лопнулъ. Съ этого мѣсто г. Грабицкій отправилъ двухъ киргизъ съ письмомъ въ укрѣпленіе Вѣрное, увѣдомляя о своемъ прибытіи. Начиная отъ этой мели по обоимъ берегамъ р. Или тянутся песчаные бугры, на которыхъ вовсе не было видно киргизскихъ ауловъ, а острова на пути встрѣчаются чаще. Отъ рощи, или урочища Чильгоранъ, до вышеупомянутой мели около 10-ти верстъ.

Простоявъ одинъ день на якорѣ, 9-го іюля судно отправилось дальше на завозахъ, но такъ какъ теченіе было быстро, то при разрывѣ каната одному рабочему ушибло голову, а четырехъ чуть не стащило въ воду. 14-го іюля возвратились посланные киргизы. 16-го числа ровные берега рѣки смѣнились возвышенными. Отъ мели до возвышенныхъ береговъ около 35 верстъ.

20-го іюля вечеромъ путешественники замѣтили на югѣ горы. Разстояніе между двумя послѣдними пунктами опредѣляется до 25-ти верстъ.

25-го іюля г. Грабицкому попались на пути переплывавшіе рѣку киргизы, которыхъ онъ принялъ за барантачей, а 26-го числа судно поравнялось съ берегами рѣки, покрытыми дикимъ коноплемъ.

5-го августа съ судна видны были красныя сопки. Въ этотъ день къ г. Грабицкому прибыло 30 человѣкъ казаковъ, при одномъ офицерѣ, высланныхъ на встрѣчу изъ Вѣрнаго. Отъ береговъ, покрытыхъ коноплемъ, до красныхъ сопокъ около 50 верстъ.

На слѣдующій день, т. е. 6-го числа, судно „Св. Николай" вошло въ скалистые берега (которые въ дневникѣ г. Грабицкаго названы каменными горами), отстоящіе отъ красныхъ сопокъ въ 5-ти верстахъ, а 7-го августа подошло къ камню Тагилъ-галы-ташъ, на которомъ высѣчено изображеніе идола и надпись. Въ этотъ день судно шло частью бичевою и сдѣлало около 5-ти вер. Камень Ташъ-галы-ташъ отстоитъ отъ урочища Чильгоранъ примѣрно въ 160 верстахъ.

8-го августа судно ударилось о подводный камень, но безъ поврежденій и дошло до скалъ, между которыми р. Или, имѣвшая ниже ихъ до 200 саженей ширины, съуживается до 30, образуя по обѣ стороны пороги, въ которыхъ вода падаетъ съ высоты около 2-хъ футовъ. Въ этотъ день пройдено также около 5-ти верстъ.

9-го августа, вслѣдствіе быстроты теченія, не смотря на усиленную работу воротами, отъ которыхъ канаты были закрѣпляемы якорями къ прибрежнымъ камнямъ, успѣли пройти въ цѣлый день одну только версту.

10-го числа между порогами оставался свободный фарватеръ только въ 10 саженей. Воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, судно поднялось вверхъ на завозахъ, рискуя однако при этомъ разбиться объ камни. Въ этотъ день пройдено до $1^1/_2$ версты.

Къ вечеру 11-го августа судно „Св. Николай" прибыло наконецъ благополучно въ Илійскій выселокъ (бывшее укрѣпленіе). Отъ уроч. Чильгорана до этого выселка оно прошло около 175 верстъ, а отъ устья Или до того же выселка 355 верстъ. Весь путь по рѣкѣ былъ пройденъ въ 72 дня.

Прибывъ въ выселокъ Илійскій, г. Грабицкій отправился вскорѣ по своимъ дѣламъ въ укрѣпленіе Вѣрное, а затѣмъ, возвратившись оттуда обратно 4-го сентября того же 1856 года, вмѣстѣ съ 12-ю рабочими поднялся дальше вверхъ по Или въ небольшой лодкѣ за прежнюю границу. 8-го числа того-же мѣсяца онъ дошелъ до Калканскихъ горъ (Чулакъ), находящихся въ 10-ти верстахъ отъ праваго берега Или, въ которыхъ, по его словамъ, есть мѣсторожденія свинцово-серебряной руды. Киргизы достаютъ свинецъ и обращаютъ его въ дѣло, не подвергая предварительной плавкѣ. 11-го сентября г. Грабицкій вернулся обратно въ Илійское укрѣпленіе, а на слѣдующій день, т. е. 12-го сентября, отправился на

суднѣ „Св. Николай“ въ обратный путь, внизъ по р. Или и прибылъ къ устью ея 29-го сентября, т. е. въ 17-й дней.

Такимъ образомъ рѣку Или, на пространствѣ отъ выселка Илійскаго до устья, не смотря на нѣкоторыя неудобства для плаванія, все-таки нельзя не признать судоходною. Главнѣйшія неудобства ея какъ воднаго пути, на этомъ протяженіи суть слѣдующія: 1) въ дельтѣ Камау на пространствѣ 110 верстъ, низкіе, глинистые берега, заросшіе камышемъ и покрытые водою во всякое время года, препятствуютъ проложенію бичевника; тутъ кромѣ того, встрѣчаются глубокія и непроходимыя въ бродъ протоки, окруженныя большими озерами и камышами; 2) въ нижнемъ теченіи не рѣдко встрѣчаются переносныя мели, а выше до выселка Илійскаго быстрины и водовороты; 3) въ маѣ и іюнѣ по рѣкѣ несется много цѣлыхъ деревьевъ и карчей.

Ширина Или колеблется отъ 30 до 600 сажень, глубина отъ 6-ти до 30-ти футовъ. Скорость теченія между выселкомъ Илійскимъ и уроч. Чильгоранъ около 5-ти верстъ, а ниже отъ 4-хъ до 3-хъ верстъ въ часъ.

Половодіе въ р. Или на описываемомъ пространствѣ начинается въ маѣ отъ таянія снѣговъ въ горахъ. Уровень воды иногда поднимается очень высоко, что зависитъ отъ количества выпавшаго зимою снѣга па горахъ.

Дно рѣки между возвышенными берегами—песчано-каменистое, между песчаными—песчаное и въ рѣдкихъ только мѣстахъ иловатое.

Островов̆ъ много, въ особенности на пространствѣ между уроч. Чильгоранъ и порогами, что ниже выселка Илійскаго. Они покрыты тальникомъ или камышемъ.

В. Фишеръ.

ОПИСАНІЕ ВАСЮГАНСКОЙ ТУНДРЫ.

Н. П. ГРИГОРОВСКАГО.

Давно уже ходили слухи о заселеніи Васюганской тундры крестьянами и эти слухи дошли до Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, который въ 1882 году и поручилъ мнѣ изслѣдованіе колонизаціи Васюганскаго края за послѣднія двадцать пять лѣтъ. И здѣсь, въ той мѣстности, гдѣ уже около пятнадцати лѣтъ я проживаю, были и ходили подобные слухи, что по верховью Васюгана и впадающихъ въ него рѣчекъ, поселились крестьяне изъ россійскихъ губерній, старообрядцы-раскольники; будто бы настроили они себѣ селенія, завели пашни и скотину, и живутъ тайно, предаваясь своему фанатическому богомолью. Были слухи, что они дома свои строятъ подъ землею, въ родѣ остяцкихъ карамо̀, но что и въ этихъ карамо, еще ниже подъ землею, у нихъ устроены ходы, чтобы удобнѣе уйти и спастись отъ преслѣдованія властей, если бы это имъ понадобилось по обстоятельствамъ, и что нѣкоторые изъ инородцевъ-промышленниковъ иногда случайно заходили въ такія ихъ жилища, но всегда находили ихъ пустыми, а жителей всѣхъ укрывшимися въ ихъ подземныхъ ходахъ.

Слухи о подобныхъ тайныхъ заселеніяхъ ходятъ и здѣсь между инородцами Чаинской волости, что нѣсколько подобныхъ подземныхъ селеній выстроены раскольниками въ верховьяхъ притоковъ рѣки Чаи, рѣчекъ Нюрсы, Парбиги и Андармо, что случалось нѣкоторымъ инородцамъ-промышленникамъ въ одиночку натыкаться на такія селенія, что крестьяне принимали ихъ, кормили, снабжали хлѣбомъ на дорогу. Но когда эти же инородцы заходили къ нимъ въ другой разъ, то находили жилища ихъ пустыми, т. е. не находили ни одного жителя, хотя по всѣмъ признакамъ видно

было, что тутъ недавно, даже сегодня, были люди. А посѣщенія въ третій разъ всегда оканчивались смертію посѣтителей. Были примѣры, что инородцы-промышленники, сегодня ушедшіе изъ своего стана, не возвращались и даже совсѣмъ пропадали, и всѣ поиски за ними оставались напрасными. Такъ, около пяти лѣтъ назадъ, инородецъ Чаинской волости юртъ Кинджаровыхъ Егоръ Павловъ Аландинъ на промыслѣ ушелъ изъ стана съ собакою черезъ рѣчку, осенью еще до снѣгу, и не возвратился ни онъ, ни собака. Жена и братья на другой день бросились за рѣчку, искали и не нашли никакихъ слѣдовъ ни Егора, ни собаки. Дали знать волостному инородческому старостѣ, были согнаны на поиски люди, искали и никакихъ слѣдовъ не нашли. Очень могло случиться, что онъ убитъ подобными тайными поселенцами, какъ догадываются и сами инородцы. И такихъ примѣровъ въ послѣдніе годы случается не мало.

Но это только слухи, по всѣмъ видимостямъ вѣроятные, но справедливы ли они? Если нельзя поручиться за справедливость подобныхъ слуховъ по Чаинской волости за 500—600 верстъ отъ моего жительства, то тѣмъ болѣе невозможно поручиться за справедливость разсказовъ о верховьяхъ Васюгана за 2500 и болѣе верстъ. О справедливости этихъ слуховъ можно судить только, побывавши поближе къ этимъ мѣстностямъ, а гораздо лучше, посѣтивши ихъ. Поэтому я и принялъ на себя порученіе Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, какъ членъ-сотрудникъ онаго, имѣющій жительство къ Васюгану ближе другихъ сочленовъ.

Около 15-го іюля, получивъ пособіе отъ Отдѣла, я собрался въ путь, взявъ съ собою нужныя вещи и даже теплую одежду на случай, если бы захватила меня въ пути осень и даже начало зимы. Прибывъ въ городъ Нарымъ 22-го іюля, мнѣ нодобно было запастись для себя и для людей, которыхъ я предполагалъ взять съ собою, провизіею по крайней мѣрѣ мѣсяца на два. Здѣсь нанялъ я одного провожатаго мѣщанина Александра Смирнова, какъ человѣка бывшаго не однажды въ Васюганѣ, сплавлявшаго разъ пять барки съ казеннымъ хлѣбомъ до Айполовскаго магазина, и

немного знающаго языкъ тамошнихъ инородцевъ. Онъ могъ служить мнѣ и для личныхъ услугъ и замѣнить кормщика въ случаѣ, если бы въ дальнѣйшемъ пути оказался недостатокъ въ людяхъ. Надобно было запастись еще крытою лодкою, чтобы въ случаѣ дождя и ненастной погоды она могла бы защищать меня, но подобной лодки въ Нарымѣ не нашлось. Находились купеческіе каюки, но очень велики, на которые кромѣ кормщика еще нужно шесть гребцовъ, и мнѣ оставалось по совѣту нѣкоторыхъ людей ѣхать въ открытой лодкѣ до села Каргасока и тамъ взять лодку у Леонида Сушкова, или Федора Рождественскаго, или, въ случаѣ неимѣнія у нихъ подходящихъ лодокъ, добраться до первыхъ въ Васюганѣ юртъ Югиныхъ, гдѣ дѣлаются подобныя остяцкія лодки. Тамъ же въ Каргасокѣ, или юртахъ Югиныхъ, я могъ найти и нанять людей, бывавшихъ въ Васюганѣ и могущихъ сопровождать меня въ дальнѣйшій путь.

Отъ Нарыма внизъ по Оби земская гоньба производится подрядными ямщиками, потому мнѣ по открытому листу отъ г. засѣдателя безъ задержки можно было добраться до села Каргасока. По самому же Васюгану такой подрядной гоньбы нѣтъ, а вся земская гоньба производится мѣстными жителями инородцами. Эти инородцы особенно въ лѣтнее время постоянно отлучаются изъ юртъ, то за промысломъ рыбы, то на промыселъ звѣря, то еще по разнымъ случаямъ, и юрты остаются совершенно пустыми, такъ что не только ямщиковъ или лодки, но даже и самаго провожатаго достать невозможно. Оффиціальныя административныя и полицейскія распоряженія посылаются изъ Нарыма до села Васюгана единственно съ попутчиками. Пріѣдетъ изъ села Васюгана священникъ, или псаломщикъ за жалованьемъ, пріѣдетъ церковный староста, или вахтеръ хлѣбныхъ магазиновъ съ отчетами, пріѣдетъ инородческій старшина для сдачи ясака, или для полученія на свою волость пороху и свинца,—вотъ и всѣ попутчики; чрезъ нихъ и отправляется изъ Нарыма и оффиціальная и вся частная корреспонденція. Даже мнѣ самому случилось увезти до села Васюгана три пакета. Слышалъ я во время своего проѣзда, что однажды лѣтомъ, во время сѣнокоса, инородцы везли по Васюгану нароч-

наго отъ г. засѣдателя, смѣняя почти на каждой верстѣ, гдѣ только прилучатся на покосѣ люди, такъ что на одномъ станкѣ ямщики смѣнялись разъ до двадцати. И каждый разъ при смѣнѣ нарочному нужно было ждать, когда новые ямщики напьются чаю или сварятъ котелъ рыбы и наѣдятся, за чѣмъ обыкновенно проходило не менѣе полутора часа на каждой смѣнѣ. Въ заключеніе же, не доѣзжая до станка верстъ пять, передъ утромъ, когдапасажиръ разоспался, ямщики пристали къ берегу и разбудили нарочнаго, объясняя ему, что пріѣхали на станокъ и остановились противъ дома старшины. Нарочный, соскочивъ со сна, вышелъ на берегъ съ своею сумкою, и, каково же было его удивленіе, когда онъ очутился въ густомъ лѣсу на берегу, а ямщики, привезшіе его, спокойно отчалили отъ берега и отправились на другую сторону рѣки. На крики нарочнаго они не отозвались и такъ скрылись въ сумракѣ сѣрѣвшаго утра. У несчастнаго волосы стали дыбомъ, онъ уже считалъ себя жертвою медвѣдя, но по счастію онъ попалъ на лѣсную тропинку, которая привела его къ стану старшины. Тутъ старшина косилъ и ставилъ сѣно съ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ женщинъ и дѣтей. Объяснились, и уже самъ старшина довезъ нарочнаго до юртъ въ маленькой лодочкѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, очень немудрено, что нарочный изъ Нарыма, доѣхавъ только до села Васюгана, можетъ воротиться въ Нарымъ не ранѣе трехъ мѣсяцевъ. И хотя отъ Нарыма до села Васюгана считается зимнею дорогою около 500 вер., но на самомъ дѣлѣ водою, при чрезвычайно извилистомъ, и вообще зигзагами теченіи рѣки Васюгана, непремѣнно будетъ до 800 или 900 верстъ.

Поиски лодки и заготовленіе запаса продержали меня въ городѣ Нарымѣ, откуда я выѣхалъ 26-го іюля и 27-го около полудня доѣхалъ до дер. Ильиной, а 28-го къ вечеру до села Каргасока. Въ Каргасокѣ получилъ свѣдѣніе, что по Васюгану въ рѣкѣ людей вообще мало, и необходимо было для безостановочнаго слѣдованія впередъ нанять своихъ людей и запастись лодкою. Здѣсь мною былъ еще принанятъ одинъ крестьянинъ за двадцать пять руб. въ мѣсяцъ, тѣмъ болѣе, что пора была покосная и въ тай-

гахъ, прилегающихъ къ Нарыму, уже поспѣвали орѣхи, добыча которыхъ могла дать каждому рабочему отъ 30 до 40 руб. въ мѣсяцъ. Подходящей лодки невозможно было найти, а потому мнѣ пришлось взять простую ямскую лодку до юртъ Тингунака, гдѣ уже начинается подводная инородческая гоньба по Васюгану. 29-е іюля было проведено въ Каргасокѣ, а 30-го утромъ, часовъ около 10-ти, я попалъ въ Тингунакъ. Здѣсь всего только три избушки на остяцкій манеръ и, какъ разъ, ямщики, слѣдующіе въ Васюганъ, въ эту ночь увезли изъ Нарыма вахтера васюганскаго хлѣбнаго магазина. Мнѣ же приходилось, или дожидать возвращенія ямщиковъ, или нанять двухъ человѣкъ съ лодкою, чтобы они при помощи моихъ людей довезли меня до юртъ Югиныхъ, на разстояніи около 50 верстъ и противъ теченія и быстрины Васюгана, тѣмъ болѣе, что здѣшнимъ жителямъ было уже извѣстно, что въ Васюганѣ, отъ бывшаго всю весну и лѣто ненастья, вода была очень большая и теченіе быстро.

Лодку здѣсь нашли большую и тяжелую, для которой, кромѣ кормщика, необходимо было покрайней мѣрѣ три гребца. Нанявши здѣсь двоихъ остяковъ до юртъ Югиныхъ, около 4-хъ часовъ пополудни поѣхали далѣе. День былъ ясный, уже четыре дня погода стояла хорошая. Къ 7-ми часамъ мы доѣхали до проточки налѣво по теченію Оби, которая чрезъ чворъ и рѣчку Магильку соединяется съ Васюганомъ и гдѣ объѣздъ короче, такъ какъ до устья Васюгана надобно было ѣхать еще около 18 верстъ внизъ по Оби. Отъ устья же до соединенія Магильки съ Васюганомъ разстоянія болѣе, нежели ѣзда проточкою, чворомъ и Магилькою, слѣдовательно тутъ дорога сокращалась не менѣе, какъ на 15 верстъ. Только возникло сомнѣніе, можно ли проѣхать проточкою до чвора, такъ какъ въ концѣ проточки бываетъ мелко, но остяки-гребцы объявили, что проѣхать можно, и даже вчера одинъ изъ нихъ проѣхалъ тутъ на обласкѣ. Такъ и порѣшили ѣхать этою ближнею дорогою, а въ случаѣ мелководья протащить лодку волокомъ. Когда проѣхали проточкою уже версты три, стало мелко, и ямщики, и мои люди должны были выйти изъ лодки и по колѣна въ водѣ тащить ее. Не смотря на усилія ихъ, лодка вязла въ илистомъ днѣ про-

точки и на чрезмѣрныя усилія ихъ она подавалась только на какой либо аршинъ впередъ, а протащить надобно было покрайней мѣрѣ саженъ двадцать. Болѣе часа возились тутъ, наконецъ выбрались съ мели и въѣхали въ чворъ.

Ночь была ясная, спать было невозможно при постоянной греблѣ веселъ, а потому, рѣшившись уснуть уже по пріѣздѣ въ юрты Югины, я сталъ разговаривать съ ямщиками инородцами на ихъ языкѣ. Отъ разговора о ясномъ небѣ, мы перешли къ разговору о звѣздахъ. На спросъ мой о созвѣздіи Лося они мнѣ разсказали легенду почти сходную съ верховскими инородцами, какъ тунгузъ, самоѣдъ и остякъ на промыслѣ преслѣдовали лося, что остякъ воротился въ станъ за котелкомъ, чтобы варить лосиное мясо, съ котелкомъ догналъ своихъ товарищей и, опередивъ самоѣда, сталъ между нимъ и тунгузомъ, какъ тунгузъ сталъ требовать отъ своихъ дозовъ, чтобы они дали бы ему убить лося, и тогда лоси должны были бы водиться въ землѣ тунгузовъ, какъ онъ хотѣлъ по убіеніи лося обернуться и убить своею пальмою бѣжавшихъ за нимъ товарищей, какъ остякъ отстранился вправо, пустилъ стрѣлу въ лося и убилъ его, и какъ послѣ этого всѣ они: тунгузъ, остякъ, самоѣдъ и лось мгновенно были перенесены на небо и сдѣлались звѣздами (созвѣздія Лося). Потомъ они разсказали мнѣ, что повыше Лося есть три звѣзды, которыя у нихъ называются „пряслицею лося", но почему имъ дано такое названіе, никто изъ нихъ не могъ объяснить мнѣ. Изъ чвора мы въѣхали въ рѣчку Магильку и по ней къ полуночи добрались до запоровъ, гдѣ инородцы промышляютъ рыбу. Рѣчка Магилька узка, не болѣе шести саженъ, по берегамъ ее растетъ тальникъ, а потому тутъ, въ лѣсной мѣстности, множество комаровъ и мы принуждены были и на лодкѣ развести курево. У запоровъ мы остановились согрѣться и напиться чаю. Здѣсь мы нашли до 10 лодокъ васюганскихъ остяцкихъ семействъ, которыя расположились на берегу своими лѣтними берестянными станами и ловятъ и сушатъ рыбу, въ ожиданіи, когда поспѣютъ орѣхи. Въ самомъ Васюганѣ, и въ особенности выше села Васюгана орѣхи не уродились, а потому тамошніе жители и выплыли сюда въ лодкахъ для сбора орѣховъ въ тайгахъ по Оби

близь Нарыма. Здѣсь мы осматривали, какъ на рѣшеткахъ сушатъ порсъ, и даже насъ угощали остяцкимъ произведеніемъ „варка", сдѣланнымъ въ родѣ пастилы изъ рыбьихъ потроховъ. Она сбита, разсучена въ палецъ толщиною и нарѣзана ремешками, затѣмъ на рѣшеткахъ поджарена въ рыбьемъ жиру, но только приготовлена безъ соли, а потому безвкусна, а между тѣмъ остяки ѣдятъ ее съ наслажденіемъ. Напившись чаю и погрѣвшись у огня, мы поѣхали дальше и черезъ полчаса въѣхали въ рѣку Васюганъ.

Въ Васюганѣ дѣйствительно вода была высока, такъ что прибрежный тальникъ аршина на два былъ затопленъ водою, и быстрина была довольно сильная, такъ что трое гребцовъ и кормщикъ едва могли справляться съ лодкою. По правому берегу противъ теченія Васюгана ростетъ тальникъ, осинникъ, березникъ, частію пихтовникъ и ельникъ, а по лѣвому берегу черный кедровый лѣсъ. Близь юртъ Югиныхъ этотъ лѣсъ года три назадъ выгорѣлъ и югинскіе жители спаслись отъ пожара только тѣмъ, что прорыли большой ровъ и не дали огню распространиться дальше. Около 2-хъ часовъ пополудни 31-го іюля мы добрались уже до юртъ Югиныхъ.

Здѣсь въ юртахъ всего пять избушекъ, выстроенныхъ на манеръ крестьянскихъ—деревенскихъ, только безъ дворовъ. Одинъ изъ нихъ даже двухъэтажный, принадлежащій крестьянину Ивану Ѳедулову, принятому съ малолѣтства здѣшнимъ остякомъ, богачемъ, и женатому на русской крестьянкѣ. И самъ Иванъ, и жена его болѣе походятъ на остяковъ и по жизни и по обиходу въ домѣ, а дѣти его взрослые два сына и дочь даже не умѣютъ говорить по русски, такъ какъ взросли между инородческими ребятишками и переняли отъ нихъ съ малолѣтства и языкъ, и всѣ инородческіе обычаи. Порядокъ въ его, уже почти разрушающемся, домѣ ведется на половину русскій, а на половину инородческій; а дѣти сыновья уже не изъявляютъ желанія жениться на русскихъ, и дочь выходитъ за русскаго, и поэтому, мнѣ кажется, что лѣтъ черезъ 5 или 6 эта единственная въ Васюганѣ семья русскихъ обратится въ инородческую. Здѣсь привелось мнѣ провести два дня, такъ какъ нужно было, или пріобрѣсти, или окортомить

крытую лодку, удобную во время ненастья, и нанять на всю дорогу третьяго человѣка, такъ какъ по слухамъ изъ верховьевъ Васюгана всѣ люди разъѣхались внизъ къ Оби для сбора орѣховъ, и нѣсколько лодокъ ихъ мы видѣли въ рѣчкѣ Магилькѣ у запоровъ. Здѣсь, въ юртахъ Югиныхъ, на берегу строится много остяцкихъ крытыхъ лодокъ, необходимыхъ для ихъ водяныхъ поѣздокъ, и тутъ же мы нашли и окортомили до возвращенія назадъ лодку, довольно ходкую и удобную для моего путешествія, только надобно было ее проконопатить, осмолить и сдѣлать нѣкоторыя исправленія, смотря по нуждѣ нашихъ удобствъ. Пока исправлялась лодка, необходимо было имѣть въ ней и пологъ для защиты отъ комаровъ, и мнѣ приготовили, сшили и поставили въ носовой части лодки удобный пологъ, куда ни одинъ комаръ не имѣлъ возможности проскользнуть. Пока все это готовилось мнѣ необходимо было осмотрѣть озеро Пѐрель-ту и прилежащія къ нему озера, и второй день пребыванія моего въ юртахъ Югиныхъ былъ посвященъ мною для осмотра этихъ озеръ, находящихся отъ юртъ какихъ нибудь въ двадцати пяти верстахъ.

Взявъ съ собою хозяина моей квартиры Ивана Ѳедулова и одного изъ Югинскихъ остяковъ, у котораго верстахъ въ двухъ въ лѣсу была лодка, утромъ рано 2-го августа мы отправились къ озеру. Сначала къ сѣверу отъ юртъ прошли тальникомъ, а потомъ около двухъ верстъ хвойнымъ кедровымъ лѣсомъ, и дошли до низкаго мѣста, покрытаго водою, вслѣдствіе бывшаго всю весну и лѣто ненастья и сильной прибыли воды въ Васюганѣ, разливомъ котораго затопило всѣ низменности. Тутъ мы нашли лодку и въ ней уже поѣхали къ озеру по направленію на сѣверо-западъ. Ѣхали почти все лѣсомъ, который былъ затопленъ водою аршина на полтора, иногда и менѣе. Проѣхавъ такъ по лѣсу верстъ около восемнадцати, мы добрались до покатой возвышенности, имѣющей склонъ на востокъ, и опять версты двѣ шли пѣшкомъ, тогда дошли до озера Пе́рель-ту съ юго-восточной стороны. Само озеро имѣетъ фигуру элипсиса, съ одной стороны съуженаго и загнутаго, длиною оно верстъ до десяти, а шириною отъ трехъ до шести верстъ. Въ немъ водится много рыбы: щуки, язей и окуня, а близь него

расположены пять маленькихъ озеръ, также обильныхъ рыбою, прямо же отъ него на востокъ верстахъ въ двухъ есть безъимянное озеро, которое соединяется съ озеромъ Пе́рель-ту проточкою, а изъ этого безъимяннаго озера идетъ на востокъ извилистая проточка въ рѣку Васюганъ. Между Пе́рель-ту и безъимяннымъ озеромъ, въ полуверстѣ на сѣверъ, въ глухомъ мѣшаномъ лѣсу на четырехъ столбахъ поставленъ довольно вѣтхій маленькій амбаръ сажени въ двѣ длины и въ сажень ширины. Амбаръ этотъ безъ оконъ, съ низенькою дверью, къ которой идетъ съ земли вѣтхая уже лѣстница. Хозяинъ мой, Иванъ Ѳедуловъ, объяснилъ мнѣ, что этотъ амбаръ построилъ его дѣдъ, отецъ его пріемнаго отца, и имѣлъ тутъ своихъ ло́зовъ (духовъ), да и въ настоящее время въ этомъ амбарѣ хранится одинъ лозъ (истуканъ языческій, кукла), которому ближніе окрестные жители приносятъ подарки, или жертвы, а въ весеннее время собираются сюда съ своими подарками ло́зу, закалываютъ въ честь его молодаго быка, или жеребенка, ѣдятъ его въ честь ло́за и пьютъ привезенное съ собою вино. Каждый годъ кто либо изъ инородцевъ, богатый ли, бѣдный ли, обязывается по очереди доставить сюда животное для жертвы, а вино и подарки ло́зу привозятъ каждый участвующій. Вошедши по лѣстницѣ въ амбаръ, мы увидѣли въ одномъ углу направо, на прикрѣпленной треугольной полочкѣ истуканъ ло́за до трехъ четвертей вышиною, просто деревянный, грубо обтесанный чурбанъ, лицо, глаза, носъ и ротъ означены зарубками и одѣтъ этотъ ло́зъ въ холщевую-крапивную рубашку. Рукъ у него нѣтъ, только болтаются рукава рубашки, посаженъ этотъ истуканъ на полочкѣ, а низъ рубашки свѣсился съ полочки. Къ этому углу, повыше истукана, къ потолку прикрѣплено нѣсколько жердей и на нихъ развѣшаны подарки ло́зу: нѣсколько платковъ, аршина по два разнаго ситцу, ленточки, тесемочки, ремешки, шкурки бѣлокъ горностаевъ и колонковъ, въ углу подъ истуканомъ лежатъ двѣ шкуры лисицъ и одна оленья голова съ рогами. Пахнетъ въ амбарѣ сыростію. Осмотрѣвъ въ подробности все это, мы снова затворили амбаръ и отправились въ обратный путь въ юрты Югины. Обратный путь былъ для насъ не очень счастливъ, на половинѣ

дороги насъ засталъ дождикъ и довольно сильный, а надо было ѣхать, потому что спастись отъ дождя было некуда, и мы уже въ сумеркахъ, промокшіе до костей, прибыли въ юрты. Всю ночь шелъ дождь, хотя не очень сильный.

3-го августа около полудня, когда дождь немного пересталъ, мы поѣхали изъ Югиныхъ въ юрты Маргины. Во всю дорогу былъ сильный дождь и сильный, прибойный вѣтеръ съ юго-запада. Гребцы мои измучились до нельзя, промокли отъ дождя, перемерзли отъ сильнаго, холоднаго вѣтра, и едва, едва къ разсвѣту 4-го августа мы попали въ юрты Маргины. Юрты расположены на правомъ берегу рѣчки Пассáу, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны теченія его, верстахъ въ восьми отъ устья ея. Онѣ состоятъ изъ трехъ жалкихъ избушекъ безъ печей. Печи здѣсь замѣняютъ чувалы въ углу, ближе къ двери, умазанные глиною, гдѣ дрова ставятся стоймя, какъ въ каминѣ, и гдѣ подвѣшиваются котелки и чайники, для варенія пищи и кипяченія чаю. Труба чувала, выведенная вверхъ, ничѣмъ не закрывается, а потому въ избѣ всегда бываетъ, или холодъ, или дымъ отъ разложеннаго въ чувалѣ огня. Не знаю, какъ въ этихъ избахъ здѣсь живутъ они зимою. Когда мы пріѣхали, еще только наставало утро и инородцы всѣ спали богатырскимъ сномъ, по своей природной привычкѣ поспать до полудня. Чувала еще нигдѣ не топилось, обогрѣтся было рѣшительно негдѣ. На берегу илъ и страшная грязь отъ бывшаго и еще неперестававшаго дождя. Едва взобрались мы на высокій берегъ, зашли въ одну избу и разбудили хозяевъ. У всѣхъ моихъ гребцовъ зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ. Надобно было обогрѣться и обсушиться. Когда былъ разведенъ въ чувалѣ огонь и подвѣшенъ дорожный нашъ чайникъ съ водою и пріятная теплота разлилась по комнатѣ, хотя наполненной дымомъ, то мои гребцы сняли съ себя мокрое платье, и развѣсили его тутъ же для просушки. Потомъ одинъ изъ нихъ сходилъ провѣдать лодку, не попали бы туда собаки, которыхъ въ каждыхъ юртахъ множество, и не добрались бы до нашихъ запасовъ, заперъ лодку дверями, приставилъ каждую дверь досками и принесъ намъ въ избу чайный запасъ и кусокъ солонины для приготовленія обѣда. Напившись

чаю и поставивъ вариться обѣдъ, мои гребцы залегли на нары на отдыхъ, такъ какъ не спали и мерзли на дождѣ и вѣтрѣ цѣлую ночь.

Не желая прожить цѣлыя сутки въ дыму отъ огня чувала, который совершенно выѣдалъ глаза, я рѣшился нанять здѣсь трехъ человѣкъ гребцовъ, чтобы довезти насъ до юртъ Наунáка, можетъ быть, тамъ найдется хатка поудобнѣе, безъ сквознаго вѣтра и задушающаго дыма. Хозяина избы согласился довезти насъ и нашелъ себѣ еще одного товарища, а въ корму рѣшилъ посадить свою дочь дѣвочку лѣтъ пятнадцати, увѣряя, что она отличный кормщикъ. Я разбудилъ Смирнова, тѣмъ болѣе, что обѣдъ нашъ уже поспѣвалъ, онъ разбудилъ другихъ, пообѣдали по остяцки на нарахъ и отправились въ лодку. Гребцы мои забрались въ кормовую часть лодки, гдѣ на доскахъ для нихъ было наложено сѣно и постланъ войлокъ, и укрывшись тулупами, завалились спать. Новые гребцы сѣли въ греби, дѣвочку посадили въ корму и поѣхали до Наунáка. Дождя сильнаго не было, а моросилъ дождь осенній мелкій и частый, но все-таки, хотя сносно мочилъ моихъ гребцовъ. Я же въ своей носовой части лодки прилегъ, такъ какъ сѣсть было въ ней невозможно, она была низка, и тоже заснулъ, такъ какъ ночью спалъ очень мало, все еще не могъ привыкнуть къ всплеску веселъ и къ ударамъ ихъ въ упорины лодки и въ дымной избѣ юртъ Маргиныхъ рѣшительно не могъ ни писать, ни соснуть.

Проснулся я уже часовъ въ 5 вечера, дождь крупными каплями билъ въ крышу моей лодки. Спрашиваю, далеко ли уѣхали? отвѣчаютъ: недавно проѣхали половину. Посмотрѣлъ въ дверь лодки, по берегамъ черный кедровый лѣсъ, волны сильно бьютъ лодку къ берегу, дождь льетъ на моихъ гребцовъ, кормщикъ—дѣвушка то и дѣло вычерпываетъ воду, скопляющуюся отъ дождя въ кормѣ. Почти свѣта Божьяго не видно, а еще осталось до юртъ около 15 верстъ, если половину только недавно проѣхали, да и что толку въ юртахъ, если къ нимъ и выйти за грязью невозможно, а если и выйдемъ, то дымъ выѣстъ глаза. Нечего дѣлать надобно лежать въ лодкѣ, терпѣть до станка, да еще благодарить

Бога, что по милости крытой лодки дождь не превратилъ меня самаго въ мокрую курицу. Кое-какъ часамъ къ 11 ночи мы дотащились до Наунака. Юрты стоятъ на лѣвомъ крутомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ такихъ же жалкихъ лачужекъ съ чувалами вмѣсто печей. Выйти изъ лодки на берегъ оказалось очень труднымъ и по темнотѣ ночи и по скользкой отъ дождя тропѣ, и я приказалъ Смирнову согрѣть, гдѣ нибудь, у чувала для меня чай и принести его сюда въ лодку, а для себя мои гребцы пусть приготовятъ и ужинъ.

Мои гребцы и ямщики, везшіе меня до Наунака, пошли на берегъ въ юрты, а я остался въ лодкѣ, въ темнотѣ, въ ожиданіи чая. Прошло около часа, пока юрточные жители были разбужены, развели въ чувалѣ огонь и вскипятили чай. Смирновъ принесъ чайникъ мнѣ въ лодку и мы вмѣстѣ съ нимъ напились чаю въ моей носовой части лодки, въ потемкахъ, въ полулежачемъ положеніи. Нечего дѣлать, жаль, что не взяли фонаря и свѣчь, а тутъ до самаго села Васюгана этихъ вещей достать рѣшительно негдѣ. Напившись чаю, я послалъ Смирнова въ юрты ужинать съ прочими гребцами, также покормить и ямщиковъ, везшихъ насъ изъ Маргиныхъ, а самъ рѣшился провести ночь тутъ въ лодкѣ. Между тѣмъ дождь шелъ все сильнѣе и сильнѣе, черезъ часъ пришли мои люди и улеглись въ кормовой части лодки, и я, убаюкиваемый мѣрными ударами дождевыхъ капель въ крышу лодки, вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

5-го августа я проснулся когда еще свѣтало, разбудилъ людей, чтобы грѣли чай и собирались въ путь. Чрезъ полчаса я вышелъ изъ лодки, едва взобрался на берегъ по скользкой тропѣ и то съ помощію палки, попавшейся мнѣ тутъ случайно, и нашелъ своихъ людей въ дымной курной избушкѣ. Тутъ мы расположились пить чай на нарахъ, вокругъ маленькаго столика четверти въ полторы вышины, какіе обыкновенно употребляются инородцами въ ихъ промысловыхъ путешествіяхъ. Между тѣмъ хозяинъ избы принесъ десятка три свѣжихъ карасей, вчера только изловленныхъ, и предложилъ намъ сварить для насъ изъ нихъ обѣдъ. На это предложеніе нельзя было не согласиться, тѣмъ болѣе, что

соленое мясо намъ уже надоѣло. Мы отобрали съ десятокъ по крупнѣе и, сваривъ, позавтракали ими.

Позади Наунака простирается хвойный кедровый лѣсъ. Въ этомъ лѣсу, въ прогалинахъ много мелкихъ озеръ, гдѣ мѣстные жители добываютъ карасей и мелкую бѣлую рыбу: щукъ, окуней, плотву и ельца. Изъ вяленыхъ на солнцѣ плотвы и ельца и поджаренныхъ на медленномъ огнѣ, мѣстные жители приготовляютъ порсъ, который въ свѣжемъ видѣ и хорошо приготовленный напоминаетъ собою вкусъ копченыхъ сельдей.

Вообще по Васюгану, начиная съ первыхъ юртъ Югиныхъ, въ каждыхъ юртахъ, какъ и по верховью Оби между инородцами, видишь на берегу заготовленныя сушниковыя дрова, сложенныя стоймя кострами. Это весною во время разлива рѣки несетъ по водѣ множество валежника, который въ каждыхъ юртахъ ловится собственно женщинами—инородками и складывается въ такіе костры. Мужчина-инородецъ не возмется за такое низкое ремесло, какъ добыча и рубка дровъ, почитая себя потомкомъ прежнихъ богатырей и промышленникомъ. Убить лося, оленя, убить медвѣдя одинъ на одинъ,—онъ считаетъ дѣломъ, достойнымъ рукъ своихъ и труда, но заготовить и нарубить дровъ, онъ почитаетъ для себя низкимъ. Даже въ морозную зиму, когда въ домѣ нѣтъ ни полѣна дровъ и нечѣмъ затопить чувалъ, чтобы согрѣться, женщина или дѣвка-инородка беретъ съ собою нарту и идетъ на лыжахъ въ лѣсъ, чтобы привезти дровъ. Дрова эти тоже никогда не изрубятся сразу и не складутся въ полѣнницу, какъ это дѣлается у русскихъ, но хозяйка дома всегда съ вечера нарубитъ изъ костра на истопку дровъ и принесетъ въ избу, чтобы завтра они были готовы.

У обскихъ инородцевъ избы почище, поопрятнѣе, и въ каждой изъ нихъ есть русская печь, гдѣ можно испечь хлѣбъ, или сварить что-нибудь. Въ Васюганѣ же избы меньше, грязнѣе и вмѣсто печи всегда въ углу у входной двери чувалъ. Берется толстое дерево, аршина полтора или два въ діаметрѣ, съ него сдирается кора и, когда уже эта кора высохнетъ и приметъ фигуру полукруга въ діаметрѣ, тогда ее ставятъ въ избѣ въ углу; вверху, въ

потолкѣ, вырубается отверзтіе, куда выставляется конецъ высохшей древесной коры четверти на три для выхода дыма: вотъ и чувалъ. Внизу чувала сбивается глинянный очагъ, гдѣ разводится огонь, а вся внутренность чувала по древесной корѣ густо и толсто намазывается глиною, чтобы кора не могла загорѣться. На бокахъ же древесной коры чувала дѣлаютъ нѣсколько зарубокъ, на которые на палкѣ привѣшиваются котелокъ или чайникъ. Тутъ же предъ огнемъ чувала васюганскіе инородцы пропекаютъ на шашлыкѣ или вертелѣ, свой прѣсный хлѣбъ-скороспѣлку. Для печенія же настоящаго кислаго русскаго хлѣба у нихъ въ каждыхъ юртахъ устраивается на особомъ срубѣ русская глинобитная печь просто на улицѣ. Эта печь безъ трубы и имѣетъ только одно устье, куда кладутся дрова; въ это же отверзтіе выходитъ и дымъ. Когда дрова перегорятъ и останутся угли, то эти угли сгребаютъ въ задъ печи, а въ переднюю половину ея садятъ хлѣбъ, потомъ закрываютъ отверзтіе деревянною доскою и даютъ испечься хлѣбу.

Около 9 часовъ утра мы пустились изъ Наунака до Усть-Чижапки. Васюганъ тутъ течетъ очень извилисто, и эти то извилины здѣшніе инородцы называютъ мучами. Иногда эта извилина или мучь, загибается въ сторону, тамъ идетъ тоже множествомъ плесовъ и зигзаговъ. Ѣдешь этими зигзагами верстъ шесть и болѣе, и пріѣзжаешь почти къ тому же мѣсту, гдѣ начинается загибъ, между тѣмъ отъ начала этого загиба до конца, если бы протащить лодку волокомъ, будетъ разстоянія не болѣе пятидесяти, или ста саженъ. Изгибъ же теченія не такой большой называется просто плёсомъ. Здѣшніе инородцы и все разстояніе по рѣкѣ Васюгану мѣряютъ этими „мучами“ и плёсами. Спросите ямщика, сколько еще осталось ѣхать до станка? и онъ вамъ отвѣтитъ: „три мучь да восемь плёсъ“. И эти три мучь да восемь плёсъ едва ли укладешь въ наши 25—30 верстъ. Зимняя дорога здѣсь едва ли не на двѣ трети короче лѣтней, потому что она прокладывается прямо, избѣгая всѣ эти „мучи“ и „плёсы“ и идетъ гдѣ берегомъ, а гдѣ и рѣкою; лѣтомъ же необходимо ѣхать рѣкою и поневолѣ приходится огибать всѣ эти мучи и плёсы, а потому вмѣсто ста саженъ и ѣдешь пять или шесть верстъ. Гдѣ зимнею

дорогою считается десять верстъ, тамъ водою лѣтомъ непремѣнно проѣдешь сорокъ пять верстъ.

Всю дорогу опять моросилъ мелкій дождикъ и дулъ навстрѣчу съ юго-запада сильный вѣтеръ. Около трехъ часовъ по полудни стало облачно, дождь пересталъ и выглянуло солнышко. Ямщики утомились и стали пріискивать мѣсто гдѣ-нибудь на песочкѣ, чтобы сварить чай, или обѣдъ; но песочка нигдѣ не было видно. Весь прибрежный тальникъ былъ въ водѣ аршина на полтора и болѣе, поэтому заботу о желудкѣ необходимо было отложить до отысканія удобнаго мѣста. Наконецъ часовъ около семи нашли мы одинъ песочекъ за вѣтромъ, гдѣ дѣйствительно можно было напиться чаю и приготовить уже ужинъ, а не обѣдъ. Колумбъ, завидя Америку, я думаю, не болѣе нашего радовался, когда мы завидѣли этотъ песокъ. Подъѣхавши къ нему, причалили и вышли на берегъ. Гребцы тотчасъ же принялись собирать костеръ и раскладывать огонь, чтобы приготовить чай и сварить ужинъ, а я принялся ходить взадъ и впередъ по этому песочку. Нужно было расправить свои члены, недвижимое лежанье въ лодкѣ ужасно надоѣло мнѣ, тѣмъ болѣе, что въ ней сидѣть даже было невозможно. Съ какимъ наслажденіемъ мы напились чаю, поужинали и посидѣли на песочкѣ до заката солнца. Когда солнце уже сѣло, мы поѣхали дальше, предполагая, что какъ нибудь къ полуночи доберемся до Чижапки, но въ Усть-Чижапку мы попали уже съ восходомъ солнца. Ночь была до десяти часовъ ясная, звѣзды блистали на небѣ, но къ одиннадцати часамъ небо опять затянуло тучами, на рѣкѣ отъ прибрежныхъ тальниковъ стало совсѣмъ темно. Надобно было ѣхать очень осторожно, чтобы не набѣжать на какое нибудь плывущее дерево, или пень, такъ какъ при высокой водѣ и сильной быстринѣ, по Васюгану плыло множество валежнику. А тѣмъ болѣе быстрина Васюгана еще увеличилась отъ впаденія въ него рѣчки Чижапки, которая своею водою и быстриною увеличила почти вдвое быстроту теченія Васюгана.

6-го августа съ восходомъ солнца мы попали въ Усть-Чижапку. На лѣвомъ берегу теченія Васюгана расположены четыре балагана изъ берестяныхъ тисокъ и въ нихъ теперь живутъ всѣ

жители. Это лѣтнія юрты, а зимнія расположены напротивъ, при впаденіи Чижанки въ Васюганъ, на лѣвомъ берегу Чижанки. Тамъ три плохонькія избушки и одна землянка (карамо). Въ нихъ теперь никто не живетъ, а оставшіеся дома инородцы живутъ въ лѣтнихъ юртахъ. Застали мы уже ихъ всѣхъ вставшими, за утреннимъ чаемъ. Пока мои гребцы приготовляли чай и завтракъ, я заинтересовался тутъ работою одной женщины. Она сшивала мѣхъ изъ бѣличьихъ лапокъ. И переднія и заднія бѣличьи лапки сшивались на ремешекъ изъ оленьей шкуры, а потомъ эти ремешки сшиваются вмѣстѣ, изъ нихъ выходитъ мѣхъ очень красивый и довольно прочный. Не видавши, никакъ нельзя узнать съ какого звѣря этотъ мѣхъ. Только работа очень медленная. Такіе же мѣха собираютъ здѣшнія инородки изъ оленьихъ ушковъ, изъ лапокъ колонка, соболя, изъ собольихъ ушковъ и даже бѣличьихъ хвостовъ. Мѣха эти, нашитые на оленьихъ ремешкахъ, довольно прочны, красивы и продаются не слишкомъ дорого. Впрочемъ они болѣе шьются для домашняго употребленія и купить ихъ можно только при случаѣ, когда инородцу необходимы деньги. Разумѣется, они понимаютъ восколько трудовъ обходится эта работа, и принимаютъ во вниманіе, сколько нужно напримѣръ употребить лапокъ бѣлки, чтобы собрать изъ нихъ полный мѣхъ, или одѣяло. Одѣяло изъ оленьихъ и лосиныхъ ушковъ можно купить за 8 рублей, такой же мѣхъ изъ собольихъ ушковъ уже продается не дешевле 40 рублей, изъ бѣличьихъ хвостовъ отъ 13 до 18 руб., а изъ лапокъ соболя и колонки отъ 45 до 50 руб., такъ какъ эти звѣрки нынѣ попадаютъ въ Васюганской тундрѣ очень рѣдко.

Здѣсь въ берестяныхъ юртахъ совершенно негдѣ было остановиться. Эти балаганы изъ тисокъ, закрытые сверху только до половины для прохода дыму, почти не даютъ никакой защиты отъ дождя и вѣтра, а дымъ отъ огня, разложеннаго посрединѣ, ходитъ кругомъ, выѣдаетъ глаза и не дозволяетъ дышать свободно. Приходилось поневолѣ ѣхать до Каргальдаевыхъ юртъ, куда отъ Усть-Чижапки считается верстъ до пятидесяти. Моимъ гребцамъ необходимъ былъ отдыхъ, потому что они были въ работѣ весь вчерашній день и эту ночь напролетъ. Поэтому я приговорилъ

одного инородца съ женою довести насъ до юртъ Каргальдаевыхъ съ тѣмъ, чтобы, когда они двое устанутъ, то ихъ могли бы замѣнить мои люди, которые къ тому времени могутъ отдохнуть и выспаться. Между тѣмъ сталъ накрапывать дождь и мы тотчасъ же послѣ чаю пообѣдали и отправились въ путь. Люди мои отдыхали въ кормовой части лодки, а инородецъ сѣлъ въ корму, посадивъ жену въ гребь. Хотя и моросилъ дождикъ, но мы ѣхали часовъ до двухъ сначала старицею Васюгана, такъ какъ по ней почти нѣтъ быстрины, а Васюганомъ очень быстро, хотя ѣзда старицею будетъ дальше верстъ на восемь, но за то легче гребцамъ. Тутъ почти на всемъ пространствѣ по обѣ стороны старицы Васюгана находится множество мелкихъ озеръ, но они всѣ теперь сплошь покрыты разливомъ Васюгана отъ ненастья и частыхъ проливныхъ съ самой весны дождей. Всѣ сора и озера затоплены и рыбнаго промысла, которымъ прежде существовали Васюганскіе инородцы, нынѣшнее лѣто нисколько нѣтъ. Рыба изъ Васюгана вся разошлась по сорамъ и по разливу гуляетъ спокойно въ травѣ, гдѣ её не поймаешь никакой ловушкою.

Часовъ около двухъ по полудни, когды мы проѣхали старицу и въѣхали опять въ Васюганъ, инородцы-ямщики уже притомились и стали жаловаться мнѣ, что они очень проголодались. Нечего дѣлать, я разбудилъ своихъ гребцовъ и приказалъ готовить чай и обѣдъ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и дождикъ пересталъ. Пристали къ высокому берегу, покрытому густымъ тальникомъ, кое гдѣ нашли немножко сносную полянку, тутъ напились чаю и пообѣдали, а затѣмъ одинъ изъ моихъ гребцовъ сѣлъ въ корму, другіе съ инородцемъ сѣли въ три греби, инородку же отправили въ кормовую часть лодки на отдыхъ и отправились далѣе. Верстахъ въ восьми, не доѣзжая юртъ Каргальдаевыхъ, въ правый берегъ Васюгана по его теченію вдается чворъ. Это небольшая широкая рѣчка, устье которой весною инородцы запираютъ запоромъ и тутъ все лѣто и зиму промышляютъ рыбу. Хотя этотъ чворъ съ весны нынѣшняго года и запертъ, но какъ вода стоитъ въ рѣкѣ выше запора, то въ немъ теперь рыбы нѣтъ. По высокой водѣ ей свободно можно и входить и выходить

изъ запора. Часамъ къ 10 вечера, когда уже стемнѣло, мы пріѣхали въ юрты Каргальдàевы. Это до-нельзя бѣдныя и неопрятныя двѣ избушки и съ ними же вмѣстѣ два лѣтнихъ берестяныхъ балагана. Напившись на берегу чаю, такъ какъ дождикъ уже пересталъ, и тутъ же поужинавши и накормивъ нашихъ нанятыхъ гребцовъ, мы отпустили ихъ и заснули въ лодкѣ до утра.

Утромъ 7-го августа встали на разсвѣтѣ. День былъ пасмурный, моросилъ дождь. Напившись только чаю, мы отправились въ путь, предполагая къ обѣду доѣхать до лѣтнихъ Варганàнжиныхъ юртъ. На лѣвомъ берегу Васюгана по теченію, верстахъ въ десяти выше Каргальдаевыхъ юртъ, находится высокій, саженъ до шести, не очень крутой берегъ бѣлаго песку и идетъ на протяженіи болѣе пяти верстъ. По бѣлизнѣ песку онъ называется бѣлымъ яромъ. Песокъ въ немъ немного смѣшанъ съ известью, но известковыхъ горъ здѣсь невидать нигдѣ. Здѣсь по бѣлому яру вверху мѣсто боровое и водится много глухарей, которыхъ мѣстные инородцы ловятъ петлями и продаютъ желающимъ отъ 7 до 8 коп. за штуку.

Около полудня доѣхали до лѣтнихъ Варгананжиныхъ юртъ. Это четыре лѣтнія, не на моху срубленныя избушки, даже безъ чуваловъ, негдѣ и обогрѣться. Сами жители грѣются вокругъ разведеннаго между избушками огня. И здѣсь мы не могли найти свѣжей рыбы по причинѣ многоводья Васюгана, пришлось довольствоваться опять чаемъ и солониною. Инородцы же съѣли даже всю свою, съ весны сушеную рыбу, ждутъ казенной барки съ хлѣбомъ, но она что-то запоздала и не везетъ хлѣба, а здѣсь уже наступаетъ совершенный голодъ. Тутъ мы услышали, что въ зимнихъ Варганàнжиныхъ юртахъ всѣ люди разъѣхались по покосамъ и юрты совершенно пусты. Пообѣдавъ, мы поѣхали далѣе. Верстахъ въ трехъ вверхъ отъ лѣтнихъ юртъ, съ лѣвой руки впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Варганàнжинка, а потомъ, не доѣзжая верстъ двухъ до зимнихъ юртъ, съ правой уже руки впадаетъ рѣчка Патáй. Въ зимнихъ юртахъ около девяти избушекъ, но всѣ онѣ пусты и окна закрыты, но за то отъ самыхъ лѣтнихъ юртъ вверхъ по обѣ стороны Васюгана мѣшаный лѣсъ и въ немъ въ

прогалинахъ покосы, и почти на каждой верстѣ до самой Усть-Нюрольки видишъ у берега, гдѣ три, гдѣ два, гдѣ и одинъ обласокъ, и чуткія собаки съ берега встрѣчаютъ громкимъ лаемъ нашу лодку. Это семьи инородцевъ косятъ и ставятъ сѣно и пріѣхали тутъ вмѣстѣ съ своими ребятишками, оставивъ юрты совсѣмъ пустыми. Почти къ полуночи мы добрались до Усть-Нюрольскихъ юртъ. Юрты расположены въ самой рѣчкѣ Нюролькѣ и состоятъ изъ трехъ такихъ же жалкихъ лачужекъ, какія мы видѣли почти во всѣхъ юртахъ, съ дымными чувалами, грязью, копотью и въ добавокъ со сквознымъ вѣтромъ. Пришлось, напившись на берегу чаю, завалиться опять въ лодку и соснуть до утра.

Недалеко отъ устья Нюрольки на сѣверо-востокъ, верстахъ въ 25-ти есть озеро Кыгыльтуры, оно около пятнадцати верстъ длины и до восьми ширины, въ немъ водится много рыбы и въ лѣтнюю пору тутъ пріѣзжаютъ нѣсколько инородцевъ съ своими семьями, располагаютъ по берегу его свои лѣтнія берестянныя жилища и промышляютъ рыбу. Близь него находятся два маленькія безъимянныя озера, въ которыхъ водятся только караси. Рано утромъ, взявъ изъ юртъ проводника, я отправился осмотрѣть эти озера. Они лежатъ въ хвойномъ лѣсу, какъ бы на полянѣ. На берегу Кыгыльтуры расположились своими лѣтними жилищами до четырехъ семей инородцевъ, но жалуются на то, что добычи рыбы почти совсѣмъ нѣтъ. Добываютъ только, чтобы сварить и тотчасъ же съѣсть. Часамъ къ 4-мъ вечера мы воротились въ Усть-Нюрольку, пообѣдали и отправились далѣе въ юрты Солагичи. Верстахъ въ десяти вверхъ отъ устья Нюрольки, съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Юга-юганъ, а за нею недалеко повыше на правомъ берегу Васюгана идутъ верстъ на пять скалы изъ ила, смѣшаннаго съ красною глиною. Эти скалы называются краснымъ яромъ. На верху яра по берегу, по мѣшаному лѣсу идетъ узкое болото верстъ на пять длины, тутъ родится много клюквы и водится много болотной птицы, которыя добываются инородцами. Птица идетъ для домашняго употребленія, а клюква продается торговцамъ, заѣзжающимъ въ Васюганъ. Около 10 час.

вечера мы пріѣхали въ юрты Солагичи и, поужинавъ, ночевали на берегу въ лодкѣ.

Юрты Солагичи основались около тридцати лѣтъ назадъ, т. е. около начала 50-хъ годовъ и получили свое названіе отъ васюганскаго инородческаго слова „сóлонкóль", что значитъ ложь, или враньё. Дѣдъ нынѣшнихъ жителей, Николай Тейкинъ, проживалъ до 1850 года въ юртахъ Тейкиныхъ и ужасно любилъ врать или хвастать. Сынъ его Яковъ тоже перенялъ эту способность у отца. Когда же Николай съ Яковомъ и четырьмя внуками переселился изъ Тейкиныхъ юртъ на это мѣсто и основалъ новыя юрты, то эти юрты окрестными жителями и были названы, по его способности врать, Сóлагичáми. Да и настоящіе-то жители тоже не отстали отъ дѣда и они всѣ любятъ врать и хвастать. Юрты Солагичи состоятъ изъ двухъ бѣдныхъ избушекъ съ чувалами, на лѣвомъ берегу Васюгана. Утромъ 9-го августа, около семи часовъ, мы выѣхали изъ Солагичей въ юрты Тейкины; дождикъ моросилъ опять по осеннему и мы едва къ полудню добрались до Тейкиныхъ и, тутъ на берегу пообѣдавъ, отправились далѣе въ село Васюганъ. Въ Тейкиныхъ юртахъ одна избушка на правомъ берегу Васюгана. До села Васюгана зимнимъ путемъ здѣсь считается семь верстъ, но лѣтнимъ, отъѣхавъ отъ Тейкиныхъ рѣкою верстъ пятнадцать, надобно своротить вправо и ѣхать такъ называемымъ „мучемъ" еще верстъ около тридцати, а потомъ, подъѣхавъ опять къ началу этого „муча", еще верстъ семь ѣхать до села Васюгана. До начала „муча" въ Васюганъ впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Погóшина, да еще въ самомъ мучѣ рѣчка Югаёгонъ—съ лѣвой же стороны. Въ село Васюганъ пріѣхали мы уже 10-го августа при восходѣ солнца и остановились у священника отца Петра Краснова, который принялъ насъ радушно и просилъ отдохнуть у него день или два. Слова нѣтъ, и для меня пріятно было послѣ пятнадцати-дневнаго путешествія въ лодкѣ, въ лежачемъ положеніи и остановокъ въ дымныхъ избахъ и берестяныхъ балаганахъ на вѣтру и дождѣ, провести хотя два дня въ настоящей комнатѣ.

Село Васюганъ расположено на лѣвомъ, высокомъ берегу рѣки

Васюгана, съ котораго видѣнъ прелестный ландшафтъ всей низменности праваго берега, съ его островками, сѣнными лугами, березовыми и мѣшаными пролѣсками. Село состоитъ изъ церкви, дома священника, псаломщика и вахтера, изъ запаснаго казеннаго хлѣбнаго магазина и четырехъ инородческихъ избушекъ, выстроенныхъ на русскій манеръ съ печами, а не чувалами. Казенный домъ вахтера и общественные дома священника и псаломщика довольно уже вѣтхи, имѣютъ только по двѣ комнаты съ кухнями, крыши на нихъ при порядочномъ дождѣ протекаютъ, въ стѣнахъ вездѣ щели и вѣтру есть гдѣ разгуляться на просторѣ. Хлѣбный магазинъ имѣетъ тѣ же самые недостатки и еще главный недостатокъ его состоитъ въ томъ, что онъ совершенно пустой, хлѣба въ немъ нѣтъ ни фунта при настоящемъ голодѣ жителей Васюгана и по неимѣнію промысла рыбы, по случаю многоводья Васюгана.

Два дня, 10 и 11-го августа, я пробылъ въ селѣ Васюганѣ, такъ какъ надобно было изготовить запасы бѣлаго и чернаго хлѣба, которые у насъ уже истощились. 10-го числа день былъ облачный и свѣтито солнце. Около трехъ часовъ по полудни священникъ и церковный староста вызвали меня прогуляться на Шайтанскій мысъ, желая показать мнѣ достопримѣчательности села Васюгана. Этотъ мысъ находится на разстояніи не болѣе двухъ верстъ отъ села и о немъ сохранилось преданіе, что это одинъ богатырь, превращенный въ камень. Этотъ богатырь, имя его неизвѣстно, проживалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится мысъ. Во время своихъ путешествій богатырь гдѣ-то, близь Тыма познакомился съ одною прислужницею-дѣвушкою (айми), состоявшею при одной изъ солнцевыхъ дочерей и полюбилъ ее, также и она полюбила его взаимно. Когда эта прислужница (айми) созналась ему, что и она взаимно любитъ его, тогда богатырь рѣшился увезти ее съ собою къ себѣ въ жены. Однажды ночью, тайно отъ солнцевой дочери онъ сѣлъ съ дѣвушкою на своего богатырскаго коня, который перепрыгивалъ рѣки, какъ ручейки, взбирался легче оленя на всякую гору и никогда не зналъ устатку, и направился въ путь. Между тѣмъ этого богатыря страстно по-

любила сама солнцева дочь, у которой находилась въ услуженіи эта, увезенная богатыремъ, дѣвушка. Замѣчая взаимную любовь своей прислужницы (айми) и богатыря, солнцева дочь однако не могла причинить ей никакого вреда, потому что на дѣвушкѣ постоянно было очарованное ожерелье изъ красныхъ стеклянныхъ бусъ, охранявшее ее отъ всякаго вреда и бѣды. Когда по утру солнцева дочь узнала, что ея айми—прислужница убѣжала въ ночь съ богатыремъ, котораго полюбила и сама солнцева дочь, тогда она обратившись въ лебедя, полетѣла въ погоню за бѣглецами. Богатырскій конь несъ своего господина съ невѣстою чрезъ рѣки, озера, горы и лѣса, не зная преграды, и находился недалеко уже отъ своего жилища, а солнцева дочь подъ видомъ лебедя слѣдовала за нимъ. Вдругъ нить, на которой были спизаны бусы очарованнаго ожерелья, порвалась и бусы разсыпались. Одно изъ зеренъ ожерелья запуталось въ гривѣ коня, другое же въ черныхъ густыхъ волосахъ невѣсты. Богатырь же, не имѣя у себя зерна бусъ этого ожерелья, тотчасъ же упалъ съ коня и превратился въ огромный камень, а конь съ дѣвицею помчались далѣе по лѣвому берегу Васюгана вверхъ, перепрыгивая рѣчки и другія преграды. За рѣчкою Лантыягомъ богатырскій конь перепрыгнулъ Васюганъ, спасаясь отъ преслѣдованія солнцевой дочери, а въ это самое время прыжка и послѣднія зерна очарованнаго ожерелья упали въ воду и болѣе защиты не было. Конь перепрыгнулъ Васюганъ съ лѣваго берега на правый и врѣзался между скалами и вмѣстѣ съ бѣглянкою превращенъ былъ въ двѣ скалы. И понынѣ между юртами Тимольгиными и Айполовыми, какъ разъ на половинѣ, на правомъ берегу Васюгана, показываютъ нѣсколько скалъ и одна изъ нихъ называется „Кохъ-пѣда“, т. е. конь камень, а другая рядомъ съ нею „Оги-кохъ“, дѣвица камень.

Вѣка прошли, поэтическое преданіе объ окаменѣломъ богатырѣ сохранилось между инородцами, а между тѣмъ время, этотъ неустанный работникъ, дѣлало свое дѣло. Оно въ теченіи, можетъ быть, нѣсколькихъ столѣтій засыпало этого богатыря пескомъ и иломъ, воздвигло надъ нимъ цѣлую гору, усѣяло ее столѣтними деревьями и у подножія этой горы проложило русло рѣчки Ва-

рынъ-ёгонъ, которая у самой горы впадаетъ въ Васюганъ и образуетъ Шайтанскій мысъ своимъ крутымъ лѣвымъ берегомъ и крутизною берега Васюгана. Шайтанскимъ мысомъ эта гора названа, потому что въ прежное время на ней обитали нечистые духи, по васюгански „юнгъ", по обски—лозъ, которымъ все-таки всѣ инородцы, уже незнаю почему, даютъ иногда татарское названіе „шайтанъ". Здѣсь и въ настоящее время не далѣе одной версты отъ села есть слѣды древняго поклоненія „юнгамъ". Священникъ и староста показывали мнѣ одно завѣтное дерево, ель, называемое „юнкиюхъ", посвященное здѣшнимъ духамъ, на вѣтвяхъ котораго, какъ и у нашихъ обскихъ инородцевъ, навѣшано множество подарковъ духамъ: ленточекъ, тесемокъ, тряпичекъ, большею частію краснаго цвѣта, звѣриныхъ шкурокъ, по нѣскольку аршинъ ситцу и другихъ недорогихъ матерій. Здѣшніе инородцы жалуются, что съ того времени, какъ въ Васюганъ стали наѣзжать торговцы изъ Нарыма, въ особенности въ лѣтнее время на каюкахъ съ товарами, то набираемые ими для сплава каюковъ, ссыльные, узнавъ подобныя деревья, гдѣ приносятся „юнгамъ" подарки и даже деньги, приходятъ ночью тайно къ этимъ деревьямъ и, не боясь мщенія „юнговъ", обираютъ приносимые имъ дары и даже деньги, влагаемыя въ щели корней этихъ деревьевъ. На этомъ же деревѣ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, на Шайтанскомъ мысу виднѣе всѣхъ подарковъ духамъ выдается восемь аршинъ ситцу, привѣшанные осенью 1881 г. вахтеромъ Васюганскаго хлѣбнаго магазина, казакомъ Александромъ Соснинымъ. Въ 1881 г. всю весну и лѣто онъ страдалъ лихорадкою. Медицина немогла дать ему помощи, такъ какъ онъ не хотѣлъ содержать діэты, а потому онъ и обратился за совѣтомъ противъ своей болѣзни къ извѣстному въ Васюганѣ ворожецу, или шаману, „елъ коссè", и тотъ присовѣтовалъ ему повѣсить этотъ даръ духамъ на этомъ деревѣ. Вахтеръ Соснинъ привѣсилъ къ дереву свой подарокъ и съ тѣхъ поръ лихорадка бросила его.

Другая замѣчательная особенность Шайтанскаго мыса есть лиственница, обхвата въ три толщиною, стоящая почти на самомъ склонѣ горы. На нижнихъ вѣтвяхъ ея, вокругъ ствола прежде

былъ настланъ полъ и сдѣлано на немъ, что-то въ родѣ небольшаго амбарчика, гдѣ находился истуканъ духа, сдѣланный изъ дерева и одѣтый въ рубашку изъ оленьихъ шкуръ. Къ нему было множество приношеній отъ окрестныхъ инородцевъ, но съ годъ тому назадъ этотъ амбарчикъ вмѣстѣ съ истуканомъ былъ перенесенъ на другое, неизвѣстное мѣсто, именно по той причинѣ, что ссыльные сплавщики каюковъ торговцевъ, также узнали о существованіи этого амбарчика, стали навѣщать его въ ночную пору и уносить съ собою приношенія духамъ. Нынѣ на этой лиственницѣ остался полъ одинъ на настилкѣ, а самый амбаръ съ истуканомъ перенесенъ куда-то въ другое мѣсто.

На другой день гребцамъ моимъ нужно было исправить лодку, крыша которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ протекала, и изготовить запасъ свѣжаго бѣлаго и чернаго хлѣба, такъ какъ до Айполовыхъ юртъ, на разстояніи почти 900 верстъ, рѣшительно негдѣ достать свѣжаго хлѣба. Тамъ же, въ Айполовыхъ юртахъ, при домѣ тарскаго торговца Ѳедора Мефодіева Алексѣева имѣется амбаръ съ мукой и оставленъ при домѣ приказчикъ, жена котораго могла приготовить намъ для запаса хлѣба и чернаго, и бѣлаго не по-остяцки, а по-русски. Къ одиннадцати часамъ до полудня 12-го августа и лодка была починена, и запасы изготовлены, и мы, напутствуемые благословеніемъ священника, отправились въ путь. День былъ морочный и моросилъ осенній дождикъ. До юртъ Кильсиныхъ отъ села Васюгана хотя и считается тридцать верстъ, но извилинами и мучами Васюгана будетъ болѣе пятидесяти. Часамъ къ 7-ми вечера мы остановились на одномъ выдавшемся изъ воды песочкѣ, сварили чай и ужинъ и, поѣвши, поѣхали далѣе. Ночью пошелъ сильный дождь, темно, пристать некуда и едва на разсвѣтѣ 13-го августа мы попали въ юрты Кильсины. Юрты состоятъ изъ одной бѣдной избушки на лѣвомъ крутомъ берегу и даже безъ чувала, а съ очагомъ посрединѣ избы, гдѣ разводится и огонь. Въ этой избушкѣ помѣщается одна семья инородцевъ, состоящая изъ четырехъ взрослыхъ и четырехъ малолѣтковъ. Здѣсь, напившись чаю, я нанялъ старика съ двумя подростками 13 и 14 лѣтъ, довезти насъ до слѣдующихъ Пенып-

скихъ юртъ. Моимъ гребцамъ надо было отдохнуть, они были безъ сна и гребли всю ночь подъ сильнымъ дождемъ. Когда мои люди обсушили платье и обогрѣлись, старикъ инородецъ, посадивъ своихъ двухъ сыновей въ греби, сѣлъ въ корму и мы пустились далѣе. Въ двухъ верстахъ повыше Кильсиныхъ юртъ съ лѣвой руки впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Мемкакануры, идущая изъ болотной тундры Сургутскаго округа, Тобольской губерніи, а далѣе верстъ черезъ семь съ правой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Ыналынъ-игай однимъ устьемъ. Другое же устье этой дальней рѣчки впадаетъ уже вблизи Калкынацкихъ юртъ, а близь Пенырскихъ юртъ съ правой же руки теченія впадаетъ въ Васюганъ маленькая безъимянная рѣчка, гдѣ зимою жители Пенырскихъ юртъ ловятъ рыбу. Въ устье этой рѣчки они ставятъ морды, а когда рѣчка замерзнетъ и ледъ покроется снѣгомъ, то жители отправляются въ вершину рѣчки и топчатъ снѣгъ на льду. Этимъ топтаньемъ и своею тяжестью они отдавливаютъ ледъ и рыба бросается внизъ по рѣчкѣ къ устью и попадаетъ въ морды.

Въ сумеркахъ уже добрались мы до Пенырскихъ юртъ, но онѣ были совершенно пусты, всѣ жители были на покосахъ, а гдѣ ихъ искать? На правомъ берегу Васюгана пять маленькихъ избушекъ и всѣ онѣ заперты. Это и есть Пенырскія юрты. Мы рѣшились напиться на берегу чаю и поужинать, потомъ отпустить нанятыхъ инородцевъ и пуститься въ путь до юртъ Калкынака. Развели костеръ огня, напились чаю подъ открытымъ небомъ потому что дождикъ пересталъ. Поужинавъ по-остяцки прямо изъ котла и разсчитавшись съ остяками, которыхъ также покормили съ собою, мы отправились дальше въ путь, хотя ночь была пасмурна и темна.

Проѣхавъ версты двѣ, мы добрались до устья рѣчки Альтимъ-игай, которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Эта рѣчка вытекаетъ изъ озера еще въ Тобольской губерніи и въ вершинѣ по выходѣ изъ озера, принимаетъ въ себя три рѣчки, а потому устье ея довольно широко и вода въ ней течетъ быстро. По быстринѣ Васюгана плыло множество валежнику и при ночной темнотѣ очень легко было наткнуться лодкою на какую нибудь карягу и даже

пробить дно лодки; поэтому мы ѣхали тихо и осторожно и только съ разсвѣтомъ 14-го августа добрались до другаго устья рѣчки Ынàлынъ-игàй, а потомъ, проѣхавъ еще около десяти верстъ, пріѣхали въ юрты Калкынакъ около полудня.

Юрты Калкынàкъ состоятъ изъ восьми избушекъ такихъ же дымныхъ съ чувалами, какія были и въ прежнихъ юртахъ. Всѣ вообще жители жалуются на недостатокъ рыбы отъ многоводья Васюгана и на неимѣніе хлѣба, такъ какъ торговцы, наѣзжающіе къ нимъ, пріѣхавъ весною и взявши отъ нихъ зимній промыселъ, дали имъ немного хлѣба въ долгъ, но этотъ хлѣбъ уже вышелъ. Въ настоящее же время въ Васюганскомъ магазинѣ хлѣба нѣтъ нисколько, и хотя въ Айполовскомъ магазинѣ есть еще хлѣба до 600 пудовъ, но этотъ хлѣбъ не выдается имъ вахтеромъ, такъ какъ онъ завѣдываетъ и Васюганскимъ и Айполовскимъ магазинами и ѣхать въ Айполовы юрты для выдачи хлѣба ему лѣнь, а отъ этого при неимѣніи лова рыбы имъ угрожаетъ голодная смерть.

Съ полудня небо прояснѣло и къ закату солнца 14-го августа мы выѣхали изъ Калкынàка. Отъѣхавъ версты полторы, мы увидѣли два устья рѣчекъ, какъ разъ одно противъ другаго. Это впадаютъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны рѣчка Калкынàкъ, а съ правой Ярыкумбагъ. Къ сумеркамъ небо опять заволокло тучами и сталъ накрапывать дождь. Часамъ къ десяти дождь пошелъ сильный. Спастись отъ него, или пристать къ берегу рѣшительно негдѣ, весь тальникъ затопленъ водою аршина на полтора. Пришлось ѣхать подъ проливныхъ дождемъ до самаго разсвѣта. На свѣту уже мы доѣхали до устья рѣчки Мàкынъ-Яга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны, а потомъ часамъ къ семи утра 15-го августа доѣхали до юртъ Мàдуковыхъ. Утро было холодное. Мои гребцы положительно замерзли, дождь промочилъ ихъ до костей и они стучали зубами, какъ въ лихорадкѣ. Надобно было обсушить имъ платье и отдохнуть самимъ. Въ дымной избѣ возлѣ чувала расположились мы сушиться и грѣться. Юрты Мадуковы расположены на лѣвомъ высокомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ трехъ избушекъ. Здѣсь мы напились чаю и приготовили обѣдъ. Когда пообѣдали и платье моихъ гребцовъ высохло, я от-

правилъ ихъ на отдыхъ въ кормовую часть лодки и нанялъ двухъ остяковъ и женщину довезти насъ до Кàдыльскихъ юртъ и около полудня поѣхали далѣе.

На разстояніи 15-ти верстъ отъ юртъ Мàдуковыхъ вверхъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Юнгъ-àльджи-ури, и далѣе почти на такихъ же разстояніяхъ еще впадаютъ въ Васюганъ съ той же лѣвой стороны двѣ лѣсныя небольшія рѣчки Емынъ-югàнъ (черемуховая рѣчка), и Вàлинъ-югàнъ. Къ вечеру проѣхали половину разстоянія до Кадыльскихъ юртъ. Здѣсь на правомъ берегу Васюгана между нѣсколькими береговыми, песчаными скалами возвышается одна, сажень на пятнадцать и болѣе надъ поверхностію Васюгана, называемая „Сындакую". На одномъ изъ верхнихъ уступовъ ея видѣнъ входъ въ древнее карамó, устроенное однимъ бывшимъ въ древности здѣсь шаманомъ, по имени Сындакую, отъ котораго и гора получила свое названіе. Онъ жилъ въ этомъ карамó, и при жизни его по ночамъ, проѣзжающіе по рѣкѣ, люди слыхивали, какъ онъ билъ въ свой бубенъ и громко сзывалъ къ себѣ своихъ юнговъ (духовъ). Многіе инородцы приходили къ нему сюда за совѣтами для излеченія болѣзней и приносили ему богатые подарки. Шаманъ этотъ жилъ болѣе полутораста лѣтъ и былъ совершенно сѣдой, жилъ онъ одинъ и никому неизвѣстно, чѣмъ онъ питался. Послѣ его смерти не нашли его тѣла, между тѣмъ одежды его и бубенъ, по разсказамъ инородцевъ, и до сихъ поръ находятся въ этомъ карамó. Желательно было мнѣ сходить на эту гору и осмотрѣть карамó, одежды и бубенъ шамана, но наступала ночь, поэтому осмотръ этой горы и карамò я отложилъ до обратнаго пути. Проѣхавъ рѣчку Емынъ-югàнъ, мы остановились на лѣвомъ берегу Васюгана и, выбравъ удобное мѣстечко, напились чаю и поужинали, а потомъ поѣхали далѣе. Мои отдохнувшіе гребцы пособляли посмѣнно нанятымъ и къ утру 16-го августа мы добрались до Кàдыльскихъ юртъ.

Юрты расположены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами. Противъ юртъ, немного повыше впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Кàдылька, въ верховьи своемъ состоящая изъ двухъ рѣчекъ Большой и Малой Кàдыльки. Утро

было пасмурное, моросилъ осеннiй дождикъ, сильный юго-западный вѣтеръ пронизывалъ насквозь даже шубы. Здѣсь въ одной избушкѣ согрѣли чай, сварили въ котлѣ мяса и, закусивъ, отправились дальше въ юрты Тимольгины. Часамъ къ двумъ по полудни мы прiѣхали къ лѣтнему становищу остяковъ, гдѣ они ловятъ рыбу. Тутъ на берегу расположены четыре берестяные балагана и живутъ четыре семьи остяковъ, но промысла, по случаю ненастья и многоводья Васюгана, почти нѣтъ. Впрочемъ предъ нашимъ прiѣздомъ сюда одинъ изъ остяковъ поймалъ до десятка щукъ. Я поторговался съ нимъ и онъ уступилъ мнѣ пару полутора-аршинныхъ щукъ за два печеные хлѣба. Тотчасъ же мы сварили этихъ щукъ и поѣли съ апетитомъ. Соленое мясо уже надоѣло и оно ѣлось только за неимѣнiемъ другой пищи. Потомъ сѣли въ лодку и поплыли далѣе, а часамъ къ одиннадцати ночи прiѣхали въ юрты Тимольгины. Здѣсь, прикрѣпивъ лодку къ берегу, залегли спать въ лодкѣ до утра.

Утромъ 17-го августа мы проснулись на разсвѣтѣ и я послалъ своихъ гребцовъ будить кого либо изъ юрточныхъ жителей, и развести огонь въ чувалѣ, чтобы погрѣться. Ночь была довольно холодная, рѣзкiй сквозной вѣтеръ пробиралъ даже подъ шубою, а утреннiй воздухъ влажный отъ моросившаго всю ночь дождя, невольно бросалъ въ дрожь. Когда разбудили остяковъ и развели огонь въ чувалѣ, я вышелъ изъ лодки и пошелъ въ избу погрѣться къ разведенному огню. Юрты состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами и одной избы крестьянина изъ Тары, служителя тарскаго торговца Федора Алексѣева. Впрочемъ, хозяева этой избы уѣхали на страду въ Тару, они живутъ здѣсь временно и изба стоитъ запертою. Пока готовился чай и обѣдъ, я разговорился съ хозяиномъ избы о томъ, почему они не кладутъ въ своихъ избахъ русскихъ печей, отъ которыхъ бываетъ тепло на цѣлыя сутки и нѣтъ такого ѣдучаго дыма, какъ отъ ихъ доморощенныхъ чуваловъ, которые хороши только въ землянкахъ, или карамàхъ? На это онъ отвѣтилъ мнѣ, что едва-ли когда нибудь даже и внуки ихъ заведутъ въ своихъ домахъ русскiя печи. По стариннымъ вѣрованiямъ остяковъ, солнце и огонь есть двѣ до-

чери Бога, и Отецъ послалъ ихъ на землю, чтобы освѣщать и согрѣвать жителей земли. Огонь въ чувалѣ, это по ихъ мнѣнію какое-то священнодѣйствіе и никто изъ остяковъ не смѣетъ бросить въ чувалъ избной соръ, или что-нибудь нечистое. При первоначальномъ установленіи чувала въ избѣ, когда изготовленъ для него очагъ и въ первый разъ раскладывается въ немъ огонь, тогда хозяйка дома должна бросить въ этотъ первый разведенный огонь нѣсколько красныхъ лоскутковъ, чтобы присутствующая невидимо въ чувалѣ Божья дочь хранила бы домъ отъ пожара. Въ случаѣ же лѣснаго пожара остяки берутъ семь аршинъ ситцу, непремѣнно краснаго цвѣта, на двухъ лучинкахъ выносятъ его изъ юртъ навстрѣчу огню и съ низкимъ поклономъ кладутъ его на землю, чтобы огонь, принявши отъ нихъ подобную жертву, обошелъ бы мимо ихъ юрты. При этомъ онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую легенду. Въ однихъ юртахъ были всего только два дома, и въ нихъ жили двѣ семьи. Хозяйка одного дома вела у себя чистоту, каждый день выметала въ избѣ соръ и выносила его на улицу. Хозяйка же другаго дома была неряшлива, рѣдко подметала въ избѣ, а если когда и случится подмести, то соръ лѣнилась выносить на улицу, а обыкновенно бросала его на очагъ чувала. Однажды, рано утромъ, госпожа чувала изъ неряшливаго дома, въ своемъ красномъ платьѣ, пришла навѣстить свою сосѣдку, невидимую госпожу чувала опрятнаго дома, и въ разговорахъ стала жаловаться на хозяйку своего дома, что она держитъ её (госпожу) въ нечистотѣ и всегда забрасываетъ соромъ. При этомъ она объявила своей сосѣдкѣ, что она намѣревалась минувшую ночь сдѣлать въ неряшливомъ домѣ пожаръ и сожечь его со всѣми хозяевами, но пожалѣла невиннаго младенца изъ опрятнаго дома, принесеннаго на нѣсколько дней въ неряшливый домъ, чтобы не сожечь его вмѣстѣ съ неряшливыми хозяевами. На это госпожа чувала опрятнаго дома присовѣтовала ей, сожечь домъ съ хозяевами, только чтобы огонь обошелъ вокругъ того мѣста, гдѣ спитъ этотъ невинный младенецъ и не обжогъ бы его. Послѣ этого посѣщенія, въ слѣдующую ночь сдѣлался въ неряшливомъ домѣ пожаръ и домъ вмѣстѣ съ хозяевами сгорѣлъ до тла, а только и

осталось то мѣсто, гдѣ спалъ невинный младенецъ изъ опрятнаго дома и этого младенца не коснулся огонь, оставивъ его живымъ, здоровымъ и спокойно спящимъ.

Послѣ чаю пообѣдавъ, мы сѣли въ лодку и отправились въ юрты Айполовскіе, до которыхъ отъ Тимольгиныхъ юртъ водою инородцы считаютъ до семидесяти верстъ. Когда мы доѣхали до устья рѣчки Лантыяга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны, сталъ опять моросить дождь. Въ этомъ мѣстѣ черезъ весь Васюганъ есть перекатъ, въ родѣ порога, саженъ на пятьдесятъ. Въ малую воду даже каюки протаскиваютъ тутъ волокомъ, а случись поболѣе барка, то тащатъ и воротомъ. Дно на этомъ перекатѣ илистое, а потому дно судна скользитъ по нему, чѣмъ облегчаетъ работу тянущихъ судно людей. Къ вечеру добрались до устья рѣчки Кельватъ, которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Здѣсь устроено лѣтнее становище, три берестяные балагана, и три семьи остяковъ промышляютъ рыбу и ставятъ сѣно для своихъ лошадей. По случаю многоводья Васюгана промыселъ рыбы плохъ, только добываютъ, чтобы сварить и съѣсть. Сѣно же косятъ и ставятъ на высокихъ мѣстахъ и гривкахъ и то на подставкахъ (лабазахъ, какъ они называютъ здѣсь). Скошенную траву просушиваютъ, разбрасывая по верхушкамъ тальника и другихъ небольшихъ деревъ, а когда она высохнетъ, то, подъѣзжая на лодкѣ, собираютъ ее и складываютъ въ маленькіе стога на лабазахъ. Здѣсь мы опять напились чаю и поужинали, гребцы мои обсушили промокшее подъ дождемъ платье и поѣхали далѣе. Рѣчка Кельватъ съ вершины своей принимаетъ въ себя слѣва рѣчку Юлъ-югатъ и справа Нянъ-югалъ и еще справа же рѣчку Кельвасъ-игатъ, которая вытекаетъ изъ озера съ южной стороны. Ночь была пасмурная и моросилъ дождь. Плыть надо было осторожно, чтобы ненаткнуться на какое нибудь плывущее дерево, а потому мы уже со свѣтомъ добрались до рѣчки Айполъ, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны. Не доѣзжая еще версты за двѣ до устья ея, въ правомъ берегу Васюгана высятся нѣсколько скалъ, очень крутыхъ надъ берегомъ. Скалы эти песчаныя и о нихъ въ народѣ ходитъ преданіе, что на верху этихъ скалъ былъ нѣкогда

городъ. Неизвѣстно какое названіе носилъ этотъ городъ, но онъ былъ великъ и силенъ тѣмъ, что врагамъ подойти къ нему не было никакой возможности. Съ береговой стороны были сдѣланы рвы, а съ берега подниматься надобно было покрайней мѣрѣ до двадцати саженъ почти отвѣсно. Сами жители города, чтобы спускаться къ рѣкѣ, устроили себѣ лѣстницы изъ нѣсколькихъ десятковъ длинныхъ бревенъ, связавъ ихъ веревками одно отъ другаго по краямъ не далѣе трехъ четвертей аршина. Лѣстница эта, на случай осады, веревками могла подниматься вверхъ на вершину скалы, гдѣ была прикрѣплена къ двумъ врытымъ въ землю столбамъ, и по надобности жителей опускалась по скалѣ до ихъ возвращенія въ городъ. Однажды татары вздумали овладѣть этимъ городомъ, выждали время, когда мужчины-жители города отправились куда-то по берегу и оставили опущенную лѣстницу неподнятою, съ большимъ числомъ войска подобрались къ лѣстницѣ и всею толпою бросились взбираться по ней къ верху. Въ городѣ оставались только однѣ женщины. Услышавъ шумъ внизу, онѣ посмотрѣли и увидѣли, что по лѣстницѣ взбираются къ нимъ враги. Оставалось еще какихъ нибудь минутъ десять и татары взобрались бы въ городъ, но догадливыя женщины обрубили топорами веревки, прикрѣплявшія лѣстницу къ столбамъ, утвержденнымъ на вершинѣ, и всѣ татары вмѣстѣ съ лѣстницею упали внизъ. Много тутъ погибло ихъ перемятыхъ бревнами лѣстницы, а которые спаслись отъ такой гибели, со стыдомъ убѣжали и болѣе уже не осмѣливались приступать къ этому городу. Скалы дѣйствительно, а въ особенности одна, на которой стоялъ городъ, такъ высоки и отвѣсны, что безъ лѣстницъ невозможно взобраться на нихъ. Противъ устья рѣчки Айполъ построенъ на берегу рѣки Васюгана хлѣбный казенный магазинъ, а проѣхавъ еще версты четыре, мы часамъ къ девяти утра пріѣхали въ юрты Айполовскія.

Юрты Айполовскія расположены на лѣвомъ высокомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ двадцати избушекъ остяцкихъ. Между ними двѣ церковнаго старосты и его брата отличаются чистотою и имѣютъ въ себѣ русскія печи вмѣсто чуваловъ, а вмѣсто наръ

имѣются столы и крашеныя стулья. Кромѣ того въ юртахъ есть особый домъ и при немъ хлѣбный амбаръ, принадлежащій торгующему крестьянину Тарскаго округа дер. Киштовки Федору Мефодіеву Алексѣеву, который лѣтъ уже около двадцати производитъ торговлю по всему Васюгану хлѣбомъ, крупою и другими, даже красными товарами. Такъ какъ я уже въ селѣ Васюганѣ познакомился съ церковнымъ старостою, но онъ еще оттуда не возвратился въ Айполовы юрты, то я и остановился въ домѣ его брата. Пріятно было остановиться не въ дымной избѣ, а въ чистой комнаткѣ, гдѣ можно было и отдохнуть въ волю. Да и намъ нужно было здѣсь взять въ запасъ печенаго бѣлаго и чернаго хлѣба, запастись и сухарями, потому что далѣе до вершины Васюгана и обратно, рѣшительно негдѣ взять никакихъ запасовъ. Солонина же наша, взятая въ Нарымѣ, тоже истощилась, поэтому слѣдовало запасти, что нибудь и вмѣсто нея, тѣмъ болѣе, что мы уже испытали, что на промыселъ рыбы въ Васюганѣ надѣяться было нельзя, а сушеная рыба, которой въ Айполовыхъ юртахъ достать было и можно, никуда не годилась. Сушеная и вяленая безъ соли, она не имѣла никакого вкуса и была, какъ трава. Сдѣлавъ распоряженіе о заготовленіи всего этого, я принялся распрашивать хозяина о ихъ житьѣ-бытьѣ, о достопримѣчательностяхъ этого края и преданіяхъ старины. Долго вели мы съ нимъ бесѣду. Уже солнце, которое съ полудня выглянуло и порадовало насъ, зашло, небо было ясное и обѣщало на завтра хорошій день. Вечеромъ мои люди доискались у работника торговца Алексѣева свинью и барана, которыхъ я купилъ и предоставилъ имъ зарѣзять и, изрѣзавъ въ куски, опустить въ ту же кадочку въ разсолъ, гдѣ была наша солонина.

Изъ распросовъ, какъ моего хозяина, такъ и другихъ остяковъ, собравшихся вечеромъ въ мою квартиру, я узналъ: 1) что о перекатѣ, или порогѣ, чрезъ рѣку Васюганъ близь устья рѣчки Лантыяга, ходитъ между ними слѣдующее преданіе. Въ старину, въ этомъ мѣстѣ, по обоимъ берегамъ Васюгана, другъ противъ друга, жили два богатыря и что они были ростомъ такъ велики, что вода въ Васюганѣ была имъ только до колѣна. Переходя

одинъ къ другому, они никогда выше колѣна не мочили ногъ своихъ и въ большую и въ полую воду. Вѣроятно, по здравому смыслу, эти богатыри были обыкновенные люди и такого же обыкновеннаго роста, но знали мѣсто этого переката чрезъ Васюганъ и проходили другъ къ другу, только омочивъ ноги до колѣна. Другимъ инородцамъ, можетъ быть, и казалось удивительнымъ, что они только до колѣна переходятъ такую глубокую рѣку, но какъ они не знали тайны этого переката, то и представили въ своемъ воображеніи, что эти люди—богатыри и необыкновенно огромнаго роста. А какъ въ то время жителей по Васюгану было еще очень мало, то и очень легко, что память объ этихъ двухъ человѣкахъ, знавшихъ тайну переката, и сохранилась въ народной легендѣ. Да и самая-то легенда уже доказываетъ, что этотъ перекатъ существуетъ уже не одно столѣтіе. 2) По рѣчкѣ Кѐльватъ, есть впадающая въ нее рѣчка Ке́львасъ-игатъ, выходящая изъ озера. По берегу этого озера, каждую весну располагается своимъ станомъ одинъ крещеный тунгузъ со стадами оленей. Семья его состоитъ изъ жены, сына-подростка, лѣтъ четырнадцати, и двухъ взрослыхъ дочерей, у которыхъ праздничныя рубашки обшиты бисеромъ и мѣдными крестами, какіе продаются у мелочныхъ торговцевъ. Самъ тунгузъ крещеный, но жена и дѣти его не крещены. Въ началѣ, или половинѣ іюля, онъ укладываетъ свой станъ, собираетъ оленей и перекочевываетъ куда-то, но куда неизвѣстно. 3) Повыше Айполовыхъ юртъ за три плеса есть рѣчка Ве́линъигай, въ нее съ юга впадаетъ рѣчка Егъ, выходящая изъ озера Егъ-сигатъ. Западная часть этого озера отдана жителями юртъ Айполовыхъ въ кортомъ крестьянину Тарскаго округа Волгинской волости деревни Елизаровой Ивану Федотову Сѣдельникову, который выстроилъ тутъ на берегу озера себѣ избу и каждою осенью пріѣзжаетъ жить тутъ до весны для промысла рыбы съ товарищемъ своимъ, тоже тамошнимъ крестьяниномъ, Васильемъ Трифоновымъ. Эти крестьяне оба старовѣры и у нихъ съ остяками всегда бываютъ непріятности, хотя пустыя, но все таки непріятности изъ за прорубей въ озерѣ. Туда же пріѣзжаютъ зимою для промысла рыбы и остяки изъ Айполовыхъ и Окон-

цугонцевыхъ юртъ. А какъ староверы изготовляютъ для себя проруби въ озерѣ, чтобы имѣть воду для домашняго употребленія, поранѣе, то остяки, любящіе вообще поболѣе соснуть, черпаютъ воду изъ нхъ же прорубей что для старовѣровъ кажется оскверненіемъ; потому крестьянамъ старовѣрамъ и приходится для каждаго новаго ведра воды долбить новую прорубь. Впрочемъ большой ссоры отъ этого не происходитъ и теперь остяки черпаютъ воду въ старовѣрскихъ прорубяхъ только тѣ, которые пріѣзжаютъ вновь или которые захотятъ подшутить надъ ними. 4) Между юртами Оконцугонцовыми и Кунтиками по правую руку Васюгана есть озеро Тухъ-Сигàтъ. На этомъ озерѣ есть островокъ и на немъ сдѣланъ амбарчикъ на четырехъ столбахъ. Въ этомъ амбарчикѣ изстари до сихъ поръ хранятся прежнія остяцкія куклы-идолы, „Ортыни-Пай" (богатая баба) и двѣ ея прислужницы (àйми). Ортыни-Пай сидитъ у одной стѣны амбарчика на маленькомъ возвышеніи, а обѣ прислужницы ея (àйми) стоятъ по бокамъ возлѣ нея. Какъ сама Ортыни-Пай, такъ и прислужницы ея одѣты въ полотняныя рубашки, ушитыя бисеромъ и мѣдными блестящими вещицами. Сама Ортыни-Пай сдѣлана аршина въ полтора вышины, а прислужницы ея поменѣе аршина. Передъ ней стоитъ низенькій столикъ, на которомъ поставлена серебряная тарелка, изукрашенная разными черточками и кружками, какъ прежде украшались у остяковъ горшки изъ черной глины, иногда и въ настоящее время находимые въ землѣ. Есть преданіе, что у этой Ортыни-Пай былъ мужъ, родная сестра и семь сыновей и будто бы жили они тутъ всѣ вмѣстѣ. Мужъ ея отправился въ рѣчку Югàнъ воевать съ тамошними дьяволами и оттуда уже не возвращался, вѣроятно, тамъ былъ убитъ на войнѣ. Сестра же Ортыни-Пей, молодая дѣвица, когда у вдовы подросли сыновья, пошла въ рѣку Тымъ искать себѣ жениха и оттуда не возвращалась, можетъ быть тамъ она вышла замужъ. Ортыни-Пай очень уважается всѣми здѣшними и окрестными инородцами, какъ приносящая семейное счастье и удачу въ промыслѣ и ей приносится множество подарковъ. Амбарчикъ ея хранится въ чистотѣ и запирается замкомъ, ключъ отъ котораго хранится въ одномъ

Айполовскомъ семействѣ и передается изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, уже болѣе двухсотъ лѣтъ. И теперь онъ хранится у Родіона Пачелкова, который въ настоящее время уѣхалъ внизъ Васюгана для сбора орѣховъ. 5) Близъ этого же озера Тухъ-Сигатъ есть другое озерко „Кайогодете-эмтеръ", соединяющееся съ первымъ рѣчкою. Недалеко отъ берега его въ густомъ лѣсу есть громадная пихта, у корня которой приносятся въ даръ „юнгу" простыя деревянныя колотушки, которыми при промыслѣ рыбы бьютъ рыбу по головѣ. Каждый инородецъ, пріѣзжающій сюда на промысемъ, обязанъ сдѣлать новую деревянную колотушку и положить ее подъ это дерево, въ подарокъ „юнгу" (духу). Не сдѣлавшій такого прдарка рискуетъ остаться вовсе безъ добычи. И дѣйствительно, говорятъ, такой остается вовсе безъ промысла, пока не принесетъ подъ дерево новую колотушку.

Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ провѣрить и удостовѣриться на мѣстѣ можно было только объ амбарчикѣ Ортыни-Пай и о пихтѣ, подъ которою приносятся въ даръ юнгу колотушки, такъ какъ ни тунгуза, ни татарскихъ крестьянъ старовѣровъ въ настоящее время нѣтъ въ наличности. Но попасть на озеро Тухъ-Сигатъ можно неиначе, какъ изъ юртъ Кунтиковъ, прійдется только верстъ двадцать пять сдѣлать по лѣсу пѣшкомъ, а потомъ въ боласкѣ добраться до озера Тухъ-Сигатъ, а изъ него по другой рѣчкѣ до озера Кайогодете-эмтеръ.

19-го августа часамъ къ одиннадцати до полудня запасы наши были приготовлены и уложены, сами мы пообѣдали и поѣхали далѣе въ юрты Оконцугонцы. Верстахъ въ восьми повыше юртъ Айполовскихъ впадаетъ въ Васюганъ съ правой стороны рѣчка Кулканджи-игай, а потомъ еще повыше, верстахъ въ трехъ съ лѣвой стороны, рѣчка Велинъ-игай, въ которую впадаетъ рѣчка Егъ, текущая изъ озера Егъ-Сигатъ, половину котораго содержитъ въ кортому старовѣръ, крестьянинъ Сѣдельниковъ. Къ тремъ часамъ небо опять покрылось тучами и пошелъ дождикъ, а часамъ къ одиннадцати ночи мы добрались до юртъ Оконцугонцевъ. Гребцы мои, будучи почти полсутокъ подъ дождемъ, пошли въ избу, чтобы обогрѣться и обсушиться и сварить ужинъ. Я же, не

желая ночью, въ потьмахъ, лѣзть на грязный, крутой берегъ, предпочелъ остаться въ лодкѣ до утра.

Юрты Оконцугонцы расположены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ четырехъ избушекъ съ чувалами. Напившись тутъ чаю и пообѣдавъ, мы отправились далѣе къ юртамъ Кунтикамъ. Плыть приходилось противъ быстрины теченія, а до Кунтиковъ разстоянія здѣсь считаютъ до шестидесяти верстъ. Верстахъ въ двѣнадцати отъ Оконцугонцевъ съ лѣвой стороны впадаетъ въ Васюганъ рѣчка Еголъ-ягъ, что по-остяцки значитъ „луковой народъ“, отъ словъ ёголъ (лукъ дикій, полевой) и ягъ (народъ). Въ эту рѣчку съ сѣвера впадаютъ двѣ рѣчки Сулоягъ и Вéлинъ-ягъ изъ двухъ озеръ того же имени Сулоэмтеръ и Вéлинъ-эмтеръ. Эмтеръ по-остяцки собственно значитъ озеро. Близъ устья Еголъ-яги расположены два лѣтніе берестяные балагана двухъ семей, пріѣхавшихъ сюда промышлять рыбу изъ юртъ Айполовыхъ. Часамъ къ четыремъ по полудни мы доѣхали до рѣчки Сартынъ-яга, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны и тутъ на высокомъ песчаномъ берегу сварили чай и ужинъ, такъ какъ ѣхать до юртъ Кунтиковъ приходилось еще верстъ около двадцати пяти и можно было разсчитывать доѣхать только утромъ, тѣмъ болѣе, что ѣхать въ темную ночь нужно было осторожно, чтобы не набѣжать на плывущій по рѣкѣ валежникъ. Уже сумерками мы миновали устье рѣчки Игалъ-яга, которая впадаетъ въ Васюганъ тоже съ лѣвой стороны теченія его. Ночь было морочная и туманная, а передъ разсвѣтомъ выяснило и съ восходомъ солнца 21 августа мы добрались до юртъ Кунтиковъ.

Юрты построены на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ пяти избушекъ. Въ одной изъ нихъ, которая была почище, мы остановились. Хозяинъ ея, сѣдой ослѣпшій старикъ лѣтъ восьмидесяти, но веселый и разговорчивый. Почему-то ему присвоено уличное прозвище семипудовый, по всему видно, что онъ былъ въ свое время толстякомъ. Прежде онъ считался шаманомъ и ворожцомъ, да и нынѣ тоже не прочь иногда пошаманить и поэтому онъ человѣкъ состоятельный. Когда для меня и гребцовъ моихъ согрѣли самоваръ, я пригласилъ его напиться съ нами чаю, и онъ

явился къ намъ въ кафтанѣ изъ тонкаго сукна, и видно было, что онъ считаетъ для себя великою честью наше приглашеніе. По разсказамъ этого старика, слышаннымъ имъ отъ своего дѣда, весь Васюганъ заселился отъ девяти семей, пришедшихъ сюда изъ рѣки Юганъ, впадающій въ Обь почти противъ Сургута. Это было тогда, когда еще только основался Сургутскій городокъ и казаки облагали всѣхъ остяковъ обременительными поборами. Эти девять семей бѣжали отъ этихъ притѣсненій казаковъ на лыжахъ, прямо черезъ лѣса и болота, и дошли до рѣки Васюгана, гдѣ нынѣ находится село Васюганъ. Отсюда они бросились вверхъ рѣки Васюгана, хотя казаки вовсе не преслѣдовали ихъ, но имъ хотѣлось забраться куда нибудь подальше, чтобы непрошеные гости притѣснители не могли бы добраться до нихъ. Отъ этихъ-то девяти семей и разродились всѣ жители по рѣкѣ Васюгану до самаго устья рѣчки Нюрольки. Оттуда же до самаго устья Васюгана уже живетъ другое племя обскихъ инородцевъ, которые и говорятъ совершенно отличнымъ отъ нихъ языкомъ.

Семипудовый старикъ, на мои вопросы объ амбарчикѣ Ортыни-Пай и о приносимыхъ въ даръ юнгу колотушкахъ, почти буквально повторилъ мнѣ разсказы, слышанные мною въ Айполовыхъ юртахъ и предложилъ мнѣ въ проводники своего внука, инородца лѣтъ двадцати восьми, если я пожелаю осмотрѣть эти мѣста. Онъ предупредилъ впрочемъ, что такимъ короткимъ днемъ невозможно осмотрѣть оба эти мѣста, что прійдется взять съ собою запасу на сутки, а въ случаѣ если прійдется ночевать, то нашъ проводникъ, его внукъ, введетъ насъ ночевать въ свой промышленный станъ. Такъ какъ время было еще около 9 часовъ утра и гребцы мои уже изготовили обѣдъ, то я и рѣшился, пообѣдавши, тотчасъ же отправиться осмотрѣть эти мѣста, воспользовавшись предложеніемъ старика семипудоваго, тѣмъ болѣе, что и погода понемногу стала выяснѣвать.

Послѣ обѣда я взялъ изъ своихъ людей Смирнова, оставивъ другихъ гребцовъ при лодкѣ, проводникъ взвалилъ себѣ на плечо мѣшокъ съ небольшимъ нашимъ запасомъ, куда также положилъ чайникъ и котелокъ, и мы отправились въ путь по лѣсной тро-

пинкѣ. Надобно было верстъ восемь пройти по этой тропинкѣ хвойнымъ густымъ лѣсомъ, чтобъ добраться до рѣчки, по которой уже на лодкѣ, всегда имѣющейся тутъ на запасѣ, прямо пріѣдемъ въ озеро Тухъ-Сигатъ. Съ часъ шли мы этой тропинкой и дошли до рѣчки, она тутъ шириною сажени въ полторы. Развалили опрокинутую тутъ лодку, проводникъ сѣлъ въ корму, Смирновъ въ греби, а я помѣстился между ними на мягкомъ душистомъ сѣнѣ. Верстъ пятнадцать плыли мы по рѣчкѣ и въѣхали въ озеро Тухъ-Сигатъ. Оно почти круглое, въ діаметрѣ около девяти верстъ и посрединѣ его находится завѣтный островокъ. Часовъ около двухъ мы вышли на островъ, онъ тянется всего саженъ на двѣсти и покрытъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Посрединѣ его на небольшой полянкѣ довольно вѣтхій амбаръ на четырехъ столбахъ, съ одной стороны его дверь и окно, затворенное ставнемъ, дверь была заперта замкомъ. Проводникъ и безъ ключа обѣщалъ показать намъ внутренность амбара, онъ подлѣзъ подъ амбаръ, поднялъ внутрь одну крайнюю половицу, чрезъ отверзтіе ея вошелъ въ амбаръ и вынулъ запорку, держащую болтъ, которымъ запиралось окно. Потомъ, вылѣзъ изъ амбара тѣмъ же путемъ, отворилъ ставень окна и пригласилъ меня слѣдовать по его слѣдамъ подъ амбаръ и внутрь амбара и мы вошли внутрь. Сырой, затхлый воздухъ не жилой комнаты сразу показался мнѣ душнымъ. У одной стѣны на особой деревянной скамейкѣ посажена кукла Ортыни-Пай, по обѣимъ сторонамъ ея поставлены ея прислужницы (айми). Сдѣланы онѣ просто изъ дерева, простой топорной работы, вмѣсто глазъ, носа и рта сдѣланы углубленія и вычерпены, на головахъ и всѣхъ ихъ мѣховыя шапочки, бѣлыя холщевыя рубашки, отъ времени обратившіяся въ какія-то сѣрыя, ушиты бисеромъ и мѣдными свѣтлыми бляхами, круглой и четвероугольной формы. Предъ истуканомъ Ортыни-Пай стоитъ маленькій столикъ и на немъ серебряная, на манеръ десертной, тарелочка, куда кладутъ свои подарки пріѣзжающіе и приходящіе инородцы, какъ объяснилъ мнѣ мой проводникъ. Эта тарелочка изчерчена разными черточками и кружечками, непохожими впрочемъ ни на какія письмена, или іероглифы. По обѣимъ сторонамъ продольныхъ стѣнъ амбара

на полу накладены въ безпорядкѣ разные подарки, принесенные Ортыни-Пай почитателями ея и развернутые валяются въ безпорядкѣ, оставляя впрочемъ посрединѣ проходъ до самаго столика, стоящаго предъ идоломъ. Подарковъ этихъ навалено около стѣнъ съ полу почти на аршинъ, но отъ сырости и затхлаго воздуха уже начали они гнить. Осмотрѣвъ все это, мы съ проводникомъ вылѣзли опять изъ амбара, онъ попрежнему затворилъ ставень окна, заперъ его болтомъ изнутри и опустилъ по прежнему половицу, неоставивъ никакихъ слѣдовъ посѣщенія нами этого амбара. Мы опять сѣли въ лодку и поѣхали по озеру къ устью рѣчки, которая идетъ изъ озера Кайогодете. Доѣхавъ до озера Кайогодете, мы поѣхали озеромъ на западъ, пристали къ берегу и пошли къ завѣтному дереву. Въ полуверстѣ отъ западнаго берега озера, въ глухомъ хвойномъ лѣсу мы увидѣли пихту обхвата въ два толщиною. Вокругъ корня ея набросано множество деревянныхъ колотушекъ и эта куча колотушекъ достигаетъ вышины не менѣе двухъ аршинъ.

Солнце уже склонялось къ западу, мы сѣли опять въ лодку и по той же рѣчкѣ поѣхали опять въ озеро Тухъ-Сигатъ, на югозападномъ берегу котораго находится промышленный балаганъ нашего проводника, гдѣ мы предполагали напиться чаю, поужинать и почевать на свѣжемъ сѣнѣ. Часамъ къ одиннадцати ночи мы пріѣхали къ стану. Этотъ станъ былъ настоящее остяцкое карамо съ нарами и чуваломъ. Тутъ развели въ чувалѣ огонь, согрѣли чай, сварили ужинъ и уснули на свѣжемъ сѣнѣ, принесенномъ нашимъ проводникомъ. Утромъ на зарѣ поѣхали дальше и часамъ къ 9-ти утра были уже въ юртахъ Кунтикахъ у радушнаго слѣпца семипудоваго, который распорядился, чтобы къ нашему приходу былъ бы готовъ самоваръ и мои гребцы приготовили бы обѣдъ.

Надобно было отъ Кунтиковъ ѣхать до Мукатаевыхъ юртъ. Инородцы здѣсь считаютъ разстояніе не верстами, а плесами, этотъ же станокъ до Мукатаевыхъ имѣетъ сто двадцать плесовъ, что не укладешь въ добрыхъ полтораста верстъ. Ходу здѣсь вверхъ противъ воды трое сутокъ, поэтому нужно было принанять двухъ

человѣкъ, чтобы они могли замѣнить моихъ гребцовъ, когда тѣ очень утомятся. Кромѣ того верстахъ въ пяти повыше устья рѣчки Ягылъ-яга есть волокъ, чтобъ не ѣхать мучемъ. Въ этомъ мучѣ есть яръ, называемый Ярыхъ-милинъ, (ершовая заводь), въ глубинѣ которой и донынѣ будто бы водится Вехъ (мамонтъ). Онъ будто бы утягиваетъ въ воду и проглатываетъ пущенные здѣсь по водѣ чурбаны и можетъ проглотить или утопить и лодку неосторожно въѣхавшую въ эту заводь. Будто бы нѣкоторые изъ инородцевъ видывали, какъ онъ поворачивается съ боку на бокъ въ этой заводи и при этомъ поворачиваніи его вода выходитъ изъ береговъ и крутится, какъ подъ мельничнымъ колесомъ. Слова нѣтъ, изъ самаго разсказа о мамонтѣ видно, что чудовище это вовсе несуществуетъ, а только находится въ воображеніи инородцевъ. Тутъ просто возлѣ этого яра находится омутъ, который втягиваетъ чурбаны и, можетъ быть, этотъ омутъ въ глубинѣ подрываетъ берегъ, а когда подроетъ и берегъ упадетъ въ воду, то естественно, что вода выступитъ изъ береговъ и кажется имъ, что переворачивается чудовище. Какъ бы то ни было, но мои гребцы не бывали по Васюгану дальше Айполовскихъ юртъ и плыть въ незнакомомъ мѣстѣ и чрезъ такой омутъ, можетъ быть, еще въ ночное время, казалось довольно опаснымъ. Поэтому я нанялъ здѣсь двухъ инородцевъ для сопровожденія меня до юртъ Мукатаевыхъ и около полудня 22-го августа отправились далѣе въ путь.

Верстахъ въ пяти отъ Кунтиковъ вверхъ въ Васюганъ впадаетъ съ правой стороны рѣчка Кунтикъ, выходящая изъ озера. Часамъ къ 6-ти пополудни мы миновали устье рѣчки Ягылъ-яга (березовые люди), которая впадаетъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны. Эту рѣчку и слѣдующую за нею Чертанлы я рѣшился осмотрѣть на обратномъ пути изъ вершины Васюгана, такъ какъ по нимъ обѣимъ есть юрты и живутъ инородцы. Теперь же, засвѣтло, мнѣ хотѣлось миновать Ярыхъ-милинъ (ершовую заводь) и тамъ уже, гдѣ нибудь, расположиться на берегу, напиться чаю и поужинать, да если будетъ возможно, то и заночевать. Къ 7-ми часамъ, уже по закатѣ солнца, мы доѣхали до муча и, по указанію проводниковъ, пристали къ берегу, чтобы перетащить лодку

волокомъ. Волокъ этотъ низкимъ ложкомъ шелъ не болѣе двадцати саженъ, но огибать рѣкою мучь и страшный омутъ слѣдовало не менѣе пятнадцати верстъ. За волокомъ верстахъ въ пяти былъ крутой песчаный берегъ, на которомъ удобно было напиться чаю и поужинать. Здѣсь мы заснули въ лодкѣ до утра.

23-го августа, на разсвѣтѣ, напившись только чаю и посадивъ запасныхъ гребцовъ въ греби, мы отправились далѣе. День былъ ненастный и моросилъ дождь. Пообѣдали, недоѣхавъ до устья рѣчки Чёртанлы верстъ семь, потомъ опять пустились въ путь, а ночевать пришлось въ промышленномъ карамо́ на лѣвомъ берегу Васюгана, верстахъ въ двадцати вверхъ отъ устья рѣчки Чёртанлы, оставивъ одного изъ гребцовъ моихъ въ лодкѣ для караула. 24-го августа послѣ полудня пріѣхали до устья рѣчки Анлягъ, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ возвышеннаго водораздѣла между Васюганомъ и рѣчкою Чёртанлы, покрытаго хвойнымъ лѣсомъ и тутъ пообѣдали. Рѣчка Чёртанлы, обѣгая на западъ этотъ водораздѣлъ, покрытый хвойнымъ лѣсомъ, вершиною своею почти сходится съ Васюганомъ; а изъ этого возвышеннаго водораздѣла, какъ въ Чёртанлы, такъ и въ Васюганъ впадаютъ многія рѣчки. Часамъ къ пяти по полудни проѣхали устье рѣчки Ярегенбагъ, впадающей въ Васюганъ съ правой стороны, а часамъ къ десяти вечера добрались до юртъ Мукатаевыхъ, гдѣ и ночевали въ лодкѣ.

Юрты Мукатаевы состоятъ изъ трехъ избушекъ съ чувалами и одного карамо́ и расположены на правомъ берегу Васюгана. Утромъ, напившись чаю, у чувала приготовили обѣдъ, потомъ отпустили нанятыхъ изъ Кунтиковъ инородцевъ и часовъ около восьми 25-го августа пустились далѣе въ юрты Андрушкины. Часамъ къ двумъ по полудни, проѣхавъ два устья рѣчекъ Калманы-юга и Сыканъ-игай, впадающихъ въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ возвышеннаго водораздѣла, мы пріѣхали въ юрты Андрушкины. Въ юртахъ Андрушкиныхъ пять избушекъ и два карамо́ на правомъ берегу Васюгана. Тутъ живутъ семь семей, но теперь въ наличности только одна, всѣ прочіе уѣхали еще въ іюнѣ къ устью Васюгана для сбора орѣховъ. Пообѣдавъ тутъ, мы поѣхали далѣе

до юртъ Колмако́выхъ. Къ сумеркамъ доѣхали до устья рѣчки Нюгосъ-ягъ, впадающей въ Васюганъ съ лѣвой стороны изъ того же возвышеннаго водораздѣла, а къ полуночи пріѣхали въ юрты Колмако́вы.

Юрты Колмаковы раскинуты на правомъ берегу Васюгана и состоятъ изъ шести избушекъ, въ которыхъ живутъ восемь семей, но изъ нихъ теперь на лицо только двѣ семьи: старикъ инородецъ съ женою старухою и среднихъ лѣтъ инородецъ съ дѣтьми, женою и старикомъ отцомъ. Отъ нихъ я узналъ, что далѣе вверхъ по Васюгану теперь нѣтъ никого изъ жителей. Юрты Аракпаевы въ 1877 году сгорѣли и съ того времени въ нихъ никто не живетъ; а въ юртахъ Инжиныхъ только два дома, но обитатели ихъ мѣсяца два назадъ уѣхали внизъ по Васюгану на орѣшный промыселъ. Слѣдовательно ѣхать далѣе въ вершину Васюгана мнѣ не стоило, только нужно было знать откуда и какъ онъ беретъ свое начало и какія впадаютъ въ него рѣчки до самой вершины. На этотъ случай старики могли удовлетворить моему любопытству. Они нѣсколько разъ бывали въ вершинѣ его и знаютъ всю тамошнюю мѣстность, какъ свои пять пальцевъ. Въ самой вершинѣ Васюгана и вправо отъ начала его есть огромное болото, которое захватываетъ собою верховья рѣчки Чижапки и Парабели и соединяется съ болотомъ Шидеро-Бонъ уже у верховьевъ рѣчки Чаи. Во время весенняго разлива вся эта болотистая мѣстность сплошь покрывается верстъ на триста водою и называется у мѣстныхъ и Тарскихъ жителей „Васюганскимъ моремъ“. Въ краю этого болота, ближе къ вершинѣ Васюгана, есть чворъ, гдѣ промышляютъ рыбу. Въ концѣ чвора начинается мелкій хвойный лѣсъ верстъ на пять, по которому подъ мохомъ, а иногда и по поверхности моха, течетъ ручеекъ четверти въ три шириною. Это и есть Васюганъ. Пройдя мелкій лѣсокъ, Васюганъ теряется въ чистомъ болотѣ, а потомъ чрезъ одну версту показывается изъ болота уже рѣчкою въ аршинъ шириною съ крутыми въ половину аршина берегами, а далѣе становится все шире и шире, и верстахъ въ пятнадцати отъ вершины принимаетъ въ себя рѣчку Чопку, впадающую въ него изъ рѣки Тары. Отъ Колмаковыхъ

юртъ до вершины въ Васюганъ впадаютъ съ лѣвой стороны изъ возвышеннаго водораздѣла рѣчки Кынъ, выходящая изъ озера, Паварсáнъ-ига, Малый Юнъ-юганъ, Большой Юнъ-юганъ, Юнгильянъ-юга и Чопка, а съ правой стороны болотныя рѣчки Юнъягынъ и Шайтанка. Изъ послѣднихъ по Васюгану Инжиныхъ юртъ проложена сухопутно-проѣзжая телѣжная и санная дорога въ деревню Бочкаревку Тарскаго округа на разстояніи 70 верстъ и оттуда по этой дорогѣ тарскіе крестьяне привозятъ въ Васюганъ хлѣбъ и другіе припасы и ведутъ мѣновую торговлю на рыбу и мѣха.

Окончивъ распросы и получивъ помянутыя свѣдѣнія отъ стариковъ инородцевъ, я пообѣдалъ и около двухъ часовъ по полудни 26-го августа изъ Колмаковыхъ юртъ выѣхалъ обратно въ Андрушкины юрты, куда и пріѣхалъ вечеромъ. Здѣсь ночевали въ лодкѣ и утромъ 27-го августа поѣхали далѣе внизъ Васюгана къ юртамъ Мукатаевымъ, куда пріѣхали къ полудню, а къ вечеру въ потьмахъ уже добрались до устья рѣчки Чёртанлы, гдѣ, расположившись на берегу, поужинали и заснули въ лодкѣ до утра. Назадъ, внизъ по теченію Васюгана, по быстринѣ ѣхать было легко и скоро, и то, что мы впередъ проѣзжали въ двое сутокъ, теперь проѣзжали въ однѣ сутки и даже менѣе.

28-го августа, утромъ, на разсвѣтѣ, мы поѣхали вверхъ по рѣчкѣ Чёртанлы и, проѣхавъ версты двѣ, добрались до юртъ „Зыряны первые". Здѣсь одна избушка на лѣвомъ берегу по теченію Чёртанлы и она заперта, никого изъ жителей нѣтъ. День такой же дождливый, какъ и вчера. Поѣхали дальше. Верстахъ въ трехъ отъ „Зырянъ-первыхъ" въ Чёртанлы впадаетъ съ правой стороны рѣчка Патай-ягъ и отъ нея верстахъ въ десяти съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Сигатъ съ безъимянною рѣчкою, выходящею изъ озера. Къ вечеру доѣхали до юртъ „Зыряны—вторые". Онѣ на лѣвомъ берегу рѣчки Чёртанлы и состоятъ изъ двухъ избушекъ. Гребцы мои подъ дождемъ измокли и окрѣпли, имъ надобно было обсушиться и отдохнуть, а потому мы рѣшились ночевать тутъ. Гребцы принесли мнѣ въ лодку ужинъ, такъ какъ дождь шелъ и сегодня и вчера и на берегъ выходить было и грязно и скользко.

29-го августа утромъ отправились далѣе. Верстахъ въ двухъ отъ „Зырянъ-вторыхъ" въ Чёртанлы впадаетъ съ правой стороны рѣчка Нёрканъ-югà и потомъ верстахъ въ трехъ съ лѣвой стороны рѣчка Сига-югàнъ. Немного за полдень пріѣхали въ юрты „Зыряны— третьи". Здѣсь одна избушка на правомъ берегу почти противъ устья рѣчки Яймàй-юга, которая впадаетъ въ Чёртанлы съ лѣвой стороны. Пообѣдавши здѣсь, отправились далѣе. Ночевать мы добрались къ устью рѣчки Большаго Тугáйбага. Съ лѣвой стороны рѣчки Чёртанлы болотный водораздѣлъ между Чёртанлы и рѣчкою Ягылъ-ягомъ, а съ правой возвышенный водораздѣлъ между Чёртанлы и Васюганомъ. Отъ „Зырянъ—третьихъ" въ Чёртанлы до Вилкиныхъ юртъ впадаютъ съ лѣвой стороны рѣчки Яймàй-югà, Яркуту-юга, Китяги-юга, Малый Тугàйбагъ, Большой Тугàйбагъ и Путембагъ, а съ правой стороны Круягъ и Айсосъ.

30-го августа утромъ поѣхали далѣе. День былъ ненастный, моросилъ дождь. Къ полудню доѣхали до юртъ Вилкиныхъ. Тутъ одна избушка на правомъ берегу Чёртанлы; здѣсь пообѣдали, обсушились и уже къ полуночи добрались до Томыспаевыхъ юртъ. Отъ Вилкиныхъ до Томыспàевыхъ юртъ въ Чертанлы впадаютъ рѣчки съ лѣвой стороны Малый Макалàнъ-югá, Большой Макалàнъ-югà и Икачóга-югà, а съ правой Кòркангу-игà, Рàмать-югà и Пульдунъ-югà. Юрты Томыспàевы стоятъ въ полуверстѣ отъ праваго берега Чёртанлы и состоятъ изъ трехъ избушекъ, гдѣ помѣщаются четыре семьи. Отсюда проложена сухопутная дорога на восемьдесятъ верстъ до деревни Орловки Тарскаго округа, откуда крестьяне привозятъ сюда хлѣбъ и разные припасы и мѣняютъ на рыбу и мѣха.

31-го августа утромъ, часамъ къ одиннадцати, мы попали въ юрты Ай-игалъ-пуголъ, которыя находятся верстахъ въ десяти отъ Томыспàевыхъ и существуютъ не болѣе шести лѣтъ. Здѣсь четыре избушки инородческихъ и одна крестьянская изъ деревни Черновки Тарскаго округа, но хозяинъ ея постоянно здѣсь не живетъ, и пашню свою въ деревнѣ Черновкѣ не бросаетъ. Зовутъ его Степаномъ, но фамиліи его отъ инородцевъ я узнать не могъ.

Между Томыспаевыми и Ай-игалъ-пуголъ съ лѣвой стороны въ Чертанлы впадаетъ рѣчка Дай-игалъ и уже за юртами Ай-игалъ-пуголъ верстахъ въ десяти выше съ правой стороны впадаетъ рѣчка Сартынъ-ягъ, имѣющая свое начало между рѣчками Кынъ и Паварсанъ-ига, впадающими въ Васюганъ. Далѣе же идетъ вершина рѣчки Чёртанлы изъ болота, пограничнаго Тарскому округу. Добравшись до того мѣста, гдѣ рѣчка Чёртанлы имѣетъ ширину, чтобы можно было повернуть лодку, мы повернули назадъ, и къ сумеркамъ доѣхали до юртъ Томыспаевыхъ, гдѣ и ночевали.

1-го сентября, около десяти часовъ утра, мы поѣхали назадъ, внизъ по рѣчкѣ Чёртанлы и къ вечеру доѣхали до юртъ Вилкиныхъ и здѣсь ночевали. Быстрина Чёртанлы гораздо тише быстрины Васюгана, а потому ѣхать, хотя и внизъ по рѣкѣ, было почти одинаково, какъ и вверхъ. 2-го сентября уже сумерками мы пріѣхали ночевать въ юрты „Зыряны—третьи,“ а къ вечеру 3-го сентября доѣхали до устья рѣчки Чёртанлы и съ утра 4-го сентября поѣхали уже внизъ по Васюгану. Съ самаго 30-го августа стояла ненастная погода и моросилъ дождь, немилосердно мочившій моихъ гребцовъ почти до костей, а вполнѣ обсушить платье имъ почти не приводилось.

4-го сентября, къ двумъ часамъ по полудни, проѣхали по Васюгану до устья рѣчки Ягылъ-ягъ, (березовые люди, березовый народъ), а къ вечеру успѣли только доѣ ать до устья первой, впадающей въ Ягылъ-ягъ, рѣчки Ымли-юга, которая впадаетъ съ лѣвой стороны теченія, и тутъ заночевали. Рѣчка Ягылъ-ягъ въ своемъ теченіи очень тиха, даже тише Чёртанлы, быстрины почти нѣтъ нисколько и ѣдешь по ней, какъ по озеру. Впрочемъ и въ ней, какъ и въ Чёртанлы и въ Васюганѣ вода большая отъ ненастья и почти безпрерывныхъ дождей. По берегамъ Ягылъ-яга, возвышающимся надъ водою не болѣе сажени, вмѣсто тальника ростетъ березникъ ровный, какъ будто въ одинъ годъ посаженный и не отъ этого ли она получила свое названіе Ягылъ-ягъ (березовые люди), потому что тамъ съиздавна былъ и росъ только одинъ березникъ, а люди поселились тамъ еще не далѣе, какъ съ 1874 или 1875 года. Утромъ 5-го сентября проѣхали еще

устье рѣчки Сыркни-юга̀, впадающей въ Ягылъ-ягъ съ правой стороны изъ болотнаго водораздѣла между Ягылъ-ягомъ и рѣчкою Чёртанлы, а къ 10 часамъ доѣхали до юртъ Ле́сморовыхъ—первыхъ и тутъ приготовили обѣдъ. Юрты стоятъ на правомъ берегу Ягылъ-яга и состоятъ изъ трехъ избушекъ, почти вновь выстроенныхъ и въ нихъ живутъ три семьи инородцевъ. Съ полудня отправились далѣе и къ ночи, проѣхавши устье рѣчки По́лномъ-юга̀, впадающей въ Ягылъ-ягъ съ лѣвой стороны, остановились ночевать на устьѣ слѣдующей рѣчки Ка̀ергай, впадающей слѣва же. Утромъ 6-го сентября, часамъ къ десяти, пріѣхали въ юрты Лѐсморовы—вторыя. Онѣ расположены на правомъ берегу Ягылъ-яга, какъ разъ противъ устья рѣчки Эмтеръ-игалъ, впадающей съ лѣвой стороны и берущей начало свое изъ озера. Здѣсь только одна избушка, выстроенная не болѣе двухъ лѣтъ назадъ. Далѣе до самой вершины Ягылъ-яга впадаютъ въ него съ лѣвой стороны рѣчка Юнкульпоро́-юга, а съ правой Большой Юнъ-югалъ, Малый Юнъ-югалъ и Ко́моюгалъ. На устьѣ рѣчки Малаго Юнъ-югала стоитъ карамо́ и тутъ года два уже постоянно живетъ одна семья инородцевъ. Сюда мы доѣхали уже къ сумеркамъ, но далѣе не поѣхали, потому что тамъ ширина Ягылъ-яга не превышаетъ трехъ саженъ и заворотить нашу лодку невозможно. Утромъ 7-го сентября изъ Ягылъ-яга поѣхали обратно и къ полудню 8-го сентября доѣхали до устья Ягылъ-яга, гдѣ пообѣдавъ, поѣхали внизъ по Васюгану, а часамъ къ одиннадцати ночи пріѣхали въ Кунтики къ слѣпцу семипудовому, миновавъ счастливо опять волокомъ страшный Ярыхъ-милинъ еще за свѣтло.

9-го сентября рано утромъ выѣхали изъ Кунтиковъ и часамъ къ тремъ пополудни доѣхали до устья рѣчки Еголъ-яга. Здѣсь на берегу пообѣдали, а къ сумеркамъ попали въ юрты Айполовскіе, гдѣ провели ночь въ домѣ церковнаго старосты. 10-го сентября послѣ полудня попали въ Тимольгины юрты, а къ вечеру въ Ка́дыльскіе.

11-го сентября утромъ поѣхали далѣе. День былъ ясный. Часамъ къ одиннадцати до полудня мы добрались до горы Сындакую, гдѣ въ старину по преданію жилъ извѣстный шаманъ этого

имени въ карамо́, вырытомъ вверху на уступѣ скалы. Теперь время было удобное для осмотра скалы и карамо̀ и мы пристали къ берегу. Пока гребцы мои приготовляли чай и обѣдъ я съ Смирновымъ отправился осматривать гору Сындакую. Между нею и другою, сосѣдней съ нею съ правой стороны, скалою находится тропинка, по которой мы взобрались въ ущелье, поросшее хвойнымъ лѣсомъ. Ущельемъ по тропинкѣ мы поднимались около версты въ лѣвую сторону и вышли на площадку верхушки горы Сындакую. На ней лѣсу не было и прелестный видъ открылся намъ на оба берега Васюга. На нихъ обоихъ между мѣшанымъ лѣсомъ, березнякомъ и другихъ лиственныхъ породъ, виднѣлись небольшія озера, покосы съ поставленнымъ уже сѣномъ, красивые пролѣски, и все это было освѣщено солнцемъ, такъ уже давно нами невиданнымъ и только изрѣдка пригрѣвавшимъ насъ въ теченіи почти всего путешествія. Подойдя къ береговой скалѣ площадки, мы замѣтили тропинку внизъ, ведущую въ карамо́ шамана. Входная дверь въ карамо была полуотворена, но въ самомъ карамо было темно. Надобно было освѣтить внутренность его огнемъ. Я вырвалъ изъ своей походной записной книжки листа три бумаги, свернулъ её въ родѣ фитиля и зажегъ спичкою, но все-таки это не могло служить намъ факеломъ. Къ счастію мы увидѣли, валявшійся на полу карамо, вѣникъ изъ еловыхъ сучьевъ, какіе употребляются здѣсь вообще для метенія пола. Зажегши этотъ вѣникъ, можетъ быть, бывшій въ употребленіи болѣе ста лѣтъ назадъ, мы освѣтили карамо́. На нарахъ, противъ чувала, лежали какія-то полуистлѣвшія лохмотья изъ оленьей шкуры. Неужели эти лохмотья и были одеждою шамана? Ничего болѣе, кромѣ голыхъ стѣнъ и пустыхъ наръ, мы не нашли въ карамо́. Нашъ факелъ-вѣникъ уже сталъ догорать и мы поспѣшили выйти во входную дверь, которую оставили также полуотворенною, какъ она была и прежде. Взошедъ на площадку горы, я снова полюбовался окрестностями, потомъ опять по тропинкѣ ущелья мы спустились внизъ, гдѣ уже готовъ былъ чай и обѣдъ. Часа въ три мы поѣхали далѣе, а къ ночи пріѣхали въ юрты Ма̀дуковы, гдѣ и ночевали въ лодкѣ.

12-го сентября къ ночи мы добрались до Пенырскихъ юртъ, а 13-го сентября къ ночи доѣхали до села Васюгана. Здѣсь нужно было приготовить запасы хлѣба, какъ чернаго, такъ и бѣлаго, потому что при всей быстротѣ ѣзды до Нарыма надобно было ѣхать не менѣе десяти сутокъ, а наши запасы уже истощились. Оба предшествовавшіе дня были пасмурные, моросилъ дождь въ перемежку со снѣгомъ, надобно было поторапливаться, чтобы не замерзнуть въ Васюганѣ. Священникъ села Васюгана, отецъ Петръ Красновъ, принялъ насъ по прежнему радушно, сообщилъ мнѣ много новыхъ свѣдѣній о Васюганѣ и жителяхъ его, о ихъ вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ и обычаяхъ, и даже, пока я ѣздилъ до вершины Васюгана, составилъ словарь Васюганскаго языка и подарилъ его мнѣ. Пробывши одинъ день въ селѣ и приготовивъ запасу на дорогу, мы 15-го сентября, около одиннадцати часовъ утра, пустились въ путь.

Отъ села Васюгана внизъ въ трехъ плесахъ, въ большомъ мучѣ, есть скала вышиною по берегу до пятнадцати саженъ, которую называютъ „Ло̀ккамъ-пай". Прежде, въ старину, по преданію, тутъ не было никакой скалы, а былъ ровный берегъ и на этомъ мѣстѣ жилъ въ карамо́ (землянкѣ) одинъ инородецъ, имя котораго не сохранилось. Разъ, ночью, надъ самымъ карамо́ этого инородца послышалось ржаніе лошади. Онъ подумалъ: „кто бы могъ пріѣхать къ нему на лошади, когда въ то время во всемъ Васюганѣ еще не было ни одной лошади" и вообразилъ, что это ржаніе ему почудилось, а потому и не вышелъ изъ карамо́. На слѣдующую ночь вновь послышалось ржаніе лошади и топотъ ея бѣга, какъ будто бы она бѣгала тутъ, вблизи его карамо́. На этотъ разъ онъ вышелъ и увидѣлъ золотаго коня, бѣгавшаго вокругъ его карамо́. Конь снова заржалъ и въ этомъ ржаніи послышался ему человѣческій голосъ, сказавшій: „лови и поймай меня и будешь счастливъ". Оглушенный и ржаніемъ коня, и словами, послышавшимися въ этомъ ржаніи, инородецъ счелъ все это за навожденіе дьявола, съ которымъ ему не хотѣлось связываться, пошелъ въ свое карамо̀ и заперся тамъ. На третью ночь онъ опять услышалъ ржаніе коня, только громче, какъ будто бы конь ржалъ

у него надъ самымъ ухомъ, и вышелъ изъ карамо́. Конь, увидѣвъ его, снова заржалъ и ему опять послышались тѣ же слова „лови и поймай меня и будешь счастливъ“. И теперь онъ не рѣшился поймать коня, который уже самъ давался ему въ руки, ушелъ въ свое карамо́ и заперся тамъ. На другое утро, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было карамо̀ этого инородца, возвысилась эта скала и по преданію была названа „Ло́ккамъ-пай“, т. е. золотой конь.

Уже вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, мы пріѣхали къ Тейкинымъ юртамъ и ночевали тутъ въ лодкѣ. Ночь была холодная и валилъ снѣгъ большими хлопьями. Утромъ проснувшись, мы увидѣли настоящую зиму. Весь берегъ и юрты были завалены снѣгомъ почти на четверть. Пошли въ избушку, тамъ обогрѣлись у чувала, напились чаю и поѣхали дальше. Хорошо, что хоть на самой рѣкѣ Васюганѣ не было снѣгу, онъ, падая, тотчасъ же таялъ на водѣ. Къ вечеру 16-го сентября мы добрались до юртъ Усть-Нюрольскихъ. День былъ пасмурный и моросилъ дождь, который согналъ весь снѣгъ и еще болѣе надѣлалъ грязи. Къ ночи 17-го сентября мы добрались до юртъ Каргальдаевыхъ, а вечеромъ 18-го сентября пріѣхали въ Усть-Чижапку. День становился уже малъ, ночи становились темнѣе и намъ поневолѣ приходилось торопиться, чтобы здѣсь въ Васюганѣ не захватила насъ зима, напугавшая насъ въ ночь на 16-е сентября.

19-го сентября утро было ясное, вѣтеръ съ юга теплый. Солнышко обсушило и обогрѣло насъ и мы радовались, что кончилась зима, такъ рано захватившая насъ въ лѣтнемъ экипажѣ. Гребцы мои повеселѣли и принялись грести усерднѣе. Черезъ проточку миновавъ Наунакъ, часамъ къ пяти пополудни мы попали въ юрты Маргины, а къ полуночи въ Югины юрты. Ночевавъ тутъ и не много отдохнувши, мы по быстринѣ рѣки часамъ къ пяти по полудни 20-го сентября доѣхали до устья Васюгана. Здѣсь надобно было ѣхать вверхъ по Оби, по счастію ночь была тихая и утромъ 21-го сентября мы попали въ Каргасокъ, а къ ночи уже доѣхали до дер. Ильиной и тутъ отдохнули до утра отъ вчерашней безсонной ночи.

22-го сентября, часовъ въ девять утра, поѣхали далѣе и къ

сумеркамъ доѣхали до Нарыма. Утромъ 23-го числа я отпустилъ своихъ гребцовъ, разсчитавъ ихъ за цѣлыхъ два мѣсяца. Гребцы же, нанятые въ Каргасокѣ и въ Югиныхъ, обязались доставить въ юрты Югины лодку, кортомленную мною. Изъ Нарыма попадать въ село Новоильинское по позднему осеннему времени, казалось затруднительнымъ, такъ какъ пассажирскіе пароходы всѣ прошли и развѣ только оставались въ пути какіе-либо буксирные. Наудачу я поѣхалъ на пристань, справиться, не ждутъ ли какого либо парохода? Мнѣ сообщили, что въ пути изъ Тюмени въ Томскъ находится буксирный пароходъ „Рыбакъ“ и долженъ прибыть на Нарымскую пристань не позже 25-го сентября, гдѣ возьметъ до Томска купеческую кладь. Я рѣшился подождать его, чѣмъ ѣхать на земскихъ подводахъ четверо сутокъ въ открытой лодкѣ, подвергаясь всѣмъ непріятностямъ осенней погоды. 25-го сентября утромъ часовъ въ восемь пришелъ ожидаемый, а для меня желанный, пароходъ „Рыбакъ“ и я помѣстился на немъ до Калпашевской пристани. Валилъ снѣгъ большими хлопьями, берега Оби были покрыты сплошь снѣгомъ, какъ зимою, но на рѣкѣ шуги не было и утромъ 26-го сентября пароходъ благополучно прибылъ въ Калпашеву, а къ 3 часамъ пополудни я уже былъ дома въ селѣ Новоильинскомъ, пріѣхавъ зимнимъ путемъ въ саняхъ на парѣ нанятыхъ лошадей.

Васюганская тундра идетъ по всей окружности рѣки Васюгана и впадающихъ въ него справа и слѣва маленькихъ и большихъ рѣчекъ, и, соединяясь болотами съ вершинами рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Парабель, Чарзанака, Чузака, Емельджи и Кенги и захватывая верховья рѣчки Чаи, образуетъ почти круглую площадь, имѣющую протяженія съ запада на востокъ до 500 верстъ, а съ сѣвера на югъ до 400 верстъ, слѣдовательно составляетъ площадь, занимающую около двадцати тысячь квадратныхъ верстъ. Эта площадь почти сплошь и рядомъ изрѣзана маленькими и большими рѣчками и озерами, имѣющими названія и безъ названій, глухими хвойными, кедровыми и мѣшаными лиственичными лѣсами, а на югѣ, почти вся сплошь покрыта не-

проходимыми болотами, которыя во время весеннихъ разливовъ водъ сливаются вмѣстѣ и слывутъ у мѣстныхъ инородцевъ и сосѣднихъ крестьянъ Тарскаго округа подъ именемъ „Васюганскаго моря“.

Населеніе тундры незначительно, такъ что по всему теченію Васюгана и по рѣчкамъ Чёртанлы и Ягылъ-ягъ, гдѣ я проѣхалъ, всего въ тридцати двухъ юртахъ, на протяженіи болѣе 2000 верстъ, живутъ 726 душъ обоего пола, считая тутъ и малолѣтковъ. Всѣ они инородцы, но ихъ два племени. Одни изъ нихъ, начиная отъ вершины Васюгана, по рѣчкамъ Чёртанлы и Ягылъ-ягу, внизъ до самаго устья Нюрольки, говорятъ однимъ изъ нарѣчій сургутскихъ остяковъ. Другіе же, отъ устья рѣчки Нюрольки, по рѣчкѣ Чижапкѣ и до самаго устья Васюгана, говорятъ языкомъ обскихъ инородцевъ—низовскимъ нарѣчіемъ. Первыхъ изъ нихъ ученый путешественникъ Кастренъ приписываетъ къ племени остяковъ, а вторыхъ къ племени остяковъ-самоѣдовъ. Всѣ обитатели Васюгана живутъ въ срубленныхъ на мху избахъ, въ которыхъ вмѣсто русскихъ печей, направо или налѣво отъ входной двери, устроенъ чувалъ, умазанный глиною, внизу чувала устроенъ очагъ, на которомъ дрова ставятся стоймя, какъ въ каминѣ, а вверху чувала въ потолкѣ прорубается отверстіе для выхода дыма. При такомъ чувалѣ, когда горятъ дрова, по всей избѣ свѣтло и тепло отъ огня чувала, но невыносимо дымно, потому что дымъ не весь идетъ въ отверстіе трубы, но распространяется по всей избѣ, выѣдая глаза. Труба чувала дѣлается обыкновенно изъ какого-нибудь дуплистаго дерева, или древесной коры, умазывается глиною и выходитъ въ верхнее отверстіе наружу на половину аршина, а въ случаѣ надобности отверстіе вверху закрывается доскою, чтобы тепло держалось въ избѣ. Хлѣбъ для себя инородцы приготовляютъ прѣсный, не толстыми продолговатыми хлѣбцами и пекутъ его на шашлыкѣ (вертелѣ) у огня чувала. Впрочемъ они не очень заботятся, чтобы хлѣбъ пропекся совсѣмъ „Горячо сыро не живетъ“ говоритъ русская пословица и здѣсь инородцы зачастую ѣдятъ хлѣбъ сырой, но только горячій, также недожаренныя на шашлыкѣ рыбу и мясо; но болѣе любятъ сырую, еще живую рыбу

и сырое лосиное мясо. Для печенія кислаго русскаго хлѣба они имѣютъ и русскую печь, но она устраивается не въ избѣ, а на улицѣ, такъ какъ у нихъ при избахъ дворовъ нѣтъ. Она устраивается на маленькомъ срубѣ, или на чемъ-то похожемъ на скамью и сбивается продолговатою и узкою съ однимъ отверзтіемъ, но бываетъ безъ трубы. Дымъ выходитъ въ то же отверзтіе, куда кладутся дрова, когда же дрова перегорятъ и вся печь нагрѣется, тогда садятъ въ нее хлѣбы и отверзтіе закрываютъ доскою, а эту доску припираютъ палкою, упертою въ землю впереди печи. Такая печь бываетъ одна на нѣсколько домовъ. Но эти избы съ чувалами и эти хлѣбныя печи для васюганскихъ инородцевъ есть только временное удобство. По наступленіи весны и разливѣ воды, инородецъ собираетъ все свое имущество въ лодку, заколачиваетъ на глухо свою избу и со всей своей семьею ѣдетъ куда-нибудь за двѣ и даже болѣе верстъ по рѣкѣ вверхъ, или внизъ, или располагается у какого либо озера. Здѣсь онъ ставитъ себѣ балаганъ изъ берестяныхъ тисокъ, живетъ тутъ со всею семьею у постоянно разведеннаго огня и промышляетъ рыбу. Вотъ здѣсь для него настоящій рай, ему не надобно и дворца царскаго, не то что его дымной избы съ чуваломъ. Онъ здѣсь вполнѣ счастливъ и покоенъ. Попала ему рыба, онъ сваритъ полный котелъ, наѣстся до отвала со всею семьею, накормитъ и собакъ. Не попала рыба, ему и горя мало, въ другой разъ попадетъ, а на этотъ разъ и онъ, и семья сидятъ голодомъ, даже собаки, видя что на огнѣ не виситъ котелъ, знаютъ, что хозяихъ не добылъ рыбы и съ неудовольствіемъ, свернувшись, засыпаютъ, гдѣ-нибудь близь балагана. Въ обильный годъ изъ мелкой рыбы плотвы, ельцовъ и ершей они приготовляютъ такъ называемый порсъ. Вычистивъ рыбу, вдѣваютъ её на тоненькія палочки четвертей трехъ длины по нѣскольку штукъ. Палочки эти раскладываютъ на утвержденныхъ на стойкахъ жердяхъ, подъ которыми разводится небольшой огонь. Рыба и сушится, и коптится вмѣстѣ, и тутъ же поджаривается, и свѣжая, хорошо приготовленная, имѣетъ вкусъ копченыхъ сельдей. Щука, окунь, язи и караси чистятся, распластываются и сушатся на солнце. Эта вяленая рыба считается у инородцевъ лакомымъ ку-

шаньемъ, хотя она сырая и безъ соли. Изъ свѣжихъ же рыбьихъ потроховъ они приготовляютъ особое кушанье, въ родѣ пастилы, называемое „ва̀рка“. Сбивая и смѣшивая вмѣстѣ всѣ потроха, сначала дѣлаютъ изъ этого тѣсто, потомъ, разсучивъ его, разрѣзываютъ на ремешки въ палецъ толщины и ширины и, обмакивая въ рыбій жиръ, поджариваютъ вмѣстѣ съ порсомъ. И вяленой рыбы, и порса въ обильный рыбою годъ инородецъ запасетъ на свою семью почти на годъ, да еще продастъ рублей на двадцать, или промѣняетъ на хлѣбъ у торговцевъ.

Такой рыбный промыселъ продолжается до спаденія воды, а тогда этотъ же рыбопромышленникъ отправляется на той же лодкѣ на покосъ, косить сѣно. Лѣтъ уже болѣе десяти назадъ васюганскіе инородцы стали держать лошадей, такъ какъ стали болѣе и болѣе наѣзжать къ нимъ торговцы изъ Нарыма и Тары, и для перевозки тяжестей имъ необходимы лошади, иногда наемныя. Поэтому инородцы и завели лошадей, которыя съ весны до осени гуляютъ на подножномъ корму, а зимою собираются въ юрты. Впрочемъ и сами инородцы уже сознали удобство ѣздить на лошадяхъ въ саняхъ, чѣмъ на собакахъ въ нартахъ. Это уже есть признакъ цивилизаціи.

Поставивъ сѣна сколько нужно по потребности скота, инородецъ, за неимѣніемъ другаго промысла, отправляется со всею семьею въ родимыя юрты, къ своему дымному чувалу и тамъ живетъ до осени, если годъ не орѣшный. Когда нападетъ снѣгъ и откроется санный путь, онъ тотчасъ же займется перевозкою домой въ юрты сѣна съ покоса. Окончивъ это, онъ исправляетъ свои звѣриныя ловушки и собирается лѣсовать. Не всѣ впрочемъ инородцы звѣропромышленники, у другаго и нѣтъ достаточнаго количества ловушекъ; эти остаются въ юртахъ дома, промышляютъ рыбу и звѣря, гдѣ-нибудь, поблизости и обязываются наблюдать и кормить скотину тѣхъ, которые уѣхали лѣсовать далеко. Нашъ звѣропромышленникъ, поручивъ наблюденіе за скотиною кому нибудь изъ остающихся въ юртахъ людей, запрягаетъ въ нарты собакъ, и сложивъ на нихъ свое имущество и ловушки, и взявъ всю семью, отправляется лѣсовать, т. е. промышлять лѣс-

наго звѣря. Выбравъ удобное мѣстечко въ лѣсу, онъ устраиваетъ свой походный домъ изъ берестянныхъ тисокъ, окружаетъ его для большаго тепла хвойными сучьями и вѣтвями, и приметываетъ все это снѣгомъ, какъ завалиною. Въ срединѣ этого балагана разводится огонь; здѣсь грѣются и варятъ себѣ въ котлѣ мясо, или рыбу, что случится. Устроивши такъ свое жилище, инородецъ и всѣ взрослые въ семьѣ отправляются въ разныя стороны отъ своего стана, осматриваютъ слѣды ходившихъ тутъ звѣрей и по примѣткамъ, извѣстнымъ имъ, ставятъ и настораживаютъ свои ловушки на бѣлокъ, колонковъ, соболей и лисицъ. Потомъ, каждое утро осматриваютъ ловушки, собираютъ попавшихся звѣрковъ, опять настораживаютъ ловушки и каждый своею дорогою возвращается въ свой станъ. По вечерамъ, оттаявъ убитыхъ звѣрковъ, обдираютъ съ нихъ шкурки, распяливаютъ ихъ на досщечки, приготовленныя для этого прежде, сушатъ, а высохшія уже подбираютъ по сортамъ и связываютъ десятками, сороками и сотнями. Выслѣживаютъ стада бродячихъ лосей, оленей, бьютъ ихъ изъ винтовокъ и ружей, на нартахъ привозятъ къ стану, сдираютъ шкуры, развѣшиваютъ ихъ для просушки, а мясо лосей и оленей варятъ въ котлѣ, или жарятъ на шашлыкѣ (вертелѣ) и любятъ его ѣсть не дожареное, чтобы въ немъ была бы еще кровь. Излишнее мясо, нарѣзавъ мерзлое ломтиками, вздѣваютъ на шнуры, или саргу и сушатъ въ запасъ. Сушеное мясо частію ѣдятъ сами, а частію продаютъ торговцамъ, или вымѣниваютъ на хлѣбъ и другіе товары. Предъ концемъ зимы каждая семья звѣропромышленниковъ укладываетъ опять свое имущество и пушный промыселъ въ нарты и отправляются домой въ свои юрты, къ своему дымному чувалу, забравъ съ собою и берестянныя тиски, нужныя послѣ для лѣтняго промысла.

При первомъ вскрытіи рѣки Васюгана инородецъ-промышленникъ нагружаетъ въ большую крытую лодку свое имущество и пушной промыселъ и отправляется въ село Васюганъ на ярмарку, которая бываетъ въ началѣ мая. Тутъ съѣзжаются торговцы изъ Нарыма, Каргаюка, Тымска и даже изъ Тарскаго округа съ верховьевъ Васюгана. Торговцы на перебой стараются выма-

нить у инородцевъ звѣря, для этого подпаиваютъ ихъ даже виномъ, взамѣнъ же звѣря даютъ имъ свой гнилой товаръ, ставя его имъ въ тридорога. Каждый изъ торговцевъ привозитъ сюда довольно вина и для себя и для тайной продажи его, впрочемъ продаютъ его не тайно и съ охмѣлѣвшихъ инородцевъ берутъ за бутылку, точно по таксѣ, отъ одного до полуторыхъ рублей. Инородцы на вино ужасно падки, пьютъ всѣ и мужчины, и женщины и малые ребята. Иной, едва успѣвши сдать ясакъ, прямо попадаетъ въ руки торговца-кулака и пропьетъ ему весь свой промыселъ, не заплативъ даже казенной хлѣбной недоимки, безъ чего не имѣетъ уже права взять хлѣба изъ казеннаго запаснаго магазина. Поэтому остается безъ хлѣба и приходится ему, бѣдному, ходить по тѣмъ же самымъ торгашамъ, которые обобрали его, и просить у нихъ изъ милости хлѣба въ долгъ до новаго промысла, для пропитанія семьи своей. Иной инородецъ, продавъ какому либо торгашу весь свой зимній промыселъ звѣря, беретъ отъ него не деньгами, а товаромъ и возьметъ у него вещей, вовсе ненужныхъ для себя и семьи своей, а потомъ пропиваетъ ему же и всѣ эти ненужныя вещи и пропиваетъ, разумѣется за полцѣны. И если торгашъ привезетъ съ собою пять ведеръ вина на 30 рублей и будетъ продавать его по одному рублю за бутылку, то онъ за одно вино выручитъ сто рублей на тридцать, а если еще свой, проданный уже, но ненужный инородцу товаръ, будетъ брать отъ него же за полцѣны и за него давать виномъ же, то онъ за тридцать получитъ по крайней мѣрѣ двѣсти рублей. Недаромъ эти торгаши-мосольники и лезутъ въ Васюганъ, гдѣ толстѣютъ и разживаются, не даромъ же и всѣ васюганскіе инородцы бѣдны въ матеріальномъ отношеніи и черезъ свое чрезмѣрное пьянство и пристрастіе къ вину остаются на низшей степени нравственнаго и умственнаго развитія.

Весь высокій берегъ Васюгана у села полонъ народа, слышенъ гулъ отъ говора пьяныхъ, крики и даже драка. Ночью, тоже самое, развѣ только уже очень охмѣлѣвшій инородецъ приляжетъ гдѣ нибудь тутъ же подъ шумокъ народа. За то къ восходу солнца все стихнетъ, все спитъ тутъ же на берегу до полудня, все

тихо, только изрѣдка раздается сильный храпъ, или пьяный-спящій инородецъ бормочетъ что нибудь со сна. Такъ продолжается здѣсь болѣе недѣли и, когда уже ни у кого изъ торговцевъ не останется вина ни капли, тогда всѣ разъѣзжаются по домамъ. И приходится инородцу такъ изъ года въ годъ пропивать весь свой промыселъ и съ каждой весны начинать опять ловить и сушить рыбу, а зимою промышлять звѣря. Очень и очень рѣдкихъ изъ нихъ можно назвать состоятельными, а прочіе всѣ нищета и бѣдность; между тѣмъ ихъ звѣриный и рыбный промыселъ, даже въ средніе годы, могъ бы доставить всѣмъ имъ возможность жить въ довольствѣ. Если бы не пристрастіе къ вину и не эксплоатація ихъ кулаками-торгашами, они всѣ жили бы не бѣдно.

Въ умственномъ развитіи всѣ вообще инородцы Васюгана находятся на первой ступени, не только цивилизаціи, но даже разумнаго пониманія вещей. Они еще не вышли изъ границъ скотскаго инстинкта. Грамотныхъ между ними нѣтъ, хотя почти всѣ взрослые объясняются довольно понятно по-русски, что показываетъ ихъ способность къ образованію. Школы здѣсь нѣтъ ни одной, ни казенной, ни частной, но инородцы съ радостію стали бы учить дѣтей своихъ, если бы только кто нибудь взялся за это дѣло, кто бы взялъ отъ нихъ дѣтей, училъ бы, кормилъ бы и одѣвалъ бы ихъ во все время ученія. Но этого сдѣлать, напримѣръ, священнику невозможно, тогда нужно было бы обложить всѣхъ Васюганскихъ инородцевъ особымъ церковнымъ сборомъ на школу, но будетъ ли это законно и кто разрѣшитъ подобный сборъ? Необходимо присогласить ихъ самихъ къ этому и присовѣтовать составить приговоръ, на что имѣетъ право и полную власть мѣстная администрація. При школѣ, можетъ быть, будущее поколѣніе васюганскихъ инородцевъ было бы способнѣе къ воспринятію цивилизаціи. Между тѣмъ священникъ и псаломщикъ могли бы взяться безъ труда за обученіе мальчиковъ, такъ какъ служба въ церкви бываетъ рѣдко и они имѣютъ много свободнаго времени.

Лѣтъ двадцать назадъ весь народъ по Васюгану былъ еще на столько дикъ, что никто изъ жителей не только не говорилъ, но

и не понималъ по-русски. Въ началѣ 1860-хъ годовъ васюганскіе инородцы въ первый разъ познакомились съ русскими, а особенно живущіе въ верховьяхъ Васюгана. Къ нимъ стали изрѣдка пріѣзжать крестьяне Тарскаго округа ближнихъ пограничныхъ деревень, для мѣновой торговли, привозили сюда муку, скотское сало, масло, иногда и скотское мясо и вымѣнивали все это на рыбу, которой въ Васюганѣ водится много, и на мѣха. Разумѣется, инородцы не знали цѣны привозимыхъ къ нимъ товаровъ и давали столько рыбы и бѣлокъ, сколько съ нихъ требовали. Вслѣдъ за этимъ Тарскіе крестьяне стали ввозить въ Васюганъ инородцамъ и вино, чѣмъ разлакомили ихъ. Это понравилось инородцамъ, а крестьянамъ еще болѣе, потому что торговля виномъ для нихъ была очень выгодна. Затѣмъ года черезъ два торгующій крестьянинъ Тарскаго округа изъ деревни Киштовки Федоръ Мефодіевъ Алексѣевъ завелъ, по примѣру другихъ, съ васюганскими инородцами уже правильныя торговыя сношенія, наѣзжая съ мукой, крупой, разными припасами и краснымъ товаромъ два раза въ годъ, т. е. осенью по первому снѣгу, послѣ рыбнаго промысла и весною послѣднимъ зимнимъ путемъ, послѣ зимняго звѣринаго промысла. Онъ обиралъ у нихъ и рыбу и звѣря на мѣстѣ, прежде нежели они могли попасть въ другія руки и сталъ снабжать ихъ и хлѣбомъ, и припасами, и даже товаромъ въ долгъ до будущаго промысла. Проведя такъ дѣло года два, Алексѣевъ сталъ забираться далѣе внизъ отъ верховьевъ Васюгана уже каюками, по водѣ, далѣе юртъ Тимольгиныхъ. Онъ устроилъ на свой счетъ дорогу между Томыспаевыми юртами и деревнею Орловкою и въ послѣдствіи между дер. Бочкаревой и юртами Инжиными, и первый прошелъ каюкомъ изъ рѣки Тары въ Васюганъ рѣчкою Чопкою. Конкуррентовъ у него не было, да и могли ли простые Тарскіе крестьяне, старовѣры-лапотники, конкуррировать съ нимъ? Поторговавъ такъ лѣтъ пятокъ и получивъ значительные барыши, онъ захватилъ въ свои руки весь этотъ край и неудержимо пустился далѣе села Васюгана до самаго устья, сталъ покупать товаръ въ Тюмени, доставлять его къ Васюгану пароходами, а тутъ развозить до верховья своими барками и каюками. Слова нѣтъ, Тарскіе

крестьяне, не смотря на конкурренцію Алексѣева, не переставали ежегодно посѣщать вершины Васюгана, хотя не по ихъ силамъ было идти далѣе внизъ юртъ Мукатаевыхъ и рѣчки Чёртанлы, но по проложеннымъ Алексѣевымъ дорогамъ они все-таки ѣздили и срывали въ Васюганѣ свои кусочки барыша.

Въ настоящее время типъ новаго поколѣнія Васюганскихъ инородцевъ отъ вершины до Тимольгиныхъ юртъ почти измѣняется совершенно на чисто русскій типъ. Вмѣсто коричневаго, загорѣлаго лица и черныхъ волосъ съ черными глазами, очень часто у мальчиковъ и дѣвочекъ включительно до пятнадцати лѣтъ, вы увидите бѣлое лице, совершенно русскаго типа съ рыжими кудреватыми, или бѣлокурыми волосами и голубыми глазами. Это типъ уже не остяцкій. Если же принять во вниманіе, что въ прежнее время, да и нынѣ еще, между сургутскими остяками считается въ правилахъ гостепріимства „заѣзжему гостю для ночлега предоставлять своихъ дочерей, или за неимѣніемъ ихъ, даже жену свою" и религіозное правило нашихъ старовѣровъ: „если не согрѣшишь, то не въ чемъ будетъ и покаяться"; тогда поневолѣ подумаешь, что это новое, подростающее поколѣніе есть помѣсь русской и остяцкой крови, что очень легко могло быть отъ ближайшихъ сношеній Тарскихъ крестьянъ-старовѣровъ съ васюганскими инородками въ послѣднія пятнадцать лѣтъ. Да и по слухамъ отъ инородцевъ, наши нарымскіе казаки, посылаемые вахтерами въ Васюганскій и Айполовскій хлѣбные магазины, тоже жили, какъ султаны, имѣли по нѣскольку женъ въ разныхъ юртахъ, что также способствовало измѣненію остяцкаго типа на совершенно русскій. Жаль только, что это новое измѣнившееся поколѣніе, принявъ отъ крови отцовъ и русскую силу и русскій смыслъ и, можетъ быть, еще многія качества русскаго человѣка, остается воспитываться, рости и жить въ остяцкихъ семействахъ, въ ихъ неряшливости, въ ихъ вѣрованіяхъ, суевѣріяхъ, предразсудкахъ и обычаяхъ. Если бы отцы этого новаго поколѣнія селились тутъ же въ юртахъ, то это новое поколѣніе, находясь постоянно въ сношеніяхъ съ русскими ребятишками, переняло бы отъ нихъ много русскаго и впослѣдствіи оцивилизовалось бы.

Но для отцовъ этого новаго поколѣнія невозможно переселиться туда, гдѣ нѣтъ мѣста для пашни, къ которой они привыкли отъ дѣдовъ ихъ; а въ Васюганѣ только и возможна пашня въ юго-западномъ краю тундры, близь Тарскаго округа. Остальное же все пространство вѣсною затопляется водою и начало пашни, даже въ южныхъ частяхъ тундры, затянется до спаденія воды, до половины іюня; а съ этого времени хлѣбъ не успѣетъ не только созрѣть, но даже хорошенько вырости и околоситься.

Впрочемъ наѣзды Тарскихъ крестьянъ и въ особенности торговля по Васюгану Алексѣева, сдѣлали то, что почти по всѣмъ юртамъ васюганскіе инородцы завели лошадей и стали заготовлять для нихъ лѣтомъ на зиму сѣно, чего прежде и не знали какъ дѣлать. Дѣйствительно инородцы, въ особенности въ верхней и средней части Васюгана, лѣтъ двадцать тому назадъ, лошадей ни одной не имѣли, да имъ и надобности въ нихъ не было. Всѣ свои передвиженія и поѣздки они совершали въ лодкахъ водою, или въ нартахъ, запряженныхъ собаками. Когда же Алексѣевъ проложилъ дороги и отъ него пошли обозы съ мукою, крупою и разными товарами по всему Васюгану, то ему понадобилось отвозить домой, въ Тару, собранную здѣсь рыбу и мѣха, что составляло тоже немаленькіе обозы, а для этого ему приходилось нанимать лошадей. Въ началѣ же взять ихъ было негдѣ и вслѣдствіе этого васюганскіе инородцы стали заводить у себя лошадей, научились дѣлать сани, сбрую и запрягать лошадей, да уже по пути научились какъ заготовлять для нихъ сѣно. Нынѣ по Васюгану почти рѣшительно во всѣхъ юртахъ есть лошади, рѣдкій инородецъ не имѣетъ одной лошади, но есть многіе, имѣющіе три, пять и даже десять лошадей. Въ тридцати двухъ юртахъ, посѣщенныхъ мною, лошадей состоитъ на лицо 208 штукъ, но за то коровъ только 14 штукъ и то въ однѣхъ юртахъ Югиныхъ и въ самомъ селѣ Васюганѣ, считая тутъ же коровъ, имѣющихся у священника, псаломщика и вахтера. Овецъ же, свиней и козъ по всему Васюгану нѣтъ ни одной.

Инородцы Васюгана всѣ вообще христіане; у нихъ есть и приходская церковь, гдѣ ихъ крестятъ, женятъ, отпѣваютъ, куда они, по большимъ праздникамъ и по случаю пріѣзда въ село, считаютъ обязанностію своею сходить помолиться и поставить предъ иконами нѣсколько свѣчъ. Но только въ этомъ наружномъ, обрядномъ отношеніи они и христіане, во внутреннихъ же своихъ вѣрованіяхъ они остались попрежнему идолопоклонниками-язычниками. По ихъ стариннымъ вѣрованіямъ Богъ и дьяволъ есть два существа самостоятельные и оба одинаково всемогущи. Богъ всегда пребываетъ на небѣ, а діаволъ въ своемъ подземномъ царствѣ; Богъ сотворилъ ангеловъ и все, что есть на землѣ, діаволъ же сотворилъ подземный міръ и діаволовъ; Богъ творитъ на свѣтѣ добро, а діаволъ зло, но ни тотъ, ни другой, другъ друга преборэть не могутъ. Богъ имѣетъ семь сыновей и семь дочерей. Два сына его и двѣ дочери извѣстны. Одинъ сынъ, который караулилъ на землѣ отверзтіе, въ которое могъ проходить изъ подземнаго царства діаволъ и прокараулилъ, діаволъ обманулъ его. За это въ наказаніе Богъ превратилъ его въ ворона, питающагося падалью, поэтому остяки называютъ ворона „То̀ромъ-погъ“, т. е. Божій сынъ и еще „ко̀ллякъ“, т. е. дурачекъ. Другой же сынъ Божій—охотникъ. Богъ, творя звѣрей, сотворилъ лося о шести ногахъ, а охотникъ—сынъ Божій, будучи на охотѣ, убилъ лося и отрубилъ у него двѣ ноги, чтобы людямъ легче было убивать четвероногихъ лосей, такъ какъ шестиногіе они бѣгали очень быстро. Богъ прогнѣвался за это на сына-охотника и сдунулъ его съ неба. Тотъ упалъ на землю и попалъ въ пустое, дуплистое дерево, гдѣ и замерзъ. Дочери Божіи извѣстны только двѣ: солнце и огонь, т. е. свѣтъ и теплота, а прочіе пять неизвѣстны, а также неизвѣстно есть ли и были ли у Бога и діавола жены.

Ангелы и діаволы, сотворенные Богомъ и діаволомъ, облечены такимъ же тѣломъ, какъ и люди, но только у нихъ есть крылья. Какъ ангелы, такъ и діаволы женятся, нарождаютъ дѣтей и живутъ семействами, ангелы на небѣ въ золотыхъ домахъ, изъ которыхъ есть окошечки на землю, откуда они наблюдаютъ, что дѣлается на землѣ и которыя намъ, людямъ, кажутся звѣздами;

а дьяволы живутъ подъ землею въ городахъ. Назначеніе ангеловъ есть слѣдить за жизнію людей и направлять ихъ къ добру, а назначеніе діаволовъ направлять людей ко злу. Названія ангеловъ неизвѣстны, но нѣкоторыя названія діаволовъ извѣстны. Такъ „То́ромъ-юнкъ"—Божій діаволъ, онъ караулитъ городъ, гдѣ живетъ Богъ и бываетъ у Бога на посылкахъ, „вонтъ-юнкъ"—лѣсной діаволъ, „кёхъ-юнкъ"—каменный діаволъ, „инкъ-юнкъ"—водяной діаволъ, „мыгъ-юнкъ"—земной діаволъ, „тугу-юнкъ"—огненный діаволъ, „яркàнъ-юнкъ"—полевой діаволъ, „ылъ-юнкъ"—нижній, или подземный діаволъ. Кромѣ этого у нихъ есть еще идолы, т. е. куклы, сдѣланныя изъ дерева, или камня, или мѣди и они полагаютъ, что въ этихъ идолахъ поселяется и дѣйствуетъ тотъ діаволъ, имя котораго присвоено идолу. Такихъ идоловъ они держатъ, или у себя дома, или въ лѣсу въ амбарчикахъ, какъ я видѣлъ у озера Пѐрель-ту и на островѣ озера Тухъ-сигàтъ, и приносятъ имъ подарки, которые отъ времени тлѣютъ и гніютъ.

Васюганская тундра въ административномъ отношеніи состоитъ изъ трехъ инородныхъ волостей: 1) Ларіатская волость отъ устья Васюгана до устья рѣчки Нюрольки заключаетъ въ себѣ шесть юртъ изъ 27 домовъ, съ населеніемъ 49 душъ мужескаго пола и 40 душъ женскаго пола (кромѣ юртъ по рѣчкѣ Нюролькѣ, куда я не ѣздилъ, но свѣдѣній не могъ дождаться, хотя и требовалъ ихъ). 2) Васюганская волость отъ рѣчки Нюрольки до самыхъ верховьевъ Васюгана, Чёртанлы и Ягылъ-яга состоитъ изъ двадцати пяти юртъ и въ нихъ 105 домовъ, съ населеніемъ 334 душъ мужескаго пола и 289 душъ женскаго пола и 3) Чижапочная волость, отъ устья рѣчки Чижапки до вершины ея, состоитъ изъ однихъ посѣщенныхъ мною юртъ въ четыре дома, съ населеніемъ 8 душъ мужескаго пола и 6 душъ женскаго пола. (Кромѣ юртъ по рѣчкѣ Чижапкѣ, куда я не ѣздилъ, но свѣдѣній не могъ дождаться, хотя и требовалъ ихъ). По словамъ же инородцевъ по Нюролькѣ, кромѣ Усть-Нюрольскихъ юртъ, есть еще три юрты съ восемью семьями и по Чижапкѣ, кромѣ Усть-Чижапочныхъ юртъ, есть еще пять юртъ, гдѣ живутъ тринадцать семей.

Въ церковномъ же отношеніи Васюганская тундра дѣлится на два прихода: 1) отъ верховьевъ Васюгана внизъ до юртъ Варгананжиныхъ всѣ жители считаются прихода Васюганской церкви, и 2) отъ юртъ Варгананжиныхъ, по Чижапкѣ и до устья Васюгана жители причисляются къ приходу Каргасокской церкви.

Посѣщенныя мною тридцать двѣ юрты по прибыли и убыли народонаселенія за послѣднія двадцать лѣтъ находятся въ такомъ отношеніи, что племя Васюганскихъ инородцевъ нельзя назвать вымирающимъ, какъ другія вообще сѣверныя инородческія племена.

Въ 1862	году	было	муж.	пола	460,	жен.	394	души.
„ 1867	„	„	„	„	414,	„	388	душъ.
„ 1872	„	„	„	„	375,	„	347	„
„ 1877	„	„	„	„	387,	„	333	души.
„ 1882	„	„	„	„	391,	„	335	душъ.

Въ двадцатилѣтній періодъ времени убыло мужескаго пола 69 душъ и женскаго 59 душъ. Между тѣмъ у обскихъ инородцевъ прихода Новоильинской церкви Большечурубаровской волости юртъ Водяныхъ въ 1862 году было мужескаго пола 62 души, нынѣ же, въ 1882 году, считается мужескаго пола только 4 души.

Въ производительномъ отношеніи Васюганская тундра вся почти существуетъ исключительно рыбнымъ и звѣринымъ промысломъ и сборомъ кедровыхъ орѣховъ. По свѣдѣніямъ, взятымъ мною отъ торгующаго въ Васюганѣ крестьянина Федора Мефодіева Алексѣева, во всемъ Васюганѣ ежегодно добываютъ:

бѣлокъ	до 10,000	шт.,	по сред. цѣнѣ			15 к.,	на	сумму	1500 р.
лисицъ	„ 25	„	„ „	„	5 р.	— к.	„	„	125 „
колонка	„ 500	„	„ „	„	— „	60 „	„	„	300 „
соболей	„ 150	„	„ „	„	5 „	— „	„	„	750 „
оленей	„ 5000	„	„ „	„	1 „	90 „	„	„	9500 „
лосей	„ 1500	„	„ „	„	6 „	— „	„	„	9000 „
рыбы	„ 6000	пуд.	„ „	„	1 „	10 „	„	„	6600 „
орѣховъ	„ 4000	„	„ „	„	2 „	— „	„	„	8000 „
								Всего на	35,775 р.

Федоръ Алексѣевъ ведетъ свою торговлю по всему Васюгану и забираетъ почти весь промыселъ Васюганской тундры. Ему

нельзя не знать промысла тамошнихъ инородцевъ. Онъ имѣетъ домъ, амбаръ для товара и приказчика въ юртахъ Айполовскихъ; въ Тимольгиныхъ юртахъ онъ имѣетъ крестьянина работника для зимнихъ оборотовъ, въ селѣ Васюганѣ имѣетъ домъ, амбаръ для товара и работника крестьянина и сверхъ того въ Югиныхъ юртахъ имѣетъ на квартирѣ постояннаго главнаго приказчика съ запасомъ муки, краснаго и прочаго товара. Изъ этого видно, что онъ завладѣлъ почти всею Васюганскою тундрою, вездѣ разставилъ свои сѣти и весь промыселъ инородцевъ рѣдко ускользаетъ изъ его рукъ. Онъ ежегодно ввозитъ въ Васюганъ товару:

муки ржаной	10,000 пуд.	по его продажн. цѣнѣ —	90 к.,	на 9000 р.
крупы ячной	500 „	„ „ „ „	1 р. 50 „	„ 750 „
чаю кирпичнаго	10 ящ.	„ „ „ кирп.	1 „ 50 „	„ 900 „
сахару	100 пуд.	„ „ „ фун. —	40 „	„ 1600 „
аршиннаго товара	-	- - -	-	„ 5000 „
броденъ, рукавицъ и чирковъ	-	- -	-	„ 600 „
			Всего	на 25,950 р.

Но кромѣ Алексѣева въ Васюганъ наѣзжаютъ торговцы изъ Каргасока: Сушковъ, Рождественскій, Машицкій, изъ Нарыма—Колотовкинъ и еще трое другихъ, да при всемъ этомъ въ верховье Васюгана наѣзжаютъ нѣсколько Тарскихъ крестьянъ-старовѣровъ, производителей новаго поколѣнія инородцевъ. Всѣ они, какъ эти наѣзжіе торговцы, такъ и крестьяне по верховью, срываютъ съ Васюганской тундры свою часть барыша, неизвѣстную Алексѣеву и невидимо ускользающую изъ его рукъ. Эта часть барыша вѣроятно достигаетъ, если не превосходитъ, до $^1/_4$ части промысла, показаннаго Алексѣевымъ и во всякомъ случаѣ должна доходить до 8000 руб., иначе не изъ чего было бы семи торговцамъ и десяткамъ двумъ крестьянъ посѣщать этотъ край. Слѣдовательно всю добычу Васюганскаго края можно опредѣлить покрайней мѣрѣ въ 43,000 руб.

Въ проѣздъ мой я посѣтилъ 32 юрты съ 136-ю семьями и, по словамъ инородцевъ, по Нюролькѣ и Чижапкѣ находится 8 юртъ съ 21 семьею, слѣдовательно во всемъ Васюганѣ проживаютъ 157 семействъ инородцевъ и если всю добычу промысла раздѣлить

между ними поровну, то выйдетъ, что на каждую семью приходится промысла 273 руб. 88½ коп., а на такія деньги всякая инородческая семья могла бы жить въ теченіи года очень богато. Но промышляютъ инородцы не всѣ, одни промышляютъ только одну рыбу, другіе и рыбу и звѣря, третьи рыбу и орѣхи, одни добываютъ болѣе, а другіе менѣе, одни любятъ трудиться, другіе полѣниться, а поэтому весь промыселъ невозможно распредѣлить поровну на каждую семью и судить о потребности ихъ края и о ихъ сбереженіяхъ. Да эти сбереженія могутъ быть у очень и очень рѣдкихъ инородцевъ, которые по пристрастію своему къ вину пропиваютъ съ себя и необходимую одежду, а не то что излишки промысла, или денегъ.

Для прокормленія васюганскихъ инородцевъ, какъ неимѣющихъ своего хлѣбопашества, казна по рѣкѣ Васюгану содержитъ два запасныхъ хлѣбныхъ магазина: одинъ въ селѣ Васюганѣ и другой въ юртахъ Айполовскихъ, куда ежегодно доставляетъ на баркахъ отъ трехъ до четырехъ тысячь пудовъ ржаной муки. Магазины эти заведены казною уже давно и въ первое время существованія служили для инородцевъ, пожалуй, можно выразиться, благодѣяніемъ, а въ дальнѣйшее время служили для вахтеровъ средствомъ наживы. Въ давнее время инородцы Васюгана еще не знавали хлѣба и не ѣдали его. Для нихъ достаточно было промысла. Попадалъ инородцу лось: снявши съ него шкуру, остякъ жарилъ мясо его на шашлыкѣ (вертелѣ), варилъ полный котелъ мяса въ котлѣ и ѣлъ до отвалу, и вся семья его была сыта до тѣхъ поръ, пока мясо лося не съѣдалось все до чиста. Когда неставало мяса, надобно было опять идти на промыселъ и если опять попадалъ ему лось, или олень, то инородецъ считалъ себя вполнѣ счастливымъ и обезпеченнымъ на нѣкоторое время. Попадали ему лисица и мелкіе звѣрки: колонокъ, горностай, бѣлка, кротъ, простая мышь, летяга,—инородецъ со всѣхъ ихъ сдиралъ шкурки, выбрасывалъ внутренности и, поджаривъ на шашлыкѣ, ѣлъ. Шкуры лосей оленей и всѣхъ мелкихъ звѣрковъ шли единственно для домашняго употребленія, потому что кому про-

давать ихъ и по какой цѣнѣ инородцы не знали. Изъ мелкихъ звѣрковъ горностай не былъ употребляемъ въ пищу, такъ какъ мясо его имѣетъ отвратительный запахъ, даже собаки не ѣдятъ его. За неимѣніемъ звѣря инородецъ промышлялъ рыбу и, точно также очистивъ и выбросивъ внутренности, жарилъ на шашлыкѣ, или варилъ въ котлѣ и питался. Съ большихъ рыбъ: щукъ и налимовъ инородцы всегда сдирали шкуры, высушивъ, выдѣлывали ихъ и сшивали изъ нихъ для себя платье, рубашки и штаны, изъ шкуръ же лосей, оленей и лисицъ сшивали для себя шубы, дохи, парки и обувь. Ни хлѣба, ни соли для нихъ не было нужно, да они и не знали и не видывали ни того, ни другаго. При ознакомленіи съ русскими крестьянами инородцы нижней половины Васюгана попробовали русскаго хлѣба, но онъ имъ не понравился, потому что не былъ такъ вкусенъ, какъ мясо. Когда же инородцы ближе ознакомились съ русскими, то стали продавать и вымѣнивать имъ шкуры звѣрей, добытыхъ ими, а для этого стали промышлять не столько для пропитанія себя и семействъ своихъ, сколько для продажи и мѣны. Отъ этого чрезъ нѣсколько лѣтъ звѣря поубавилось много, онъ сталъ попадать рѣже и рѣже, и ознакомившись съ ловушками инородцевъ, сталъ избѣгать ихъ. Какъ бы то ни было, но потребность въ хлѣбѣ явилась въ Васюганѣ, разумѣется, сначала какъ въ подспорьи къ промыслу, а потомъ эта потребность въ хлѣбѣ распространялась болѣе и болѣе. Вотъ, въ это то время казна и позаботилась о доставленіи васюганскимъ инородцамъ хлѣба и объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ, сначала въ селѣ Васюганѣ, а потомъ, когда въ хлѣбѣ стала чувствоваться потребность по верховью Васюгана, тогда и въ Айполовскихъ юртахъ. Вахтерами въ эти магазины, какъ и вообще по всему Нарымскому краю, стали назначать людей изъ служилыхъ нарымскихъ казаковъ. Тогда были блаженныя старыя времена (присной памяти), когда всякій человѣкъ добивался тепленькаго мѣстечка, чтобы нагрѣвать свои руки и набивать свои карманы, разумѣется, доставляя малую толику и ближайшему начальству. Казаки, назначаемые вахтерами, какъ люди служилые, опытные, тотчасъ же смѣкнули, какъ и гдѣ можно пріобрѣсти выгоды

въ своемъ новомъ служеніи. Для инородца, получающаго изъ казеннаго магазина напримѣръ десять пудовъ хлѣба въ ссуду, ничего не стоитъ подарить вахтеру по одной бѣлкѣ за пудъ, т. е. десятокъ бѣлокъ. Да иногда и вахтеръ не въ духѣ, ему некогда отворить магазинъ до завтра, а чтобы не ждать до завтра инородцу, пріѣхавшему за тридцать верстъ, лучше вмѣсто одной бѣлки за пудъ поднести вахтеру двѣ, авось смилуется. Кромѣ того, вмѣсто выданныхъ какому нибудь инородцу десяти пудовъ, можно по книгѣ записать двадцать и эти излишніе десять останутся въ карманѣ у вахтера. Можно написать въ книгу пудовъ пятнадцать на такого инородца, который вовсе не бралъ хлѣба, и даже на такое имя, которое вовсе не существуетъ. Можно, проданный на наличныя деньги, хлѣбъ, поставить по книгѣ долгомъ, а деньги положить въ свой карманъ. Да и мало ли что можно сдѣлать служилому, опытному человѣку. Кто станетъ повѣрять съ натурою? тѣмъ болѣе, что Нарымскій край считался далекимъ краемъ, отдѣльнымъ засѣдательствомъ, а Васюганъ—краемъ, еще дальнѣйшимъ, куда ни одинъ исправникъ, или засѣдатель даже не заглядывалъ. Но зачѣмъ открывать завѣсу дальнѣйшихъ дѣйствій этихъ служилыхъ людей, этихъ благодѣтелей васюганскихъ инородцевъ, вспоминать „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“. Многіе изъ этихъ служилыхъ людей и до сихъ поръ въ богоспасаемомъ градѣ Нарымѣ живы и, покрытые старческими сѣдинами и по поясъ бѣлыми бородами, пользуются всеобщимъ уваженіемъ всѣхъ согражданъ, какъ люди, умѣвшіе въ свое время воспользоваться удобнымъ случаемъ. Сибирская газета 1881 года огласила въ свое время дѣянія этихъ служилыхъ людей. Въ настоящее время на Васюганскихъ инородцахъ считается огромная хлѣбная недоимка отъ лѣтъ минувшихъ, на лицахъ, уже умершихъ безъ наслѣдниковъ, на лицахъ, которые брали хлѣбъ и уже давно уплатили, на такихъ, которые совсѣмъ не брали хлѣба и на такихъ лицахъ, которыя никогда не существовали въ Васюганѣ. И вся эта недоимка погрязла въ карманахъ вахтеровъ, бывшихъ отъ самаго начала магазиновъ. Хотя мѣстная администрація и входила не разъ по начальству о сло-

женіи этой недоимки, но высшая администрація, вѣроятно, не читавшая Сибирскую газету 1881 года, за великимъ множествомъ текущихъ дѣлъ, не рѣшается на это сложеніе, хотя взысканіе этой недоимки по справедливости слѣдовало бы произвести изъ имущества всѣхъ бывшихъ до настоящаго времени вахтеровъ въ Васюганѣ. Кромѣ того около шести лѣтъ назадъ чрезъ нынѣшняго вахтера Соснина были отобраны отъ всѣхъ Васюганскихъ инородцевъ всѣ квитанціи въ уплатѣ ими хлѣбныхъ недоимокъ и представлены бывшему засѣдателю Усольцеву, для какихъ то справокъ. А подобная штука дала поводъ нынѣшнему вахтеру ловить рыбу въ мутной водѣ и недоимка все ростетъ и ростетъ, хотя сами инородцы отзываются, что ихъ старшинами каждую весну, при уплатѣ ясака, уплачивается ежегодно и хлѣбная недоимка минувшаго года.

Едва ли въ настоящее время хлѣбные магазины Васюганскій и Айполовскій не можно почесть излишними, такъ какъ туда доставляется хлѣба очень достаточно Алексѣевымъ и прочими торговцами. Казенные же магазины только тогда и хороши и доставляютъ истинную пользу, когда они могутъ вполнѣ конкурировать съ вольною продажею хлѣба. Но могутъ ли конкурировать наши Васюганскіе хлѣбные магазины съ Алексѣевымъ, когда на 1882 годъ цѣна на хлѣбъ по стоимости назначена была изъ магазиновъ по 97 коп. за пудъ, а Алексѣевъ съ воли продавалъ муку въ долгъ по 90 коп. и на наличныя деньги по 80 коп. Въ 1882 году къ веснѣ въ Васюганскомъ магазинѣ не было ни пылинки хлѣба, а въ Айполовскомъ хранилось до 600 пудовъ, но онъ не былъ выдаваемъ инородцамъ затѣмъ, что вахтеру было лѣнь ѣхать водою изъ села Васюгана до Айполовскихъ юртъ около 800 верстъ, для выдачи хлѣба изъ тамошняго магазина, а поэтому весь народъ въ Васюганѣ положительно голодалъ, ожидая или пріѣзда изъ Тюмени Алексѣева, или прихода казенной барки съ хлѣбомъ. Въ концѣ августа Алексѣевъ пріѣхалъ изъ Тюмени, а казенная барка съ хлѣбомъ такъ и осталась въ Нарымѣ. Подрядчикъ, который взялся доставить ее до Васюганскаго и Айполовскаго магазиновъ, обратился къ тому же Алексѣеву и просилъ его наполнить Васю-

ганскіе магазины своимъ запаснымъ хлѣбомъ, а хлѣбъ съ барки взять себѣ, взамѣнъ насыпаннаго въ магазины хлѣба. Съ подрядчика просили очень дорого за сплавъ барки до села Васюгана и Айполовскихъ юртъ по причинѣ быстрины и многоводія Васюгана, да и по изобильному урожаю орѣховъ всѣ рабочіе бросились на добычу орѣховъ. Такая, ничтожная повидимому и очень простая, сдѣлка подрядчика съ Алексѣевымъ сдѣлаетъ то, что хлѣбъ въ Васюганскомъ и Айполовскомъ магазинахъ достигнетъ въ 1883 году цѣны 1 руб. 50 коп., а Алексѣевъ свободно будетъ продавать хлѣбъ съ той же казенной барки по 90—80 коп. и даже дешевле, потому что онъ уже заручился барышами. Это ли есть конкуренція казны противъ торговцевъ? Нельзя ли назвать нынѣшнее существованіе хлѣбныхъ магазиновъ пособіемъ торговцамъ къ наживѣ. Какую выгоду могутъ доставить эти магазины инородцамъ, когда они могутъ всегда взять хлѣбъ у Алексѣева дешевле двадцатью копѣйками на пудъ и какая отъ нихъ выгода казнѣ, кромѣ вѣчно-накопляющейся недоимки, которая не имѣетъ никакихъ обезпеченій ко взысканію. Гораздо бы лучше совершенно уничтожить эти магазины и предоставить васюганскимъ инородцамъ кормиться хлѣбомъ отъ торговцевъ. Вѣдь, въ нынѣшній 1882 годъ, голодный по многоводію и недобычѣ рыбы въ Васюганѣ, казенные магазины нисколько не пособили инородцамъ въ голодѣ, а пособилъ имъ Алексѣевъ. Также пособилъ имъ и на 1883 годъ Алексѣевъ, наполнивъ эти магазины своимъ запаснымъ хлѣбомъ. И всегда имъ будетъ помогать Алексѣевъ, а ничуть не хлѣбные магазины, которые доставляютъ только выгоду вахтеру, завѣдывающему ими.

Н. П. Григоровскій.

ТАБЛИЦА

О НАСЕЛЕНІИ ВАСЮГАНСКОЙ ТУНДРЫ ПО ЮРТАМЪ ЗА ПОСЛѢДНІЯ 20 ЛѢТЪ.

Названіе юртъ	Число домовъ	1862 г.		1867 г.		1872 г.		1877 г.		1882 г.		Число коровъ	Число лошадей
		м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		
Югины	5	-	-	13	13	12	16	11	16	8	10	6	9
Маргины	3	-	-	11	8	14	10	9	7	8	7	-	6
Наунакъ	4	-	-	8	8	12	6	13	7	11	9	-	5
Усть-Чижапка . .	4	-	-	13	9	8	7	8	7	8	6	-	6
Каргальдаевы. . .	2	-	-	-	-	4	3	6	4	6	4	-	3
Варганапжины лѣтн.	4 }	-	-	25	22	18	22	23	22	16	10	-	12
Варганапжины зимн.	9 }												
Усть-Нюролька . .	3	12	10	13	15	20	24	23	16	24	15	-	7
Салагичи	2	5	2	4	2	4	3	3	5	5	8	-	3
Тейкины	1	4	5	2	2	2	2	2	2	3	2	-	3
село Васюганъ . .	7	10	6	8	5	7	7	5	6	8	8	8	10
Кильсины	1	4	2	6	6	1	4	3	2	7	1	-	3
Пенырскія	5	21	17	18	23	14	18	17	18	17	19	-	8
Калкынакъ . . .	8	37	38	31	37	39	29	37	35	32	27	-	17
Мадуковы	3	12	9	13	12	14	13	12	8	8	6	-	5
Кадылька	4	14	15	11	18	8	12	11	11	8	8	-	6
Тимильгины . . .	4	16	11	11	12	9	8	9	8	11	11	-	8
Айполовскія . . .	20	82	76	74	81	63	63	56	55	70	63	-	22
Оконцугонцы . . .	4	33	16	29	20	26	28	31	25	18	12	-	7
Кунтики	5	1	2	-	-	-	-	12	10	16	12	-	6
Мукатаевы. . . .	4	22	17	17	10	10	8	9	6	7	5	-	9
Андрушкины . . .	7	24	18	21	16	21	15	21	16	18	15	-	8
Колмаковы . . .	6	40	21	33	20	25	15	26	17	27	31	-	12
Арпаи	—	1	2	5	4	4	3	-	-	-	-	-	-
Инжины	2	-	-	-	-	-	-	1	3	3	6	-	6
Лесморовы 1-я . .	3	-	-	-	-	-	-	3	2	4	5	-	1
Лесморовы 2-я . .	1	-	-	-	-	-	-	-	-	5	3	-	-

Название юртъ	Число домовъ	1862 г.		1867 г.		1872 г.		1877 г.		1882 г.		Число коровъ	Число лошадей
		м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		
Зыряны 1-я . . .	1	5	2	4	5	4	8	5	5	4	4	-	3
Зыряны 2-я . . .	2	13	15	14	14	11	4	8	4	9	8	-	6
Зыряны 3-и . . .	1	-	-	-	-	-	-	-	-	3	1	-	1
Вилкины	1	4	4	3	2	4	2	7	4	5	2	-	4
Томыспаевы . . .	3	30	28	27	24	21	17	15	10	17	9	-	8
Ай-игалъ-пуговъ .	5	-	-	-	-	-	-	1	2	5	7	-	4
	136	-	-	414	388	375	347	387	333	391	335	14	208

ВВЕДЕНІЕ

КЪ СОЧ. ВАМБЕРИ:

„ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКО-ТАТАРСКИХЪ НАРОДОВЪ“[1].

I.

Этнографія или филологія, общій наружный видъ тѣла (Habitus) или человѣческій языкъ—что должно служить матеріаломъ, изъ котораго мы можемъ добыть данныя для лучшаго оріентированія въ темномъ лабиринтѣ племеннаго сродства народовъ? Этотъ вопросъ предлагается, конечно, не въ первый разъ, и не въ первый разъ выставляется на видъ его высокая важность. И въ самомъ дѣлѣ, наука можетъ указать лишь немного проблемъ, для разрѣшенія которыхъ отдѣльныя теоріи сопоставлялись бы такъ рѣзко и въ одномъ мѣстѣ подтверждались бы, а въ другомъ отрицались, какъ это постоянно случается при изслѣдованіяхъ въ области взаимныхъ отношеній и частныхъ дѣленій человѣческаго рода. Послѣ многообразныхъ истинъ, которыя по-сію пору освѣтила лингвистика, само собою разумѣется, уже никому болѣе не придетъ въ голову, при дѣленіи человѣческаго рода на главные классы[2]) признавать языкъ исключительнымъ факторомъ, безусловно принимаемымъ въ разсчетъ, при разграниченіи и распредѣленіи главныхъ человѣческихъ расъ. Нужно, вѣдь, быть совершенно слѣпымъ,

---

[1]) Подлинное названіе сочиненія: „Die primitive Cultur des turkotatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen“.

[2]) Мы можемъ здѣсь слѣдовать какой угодно системѣ дѣленія: дѣленію ли Блюменбаха на *пять* классовъ, или дѣленію Кювье на *три*, или же системѣ дѣленія, предложенной Пешелемъ и Фридрихомъ Мюллеромъ.

чтобы, не смотря на физiологическое различiе, существующее, по отношенiю къ цвѣту кожи, образованiю черепа, выраженiю лица и строенiю тѣла, между гиндустанцами, персами, славянами, германцами и романскими народами, не примѣтить въ нихъ узъ тѣснаго сродства, которое соединяетъ эти члены великой арiйской семьи, не смотря на то, что они живутъ теперь при столь различныхъ климатическихъ условiяхъ. Теперь, если, вопреки различiю въ физическихъ признакахъ указанныхъ народовъ, мы, при изслѣдованiи расъ, будемъ руководствоваться свѣточемъ филологiи и пытаться освѣтить и разсѣять тьму,—то, съ другой стороны, все-таки не слѣдуетъ считать доказательства, почерпнутыя изъ языка, единственною всеспасающею панацеей.

И вотъ почему, тамъ, гдѣ до сихъ поръ этнографы и филологи такъ рѣшительно и рѣзко ошибались,—тамъ, по нашему мнѣнiю, ошибка происходила отъ слишкомъ рѣзкой и натянутой исключительности въ теорiяхъ, предлагавшихся тѣмъ и другимъ родомъ ученыхъ, т. е. филологовъ и физiологовъ. Тѣ и другiе игнорировали, или слишкомъ мало уважали, всю общность матерiала, нужнаго для ясныхъ и сильныхъ доказательствъ. Односторонность вездѣ вредна, а здѣсь она представляется вредною еще болѣе. Чтобы хотя до нѣкоторой степени указать на путаницу, явившуюся результатомъ указанныхъ ошибокъ ученыхъ, мы намѣрены бросить здѣсь бѣглый взглядъ на ту и другую теорiю.

Кто будетъ имѣть случай жить продолжительное время между различными народами и основательно познакомиться съ ихъ духовными и физическими особенностями; кто обратитъ свое вниманiе на тѣ явленiя, какiя имѣютъ мѣсто при перемѣнѣ человѣкомъ отечества, климата, образа жизни,—тотъ скоро придетъ къ убѣжденiю, до какой сильной степени человѣческое тѣло подвергается—да и должно подвергаться,—внѣшнимъ и внутреннимъ перемѣнамъ, тѣмъ же самымъ, какимъ подвергаются растенiя и животныя, при ихъ переселенiи съ родной почвы въ чуждый климатъ, подъ чуждое небо.

Позвольте мнѣ привести въ этомъ смыслѣ нѣкоторые примѣры. Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, я привезъ съ собою изъ Сред-

ней Азіи одного молодого узбека и нѣсколько коробочекъ сѣмянъ дыни, такъ богато и роскошно произрастающей на берегахъ Оксуса (Аму-Дарьи). Я привезъ эти сѣмена въ надеждѣ пересадить ихъ на песчаную почву венгерскихъ низменностей. Въ первый годъ дыни выросли, и цвѣтомъ и величиною похожими на своихъ среднеазіатскихъ соплеменниковъ, однакожъ вкусомъ уступали послѣднимъ. На третій и четвертый годъ дыни уже совершенно выродились. Что касается молодого узбека, то съ теченіемъ времени можно было замѣтить въ немъ многіе физическіе признаки, произведенные чуждымъ климатомъ и перемѣною образа жизни. Контуры его лица сдѣлались круглѣе, сравнительно съ угловатыми рѣзкими чертами его земляковъ, живущихъ на Оксусѣ; но особенно поразительнымъ явился у него ростъ бороды; такому обильному росту, быть можетъ, способствовалъ обычай не брить бороду, —обычай обусловленный запрещеніемъ религіи; во всякомъ случаѣ густая борода придала молодому узбеку видъ чистаго венгерца, такъ что въ средѣ своихъ земляковъ онъ выглядѣлъ бы совершеннымъ чужеземцемъ.

Центральная Азія, съ своимъ пестрымъ и смѣшаннымъ народонаселеніемъ, состоящимъ изъ *арійцевъ*, *семитовъ* и *урало-алтайцевъ*, намъ кажется, представляетъ въ особенности такое поле, на которомъ этнологъ, сталкиваясь съ существующими здѣсь смѣшеніями расъ, чаще всего можетъ встрѣтить загадочныя явленія,—можетъ всего яснѣе увидѣть, какъ вообще осторожно слѣдуетъ обходиться съ физіологическими доказательствами. Дѣйствительно, лишь тогда можно достигнуть удовлетворительнаго результата, когда пробнымъ камнемъ является не одинъ, а многіе факторы, когда при томъ всѣ эти факторы, взятые вмѣстѣ, содѣйствуютъ рѣшенію вопроса. Пешель совершенно справедливо замѣчаетъ („Die Arier“, § 8): „Языкъ есть только лишь отдѣльный моментъ въ числѣ тѣхъ моментовъ, которые должны быть взяты въ разсчетъ при раздѣленіи человѣческаго рода на расы“. Но я дѣлаю обратное употребленіе положенія Пешеля. Я говорю, что точно тоже нужно сказать и о физіологіи; она сама есть лишь „отдѣльный моментъ“. Вѣдь если мы возьмемъ въ разсчетъ находящіеся предъ

нами многочисленные примѣры, то вотъ что они докажутъ. Народы въ теченіе одного или двухъ столѣтій совершенно измѣняли свой языкъ, но все-таки на нашихъ глазахъ останутся аналогичные случаи, относящіеся уже къ физической жизни народовъ; они доказываютъ, что физическіе признаки народа съ теченіемъ времени совершенно мѣняются. Правда, для этого нуженъ гораздо большій періодъ времени, долженствующій продолжаться, быть можетъ, нѣсколько столѣтій,—это для того, чтобы достаточно изгладить *первобытный* типъ народа, да не только изгладить, а даже напечатлѣть на переселившемся человѣкѣ тѣ физическіе признаки, которые имѣютъ природные жители данной страны (автохтоны) вслѣдствіе особенностей климата и образа жизни.

Сказанное можно иллюстрировать и другими примѣрами. Арабы, получившіе осѣдлость въ Бухарскомъ ханствѣ около Вардански и Вафкенда, потомки завоевателей, поселившихся при Кутеибе,—эти арабы говорятъ теперь совершенно по-персидски, и отличаются лишь немногимъ отъ тамошняго таджикскаго населенія. Совсѣмъ противоположное явленіе представляютъ ихъ соплеменники, живущіе на югѣ Персіи и прикочевавшіе туда изъ Маската и Омана. Такъ какъ климатическое различіе между южнымъ Ираномъ и юго-востокомъ Аравійскаго полуострова вовсе не такъ существенно, то они сейчасъ же бросаются въ глаза своими ярко выдающимися признаками семитической расы. Тоже самое нужно сказать при точномъ и внимательномъ наблюденіи сартовъ, этихъ первобытныхъ арійскихъ обитателей Средней Азіи, говорящихъ по-тюркски. Сарты отъ своихъ арійскихъ собратьевъ, таджиковъ, столь же рѣзко различаются не только въ языкѣ, но и въ тѣлосложеніи, и въ физіономіи,—сколько обѣ расовыя разновидности вмѣстѣ (т. е. сарты и таджики) отличаются отъ арійцевъ, населяющихъ Персію.

Съ другой стороны, отличительныя черты сартства (Sartentthum) теряются въ той мѣрѣ, въ какой онѣ отдаляются отъ пункта своего общаго происхожденія на среднемъ Яксартѣ (Сыръ-Дарьѣ). Но самую странную и поразительную перемѣну производитъ перемѣна климата и образа жизни,—что особенно замѣчается у тюркскаго номада, если онъ, оставивъ свою туземную степь, посе-

ляется среди осѣдлаго населенія. Подобнаго рода примѣръ представляютъ намъ узбеки Средней Азіи, ядро которыхъ состоитъ изъ малаго числа тюрко-монгольскихъ номадовъ, которые, послѣ паденія Золотой Орды въ началѣ XVI вѣка, поселились въ теперешнихъ ханствахъ. Ихъ число увеличилось, съ теченіемъ времени, туранцами, перешедшими изъ кочеваго состоянія къ осѣдлости. Теперь, если признать даже, что къ измѣненію единства расы существенно способствовало смѣшеніе съ арійскою кровью, вслѣдствіе, конечно, лишь спорадически встрѣчавшихся браковъ съ таджикскими дѣвушками и персидскими рабынями,—то все-таки, въ общемъ итогѣ, этого будетъ недостаточно, для объясненія той огромной разницы, какая существуетъ между узбеками и тюркскими народами, если не принимать въ разсчетъ именно тѣхъ мотивовъ, которые произошли отъ измѣнившагося образа жизни и отъ условій свободнаго неба и почвы.

Эту перемѣну физическаго Habitus, или общаго внѣшняго вида, часто можно доказать даже при малѣйшемъ различіи времени и различіи расъ. Укажемъ еще здѣсь на тюркменскихъ военно-плѣнныхъ (заложниковъ), получившихъ осѣдлость въ Тегеранѣ. У нихъ уже во второмъ поколѣніи можно открыть слѣды измѣненія расы, а въ четвертомъ колѣнѣ ихъ едва можно отличить отъ иранскихъ тюрковъ. И такъ, подобно тому, какъ солнце, почва и вода производятъ преобразующее вліяніе на растенія и животныхъ, такое же вліяніе производятъ они и на человѣка. Если кто, въ рѣшеніи вопроса объ общности человѣческихъ расъ, желалъ бы придать тѣлесному, внѣшнему Habitus бо́льшую силу доказательности, чѣмъ языку, какъ это дѣлаетъ напримѣръ, Миддендорфъ, въ IV томѣ своего путешествія, выступая противъ воззрѣній Кастрена и предоставляетъ физіологамъ блуждать по невѣрному бурному морю,—тотъ впалъ бы въ ту же самую ошибку, какую замѣтилъ у своего противника.

Ассимиляція народныхъ элементовъ совершается, конечно, только вслѣдствіе первоначально непостояннаго образа жизни и только постепенно; но во всякомъ случаѣ эта ассимиляція есть неоспоримый фактъ. И такъ какъ она, какъ таковая, т. е. какъ проти-

воположность стереотипіи, отнимаетъ у физіологическихъ аргументовъ твердое основаніе, то одинъ внѣшній тѣлесный видъ (Habitus), не можетъ быть мѣриломъ въ рѣшеніи вопроса о расахъ.

Но эта неудовлетворительность доказательной силы въ одинаковой степени очевидна и *по отношенію къ языку*.

Если физическая сторона человѣка отъ вліянія чуждаго климата и почвы подлежитъ перемѣнамъ, то и языкъ, не смотря на то, что, вслѣдствіе своей тѣсной связи съ разумомъ, является представителемъ человѣческаго духа, при живомъ и дѣятельномъ сношеніи съ другими языками, т. е. иначе сформировавшимися представителями человѣческаго духа, иногда подвергается *огромнымъ перемѣнамъ*.

Если уже отдаленіе отъ отечественной почвы и бóльшая разность въ климатическихъ особенностяхъ въ состояніи производить разницу въ цвѣтѣ и формахъ человѣческаго тѣла [1]), то мы должны считать весьма естественнымъ, если бóльшее отдаленіе, въ пространственномъ и временномъ отношеніи отъ общаго корня и усиленное сношеніе съ народомъ, говорящимъ на чуждомъ языкѣ, вліяетъ на національный элементъ рѣчи и видоизмѣняетъ его.

Отдѣльныя фазы этого преобразованія, естественно, совпадаютъ съ численнымъ содержаніемъ, большею же частію съ степенью культуры даннаго народа. У номадовъ, если число ихъ незначительно, языкъ столь же легко измѣняется, какъ нравы и обычаи; часто достаточно лишь нѣсколькихъ десятилѣтій для того, чтобы произвести сильное насыщеніе языка чуждыми элементами; но тоже самое у полу-номадовъ можетъ совершиться въ меньшей степени, а у совершенно осѣдлыхъ народовъ лишь съ большимъ трудомъ. Поэтому-то встрѣчаются многочисленные примѣры, доказывающіе, что языкъ маленькихъ группъ номадовъ, часто по истеченіи какого нибудь столѣтія, совершенно поглощается языкомъ бóльшаго, живущаго вблизи, кочеваго народа.

Представимъ примѣры. Во время вторженія монголовъ въ Среднюю Азію, отдѣльныя группы монгольскихъ завоевателей, какъ

[1]) Напримѣръ, разница, которую мы замѣчаемъ, въ настоящее время, между двумя арійскими соплеменниками въ Бенгалѣ и въ Швеціи.

скоро онѣ были со всѣхъ сторонъ окружены элементами, говорящими по-тюркски или по-персидски, скоро забыли свой языкъ, и теперь остатки этого языка можно узнать лишь на прозваніяхъ какого-либо племени, или рода—таковы, между прочимъ, узбекскіе роды *Нёкюзъ*, *Найманъ* и *Китай*, ранѣе бывшіе монгольскими родами, но теперь уже говорящіе совершенно по-тюркски.

Далѣе. Племя Гезаресъ, между Кабуломъ и Гератомъ, не смотря на исторически-доказанное монгольское происхожденіе его въ преобладающемъ большинствѣ говоритъ по-персидски; у которыхъ же удержался монгольскій языкъ, онъ сильно перемѣшанъ съ чуждыми элементами, да и то онъ могъ сохраниться у самой малой части (фракціи), которая, живя въ наименѣе доступныхъ горахъ и ущельяхъ сѣверо-восточнаго Герата, наименѣе была подвержена мощному потоку арійскаго вліянія.

Въ качествѣ самого могущественнаго фактора при измѣненіи языковъ рѣшительно дѣйствуетъ чуждое культурное вліяніе, вводя чужеземные продукты человѣческаго разума даже въ той оболочкѣ, въ какой разумъ произвелъ эти продукты.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о культурномъ вліяніи у полуосѣдлыхъ,—или уже совершенно осѣдлыхъ,—народныхъ элементовъ, тамъ основный элементъ языка не можетъ быть такъ легко потрясенъ и этотъ элементъ претерпѣваетъ чуждое вліяніе, въ большей части случаевъ, лишь на запасъ словъ, на лексическую часть; гораздо рѣже можетъ онъ повліять на формы языка и на синтаксисъ.

Такъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ англійскомъ языкѣ мы находимъ запасъ словъ, смѣшанный съ латинскими и норманскими заимствованными словами, тогда какъ само древне-германское грамматическое зданіе этого языка сохранилось почти неповрежденнымъ.

Точно также языкъ Османлисовъ въ своихъ грамматическихъ формахъ не допустилъ ни малѣйшаго измѣненія, тогда какъ собственно въ литературномъ языкѣ того-же народа арабско-персидскія чуждыя слова почти совершенно вытѣснили тюркскія и даже народный языкъ принялъ значительное количество, чужихъ, заимствованныхъ словъ.

Но одно изъ относящихся сюда исключеній мы встрѣчаемъ

только въ персидскомъ, и именно какъ въ новоперсидскомъ языкѣ Ирана, такъ и въ таджикскомъ діалектѣ Средней Азіи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ вліяніе чуждаго языка коснулось даже грамматики.

Достаточно здѣсь, между прочимъ, обратить вниманіе на употребленіе приставленнаго мѣстоименія притяжательнаго (Pronomen possessivum) m, t, s въ chanem, chanet, chanes, вмѣсто чисто иранскихъ формъ: Chaneï-men, chanei-tu, chaneï-o или *es.* Далѣе таджикское oiba iba (тамъ—внутрь, здѣсь—внутрь), гдѣ къ мѣстному суффиксу *ba* новѣйшій тюркскій суффиксъ прибавленъ къ персидскому *an—in* совершенно правильнымъ алтайскимъ маneромъ, вмѣсто чисто-иранскаго *deran* и *derin.*

Затѣмъ, весьма страннымъ представляется въ таджикско-персидскомъ языкѣ употребленіе *причастной* формы вмѣсто *perfectum*; подобно тому, какъ узбекъ говоритъ kilgen, kitken (онъ пришелъ, онъ пошелъ), такъ точно таджикъ выражаетъ тоже самое время словами: *amedegi, reftegi,* вмѣсто *amede est* или *refte est.* Подобно тому, какъ, при какой-либо частной перемѣнѣ языка, чуждое культурное вліяніе представляется наиболѣе дѣятельнымъ, точно также, при совершенномъ поглощеніи языка, остается лишь численный остатокъ частей его; рѣже беретъ перевѣсъ культурное или политическое вліяніе; духовное же превосходство должно всегда смягчать превосходство матеріальное. Подобно тому, какъ далеко ушедшіе впередъ въ образованіи иранцы Центральной Азіи, среди преобладающаго тюркскаго населенія, сдѣлались сартами, т. е. приняли тюркскій языкъ, также точно тюркское племя булгаровъ, не смотря на то, что оно вступило въ предѣлы славянъ въ качествѣ завоевателей, въ относительно-короткое время славянизировалось славянами, населявшими берега Дуная. Точно также изъ тюрко-татарскихъ гунновъ, по изгнаніи изъ Панноніи, державшихся на нижней Волгѣ и подчинившихъ себѣ населявшихъ эту область угровъ,—изъ этихъ элементовъ произошелъ теперешній смѣшанный мадьярскій народъ. Этотъ процессъ „*амальгамированія*" повторяется въ самыхъ различныхъ пунктахъ земнаго шара, потому что, по законамъ природы, всюду физически-слабѣйшее должно уступить физически-сильнѣйшему.

На что въ этомъ отношеніи можно указать въ различныхъ пунктахъ Азіи, на основаніи недвусмысленныхъ несомнѣнныхъ ясныхъ историческихъ фактовъ, тоже самое можетъ быть подтверждено—(и даже много разъ) фактическими доказательствами изъ исторіи *переселенія народовъ въ Европу*, вызвавшаго совершенно новое и разнообразное группированіе народовъ. Исторія языковъ въ этомъ пунктѣ, во всѣ времена и періоды, осталась равною самой себѣ, и безпристрастный этнологъ, желающій проникнуть сквозь темную, запутанную ткань *сродства расъ*, уже самъ собою долженъ задаться вопросомъ: какимъ образомъ языкъ, подверженный столь великимъ и разнообразнымъ перемѣнамъ, можетъ служить средствомъ при объясненіи происхожденія какого-либо народа? Какимъ образомъ вообще мыслимо открыть въ языкѣ національный памятникъ несомнѣнно глубокой древности?

При обсужденіи этой стороны дѣла мы встрѣчаемся съ изреченіемъ одного изъ величайшихъ изслѣдователей языка: „Нашъ языкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наша исторія“[1]). Да, языкъ есть исторія, и не только исторія какого либо народа, а гораздо большей по объему человѣческой группы, или общества,—такого общества, которое можетъ въ своемъ національномъ единствѣ сохраниться менѣе поврежденнымъ и болѣе сохраненнымъ отъ разлагающихъ внѣшнихъ соприкосновеній, сплоченною массою своихъ прежнихъ численныхъ наличныхъ отношеній, историческими и климатическими случайностями.

Но языкъ вовсе не есть исторія меньшихъ по объему, незначительныхъ, человѣческихъ обществъ, которыя, вдобавокъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ естественныхъ условій своей прародины, раздроблены и взаимно разсѣяны, и уже въ силу своего незначительнаго численнаго содержанія легко могутъ быть разбросаны тамъ и сямъ „на волнахъ бурно движущагося моря народовъ“, какъ это, напримѣръ, мы такъ часто и ясно замѣчаемъ на отдѣльныхъ обломкахъ урало-алтайской расы.

Мы съ намѣреніемъ пользуемся здѣсь коллективнымъ (собирательнымъ) выраженіемъ „урало-алтайская раса“,—потому что эта

---

[1]) Это говоритъ великій нѣмецкій изслѣдователь языка Гриммъ.

раса на бѣдной почвѣ своей прародины, живя на обширномъ географическомъ протяженіи, искони гораздо болѣе была подвержена дробленію и распаденію на малыя фракціи—и затѣмъ именно на этомъ человѣческомъ племени тюрко-татарскій общій стволъ можетъ быть разсматриваемъ съ особой точки зрѣнія. Тюрко-татарскій стволъ и по-нынѣ указываетъ на наибольшій численный составъ, и въ своихъ членахъ и вѣтвяхъ еще сохраняетъ самую поразительную картину *взаимной единой сопринадлежности*.

Дѣйствительно, не смотря на громадную географическую протяженность распространенія *урало-алтайскаго* племени до самаго отдаленнаго сѣвера и дальняго запада, собственно въ границахъ своей прародины это племя все-таки встрѣчается въ самомъ преобладающемъ большинствѣ.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о компактно-сплоченномъ цѣломъ [1])—тамъ мы имѣемъ совершенно твердую основу признать справедливымъ положеніе Гримма: „нашъ языкъ есть наша исторія". Мы вправѣ въ этомъ случаѣ признать полную силу подобнаго положенія, какъ это дѣлаетъ Гриммъ по отношенію къ своей нѣмецкой отчизнѣ; въ этомъ случаѣ мы уже *bona fide* можемъ ожидать отъ языка той силы доказательности, которая справедливо ожидается и должна ожидаться, въ силу высказаннаго нами воззрѣнія, въ области этнологическихъ изслѣдованій о другихъ народахъ,—все равно принадлежатъ ли они къ арійской или семитической расѣ.

Поэтому, если мы можемъ и хотимъ примѣнить къ тюркскому народу положеніе Гримма „нашъ языкъ есть въ тоже время и наша исторія", то мы прежде всего должны привести въ ясность слѣдующій пунктъ:

Какую собственно исторію мы хотимъ освѣщать свѣтомъ языкознанія?

Предметомъ такого изученія ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить политическое прошедшее народа, къ исторіи же происхожденія народа можетъ быть приложена лингвистика; но добытые такимъ путемъ результаты иногда могутъ быть весьма проблема-

[1]) Подобный примѣръ представляютъ намъ тюрки Центральной Азіи, обитающіе между Тянь-Шанемъ и Кавказомъ, между Енисеемъ и Волгою.

тическаго свойства, такъ что, по нашему мнѣнію, *зажженный свѣточъ сравнительнаго языкознанія можетъ освѣщать и служить лишь для изученія общественнаго прошлаго, лишь для ознакомленія съ исторіей культуры какого-либо народа. Этотъ путь можетъ сдѣлать яснымъ развитіе культуры извѣстнаго народа во всѣхъ ея фазахъ.* Мы можемъ даже съ полнымъ основаніемъ утверждать, что подобное предпріятіе[1]), должно считаться высшею и наиболѣе желанною, благодарною цѣлью сравнительной филологіи.

Не входитъ ни въ нашу цѣль, ни въ нашу задачу пускаться въ разъясненія всеобщихъ принциповъ и воззрѣній въ области философіи языка; но такъ какъ уже извѣстные изслѣдователи считали главнымъ источникомъ своихъ изысканій область арійскихъ и семитическихъ языковъ, путь этотъ успѣлъ уже сдѣлаться обветшалымъ общимъ мѣстомъ. Мы намѣрены идти другимъ путемъ.

Мы намѣрены привести въ рельэфъ культурно-историческіе моменты тюрко-татарскихъ языковъ; мы хотимъ употребить въ дѣло матеріалы до сихъ поръ мало употреблявшіеся въ дѣло именно потому, что матеріалы для доказательствъ еще не были совершенно доступны и потому не принимались въ разсчетъ. Мы хотимъ сравнить доказательную способность тюрко-татарскихъ языковъ съ доказательною силою другихъ языковъ, для того, чтобы достигнуть результата, до сихъ поръ, конечно, звучащаго весьма странно.

Результатъ этотъ можно формулировать такъ:

Языкъ тюрко-татарскихъ народовъ, еще и понынѣ большею частію стоящихъ на примитивной ступени культуры, независимо отъ культурно-историческихъ моментовъ индивидуальной національной жизни, чрезвычайно богатъ въ высшей степени цѣнными намеками и указаніями по отношенію къ исторіи человѣческаго разума вообще; поэтому наши ученые, посвятившіе себя сравнительному языкознанію, если бы они почерпали свои доказательства изъ этого, чистаго какъ кристаллъ, источника, то они достигли бы съ меньшимъ трудомъ болѣе плодотворныхъ и блистательныхъ результа-

[1]) Именно: стараніе раскрыть и найти первоначальное отечество (прародину) и древнѣйшее культурное состояніе какого-либо народа, посредствомъ матеріала доказательствъ, находящихся въ его родномъ языкѣ.

товъ, чѣмъ въ ихъ до сихъ поръ практиковавшихся усиліяхъ пользоваться обветшавшимъ, безполезнымъ, часто вывѣтрившимся до неузнаваемости, матеріаломъ языковъ арійскихъ народовъ.

II.

Къ этому воззрѣнію, кажущемуся нѣсколько смѣлымъ, автора побуждаютъ три главныя основанія.

Вопервыхъ, агглютинативный характеръ тюркскаго языка даетъ намъ чрезвычайно ясный и отчетливый взглядъ въ существо и въ форму отдѣльныхъ словъ. Въ тюркскомъ языкѣ весьма легко отличить *основный матеріалъ отъ прибавленныхъ позднѣе и весьма рыхло и непрочно присоединившихся аффиксовъ*. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ особенно далеко забираться назадъ, чтобы достигнуть того періода языка, въ которомъ можно опредѣлить матеріальный самостоятельный смыслъ части рѣчи, фунгирующей теперь въ качествѣ аффикса; поэтому-то совершенно естественно, что этимологическое разложеніе тюркскихъ словъ представляетъ менѣе трудностей, чѣмъ подобная же операція при такъ называемыхъ „*флективныхъ*“ языкахъ, въ которыхъ матерія и форма, корень и частица, часто смѣшаны и тѣсно слиты между собою до неузнаваемости.

Возьмемъ, напримѣръ, любое слово изъ Курціуса изъ его „Grundzüge der griechischen Etymologie“ стран. 148. Греч. слово gignosko (узнаю). Мы сопоставляемъ съ нимъ санскритское gânâmi (cognosco) лат. *notio*, *gnarus*, древне-верхне-нѣм. *kanu*, готск. *kann*, слав. *знати;* сопоставимъ затѣмъ соотвѣтствующее понятіе изъ тюркско-татарскаго языка, именно: джагатайское *bilmek* (знать, узнавать), уйгурск. *bilik* (знаніе, познаніе), знакъ, джагатайск. *bilkürtmek* (дѣлать извѣстнымъ) османлисское bellemek (выучить наизусть). Уже при такой простой операціи, мы сейчасъ же можемъ убѣдиться въ чрезвычайной ясности расположенія матеріала въ тюркскомъ языкѣ; тогда какъ корень греческаго слова *gn* можетъ быть доступенъ лишь для опытнаго глаза лингвиста,—въ приведенныхъ примѣрахъ тюркскихъ словъ даже не посвященный, на первый уже взглядъ, различитъ основный элементъ въ *bil*, *bel*, да даже, при нѣсколько тщательномъ изслѣдованіи, намъ будетъ ясна

и та система, которой слѣдовалъ языкъ при опредѣленіи даже побочныхъ понятій, происходящихъ отъ основнаго понятія въ словахъ производныхъ. До какой степени ясно и просто, до какой степени безъискусственно и естественно образовалось *отношеніе звуковой связи между основнымъ словомъ и его позднѣйшими отпрысками!* Но такая же гармонія и соотвѣтствіе замѣчаются нами и въ связи самыхъ понятій. Въ тюркскихъ языкахъ, *при свѣточѣ ученія о звукахъ*, безъ всякихъ головоломныхъ теорій, посредствомъ одного лишь простаго этимологическаго разчлененія, легко можно прійдти къ цѣли; да и самая связь понятій легко можетъ быть усмотрѣна безъ шлифованнаго стекла философскихъ измышленій и тонкостей. Напримѣръ, попробуйте-ка въ арійскихъ языкахъ, отыскать взаимную связь понятій между греческимъ κεῖμαι (лежу), латин. *quies* и *civis* (старо-верхне-герман. hiwo (супругъ, супруга), лат. conjux и славянск. pokoj=покой (нѣм. Ruhe). Въ тюркскихъ языкахъ трудно даже представить мудреную связь, надъ которою долго нужно ломать голову. Въ тюркскомъ языкѣ все сохранилось въ самой первобытной дѣвственной простотѣ и несложности. Здѣсь человѣческій разумъ и языкъ еще блистаютъ въ свѣтлой одеждѣ дѣвственности, соотвѣтственно тому, какъ и самая сила духа, выражаемая въ языкѣ, находится еще въ начальной стадіи своей дѣятельности. Напримѣръ подъ понятіемъ, „лежать“ разумѣется въ тюркскомъ языкѣ лишь дѣйствіе *„протягиванія себя на землѣ, расширенія, распространенія себя“*, а подъ „покоемъ“ ни болѣе, ни менѣе какъ „выдыханіе“. Точно также и самая внѣшняя форма словъ, разъясняющихъ этотъ кругъ понятій, еще мало утратила своей оригинальности.

Второе преимущество, которымъ отличается избранная предметомъ нашего изслѣдованія область языковъ отъ другой области, именно отъ арійской, состоитъ въ замѣчательной косности (Stabilität) запаса словъ. Эта косность прежде всего происходитъ, конечно, отъ *агглютинативнаго характера* [1]). Благодаря этому ха-

[1]) *Агглютинативные* языки противополагаются флексивнымъ (индо-европейскимъ или арійскимъ) языкамъ, съ одной стороны, и такъ назыв. *изолирующимъ* языкомъ, съ другой стороны. Послѣдніе характеризуются тѣмъ, что

рактеру, такъ сказать приковываніемъ и расплавленіемъ позднѣйшихъ придатковъ, основный матеріалъ слова гораздо легче обезображивается и измѣняется, чѣмъ это дѣлается отъ процесса простыхъ приставокъ и нанизываній. И въ этомъ-то лежитъ существенная причина высшей степени стереотипности, характеризующей тюркскіе языки. Этой-то именно особенности тюркскихъ языковъ мы обязаны тѣмъ фактомъ, что, не смотря на безмѣрное географическое протяженіе отъ льдистаго сѣвера до крайняго юга, отъ Драконова моря до Адріатики, даже не смотря на отдаленіе по времени *въ полторы тысячи лѣтъ*—періодъ, который можно доказать исторически—члены, оторванные отъ главнаго тѣла, ни

имѣютъ только нераздѣльныя и неизмѣняемыя знаменательныя слова, и простое сопоставленіе ихъ составляетъ рѣчь. Таковы, напримѣръ, китайскій и сіамскій языки. Въ китайскомъ языкѣ каждый корень *есть слово и каждое слово есть корень*, потому что каждое слово есть *односложная* форма. Но *агглютинація* (приклеиваніе) въ языкѣ требуетъ нѣсколько болѣе подробнаго разъясненія. Различные элементы, входящіе въ составъ слова въ агглютинирующемъ языкѣ, не имѣютъ *каждое* самостоятельнаго первенствующаго значенія. Одинъ лишь элементъ въ этомъ словѣ (слогъ) носитъ первенствующую идею,—идею знаменательности, господствующаго смысла. Остальные элементы слова вовсе теряютъ свою независимость и получаютъ значеніе лишь относительное. Если мы изобразимъ начальный слогъ слова буквою R (корень, Radix), то это R представитъ собою элементъ слова, *остающійся безъ измѣненія, всегда равный самому себѣ*. Дальнѣйшій рядъ буквъ слова мы представимъ маленькими r r r... Онѣ—эти буквы—представляютъ собою простые элементы отношенія. Эти r r r присоединяются къ неизмѣняемому элементу R или *позади* или *впереди его*. Такъ, смотря по оттѣнкамъ смысла слова, мы можемъ получить или комбинацію r R, или R r или r R r. Въ r R r будетъ *префиксъ* относительно главнаго корня R; въ R r r будетъ *суффиксъ*. Въ формулѣ r R r изобразится главный корень между двумя элементами отношенія (между *префиксомъ* и *суффиксомъ*). Формула r R r r изобразитъ слово съ однимъ *префиксомъ* и двумя *суффиксами* и т. д. Префиксы и суффиксы носятъ общее имя *аффиксовъ*. Такъ, въ мадьярскомъ словѣ kèrtëk (=вы просите), kér есть корень, смыслъ котораго остается всегда равнымъ самому себѣ, tëk есть элементъ отношенія, указывающій лицо (этотъ примѣръ соотвѣтствуетъ формулѣ R r), но въ формѣ kér-né-tëk (=можете ли вы просить, не попросите ли?), въ которой вставленъ слогъ né, это ne есть элементъ отношенія, выражающій желаніе (modus optativus) и т. д.

(Примѣч. переводчика.)

въ запасѣ словъ, ни въ формахъ языка, не измѣнились въ такой мѣрѣ, какъ это мы замѣчаемъ въ подобныхъ же случаяхъ въ области языковъ арійскихъ. Поэтому-то мы говоримъ о тюркскихъ языкахъ лишь ради принятой обычной формы, тогда какъ, въ сущности, мы должны были бы разсматривать лишь *діалекты*, и именно діалекты языка того тюркскаго народа, который еще и теперь обитаетъ въ своей предполагаемой прародинѣ, т. е. населяетъ часть Центральной Азіи, протягивающуюся между западными склонами Алтайскихъ горъ, по протяженію степи, до Каспійскаго моря.

Въ какую именно эпоху якуты или другія тюркскія племена оторвались отъ общей центральной массы тюркскаго народа? Какія обстоятельства могли оттѣснить ихъ съ юга на сѣверъ (направленіе это во всякомъ случаѣ необычайное въ переселеніяхъ народовъ)—это, конечно, еще трудно рѣшить въ настоящее время. Однако же якутъ, живущій на низовьяхъ Лены, не смотря на совершенное измѣненіе въ цвѣтѣ кожи и волосъ, физіономіи и строенія тѣла, все-таки остается истымъ тюркомъ, и могъ бы легко понимать своего собрата, живущаго на берегахъ Босфора, если бы достигъ степени культуры, необходимой для пониманія нѣкоторыхъ грамматическихъ оттѣнковъ. Что касается другихъ тюркскихъ племенъ, то, на протяженіи великой цѣпи тюркскихъ народностей, тянущейся отъ востока къ западу, это отношеніе лишь немногихъ діалектическихъ различій еще болѣе бросается въ глаза. Узбекъ изъ Кокана или Хивы, казанецъ, исповѣдующій христіанскую или магометанскую религію, тюркменъ, азербайжанецъ и османлисъ образуютъ взаимно одну „общину языковъ“ (Sprachengemeinschaft),—общину, представляющую въ себѣ столь же рѣзкія и характерныя черты единства, какія, напримѣръ, представляютъ отдѣльныя части двухъ главныхъ группъ нѣмецкаго языка, именно—*нижне-германской* и *верхне-германской*. Я даже не считаю рискованнымъ утверждать, что восточный фризъ и швейцарецъ труднѣе могутъ понять трансильванскаго саксонца, чѣмъ якутъ или телеутъ способны понять тюрка, уроженца Анатоліи или Румеліи.

По скудости тюркскихъ памятниковъ языка (такихъ, которые происходили бы изъ глубокой древности), сравненіе тюркскихъ языковъ съ арійскими относительно устойчивости и косности (Stabilität), съ арійскими языками, въ которыхъ въ распоряженіе изслѣдователя предлагается цѣнный матеріалъ Ведъ,—едва-ли слѣдуетъ считать даже *возможнымъ*; даже большая или меньшая древность уцѣлѣвшихъ отъ гибели остатковъ языка обѣихъ расъ представляютъ уже слишкомъ сильныя взаимныя варіаціи. Однакожъ это обстоятельство не можетъ служить для насъ препятствіемъ оцѣнить надлежащимъ образомъ наличные остатки тюркской литературы и воспользоваться ими, хотя бы уже потому лишь, что они, не смотря на свою скудость и относительно-недавнее происхожденіе, все-таки могутъ служить совершенно достаточнымъ подкрѣпленіемъ нашего воззрѣнія.

Что касается самыхъ древнихъ памятниковъ тюркскаго языка, то они простираются лишь на собственныя имена, дошедшія до насъ въ греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и персидскихъ историческихъ источникахъ, изъ періода перваго появленія тюркскаго народа.

Такіе источники суть произведенія византійскихъ писателей, каковы: Константинъ Багрянородный, Константинъ Дука и Θеофанъ; затѣмъ средневѣковые авторы, писавшіе по латинѣ, а также произведенія Табари, Ибнъ-Атыра, Байгаки, Наршаки и т. д. Встрѣчающіяся въ произведеніяхъ этихъ авторовъ тюркскія собственныя имена, если ихъ разложить этимологически, даютъ блистательное доказательство этой косности, этого Stabilität, тюркскаго запаса словъ и формъ.

Что касается болѣе новыхъ остатковъ письменности, древность которыхъ не восходитъ дальше девяти вѣковъ, то въ этомъ случаѣ мы поставлены въ еще болѣе благопріятное положеніе. Мы имѣемъ здѣсь дѣло или съ объемистымъ текстомъ, какъ, напримѣръ, съ текстомъ „*Kudatku Bilik*“, или же съ богатыми собраніями словъ въ трудѣ поэта Петрарки, касающихся куманскаго языка.

Собственно уже бѣглаго сравненія съ исторіей другихъ языковъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ поразительно-стереотипномъ характерѣ тюркскихъ нарѣчій.

Подобно тому, какъ уйгурскій текстъ „Kudatku Bilik“ въ настоящее время понятенъ каждому туркестанцу, живущему на востокѣ, точно также ногайскій или казанскій татаринъ безъ особеннаго затрудненія можетъ понимать рукопись Петрарки, въ которой изложены разсказцы и поговорки, относящіеся къ событіямъ, случившимся шесть вѣковъ тому назадъ. Да даже и тюркскіе элементы, оставшіеся въ мадьярскомъ языкѣ, послѣ болѣе чѣмъ тысячелѣтняго промежутка времени, такъ мало различаются отъ теперешняго тюркскаго языка, что въ каждомъ отдѣльномъ словѣ можно точно опредѣлить его діалектическое происхожденіе.

Слѣдуетъ-ли намъ еще выставлять на видъ то обстоятельство, что аналогичные случаи въ арійскихъ языкахъ невозможны и даже неслыханны? Гдѣ найдется иранецъ, понимающій пеглевійскій текстъ? Гдѣ найдется индусъ, который могъ бы безъ комментаріевъ читать Сакунталу? Гдѣ найдется нѣмецъ, могущій справиться съ какимъ-нибудь старо-верхне-нѣмецкимъ текстомъ, безъ руководства и указанія?...

Это явленіе нѣкоторымъ образомъ будетъ намъ ясно при томъ предположеніи, что языки, не имѣющіе *ни какой литературы*,—или покрайней мѣрѣ не имѣющіе *ни какой древней литературы*, сохраняютъ свой первоначальный характеръ гораздо чище и на гораздо болѣе продолжительное время. Но это обстоятельство, въ свою очередь, уполномочиваетъ насъ къ предположенію, что если тюрко-татарскіе языки въ весьма значительный промежутокъ времени,—простиравшійся до тысячи лѣтъ,—не подверглись ни какимъ существеннымъ перемѣнамъ, то это могло простираться и на гораздо бо̀льшій періодъ времени, такой періодъ, который мы можемъ даже угадать или опредѣлить его цифрами. Поэтому, языкъ тюркскаго народа,—если взять во вниманіе предшествовавшіе примѣры,—является намъ языкомъ наименѣе потерпѣвшимъ измѣненій во времени.

Главною причиною этой неподвижности или косности тюркскаго языка, этой *Stabilität*, само собою разумѣется, является его замкнутость, исключительность, изолированность, эта Seclusivität, въ которой коснѣли отдѣльные народы тюрко-татарской расы, вте-

ченіе тысячелѣтія,—эта замкнутость, обусловливающаяся этническими отношеніями окружающаго тюрковъ міра.

У номадовъ, говорящихъ тюркскимъ языкомъ, упомянутая замкнутость содѣйствовала тѣмъ же результатамъ, какіе являются еще и понынѣ у степняковъ, ведущихъ или полу-кочевой или совершенно кочевой образъ жизни.

Когда тюрки, еще и понынѣ сохранившіе свою неуклюжесть и неповоротливость, желая прорвать роковую преграду своей отчужденности въ степныхъ областяхъ, готовились отыскивать болѣе умѣренный поясъ и болѣе удобную и благодарную почву, тогда на югѣ и на западѣ они нашли территорію, уже находившуюся въ обладаніи арійскихъ народностей. Тюрки бурно и неудержимо прорвались чрезъ кругъ культуры этихъ народностей и, на нѣкоторое время, они все превратили въ мертвую и печальную пустыню. Но въ концѣ концовъ,—бурные и страстные,—они все-таки должны были, не довершивъ дѣла, возвратиться въ обширное царство степи, частью оттѣсненные, частью раздробленные, точно такъ же какъ аравійскіе номады, которые когда-то, съ страстнымъ одушевленіемъ ратуя за Исламъ и вырвавшись изъ своего степнаго отечества, распространились по всѣмъ тремъ частямъ свѣта, обращая въ развалины города, страны и государства; наконецъ, однако же, какъ истые номады, они возвратились-таки въ необозримыя голыя равнины Аравіи; правда они возвратились уже не бѣдными номадами, а обремененными богатою добычею. Не смотря на смѣлыя, блестящія завоеванія, эти кочевники все-таки не основали опредѣленнаго мѣста жительства,—потому что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ основаніе городовъ, повидимому, можно бы было отнести къ эпохѣ Аравійскаго владычества и приписывать это основаніе почину арабовъ,—даже тамъ мы должны подразумѣвать уже осѣдлыхъ аравитянъ, а вовсе не арабовъ-кочевниковъ.

Теперь, какое же отсюда вытекаетъ слѣдствіе? Будемъ-ли мы считать эту раннюю замкнутость и изолированность тюрковъ произвольною, или же, какъ уже было упомянуто, обусловленною обстоятельствами,—все-таки остается несомнѣнно вѣрнымъ то, *что тюрко-татарскія народности пришли въ соприкосновеніе съ чужды-*

ми, т. е. арійскими элементами уже въ относительно-недавнее время и что это соприкосновеніе, хотя оно то тамъ, то сямъ произвело сильное смѣшеніе, но чрезвычайно рѣдко влекло за собою совершенное уничтоженіе національной индивидуальности. Поэтому-то османы, азербайжаны и другіе исламистскіе тюрки сдѣлались тѣмъ, что они есть, только вслѣдствіе совершенной отрѣзанности отъ ихъ первобытной отчизны и лишь по истеченіи столѣтій.

Вотъ этому-то обстоятельству мы и обязаны тѣмъ, что тюрко-татарскіе языки до сихъ поръ могли удержать возбуждавшую такое удивленіе кристаллическую прозрачность, нѣжное покрывало, сквозь которое можно видѣть всё. Этому обстоятельству мы обязаны тѣмъ, что, благодаря такому преимуществу тюркскихъ языковъ, мы теперь въ состояніи значительно-широко освѣтить раннюю ступень исторіи человѣческаго разума по отношенію къ значительной части человѣческаго рода. Раньше это было лишь неопредѣленнымъ чаяніемъ.

Да, на основаніи лингвистическихъ доказательствъ, мы можемъ приписывать человѣку, говорящему тюркскимъ языкомъ, столько же разума и способности къ культурѣ, какъ и арійцу и семиту; даже болѣе: мы можемъ въ исторіи примитивной культуры тюркскихъ народовъ—(такъ какъ лучшій свѣтъ ихъ языка даетъ намъ и лучшее освѣщеніе)—найдти гораздо болѣе матеріала, достойнаго вниманія и удивленія, чѣмъ при подобныхъ же изысканіяхъ въ темномъ прошедшемъ до сихъ поръ столь излюбленныхъ всѣми арійскихъ народовъ, считающихся единственными культуртрегерами въ общей семьѣ человѣческаго рода.

III.

Постараемся подвергнуть краткому анализу культурно-историческое значеніе языковъ вообще, и затѣмъ сравнить результаты, достигнутые спеціально въ языкѣ тюркскомъ, съ подобными же примѣрами въ другой области языковъ, именно въ арійской.

Какъ ни тверда и непоколебима наша вѣра въ Дарвиновскую теорію „Происхожденія видовъ" и „Происхожденія человѣка", столь распространенную,—однако же теперь уже никто не станетъ оспа-

ривать, что человѣкъ,—какъ разумное существо,—по справедливому замѣчанію Гейгера въ предисловіи къ его превосходной книгѣ,—никогда еще не былъ найденъ безъ начатковъ культуры, начатковъ государственности и нравовъ, а также безъ извѣстной степени искусства и индустріи. Могущее встрѣтиться различіе между дикаремъ Новой Зеландіи и европейцемъ, находящимся на высшей ступени культуры, состоитъ не столько въ различныхъ ступеняхъ способностей и силъ, сколько въ упражненіи и гибкости мышленія.

Вѣдь, тогда какъ послѣдній, (т. е. европеецъ), въ теченіе тысячелѣтіи существованія старой культуры, находилъ и сознавалъ себя вынужденнымъ къ духовной борьбѣ,—первый (ново-зеландскій дикарь), находясь въ условіяхъ примитивнаго образа жизни, имѣлъ менѣе побужденій развивать свою мыслительную способность; слѣдовательно у него есть лишь косность и неповоротливость мышленія, но вовсе не недостатокъ самаго мышленія. Вѣдь, извѣстно, что языкъ нѣкоторыхъ народовъ, даже теперь стоящихъ на низкой степени культуры, въ томъ, что касается искусства въ построеніи и логики въ развитіи понятій, во многихъ отношеніяхъ превосходитъ языкъ нѣкоторыхъ народовъ, извѣстныхъ уже давнимъ образованіемъ и прогрессивнымъ развитіемъ. Точно также и ходъ мышленія первобытнаго человѣка, если сравнить его съ ходомъ идей у человѣка образованнаго, *отличается удивительною послѣдовательностью и цѣлесообразностью*, отличается дѣятельностью простою, безъискусственною, но тѣмъ не менѣе всеобъемлющею, иногда даже глубоко проникающею....

Между тѣмъ, вѣдь, въ самыхъ-то первоначальныхъ движеніяхъ человѣческаго духа, выраженныхъ посредствомъ языка, иногда и заключается цѣлая исторія его не только духовной, но и физической жизни. Каждое понятіе до извѣстной степени несетъ съ собою и первоначальный источный матеріалъ (Quellenmaterial) своего происхожденія. Предположимъ, что находится въ нашемъ распоряженіи весь запасъ словъ, принадлежащій къ различнымъ стадіямъ развитія первобытнаго народа; тогда изъ этого запаса словъ мы всегда лучше увидѣли бы, какъ этотъ народъ думалъ,

какъ онъ ѣлъ и пилъ, какъ одѣвался, какъ далеко расширялся его кругозоръ въ области окружающей его природы. То, что далеко стояло отъ чувства, не было доступно ему, тѣмъ и языкъ заниматься не можетъ; поэтому-то и явленія природы, окружавшія человѣка въ его первоначальной родинѣ и случайности повседневной будничной жизни всего лучше узнаются изъ отраженія въ самомъ языкѣ.

Напримѣръ, языкъ обитателей горъ гораздо богаче обозначеніями отдѣльныхъ частей и фигуръ, представляемыхъ горами, чѣмъ языкъ людей, живущихъ въ равнинѣ. Точно также народы, живущіе по берегамъ озеръ, морей, рѣкъ и занимающіеся преимущественно рыбною ловлей, обладаютъ бо́льшею точностью и мѣткостью въ наименованіяхъ породъ рыбъ, направленія вѣтровъ, волнъ, морскихъ теченій,—чѣмъ обитатели степей; но зато у послѣднихъ всегда богатъ содержаніемъ запасъ словъ, относящихся къ техникѣ скотоводства.

Замѣчательнымъ образомъ вліяетъ особенность окружающей природы и связанный съ нею міръ нравовъ на происхожденіе не только конкретныхъ, но даже и абстрактныхъ понятій. Такъ, напримѣръ, выраженіе *совѣтоваться, совѣщаться* (нѣм. Sich berathen, berathschlagen), въ тюркскомъ звучитъ *keng-es-mek*, по этимологическому значенію=пріятно, удобно расположиться, имѣть время расшириться (отъ *keng*=широкій, просторный, объемистый), и это выраженіе имѣетъ отношеніе къ обычаю садиться въ кружокъ для переговоровъ и совѣщаній, прежде чѣмъ приступить къ самому дѣйствію. Въ совершенномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится и противоположное этому понятіе, именно *asuk*=спѣшность, поспѣшность, торопливость, быстрота, отъ корня *as*=быстро перешагивать чрезъ что, быстро чрезъ что двигаться.

Жизнь, юность, старость и смерть, по отношенію къ человѣку, приводится въ аналогію съ понятіями, относящимися къ росту и развитію растительнаго царства. Для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить слѣдующія выраженія:

sasil=зеленый, *jas*=влажный съ *jas*=молодой,
kizil=красный, зрѣлый *kiz*=дѣвица, дѣвушка.

kuru=сухой, изсохшій съ *kari*=старый

sölmek=увядать *ölmek*=умирать.

Затѣмъ, въ тюркскомъ понятія: *писать*, *рисовать*, *малевать*, *изображеніе*, *наружный видъ*, *лицо* покоются на основной идеѣ вырѣзыванія, *выцарапыванія*, *гравированія*, потому что именно эта художественная дѣятельность человѣка впервые проявилась въ указанномъ дѣйствіи. Въ то время, какъ, напримѣръ, лат. *domus* (домъ), родственное съ греческ. *domos* (зданіе) *demo* (строю), нѣм. *zim-mern*, англ. *timb-er* (лат. construo, munio), готск. *timr-jan*, въ существѣ дѣла, обозначаютъ зданіе, строеніе, комнату, тюркское *öj*=домъ, при своемъ сродствѣ съ *oj*=глубина, углубленіе, ровъ, долина, просто-на-просто указываетъ намъ на спеціальное тюркское происхожденіе этого слова, потому что тюрки искони подъ словомъ „домъ" понимали вовсе не „выстроенный" или „сооруженный" предметъ, какъ арійцы, а пещерообразную впадину, разсѣлину, ущелье, углубленіе въ почвѣ, куда они удалялись, чтобы укрыться отъ невзгодъ зимы. Еще и понынѣ тюрки дѣлаютъ это, при условіяхъ своего кочеваго существованія.

Далѣе: лат. *bellum*—война, происходящее, по Курціусу (II, 43) отъ *duellum*, по этимологическому смыслу обозначаетъ собственно *битву одинъ-на-одинъ*, дуэль,—за это ручается тюркское *jagi*= война, враждебность,—сокращенное понятіе взаимнаго раздѣленія, разсѣяніе—и обозначаетъ собою отмѣну составляющаго общество союза единичности, именно мира; и дѣйствительно, это послѣднее понятіе выражается по-тюркски словомъ *il*, что, по этимологическому характеру, значитъ: *союзъ*, *связь*.

Исходя изъ предположенія, что человѣческій разумъ прежде всего возбуждался явленіями внѣшняго міра и развивался лишь въ живомъ соотношеніи съ этимъ послѣднимъ, мы должны найдти весьма естественнымъ, что въ постоянно и быстро идущихъ движеніяхъ культуры разумъ усвоивалъ себѣ и чуждыя понятія, выработанныя этою культурою, и выражалъ эти понятія частію посредствомъ заимствованныхъ словъ, частію же путемъ творчества въ области собственнаго запаса словъ.

Въ этомъ направленіи мы можемъ сдѣлать различныя на-

блюденія. Напримѣръ, народы, которые, находясь въ состояніи своей примитивной культуры, встрѣчаются съ обществомъ, ушедшимъ гораздо дальше его на пути образованія, рѣдко имѣютъ время образовать новыя понятія, вторгающіяся въ ихъ умственный *кругозоръ*, образовать изъ матеріаловъ, представляемыхъ собственнымъ языкомъ; понятія они заимствуютъ чуждыя, а вмѣстѣ съ чуждыми понятіями принимаютъ и соотвѣтствующія имъ *чуждыя слова́*. Но вотъ и другой случай. Человѣкъ, покамѣсть онъ предоставленъ лишь самому себѣ, при медленномъ и постепенномъ развитіи своихъ духовныхъ силъ, познанія и усвоенія понятій абстрактнаго и конкретнаго свойства, кажущихся ему еще столь сложными, достигаетъ лишь самъ собою, и это дѣлаетъ онъ лишь при помощи матеріаловъ, находящихся въ собственномъ языкѣ.

Отъ этого-то и происходитъ, что новѣйшіе языки арійскихъ и семитическихъ народовъ заимствовали другъ отъ друга такое безчисленное множество словъ, тогда какъ языкъ тюрко-татарскій,—это явствуетъ уже изъ очерка его примитивной культуры,—можетъ указать у себя до крайней незначительности малое число иностранныхъ словъ, которыя можно было бы узнать въ совокупности и на первый взглядъ. Если мы, напримѣръ, возьмемъ для пробы „*Culturwörter der vestfinnischen Sprachen*“[1]) Альквиста, то найдемъ, что финскіе народы, раскинутые на пространствѣ, отъ Рижскаго залива до самыхъ крайнихъ оконечностей залива Ботническаго, представляются вовсе не какими нибудь новыми поселенцами этой области, потому что они были извѣстны уже римлянамъ,—находятся по географическому положенію между славянами и германцами, и однакожъ отъ послѣднихъ заимствовали лишь такія слова, которыя относятся къ предметамъ повседневной будничной жизни и даже къ самому примитивному состоянію культуры; при томъ такія слова и въ тюркскомъ, сплошь и рядомъ, встрѣчаются въ качествѣ коренныхъ, туземныхъ.

Слѣдующій реэстръ словъ можетъ дать намъ, въ этомъ отношеніи, полную и наглядную картину. Сравнимъ, напримѣръ:

---

[1]) „Культурныя слова западно-финнскихъ языковъ“.

по-финнски.		по-скандинавски.	по-славянски.	по-тюркски.
Hepo	*(лошадь)*	*gäppa*	—	*at*
Lamma	*(овца)*	*lamm*	—	*kuzu*
Sika	*(свинья)*	*sugga*	—	*tonguz*
Kana	*(пѣтухъ)*	*hana*	—	*ätäk*
Peltö	*(поле, нива)*	*feld*	—	*tarlak*
Kirves	*(топоръ)*	—	*kirvi*	*balta*
Kuokka	*(крюкъ)*	*kroka*	—	*capa*
Atra	*(плугъ)*	*hagra*	—	*sapan*
Jivät	*(жито)*	—	*jivai*	*bugdaj*
Kryyni	*(крупа)*	*gryn*	—	*tarik*
Kultu	*(золото)*	*guld*	*slato*	*altin*
Kelta	*(желтый)*	—	*gelta*	*sarik*
Sininen	*(синій)*	—	*sinij*	*kök*
Akkuna	*(окно)*	—	*okna*	*tüngliik*
Arkku	*(ящикъ)*	*ark*	—	*sandik*
Pota	*(горшокъ)*	*potta*	—	*cömlek*
Kottila	*(котелъ)*	*kátel*	*kotiol*	*kazan*
Saapas	*(сапогъ)*	—	*sopog*	*ötiik*
Meri	*(море)*	—	*mori*	*tengiz*
Paatti	*(лодка, ботъ)*	*boat*	—	*kejmi*
Lotia	*(корабль, судно)*	—	*lodka*	*kajuk*
Arro	*(весло)*	*ara*	—	*esgek*
Penningi	*(деньги)*	*penning*	—	*tenge*
Vaaka	*(вѣсы)*	—	—	*ölcii*
Mies	*(мужъ, женатый)*	—	*muz, мужъ*	*koza*
Morsian	*(невѣста)*	—	*marczios*	*kelin*
Naapuri	*(сосѣдъ)*	*nabo*	—	*konsu*

и т. д.

Подобное же отношеніе, если не совершенно тождественное, представляютъ находящіяся въ мадьярскомъ языкѣ заимствованныя культурныя слова (здѣсь львиная часть должна принадлежать славянщинѣ),—потому что, вѣдь, славяне, какъ населеніе, осѣвшее на равнинахъ древней Панноніи, сдѣлались учителями вторг-

нувшихся сюда съ сѣверо-востока мадьяръ въ земледѣліи, ремеслахъ и другихъ мирныхъ занятіяхъ.

Если мы будемъ продолжать наши изслѣдованія объ отношеніи и характерѣ заимствованныхъ культурныхъ словъ въ другихъ европейскихъ языкахъ, то найдемъ, что, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ, слова заимствованныя изъ тюрко-татарскаго, большею частію выражаютъ собою такія понятія, которыя перешли къ русскимъ отъ сосѣднихъ тюрко-татарскихъ народовъ, уже пріобщившихся, конечно лишь до весьма слабой степени, духу мусульманской цивилизаціи, и этому способствовало то обстоятельство, что *русскіе въ то время и въ общественномъ, и въ государственномъ отношеніи стояли гораздо ниже окружающихъ ихъ тюрко-татарскихъ народовъ.* Взятыя въ своей цѣлостности (Totalität), эти перешедшія къ русскимъ слова представляютъ, во всякомъ случаѣ, весьма цѣнный культурно-историческій моментъ, потому что каждое изъ этихъ заимствованныхъ русскими словъ мы можемъ принимать, такъ сказать, за указателя степени образованія, на которой стояли русскіе во время ихъ соприкосновенія съ тюрко-татарскими элементами.

Напримѣръ, русскіе заимствовали у татаръ слѣдующія слова: *kazna* (сокровищница, хранилище государственное), арабско-тюркское *chazna*; *jassak* (=подать, лат. *tributum*), тат. *jasak* (законъ); *jasaul* (офицеръ), тат. jasaul (надзиратель) *cin* (ранговая степень) тат. cin=мѣра, устройство, порядокъ. Этимъ сопоставленіемъ ясно и рельэфно доказывается степень значительнаго знакомства татаръ съ государственными учрежденіями. Возьмемъ еще слѣдующія слова: *archaluch* (=верхнее платье) тат. *arkaluk*; cadra (=покрывало) (нѣм. schleier) тат. catir (женск. мантилья), *chalat* (шлафрокъ), тат.-араб. *chalat* (платье, почетное платье); *sunduk* (ящикъ, сундукъ нѣм. *kiste*), тат. *sanduk*, ларь (нѣм. *Truhe*), *chazz* (издержки на путешествіе, дорожныя издержки) тат.-араб.=*chazz* (пища, кормъ); *socha* (плугъ), тат. *soka*=отрѣзъ или рѣзакъ у плуга); *jachont* (драгоц. камень, нѣм. *Edelstein*); тат.-арб.=(*jakut*=рубинъ *morin*= жеребецъ кладеный, нѣм. Wallach) монг. morin (лошадь); *isak* (мулъ, лошакъ, нѣм. *Maulesel*), тат. *isek* (оселъ); *cakmar* (пестъ, толчея,

нѣм. *Stampfe*), тат. *cokmar* (дубина), saiga (антилопа) тат. *saiga*; *kaban* (дикая свинья) тат. *kaban*; *kamis* (тростникъ, нѣм. *Rohr*), тат. kamus; *kisla* (дворъ, мызы, нѣм. *Meierhof*; тат. *kislak* (зимняя стоянка, зимняя квартира), *kudus* (злой духъ), тат. *kudus* (сумасшедшій) и т. д.

Всѣ эти названія относятся лишь къ такимъ предметамъ одежды, домашней утвари и къ такимъ животнымъ, съ которыми русскіе познакомились лишь благодаря своимъ сношеніямъ съ татарами.

Вотъ эти или по крайней мѣрѣ подобныя имъ причины лежатъ также въ основѣ вліянія арабскаго языка, проникнувшаго на западъ Европы въ Средніе вѣка. Мы научились элементарной ариѳметикѣ, медицинѣ и химіи отъ арабовъ, и такъ какъ мы именно у нихъ прошли школу цивилизаціи, обнимавшую столь многіе цивилизующіе предметы, то вовсе нечему удивляться, если мы въ словѣ *цифра* узнаемъ арабск, *Sifr*, въ алгебрѣ араб. *Algabr*, въ франц. chemise (рубашка, сорочка) арабск. kamis, въ оазѣ арабск. *Uadi* (долина, равнина), въ тамариндѣ (дерево изъ сем. Cassiaceae) арабск. *Thamar hindi* (индійскій плодъ) и т. д. Точно также и наоборотъ: когда западное образованіе далеко обогнало и оставило за собою культуру Востока, тюрки, персы и арабы допустили въ свой языкъ западныя иностранныя слова, каковы: *politscha* (вексель, Wechsel нѣм.), политика; *Schemendufer* (желѣзная дорога). Telegraf, Parlamente; *Subie* штрипки и т. д., и даже въ относительно-непродолжительное время эти народы усвоили себѣ довольно почтенный по объему словарь иностранныхъ словъ.

Нельзя, конечно, упускать изъ виду и того обстоятельства, что и народы, стоящіе на низшей ступени образованія, въ отношеніи языка, то тамъ, то сямъ производятъ свое вліяніе на своихъ сосѣдей, въ духовномъ отношеніи стоящихъ гораздо выше ихъ, хотя, конечно, такое вліяніе весьма незначительно. Это вліяніе составляетъ большею частію зерно выраженій, относящихся къ такимъ предметамъ и нравамъ, которые, путемъ взаимныхъ отношеній, переходятъ отъ одной сносящейся стороны къ другой, хотя бы только на самое короткое время. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ языкѣ встрѣчаются заимствованные изъ Индустана слова, каковы: *Attar*, *Tiffin*, *Curry* или тюркское *bosch* (тщеславный, ни-

чтожный (это послѣднее слово принесено британскими солдатами во время Крымской войны), или, напримѣръ, нѣмецкое Schabracke заимствовано (или переиначено) изъ татарскаго *caprak* (покрывало). Однакожъ, въ общемъ и главномъ, все-таки существуетъ фактъ, обусловленный естественнымъ ходомъ вещей, и именно слѣдующій. Подобно тому, какъ (въ отношеніи къ каждому отдѣльному человѣку) юноша большею частію беретъ себѣ за образецъ старца, умудреннаго опытомъ, и подражаетъ этому старцу и въ дѣйствіяхъ, и въ словахъ, также точно и молодое въ культурномъ отношеніи общество старается научиться у старшаго общества, предшествовавшаго ему въ культурѣ, и, вмѣстѣ съ чуждыми нравами и обычаями, заимствуетъ иностранныя слова.

IV.

Теперь, возвращаясь спеціально къ характеристикѣ культурно-историческаго значенія тюрко-татарскаго запаса словъ, мы, при внимательномъ разсмотрѣніи матеріала языка, носящаго въ своей совокупности и цѣлостности *печать до-діалектическаго періода*, въ особенности должны обратить наше вниманіе на два уже ранѣе кратко намѣченныя нами преимущества тюркскаго языка. Первое преимущество состоитъ въ томъ, что „культурныя слова" тюркскаго языка,—не впримѣръ весьма уже мелкимъ дробленіямъ и дѣленіямъ, представляемымъ финно-угорскими говорами и нарѣчіями,—сохранили замѣчательную оригинальность и постоянство (*Stabilität*), т. е. это означаетъ вотъ что. Въ тюркскомъ всѣ понятія, которыя внѣдрились въ человѣческій разумъ еще на ранней стадіи до-историческаго прошлаго,—всѣ они объясняются и истолковываются при помощи собственнаго матеріала, заключающагося въ самомъ языкѣ, и всѣ они носятъ на себѣ печать примитивнаго образа мышленія первобытнаго человѣка и даютъ краснорѣчивое доказательство въ пользу того предположенія, что *масса тюркскаго народа много-много тысячелѣтій существовала, предоставленная самой себѣ, безъ какой-либо тѣсной связи съ внѣшнимъ міромъ, и что, затѣмъ, раздробленіе массы тюрковъ на отдѣльныя племена должно было совершиться въ относительно недавнюю эпоху.*

Если бы въ самомъ дѣлѣ это было не такъ, если бы обусловленная географическими обстоятельствами исключительность не давала твердаго оплота противъ вліяній другихъ культуръ и языковъ, то, напримѣръ, якутское племя, живущее на глубокомъ сѣверѣ, и куманское племя на западѣ, извѣстное уже въ XII столѣтіи, должны бы были быть проникнуты чужеземными элементами въ гораздо большей степени, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Даже болѣе: мы у этихъ племенъ должны бы были встрѣтить по крайней мѣрѣ такое же число заимствованныхъ словъ для самыхъ примитивныхъ понятій, какое находимъ и въ финно-угорскихъ языкахъ, въ которыхъ *топоръ*, *пахатное поле*, *котелъ*, *невѣста*, *сосѣдъ* и т. под. еще и по-сію пору представляются заимствованными.

Этотъ-то строго-стереотипный характеръ формъ и запаса словъ долженъ, какъ мы уже упомянули выше, поразить насъ, особенно при тщательномъ сравненіи наличныхъ памятниковъ древняго языка и отдѣльныхъ языковъ настоящаго времени; и эта стереотипность формъ можетъ быть доказана даже по отношенію къ самой отдаленной древности. Для этой цѣли мы должны воспользоваться лишь самыми примитивными словами языка; мы должны имѣть въ виду наименованія разныхъ частей человѣческаго тѣла. Мы увидимъ тогда, до какой степени малымъ измѣненіямъ были подвержены какъ корень, такъ и образовавшееся уже слово. Напримѣръ, отдѣльныя части тѣла, какъ: *нога, рука, глазъ, ухо* являются въ качествѣ *nomen agentis*; (ср. *at*=ходить, шагать *at-ak* (нога) *al* (брать)—*ol-ik*, *el-ik* (рука) *kör*, *köz* (смотрѣть) *köz* (глазъ); *kul* (слышать)—*kul-ak* (ухо); *tut* (захватывать, схватывать)—*tut-kak* (губа); *tis* (ломать, разламывать—*tis* (зубъ) и т. д. Если же это такъ, то слишкомъ мало причинъ сомнѣваться, что относящіеся сюда корни, именно: *at*, *al*, *kör*, *kul*, *tut* и *tis*, въ настоящее время являющіеся неизмѣнными, конечно должны быть настолько же древни, какъ и тюркскій человѣкъ, который посредствомъ ихъ впервые далъ выраженіе вышеуказаннымъ понятіямъ. Такъ какъ подобнаго доказательства сохранившейся неизмѣнности запаса словъ и формъ нельзя указать ни въ какомъ изъ языковъ, до сихъ поръ подвергавшихся научнымъ изслѣдованіямъ, то тюркскій языкъ

можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. *Онъ есть именно тотъ идіомъ, который, относительно говоря, сохранился чище другихъ идіомовъ въ мірѣ, и поэтому онъ даетъ намъ самый лучшій матеріалъ источниковъ для изслѣдованія примитивнаго культурнаго состоянія того народа, которому онъ принадлежитъ.*

Что, при такихъ обстоятельствахъ, въ тюркскихъ говорахъ и нарѣчіяхъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, можно извлечь и отличить отъ второстепенныхъ элементовъ *коренной языкъ*—объ этомъ нечего уже и говорить; вѣдь мы здѣсь имѣемъ дѣло только съ діалектами одного живаго языка, а не съ мертвыми языками.

Настоящимъ тюркскимъ кореннымъ языкомъ заслуживаетъ быть названнымъ именно тотъ, которымъ говоритъ часть тюрковъ, еще и теперь живущихъ по всей вѣроятности на мѣстѣ первоначальной колыбели всего тюркскаго народа; это языки, или два развѣтвленія одного языка, *уйгурскій* и *алтайскій*. Отношеніе этого кореннаго языка къ его отдѣльнымъ вѣтвямъ, конечно, опредѣлить легко. Напротивъ, трудно вывести ясное и положительное заключеніе объ отношеніи кореннаго тюркскаго языка къ его восточному сосѣду, т. е. языку монгольскому, такъ какъ, не смотря на свое тѣсное сродство съ послѣднимъ, *тюркскій* не слѣдуетъ принимать за *мертвый* по отношенію къ *монгольскому*, ни наоборотъ.

Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что тюрки и монголы стоятъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ оба эти народа, взятые вмѣстѣ, стоятъ по отношеніи къ финно-униграмъ, которые прежде всѣхъ отдѣлились отъ общаго урало-алтайскаго ствола и оттѣснены были на глубокій сѣверъ. Теперь, если мы въ тюркскомъ „коренномъ“ языкѣ—а подъ нимъ мы прежде всего, какъ уже сказано выше, разумѣемъ уйгурскій и алтайскій,—вправѣ выставить его необыкновенную устойчивость и неизмѣняемость (Stabilität), то мы, въ тоже время, должны указать на развитіе человѣческаго разума, получившаго свое выраженіе посредствомъ этого языка, и особенно обратить вниманіе на проявленіе логики при развитіи круга понятій этого языка. Въ этомъ случаѣ трудно указать на что-либо болѣе остроумное и замысловатое, чѣмъ тотъ способъ, которымъ какое-либо основное понятіе приходитъ въ

связь съ своими, еще столь отдаленными, производными понятіями абстрактнаго и конкретнаго свойства.

Возьмемъ для примѣра понятіе о „бѣломъ", „открытомъ" и „пустомъ"[1]) и попробуемъ анализировать ходъ и связь идей, находящихся на первомъ мѣстѣ въ этомъ кругѣ понятій. Уже независимо отъ того, что бѣлый, открытый и пустой совершенно справедливо могутъ считаться понятіями родственными, въ дальнѣйшей послѣдовательности хода идей слѣдуетъ признать вполнѣ естественнымъ, если основнымъ понятіемъ *бѣлый* будутъ обозначаться: *свѣтъ*, *луна*, *свобода*, *открытость* (откровенность) и *міръ*; если, затѣмъ, понятіемъ *пустой* или *открытый* будутъ обозначаться и понятія: *голодный*, *трезвый*, *бѣдный*, *дверь* и *ротъ*, какъ понятія, находящіяся въ тѣсной связи. Беремъ еще для примѣра понятіе о *твердомъ*, *плотномъ* и *жесткомъ* и разсмотримъ ближе многостороннія и многоразличныя производныя этого понятія. Прежде всего, здѣсь мы встрѣчаемъ, вопервыхъ, понятія „толпы", „соединенія", „замкнутости", „густоты", „плотности" и образныхъ употребленій этого понятія въ глаголахъ дуться (нѣм. *schmollen*, франц. *bouder*), (стягиваться и опечаливаться); вовторыхъ, здѣсь мы находимъ мотивъ для наименованій: а) замкнутаго темнаго тѣла или пространства, каковы: пещера, преисподняя (адъ), жила, заключеніе (тюрьма); б) для наименованій окоченѣлыхъ и твердыхъ тѣлъ, каковы: желѣзо, ледъ, морозъ (иней); в) такъ какъ слова „открытый" и „свѣтъ" представляются тождественными понятіями, то точно также и противоположности „открытому" и „свѣту", т. е. „тьма", „туманъ", „ночь", тождественны. Но объ этомъ нечего и распространяться. Почти каждый отдѣлъ моего „Этимол. Словаря" можетъ представить примѣръ, подтверждающій высказанное мною положеніе объ остроумной цѣлесообразности состава всѣхъ словъ, находящихся въ тюркскомъ словарѣ, такъ что нельзя достаточно нахвалиться и не достанетъ словъ для рекомендаціи тюркскаго языка философамъ, занимающимся языкознаніемъ!. . .

[1]) *Бѣлый, открытый* и *пустой* понятія (у тюрковъ) весьма близкія, какъ въ этомъ можно убѣдиться, читая „Этимол. Словарь тюркскихъ языковъ" А. Вамбери. На этотъ словарь и во „Введеніи" часто ссылается авторъ.

Но что еще больше, въ этомъ отношеніи, можетъ привлекать изслѣдователя, такъ это именно согласіе хода идей въ одномъ и томъ же кругѣ понятій въ тюркскомъ и другихъ языкахъ, напримѣръ въ любомъ изъ арійскихъ. Вѣдь, нельзя быть равнодушнымъ, нельзя оставаться не тронутымъ, какъ скоро замѣтишь, что человѣкъ, въ какомъ-нибудь изолированномъ уголкѣ Азіи, въ своей бѣдной, замкнутой степной прародинѣ, при наименованіи того или другаго, близко лежащаго къ его душѣ предмета, или же при обозначеніи того или другаго проникающаго въ его душу чувства или ощущенія, обнаруживаетъ *тоже самое*, или покрайней мѣрѣ *весьма сходное*, развитіе разума, какое обнаруживаетъ и человѣкъ, раздѣленный на цѣлыя тысячи миль и живущій совсѣмъ въ другомъ климатѣ, подъ другимъ небомъ; вѣдь тотъ и другой человѣкъ, раздѣленные громадными пространствами, не имѣютъ никакого духовнаго или матеріальнаго соприкосновенія другъ съ другомъ... Что можно вывести изъ этой аналогичной дѣятельности духовной стороны человѣка (гдѣ бы онъ ни жилъ) изъ этой удивительной гармоніи человѣческаго разума? Подтверждаетъ ли она теорію объ общемъ происхожденіи человѣческаго рода? Мы предоставляемъ рѣшеніе этого вопроса спеціалистамъ, занимающимся философіею языка. Для насъ, въ данномъ случаѣ, достаточно регистрировать лишь самый фактъ и привести нѣкоторые, относящіеся къ подтвержденію его, примѣры. Въ этихъ примѣрахъ тюркскія наименованія заимствованы изъ „Этимол. словаря“, арійскія же преимущественно изъ Курціуса [1]).

Арійскія наименованія:	Тюрко-татарскія наименованія:
Annus (годъ)—annulus (кольцо, окружность).	*il, jil (годъ)—ijil (дуга, окружность, искривленіе).*
Kalós (прекрасный)—санскр. kaljas (здоровый), гот. hails (здоровый, счастливый).	*jaksi (прекрасный), jakuk мягкій, хорошій, скромный) sak (здоровый, правильный).*
Karpós (плодъ, т. е. отрѣзанное—carpo (рѣжу) нѣм. Herbst.	*kis, kes (рѣзать), küs, kôs (осень, время рѣзанія), время стрижки овецъ).*

[1]) Т. е. изъ книги Курціуса „Grundzüge der griechischen Etymologie“.

Арійскія наименованія:	Тюрко-татарскія наименованія:
Krino (рѣжу), kritis (судья).	*Jargamak (рѣзать, раскалывать) jarguci (судья), jargu (приговоръ).*
Makrós (длинный) mákar (блаженный, счастливый (beatus), macte браво, благословенно, прекрасно (нѣм. gesegnet).	*Uluk (великій), olgajmak (рости) olzajmak (благословлять, уважать).*
Argyphos (свѣтлый, бѣлый) argyrós (серебро).	*Ak (бѣлый, свѣтлый), akce (серебро).*
Cheir (рука)—санскр. harumi (лат. rapio)=хватаю, похищаю.	*Olik, elik (рука), almak (брать, схватывать).*
Cherós (ограбленный), chera (вдова), cheroo (дѣлаю пустымъ).	*Talamak (грабить) dal, tal (голый, пустой) tul, dul (вдова).*
Chrio (мажу, намазываю) chrima (мазь), chroma (краска).	*Malmak (макать во что, мазать), maj, moj (жиръ, масло) boja, moja (краска).*
Stereós санскр. sthiras (твердый) лат. sterilis, stiria (ледяная сосулька), stilla (капля) mhd. star (rigidum) (твердое, суровое, жесткое); нѣм. erstarren.	*Tim tum (твердый)—tom (капля), tong (морозъ), tonlu, tolu (градъ).*
Tekü (расплавленное), лат. tabes (жидкость)—tâbum (гной).	*irimek (расплавлять), irmek (рѣка), irin (гной).*
Plethys (толпа)—лат. plebes, populus (народъ), слав. pluk (толпа), англійск. flock (стадо), нѣм. (Volk.)	*Il (союзъ, соединеніе, народъ, миръ), jilki, ilki (стадо).*
Methy (вино), нѣм. Meth. слав. med (МЕДЪ) *медъ (Honig).*	*Sücük (сладкій), süzik (вино).*

Сходство въ ходѣ и связи идей здѣсь представляется поразительнымъ. Можно сдѣлать возраженіе, что подобныя наблюденія можно сдѣлать и въ другихъ областяхъ человѣческаго мышленія, напримѣръ можно найти аналогіи въ извѣстныхъ нравахъ и обычаяхъ, каковы напримѣръ: увѣшиваніе деревъ и кустарниковъ,

бо́льшею частью растущихъ на высотахъ, лоскутьями одеждъ, открыванiе или разрѣзыванiе жилъ на рукѣ, при произношенiи клятвы и, наконецъ, культъ или почитанiе огня у разныхъ народовъ Азiи, Африки и Америки; во всѣхъ этихъ случаяхъ мы должны признать не менѣе бросающiеся въ глаза пункты объединяющей духовной связи человѣческаго рода. Ну, чтожъ? Конечно, и этого отрицать ни въ какомъ случаѣ нельзя, и выставленныя нами сравненiя имѣютъ своею единственною цѣлью указать лишь на то́, что присущая человѣку сила мышленiя вовсе не находится ни въ какой связи съ формою человѣка, ни съ другими физическими свойствами, и что тюрко-татары и урало-алтайцы могутъ быть столь же способны къ мышленiю и сильны въ немъ, какъ и ихъ собратья арiйскаго или семитическаго происхожденiя.

Ни въ какой другой области филологiи невозможно съ бо́льшею легкостью вызвать и обнаружить художественную полноту человѣческаго разума,—вызвать изъ одного только строенiя языка,—разсматривать-ли это строенiе по отношенiю къ формамъ или къ запасу словъ, все равно—и обнаружить въ такомъ блескѣ, какъ это можно сдѣлать именно въ области тюркскаго языка. Если прозрачность основнаго матерiала до сихъ поръ такъ прельщала и увлекала тюрколога, то, съ другой стороны, удивительное построенiе словообразованiя въ тюркскомъ языкѣ представляетъ въ себѣ еще тѣмъ бо́льшую привлекающую силу; историку культуры оно доставляетъ вѣрный свѣточъ, съ помощью котораго онъ можетъ изслѣдовать темное царство прошедшаго тысячи лѣтъ назадъ, и достигнуть вѣрныхъ заключенiй о самомъ раннемъ перiодѣ существованiя немаловажной части человѣческаго рода.

V.

Какiя же собственно представленiя о первобытной культурѣ тюрко-татарскаго народа можно назвать правильными? Отвѣтъ на это представляется легкимъ, если мы сообразимъ, что еще въ самомъ недавнемъ прошедшемъ существовалъ, да до извѣстной степени еще и теперь существуетъ, исто-кочевой образъ жизни въ Центрально-Азiатской степи. Этотъ-то образъ жизни воспроизво-

дитъ предъ нами, въ свою очередь, и картину самаго исконнаго первобытнаго образа жизни,—при томъ такую картину, древность которой—если мы искусственно абстрагируемъ немногія новыя черты, заимствованныя изъ чужой культуры,—легко отнести на цѣлыя тысячи лѣтъ тому назадъ, Альквистъ (стран. 268) справедливо замѣчаетъ: „Изъ образа жизни и культурнаго состоянія угорскихъ финновъ можно заключать объ образѣ жизни и культурномъ состояніи финновъ вообще,—тѣхъ финновъ, которые пришли съ Востока на прибрежье Балтійскаго моря“. Отправляясь отъ этой же мысли, мы осмѣливаемся утверждать, что киргизскій и тюркменскій аулъ, въ началѣ текущаго вѣка, когда русское и западно-европейское вліяніе еще не могло проникнуть такъ далеко въ сердце Азіи,—существенно ни чѣмъ не отличался отъ аула, устроявшагося при самомъ древнемъ культурномъ состояніи этого народа, и что именно бѣднѣйшая часть степныхъ обитателей, которая не могла достать себѣ извѣстныхъ чужеземныхъ предметовъ отъ утонченнаго образованнаго міра, далѣе продолжала то существованіе, въ которомъ коснѣли ея прадѣды и прапрадѣды до начала сношеній съ иранцами и до вторженія арабовъ въ области, лежащія по ту сторону Оксуса (Аму-Дарьи).

Остановимся снова на оригинальности тюркскихъ культурныхъ словъ, на которой такъ часто останавливаются, и на сравненіи этого преимущества съ другими урало-алтайскими, а еще болѣе съ арійскими и семитическими языками. Въ тюркскомъ, если уже говорить о точности, можно указать лишь чрезвычайно малое число заимствованныхъ словъ. Но все-таки мы съ достаточною вѣроятностью можемъ сказать, что если какой культурный міръ произвелъ вліяніе на тюркскій народъ, такъ это единственно арійскій, или, говоря частнѣе, старо-иранскій. Этотъ міръ уже въ самой сѣдой древности произвелъ на тюркскій народъ первое образующее вліяніе.

Изъ древнихъ поселеній Иранскаго міра, изъ теперешнихъ областей Оксуса и Яксарта, такъ же какъ изъ восточныхъ форпостовъ теперешняго Алты-Шера, или же изъ его сѣверо-западныхъ границъ на Нижней Волгѣ, откуда иранская образованность

достигла равномѣрно и къ тюркамъ и къ уграмъ,—собственно къ тюркамъ, живущимъ на своей степной прародинѣ, по видимому, проникли лишь скудныя искорки передовой культуры и образованности. Затѣмъ, культурное вліяніе, которое могло проникнуть къ тюркамъ, есть старо-иранское, а вовсе не китайское, какъ это доказываетъ самъ языкъ. Въ немъ названія изъ южныхъ параллелей широты,—названія предметовъ, перенесенныхъ туда въ предполагаемую прародину тюрокъ,—названія платьевъ или различныхъ породъ звѣрей, можно встрѣтить *не въ китайскихъ названіяхъ, но исключительно въ иранскихъ чуждыхъ и заимствованныхъ словахъ*.

То, чтó мы разумѣемъ подъ тюркскою прародиной, можетъ, поэтому, простираться только на древнія первоначальныя мѣстопребыванія иранцевъ въ области пограничной съ сѣверомъ, точно такъ же, какъ подъ тюркскими первобытными людьми мы можемъ разумѣть лишь людей, пользовавшихся идіомомъ, извѣстнымъ намъ теперь подъ именемъ „самостоятельнаго языка тюрковъ"; это языкъ, изъ этимологическаго разчлененія котораго мы опять-таки знакомимся съ первобытнымъ состояніемъ лишь того народа, который мы именуемъ тюрками, или „туретчиной". Возьмите любой на землѣ народъ. Никогда нельзя изслѣдовать его прихода въ такъ называемую прародину, или покрайней мѣрѣ трудно изслѣдовать; также точно трудно рѣшить вопросъ о приходѣ тюрокъ въ ихъ прародину. Относительно языка дѣло, однакоже, представляется иначе. Этотъ языкъ образуетъ, такъ сказать, написанную исторію самаго ранняго общественнаго развитія народа, и только въ немъ одномъ находится и находилась эта исторія; поэтому предположеніе, что тюрокъ ранѣе могъ говорить какимъ-либо другимъ языкомъ, уже ipso facto должно быть исключено изъ области возможнаго.

Теперь, чтобы перейти къ общей картинѣ примитивной тюркской культуры, мы должны съ особымъ удареніемъ оговориться, что мы имѣемъ дѣло съ кочевымъ народомъ, кочевымъ съ ногъ до головы, кочевымъ въ самой своей внутреннѣйшей сущности. Преобладающая численность этого народа съ незапамятныхъ вре-

менъ блуждала на обширныхъ, покрытыхъ травою и камышами, низменностяхъ, съ своими стадами лошадей, овецъ и верблюдовъ. Эти толпы кочевниковъ питались только молокомъ, мясомъ и жиромъ животныхъ и одѣвались только кожами этихъ животныхъ. Но на ряду съ этими кочевниками, уже съ самой глубокой древности, должно было существовать и меньшинство тюркскаго народа, которое, вслѣдствіе благопріятнѣйшихъ условій почвы и климата, занималось земледѣліемъ; надо предположить, однако, что это меньшинство не научилось земледѣлію у другихъ народовъ, потому что тюркскій языкъ не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго слѣда заимствованныхъ словъ и наименованій, относящихся къ земледѣлію,—такихъ наименованій, которыя содержатся, напримѣръ, въ языкѣ нѣмцевъ и венгровъ, заимствовавшихъ названія орудій земледѣлія отъ славянъ. Конечно, представляется уже яснымъ по самой природѣ вещей, что скотоводству и земледѣлію должно было предшествовать поддержаніе жизни охотою и рыболовствомъ; но языкъ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи лишь весьма слабую точку опоры. На охотѣ, въ ранній періодъ, повидимому, употребляли сѣти и силки, которые приготовлялись изъ скрученныхъ древесныхъ и растительныхъ волоконъ. Тюрки употребляли силки и сѣти вмѣсто рубящихъ и колющихъ орудій, и это потому, что человѣкъ, жившій на обширныхъ равнинахъ, по недостатку въ животныхъ, на которыхъ могъ бы ѣздить верхомъ, (этими животными степнякъ-тюрокъ обзавелся лишь позднѣе),—онъ не могъ охотиться за летающею дичью; да и самое рыболовство, какъ это у тюрко-татаръ продолжается еще и теперь,—составляло у этой части тюркскаго населенія лишь побочное занятіе, не въ примѣръ финно-угорскимъ народамъ; у этихъ послѣднихъ охота и рыбная ловля составляютъ главную отрасль пропитанія, какъ это мы и теперь еще видимъ у вогуловъ и остяковъ.

Вообще, если смотрѣть на прародину тюрковъ, принимая въ разсчетъ ея естественныя условія, то можно замѣтить слѣдующее. Еще и теперь въ массѣ тюркскаго народа весьма глубоко укоренена охота къ странствованіямъ и передвиженіямъ, глубоко укоренена, затѣмъ, страсть къ приключеніямъ и къ животнымъ.

Тюрки, словомъ, какъ воплощенные номады, отличаются этою чертою почти отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ членовъ человѣческаго рода, и въ этомъ отношеніи, въ числѣ другихъ народовъ Азіи, нѣсколько подходятъ къ тюркамъ развѣ только сыны Аравійской пустыни. О первобытныхъ народахъ Африки, Америки или Австраліи нельзя сказать ничего подобнаго.

Подъ словомъ „домъ" тюрокъ первоначально разумѣлъ только „яму", и самое первое тюркское жилище, носящее наименованіе catma=палатка, т. е. „разлагаемое", „что можно разложить", собственно „составляемое", было разсчитано для кочевой жизни; точно также и вся домашняя утварь у тюрокъ и домашнія приспособленія, постоянно и безъ исключеній, носятъ туземныя наименованія; и это доставляетъ намъ самое лучшее свидѣтельство оригинальности относящихся сюда изобрѣтеній.

За исключеніемъ предметовъ, выдѣланныхъ изъ металлической руды и стоящаго въ первомъ ряду желѣзнаго оружія, тюрки, уже съ весьма ранняго времени, отличались во всѣхъ отрасляхъ домашней индустріи, необходимой для кочеваго существованія. Искусство тюрокъ, относящееся къ этому предмету, нравилось и поражало своею красивою отдѣлкою даже сосѣднихъ арійцевъ, издавна превосходившихъ тюрокъ своею культурою. Къ ремесленнымъ издѣліямъ исконно-тюркскаго характера принадлежитъ, между прочимъ, изготовленіе кожи, войлока, ковровъ, луковъ и стрѣлъ, а также конской сбруи и сѣделъ. Но въ особенности заслуживаетъ упоминанія необыкновенная способность тюрка къ скотоводству и, въ частности, къ коневодству. Изъ животнаго царства, уже съ самой сѣдой древности, были извѣстны тюркамъ: *лошадь, быкъ, оселъ, верблюдъ, собака, овца, кошка, гіена, тигръ, лисица, куница*; но, напримѣръ, коза и леопардъ (это можно заключить изъ ихъ наименованій, чуждыхъ тюркскимъ звукамъ), пришли въ прародину тюрокъ изъ болѣе южныхъ градусовъ широты. Изъ птицъ: на *сокола, коршуна, орла, кукушку, лебедя, гуся, утку, пѣтуха* и *голубей* можно смотрѣть, какъ на туземныхъ тюркскихъ птицъ. Что касается хлѣбовъ, то можно сказать съ достовѣрностію, что въ самую раннюю пору были знакомы тюркамъ только *просо* и *пшеница*.

Сколь всеобщимъ и исконнымъ представляется самый способъ, которымъ тюркскій первобытный человѣкъ заводилъ себѣ всѣ средства и утварь, необходимыя для поддержанія своей жизни (въ этомъ отношеніи, своими собственными силами, онъ съумѣлъ стать на значительную степень примитивной культуры)—столь же всеобщими представляются и общественныя установленія, которыя уже изъ первой стадіи общежитія возрасли безъ какой-либо посторонней помощи, и которыя, благодаря вѣрному отпечатку истаго тюркскаго характера, еще и по-сію пору даютъ намъ средство узнать номада, въ его полной индивидуальности, оставшагося совершенно изъятымъ отъ чуждыхъ вліяній.

Характеръ семьи былъ строго-патріархальный. Духъ этой истотюркской семейственности переходилъ изъ фамиліи въ общину, аулъ, изъ аула—къ главѣ колѣна и къ главѣ родовой линіи, а отъ этого главы—къ учрежденному уже позднѣе достоинству хана (*капи* или *chan*=князь). Съ управленіемъ рука объ руку идетъ созданіе законовъ, которые, происходя изъ употребительныхъ въ сѣдой древности, и потому освященныхъ, нравовъ и обычаевъ, уже весьма рано находились въ величайшемъ уваженіи и служили для регулированія частной и общественной жизни. Религія,—насколь далеко мы можемъ проникнуть въ исторію шаманизма,—состояла въ обожаніи животныхъ; еще и теперь можно найдти слѣды этого культа въ особенномъ страхѣ и уваженіи тюрка предъ дикою свиньею (кабаномъ). Почитаніе животныхъ произошло именно изъ тюрко-татарскаго духовнаго созерцанія, такъ какъ въ основныхъ принципахъ этого культа мы находимъ отраженіе тѣхъ отношеній, которыя должны были образоваться съ одной стороны между человѣкомъ, созрѣвшимъ для мысли, и между окружающею его степною природою, возбуждающею страхъ и ужасъ. Противъ невидимыхъ князей міра, т. е. противъ боговъ или духовъ, думали достаточно обезпечить и защитить себя тѣмъ, что прибѣгали къ шаману (жрецу) или, правильнѣе, къ его *непобѣдимой духовной силѣ*, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, для отраженія видимаго врага человѣка, т. е. противъ хищныхъ животныхъ и людей должны были еще очень рано соединяться въ общества. Въ этомъ

соединеніи, т. е. въ обществѣ охоты, лежитъ основаніе тюркской военной службы; отсюда-то и произошло тождество прежнихъ распорядителей охоты и нынѣшнихъ высшихъ военно-политическихъ достоинствъ. Достаточно сравнить для этого, напримѣръ, *kous*, *kus*=охота съ *kous*, *kogus*=домашняя челядь, свита; *kusbegi*=надзиратель, распорядитель на охотѣ съ *kusbegi*=визирь; *karaul*=погонщикъ на охотѣ съ *karaul*=форпосты и т. д. То обстоятельство, что тюркскій первобытный человѣкъ, на своей пустынной родинѣ, для отраженія различныхъ невзгодъ, долженъ былъ развить болѣе силы, чѣмъ человѣкъ жившій въ другихъ болѣе благопріятныхъ климатическихъ поясахъ,—только это обстоятельство можетъ намъ до нѣкоторой степени выяснить, почему тюрокъ, уже въ самой ранней фазѣ своего существованія, далеко превосходилъ арійца и семита организаціею своей оборонительной силы. Этимъ же объясняется и то, что тюрокъ, личной храбростью въ бою съ суровыми стихіями и ежедневными лишеніями, искони отличался отъ семита или арійца; наконецъ, этотъ человѣкъ, какъ уже слѣдуетъ изъ естественнаго хода вещей, не особенно былъ склоненъ къ мирнымъ занятіямъ, тюрка трудно было склонить къ развитію мирныхъ искусствъ; ясно и то, почему тюрокъ войну и борьбу предпочелъ спокойной жизни. Изъ овечьяго пастуха, пасущаго свои стада на тучныхъ роскошныхъ поляхъ и пастбищахъ, въ прелестныхъ цвѣтущихъ долинахъ, самая красота идиллической природы легко могла сдѣлать безусловно-мирнаго человѣка; но, съ другой стороны, пастухъ, пасущій свои стада подъ всѣми страхами и ужасами пустынной природы,—человѣкъ, который, въ открытой со всѣхъ сторонъ степи, долженъ былъ защищаться отъ кишѣвшихъ вокругъ хищныхъ животныхъ, по необходимости долженъ былъ развиться и преобразоваться въ *дикаго воителя*. *Первый* долженъ былъ постоянно играть въ идиллическую дудочку, *послѣдній* постоянно долженъ былъ держать въ рукахъ холодное оружіе. И въ этомъ именно нужно искать причины, почему пастушескіе народы арійскаго происхожденія, благопріятствуемые лучшими климатическими и территоріальными условіями, легче и скорѣе сдѣлались культивированными народами, чѣмъ тюрко-татары, или

даже чѣмъ вся урало-алтайская раса, противъ которой въ нѣкоторыхъ кружкахъ, ослѣпленныхъ крайнимъ пристрастіемъ къ арійской расѣ, произносится такой суровый вердиктъ насчетъ ея культурной способности.

VI.

Высказанное сейчасъ *различіе* въ культурныхъ отношеніяхъ арійской и алтайской расъ, или, правильнѣе сказать, *причина*, почему послѣдняя до сихъ поръ осталась лишь на ступени примитивной культуры, тогда какъ *первая* по быстрымъ успѣхамъ и прогрессу сдѣлалась древнѣйшею и могущественною распространительницею культуры,—это различіе составляетъ именно то, что мы, въ заключительной главѣ нашего введенія, должны представить и развить нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего мы должны предпослать замѣчаніе, что подъ выраженіемъ „примитивная культура тюрковъ", которое мы постоянно употребляемъ въ настоящемъ нашемъ очеркѣ, должно разумѣть не ту фазу человѣческаго существованія, которая представляется антропологами, какъ первобытное состояніе дикарей (послѣднее положеніе служитъ исходнымъ пунктомъ изслѣдованій Левока, Тейлора, Вайтца и друг.)

Примитивная ступень культуры тюрковъ—не обнаруживаетъ ни одной изъ сторонъ, затемняющихъ нравственный обликъ дикарей. Общаго владѣнія женами, обусловливаемаго полигаміею или поліандріею, здѣсь нѣтъ и слѣда, а семейная связь здѣсь столь же крѣпка и прочна въ своихъ внутреннихъ основахъ, какъ и у цивилизованнаго Запада, вмѣсто того, чтобы быть слабою или совершенно отсутствовать, какъ это бываетъ у многихъ дикарей. Далѣе мы встрѣчаемъ у тюрковъ общество, хотя и въ патріархальной, но все-таки въ устойчивой и твердой формѣ управленія, съ законами, съ уваженіемъ къ добродѣтели, съ отвращеніемъ къ пороку, и намъ думается, что, въ данномъ случаѣ, ни какъ нельзя допустить того, что дѣлаетъ, напримѣръ, Левокъ въ своей характеристикѣ нравовъ киргизовъ, калмыковъ, тюркменовъ, ставя ихъ на одну ступень съ ново-зеланцами и американскими дикарями.

Конечно, сейчасъ охарактеризованное нами первобытное состояніе тюрковъ должно было быть предшествуемо состояніемъ полной дикости. Но объ этой послѣдней въ нашемъ изслѣдованіи не можетъ быть рѣчи уже потому, что нашъ матеріалъ доказательствъ,— именно языкъ,—служитъ истолкователемъ уже пробужденнаго и достигшаго своего выраженія разума, и слѣдовательно этотъ способъ доказательствъ не можетъ дать намъ ни какихъ заключеній относительно совершенно-первобытнаго и звѣрообразнаго существованія.

Точно также мы должны противустать всѣмъ тѣмъ воззрѣніямъ и мнѣніямъ, которыя распространены въ новѣйшей наукѣ о культурномъ процвѣтаніи урало-алтайскихъ народовъ въ Средней и Западной Азіи, еще предъ выступленіемъ на міровую сцену культуры семитовъ и арійцевъ. Оставляя въ сторонѣ существовавшій недавно споръ, уже впрочемъ упраздненный, открытіемъ Суммерійскихъ или Аккамскихъ письменныхъ памятниковъ,—мы вынуждены сказать, что остатки урало-алтайскаго языка, мнимо разобраннаго изъ клинообразныхъ надписей, основываются на весьма слабомъ и шаткомъ основаніи, потому что изслѣдователи, посвятившіе свои силы этому предмету, въ сознаніи невозможности освѣтить предметъ необходимымъ свѣтомъ изученія тюрко-татарскаго или финно-угорскаго языка,—не говоря уже о коренномъ языкѣ урало-алтайскомъ,—бродили до сихъ поръ лишь ощупью, въ потемкахъ, а слѣдовательно, для подкрѣпленія своихъ предположеній, не могли дать ни одного прочнаго доказательства, которое, по отношенію къ формамъ и запасу словъ, могло бы быть неоспоримымъ, по законамъ измѣненія звуковъ и сродству понятій урало-алтайскихъ языковъ. Еще слишкомъ недалеко мы подвинулись въ изъясненіи основныхъ языковъ трехъ главныхъ племенъ, монгольско-манджурскаго, тюрко-татарскаго и финно-угорскаго, чтобы, при такомъ недостаточномъ знаніи, хвататься за общій урало-алтайскій коренной языкъ, возрастъ котораго опредѣляется многими тысячами лѣтъ,—а вѣдь только такой языкъ и можетъ быть мѣриломъ въ рѣшеніи даннаго вопроса!...

Слѣдовательно, какъ сказано, мнѣніе, что могъ существовать

гдѣ-то какой-то неизвѣстный урало-алтайскій народъ, и что кругъ его образованности долженъ, будто-бы, предшествовать культурной эпохѣ ассиріянъ и мидянъ и даже индійскихъ арійцевъ, не имѣетъ ни какого подтвержденія и оправданія, насколько мы можемъ ссылаться на алтайскіе лингвистическіе аргументы. Урало-алтайская раса (или же, спеціально, тюрко-татарскій народъ) конечно, оставила слѣды своей культуры на западѣ Азіи и на востокѣ Европы; но этотъ случай былъ только передъ началомъ Среднихъ Вѣковъ и простирается, большею частію, только на тѣ области человѣческаго мышленія, въ которыхъ исконные номады одерживали перевѣсъ надъ мирно-осѣдлыми народами. Это вліяніе тюрко-татарской культуры можно совершенно ясно замѣтить по направленію того пути, по которому сказанные народы предпринимали свои странствованія къ юго-западу и сѣверо-западу; относится же это вліяніе преимущественно къ скотоводству, военной службѣ и дѣламъ управленія. При полной надлежащей оцѣнкѣ этого обстоятельства, будетъ ясно, почему значительное число тюркскихъ словъ, каковы *kaimak* (сливки), *kötek* (помощь), *kaici* (ножны), *em* (кормъ), *jarak* (оружіе), *tamgha* (печать), *kas* (брови), *chan* (князь), *chane* (домъ [1]), *kuc* (баранъ), *kus* (соколъ), *caktak* (кремень), *urdu* (лагерь), *il* (народъ), *cörek* (хлѣбъ) и т. д.,—перешло въ персидскій языкъ; потому что, признавъ даже, что большая часть этихъ заимствованныхъ словъ имѣютъ свое происхожденіе изъ эпохи монгольско-тюркскаго владычества и распространены путемъ литературнымъ, подобнымъ тому, какимъ распространено Tarichi Wassaf,—было бы, однакожъ, нетрудно даже въ текстѣ иранской *„Книги Царей“*, отличающейся особымъ пуризмомъ, отыскать такія слова, тюркское происхожденіе которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Основываясь на этомъ, мы рѣшаемся высказать мнѣніе, что тюрки не только лишь во время Джездежирда, но еще задолго передъ нимъ, вторгнулись въ Иранъ, отчасти съ сѣвера, отчасти съ сѣверо-востока. Хотя особое наименованіе земель прилегающихъ къ Оксусу и Яксарту, словомъ „Туранъ“ и нельзя мо-

[1]) Въ народномъ языкѣ chune, отъ тюркскаго кореннаго слова kon, chon= осѣдать, располагаться, селиться. Сравн. тюркское konak=жилище.

тивировать въ этническомъ отношеніи, такъ какъ туземцы собственно и тамъ были иранцами,—однако же было бы даже невозможнымъ въ номадахъ степныхъ областей, граничащихъ съ Ираномъ, признавать другіе народные элементы, кромѣ тюрко-татарскихъ. Вѣдь только людьми чуждаго племени могли быть тѣ, которые послужили страшилищами, которыхъ черныя лица иранскій миѳъ обрисовалъ какъ образъ и подобіе ужаснаго и чудовищнаго. Точно также лишь туранцами могли быть тѣ люди, противъ воинственной необузданности которыхъ жители древней Джорджаніи просили защиты у Александра Великаго. Послѣдній, какъ мы знаемъ, для этой цѣли, повелѣлъ воздвигнуть такъ называемую „Гирканскую стѣну“,—это дополненіе къ Великой Китайской стѣнѣ и къ Каменному валу арабовъ, на сѣверѣ отъ древняго Дербента.

Въ этихъ трехъ исполинскихъ постройкахъ тогдашніе культивированные народы искали оплота и защиты отъ опустошительныхъ вторженій тюркскихъ номадовъ.

Что касается вліянія примитивной тюрко-татарской культуры на востокъ Европы, то это вліяніе ограничивается тѣми скудными остатками, которые около конца IX вѣка принесены были мадьярами, въ ихъ шествіи отъ Волги въ теперешнее ихъ отечество. Конечно, представляется еще весьма сомнительнымъ рѣшеніе вопроса: находящіяся въ мадьярскомъ языкѣ культурныя тюркскія слова слѣдуетъ ли считать словами, заимствованными еще до времени переселенія этого народа? Вѣдь, по нашему мнѣнію, на мадьяръ, не смотря на преобладающій финно-угорскій характеръ ихъ теперешняго языка, все-таки нужно смотрѣть, какъ на народъ смѣшанный изъ угорскихъ и тюрко-татарскихъ элементовъ. Но даже считая безразличнымъ рѣшеніе вопроса—заимствованы или незаимствованы остатки древняго языка у мадьяръ,—все-таки мы находимъ въ этихъ остаткахъ краснорѣчивое свидѣтельство экспансивнаго и интенсивнаго значенія тюркской культуры того времени,—такой культуры, которая (въ отношеніи пространства) протягивалась отъ юго-западныхъ долинъ Тянь-Шаня и Алтая до Прута и Дуная, и служила путеводнымъ свѣточемъ самымъ разнообразнымъ народнымъ элементамъ, каковы: *авары*, *печенѣги*,

хазары и *куманы*. При анализѣ тюркскихъ культурныхъ словъ въ мадьярскомъ языкѣ, оказывается, что слова, происходящія изъ области земледѣлія и скотоводства, частію обличаютъ чувашское происхожденіе, каковы, напримѣръ: мадьяр. *borju*=теленокъ, чуваш. *puru*, мадьяр. *sarlo*=серпъ, чуваш. *sorla*, мадьяр. *tinó*=молодой быкъ, чуваш. *tina*=быкъ; мадьяр. *disznó*=свинья, чуваш. *sisna* и т. д. Но я могъ бы сказать даже, что и всѣ тюркскіе коренные языки отчасти носятъ на себѣ печать истаго и самаго древняго тюркскаго характера, и въ этомъ отношеніи они весьма часто служатъ тюркологу вспомогательнымъ средствомъ при его изслѣдованіяхъ.

Такъ: мадьяр. *buza*=пшеница, тюрк. *budaj*; мадьяр. *arpa*=ячмень, тюрк. *arpa*; мадьяр. *dara*=мелкая крупа, тюрк. *tarik*=крупа; мадьяр. *alma*=яблоко, тюрк. *alma*; мадьяр. *tarlo*=жатвенное поле, тюрк. *tarlak*, *tarla*=поле; мадьяд. *ökör*=быкъ, тюрк. *öküz*; мадьяр. *kos*=баранъ, тюркск. *koc*; мадьярск. *ünö*=теленокъ, тюрк. *ünük*; мадьяр. *toklό*, тюрк. *tokli*=одногодовалая овца; мадьяр. *tyuk*=курица, тюрк. *tauk*.

Не менѣе интересны въ мадьярскомъ тюркскія культурныя слова, имѣющія отношеніе къ религіи и государственнымъ учрежденіямъ. Таковы: мадьяр. *egy-ház*=домъ Божій, домъ Господа, Владыки, отъ тюрк. *ege*, *eje*=Господь, Богъ, и *ház*=домъ; мадьяр. *ördög*=дьяволъ, чортъ, тюрк. *örtük*=злой духъ; мадьяр. *turul*=священная птица мадьяровъ во время ихъ переселенія, тюркское *turgul*, *turgaul*=соколъ; мадьяр. *tör-veny*=законъ, тюрк. *töre*, *torü*=законъ, учрежденіе, распоряженіе; мадьяр. *eskü*=клятва, тюрк. *icki*=питье (отъ *icmek*=клясться, собственно: пить клятву); мадьяр. *sereg*=войско, тюрк. *cerig*=отрядъ, войска, войско и т. д. Интересны, затѣмъ, слова, относящіяся къ періоду персидскаго вліянія: мадьяр. *Isten*, персид. *izdan* (Богъ), мадьяр. *ármáni*=хитрость, персид. *ahriman* (злой духъ); мадьяр. *nap*, персид. *ap*, *nap*, *nab* (солнце, свѣтъ) и т. д. Эти слова, еще за долго до времени соприкосновенія мадьяръ съ культурою парсовъ, распространенною на Нижней Волгѣ, нашли доступъ въ мадьярскій языкъ, и, вообще говоря, даютъ намъ весьма наглядный образъ тѣхъ расхо-

дящихся по двумъ направленіямъ и, такъ сказать, соперничающихъ между собою теченій культуры, вліянію которыхъ подвержены были меньшія народныя массы тюрко-татаръ и финно-угровъ, раздробленныя внутренними войнами и быстрымъ напоромъ новыхъ народныхъ массъ. Эти культурныя теченія, даже во время кристаллизированія языковъ, произвели свое вліяніе на запасъ словъ, какъ мы это еще и теперь замѣчаемъ у вогуловъ, населяющихъ нынѣ берега Сосвы, въ языкѣ которыхъ до сихъ поръ можно указать персидскія слова, каковы *nan* (хлѣбъ); *sat* (сотня); Bathjar, персид. *Bachtijar* (собственное имя).

Поэтому, если можетъ быть рѣчь о древней урало-алтайской культурѣ, то слѣдуетъ имѣть въ виду только общій кругъ образованія тюрко-татаръ. Это образованіе съ головы до ногъ свое, самобытное, туземное, но лишь отличающееся примитивными свойствами. Тюрки, не смотря на духовный прогрессъ сосѣднихъ обществъ арійскаго и семитическаго происхожденія и не смотря на всемірно-историческую роль,—которая выпала на долю даже и самимъ тюркамъ,—*все-таки, даже послѣ слишкомъ двухтысячнаго непрерывнаго сношенія съ чуждыми элементами, остались лишь неподвижными, коснѣющими, да и всегда оставались инертными относительно общаго движенія.*

Какъ ни можетъ показаться чрезвычайнымъ и исключительнымъ это обстоятельство, но все-таки мы, тщательно вникнувъ въ причины его, прійдемъ къ убѣжденію, что такой исходъ дали не этническія, а историческія основанія. Прежде всего намъ бросается въ глаза фактъ, что мы имѣемъ дѣло съ молодымъ обществомъ, съ такою частью человѣческаго рода, которая на сцену міровыхъ событій выступила позднѣе и начала переходить границы своей прародины въ то время, какъ народы другихъ расъ, разселенныхъ къ югу и западу, уже давно получили въ обладаніе болѣе благословенныя природою полосы земли, и на этихъ земляхъ утвердились до такой степени крѣпко, что поглощеніе ихъ, или совершенное вытѣсненіе, сдѣлалось невозможнымъ. Если мы затѣмъ примемъ въ соображеніе, что тюрки, болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, начали широко заселяться къ югу отъ нынѣшняго Турке-

стана и на западъ по Волгѣ, то все-таки не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это разселеніе происходило лишь спорадически и лишь малыми кучками поселенцевъ, и что именно этотъ духъ, свойственный всѣмъ исключительно-кочевымъ народностямъ, произвелъ именно то, что всякій успѣхъ прогресса былъ уже заранѣе парализованъ. О численной величинѣ до-историческихъ движеній фантазія едва можетъ сдѣлать какое-либо представленіе; однакоже, начало историческаго періода позволяетъ намъ войдти въ нѣкоторыя, хотя, быть можетъ, смѣлыя и рискованныя, предположенія. Съ этой точки зрѣнія, мы осмѣливаемся утверждать, что масса народа такого объема, напримѣръ, какъ готы, у урало-алтайцевъ никогда не приходила въ движеніе (своею цѣлостностью) и слѣдовательно не могла получить осѣдлости въ такой же массѣ; слѣдовательно отъ этой причины, по необходимости, долженъ былъ получиться и соотвѣтствующій результатъ. Подобнымъ же образомъ происходило дѣло и съ тюркскими движеніями, впослѣдствіи получившими характеръ исторической доказательности. Тюркскіе отряды наѣздниковъ, находившіеся въ службѣ Саманидовъ и Буйюджидовъ, были, конечно, гораздо многочисленнѣе тѣхъ вспомогательныхъ отрядовъ, съ которыми арабы должны были помѣряться силами при Кутеибе, въ земляхъ, лежащихъ около Оксуса, и хотя историческое преданіе изображаетъ намъ широкими и сильными чертами выступленіе сельджукидовъ, однакожъ, взявъ самое существо дѣла, какъ на эти, такъ и на другія стремительныя движенія тюркскаго народа мы должны смотрѣть лишь сквозь призму того впечатлѣнія страха, которое производили эти воители, не по причинѣ своей большой численности, а вслѣдствіе лишь воинственнаго превосходства и дикости ихъ нравовъ,—впечатлѣніе, которое они повсюду распространяли. Для примѣра стоитъ упомянуть лишь объ Османахъ, завоевавшихъ всю Анатолію и часть восточной Европы, и однакожъ состоявшихъ, на самый крайній конецъ, лишь изъ 25,000 человѣкъ тюркскаго происхожденія. А эти Османы, подчинивъ себѣ чуждые элементы и поглотивъ ихъ, доходятъ теперь численностью уже до многихъ милліоновъ.

Тамъ, гдѣ самый фактъ большой численности обусловливаетъ

для матеріальной силы характеръ иллюзіи, тамъ полетъ духовнаго превосходства и переходъ отъ примитивной культуры къ прогрессивному широкому образованію, въ чисто-національномъ характерѣ, совершается рѣдко и съ большимъ трудомъ. При этомъ нужно взять въ разсчетъ еще два, не менѣе важныя, обстоятельства. *Во первыхъ* то, что незначительное по численности общество, даже послѣ насильственнаго завладѣнія новою отчизною, никогда не можетъ выпустить изъ рукъ оружія, взятаго съ цѣлью самозащиты, и уже вслѣдствіе этой печальной необходимости ему бываетъ фактически заторможенъ путь къ мирному прогрессу. *Во вторыхъ*, этотъ воинственный духъ имѣетъ свойство до такой степени внѣдряться въ плоть и кровь, что даже малочисленные народы, въ родѣ сейчасъ указанныхъ, даже въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, гдѣ уже не предлежитъ ни какой необходимости добиваться правъ первенства и верховенства,—все-таки не могутъ освободиться отъ страсти къ войнѣ, уже ради одной привычки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знакомы съ тюркскими народами, они представляютъ намъ самую стереотипную и профессіональную солдатчину въ Азіи, и въ то время, какъ тюрки за малое вознагражденіе, въ видѣ какой-либо матеріальной суприматіи, дѣлаютъ свое обычное, т. е. военное, дѣло, другіе народы Азіи, напримѣръ иранцы и арабы, могутъ, подъ защитою тюркскаго оружія, заниматься науками и искусствами.

Что сейчасъ сказано о тюркахъ, подходитъ, за малыми исключеніями, и ко всей урало-алтайской расѣ. Если западные финны, живущіе на сѣверѣ, и мядьяры, живущіе на востокѣ Европы, не смотря на указанныя выше субъективныя препятствія къ цивилизаціи, усвоили себѣ государственныя европейскія формы, усвоили себѣ и все то, что относится къ общественнымъ нравамъ и прогрессивному развитію духовной жизни; если они, такъ сказать, отбросили отъ себя темныя стороны урало-алтайской расовой особенности;—если они, рука объ руку съ арійскими элементами, бодро идутъ по пути современной культуры, такъ что въ этомъ отношеніи далеко превзошли пограничныхъ съ ними съ восточной стороны арійцевъ, т. е. славянъ: то мы находимъ въ этомъ лишь

блестящее подтвержденіе того воззрѣнія, что сила мышленія и духовныя способности свойственны, и безусловно могутъ быть свойственны, въ совершенно-одинаковой степени, какъ арійцамъ, такъ и урало-алтайцамъ. Но, съ другой стороны, вѣрно и то, что случайное и временное возвышеніе извѣстныхъ обществъ въ области мысли и сознанія имѣетъ въ своей основѣ не этническіе, но единственно политико-соціальные, а иногда и географическіе мотивы.

Само собою разумѣется, что съ этимъ положеніемъ должна потерять все свое значеніе и теорія *различія народовъ по возрасту*; отвергнуть эту теорію заставляютъ насъ здравыя комбинаціи разума. Не народы, въ самомъ дѣлѣ, а только общества должны называться „*старыми*“ или „*молодыми*“, потому что, вѣдь, народы сами по себѣ столько же древни, какъ само человѣчество, тогда какъ общества могутъ варіироваться, смотря по духу оживляющихъ ихъ учрежденій. Допустимъ, что мадьяры и западные финны, какъ осѣвшіе въ Европѣ фракціи урало-алтайской расы, относительно культурныхъ стремленій современнаго міра, находятся еще въ стадіи юношескаго возраста, изъ котораго они, безъ сомнѣнія, подобно ихъ арійскимъ сосѣдямъ на западѣ, достигнутъ полнаго, пышнаго разцвѣта; но мы въ то же время увидимъ, что для ихъ арійскихъ соплеменниковъ подобный же шагъ, къ сожалѣнію, можно предположить лишь съ трудомъ. Большая часть этихъ народовъ раздроблена и раздѣлена, и уже теперь слишкомъ крѣпко опутана роковыми сѣтями русской суприматіи,—слишкомъ крѣпко опутана для того, чтобы быть въ состояніи, на канунѣ совершеннаго уничтоженія національности, совершить переходный процессъ отъ примитивной культуры къ высшей культурѣ, сохраняя одежду національной самобытности. До извѣстной степени подобный же случай былъ въ минувшемъ столѣтіи, когда, въ теченіи культурныхъ періодовъ Сельджукидовъ, Тимуридовъ и Османовъ (не говоря уже о на половину-чуждомъ по своему происхожденію тогдашнемъ кругѣ образованности), недоставало именно тюркскаго національнаго народнаго большинства, которое могло бы послужить субстратомъ національной культуры,—базисомъ для тюркскаго образованія.

Остающіеся теперь независимыми урало-алтайцы, каковы тюрки, монголы и тунгузы, въ этомъ отношеніи, можетъ быть еще болѣе, подлежатъ случайностямъ исполинской борьбы, которую европейская цивилизація ведетъ противъ мусульманскаго и буддистскаго образованія. Отсюда о грядущемъ тюркско-національномъ мірѣ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, уже потому съ трудомъ можетъ быть рѣчь, что именно дальнѣйшее продолженіе національной жизни уже сильно заторможено, такъ что тюркскій міръ, теперь еще пока сохраняющій свою независимость, едва ли можетъ воспротивиться могучему налету арійскаго образовательнаго духа, выступающаго съ знаменемъ уничтоженія національностей въ Азіи.

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ СОЧ. КОТТЫ:

„DER ALTAI“.

I.

СТЕПИ И СТЕПНАЯ ФЛОРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

Огромнѣйшее пространство между Ураломъ и Алтаемъ, Ледовитымъ океаномъ и Аральскимъ моремъ имѣетъ видъ однообразной низменности, которую называютъ часто степью, хотя свойство страны не соотвѣтствуетъ вообще тому, что въ Германіи обыкновенно понимаютъ подъ этимъ названіемъ. Конечно, эта страна ничто иное какъ низменность, безъ правильныхъ горъ и долинъ, но имѣющая волнообразный видъ и не лишенная широкаго ряда холмовъ, имѣющихъ около 150 футовъ высоты надъ среднимъ уровнемъ, а также озеръ, лѣсовъ, болотъ и плодородныхъ полей.

Въ степи совсѣмъ нельзя встрѣтить выходовъ сплошныхъ твердыхъ породъ; почва состоитъ вездѣ изъ дилювіальныхъ и новѣйшихъ отложеній нетвердаго свойства; изъ горизонтальныхъ слоевъ песку, глины и тому подобное, съ незначительными тамъ и сямъ слѣдами бураго угля очень недавняго образованія. Поверхность степи на далекое пространство покрыта плодороднымъ черноземомъ, мѣстами же пропитана большимъ содержаніемъ соли. Въ 15 или 20 миляхъ на востокъ отъ подошвы Урала показываются послѣднія отдѣльныя купы твердыхъ породъ и почти на такомъ же разстояніи къ западу отъ Алтая совершенно исчезаетъ глинистый сланецъ подъ ложемъ Иртыша, недалеко отъ Семипалатинска. Пространство между Ураломъ и Алтаемъ на протяженіи болѣе 200 миль въ ширину—все дилювіальнаго образованія; только въ южной, киргизской степи изъ общаго дилювіальнаго покрова появляются твердыя, древнія осадочныя отложенія—даже съ содержаніемъ различныхъ рудъ.

Немногія большія рѣки: Тоболъ, Ишимъ, Иртышъ и Обь съ чрезвычайно ничтожнымъ паденіемъ и скудно распредѣленными притоками, протекаютъ по этому огромному пространству. Источниковъ и образуемыхъ ими рѣчекъ совсѣмъ почти нѣтъ. Зато извѣстныя пространства чрезвычайно изобилуютъ плоскими озерами, отчасти значительныхъ размѣровъ, отчасти наполненными соленою водой. Эти безчисленныя озера, оживленныя всевозможными водяными птицами и разбросанныя между ними тамъ и сямъ рощи, соединяющіяся иногда въ большіе лѣса, придаютъ мѣстности прелестный видъ парка, хотя встрѣчаются широкія пространства, имѣющія совершенно характеръ степи.

Почва, часто очень плодородная, воздѣлывается только вблизи селеній и городовъ; гораздо большая часть служитъ пастбищами или занята лѣсомъ. Селенія и города встрѣчаются только по главнымъ путямъ сообщенія, въ 2 или 4 миляхъ отъ главныхъ дорогъ они встрѣчаются рѣже, а при большемъ разстояніи ихъ совсѣмъ нѣтъ. Лѣса состоятъ исключительно изъ сосны и березы, только по берегамъ рѣкъ и озеръ присоединяются къ нимъ ива, осина и тополь. Берегутъ лѣса мало; особенно вблизи населенныхъ мѣстъ они исчезаютъ все болѣе и болѣе. Уничтоженію ихъ способствуетъ не только произвольная вырубка строеваго матеріала и топлива, но также сдираніе коры съ березъ для крышъ и сосудовъ и частые лѣсные пожары. Особенный вредъ причиняютъ послѣдніе соснѣ, потому что она не можетъ, подобно березѣ, идти отъ корня. Вслѣдствіе этого прежде смѣшанные лѣса мало по малу обращаются въ чисто березовые.

Плодородныя полосы Сибири въ состояніи производить гораздо больше зерновыхъ продуктовъ, чѣмъ необходимо для жителей и винокуренъ; но куда дѣвать излишекъ? Россія, особенно южная, сама богата хлѣбомъ, а судоходныя рѣки Сибири впадаютъ въ Ледовитый океанъ. За неимѣніемъ сбыта, ограничиваются производствомъ для своихъ собственныхъ потребностей и, при большомъ изобиліи плодородной почвы, съ урожаемъ въ самъ десятъ и пятнадцать, мѣняютъ запашки и нигдѣ не употребляютъ удобренія. Если удастся осуществить планъ правильнаго паро-

ходнаго сообщенія между устьемъ Оби и Норвегіей, то тогда для Западной Сибири представится случай сбывать зерновые продукты, что конечно поведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ перемѣнамъ въ воздѣлываніи почвы. Скотоводство развито болѣе землепашества, но ведется оно первобытнымъ образомъ. Населенію живется хорошо, и такъ называемая степь не представляетъ собой непріятныхъ или негостепріимныхъ мѣстъ для жительства. Для путешествующаго нѣмца всего чувствительнѣе отсутствіе пива и недостатокъ годной для питья воды, потому что колодезная вода бываетъ часто мутная и иногда даже солоноватая. Въ этомъ степи Сибири совершенно сходны съ пустошами Венгріи.

Послѣ этого бѣглаго описанія внѣшнихъ явленій, я обращусь къ обзору геологическаго строенія, которое хотя довольно однообразно, но въ общемъ достаточно интересно.

Почти горизонтальный, дилювіальный покровъ, который распространяется безъ перерыва по такой огромной площади, очевидно освободился отъ воды въ очень недавній геологическій періодъ и этимъ указываетъ намъ, что Европа включительно съ Ураломъ была въ то время совершенно отдѣлена отъ верхней Азіи, сѣверозападные берега которой поднимались на Алтаѣ, на Туркестанскихъ горахъ и на Кавказѣ. Отдѣляющая вода составляла очевидно не озеро огромныхъ размѣровъ, но широкій рукавъ океана, который, имѣя сплошь незначительную глубину и начинаясь отъ Ледовитаго океана, соединялся посредствомъ Чернаго моря съ Средиземнымъ и можетъ быть, переходя Суезскій перешеекъ съ Краснымъ моремъ. Послѣ отлива это море оставило плоское дно безъ долинъ и горъ и безъ всякаго слѣда вулканической дѣятельности какого бы то ни было періода, но съ многочисленными углубленіями ниже средняго уровня. Эти углубленія наполнены теперь озерами, сохранившими отчасти свое содержаніе соли. Почва также не совсѣмъ еще выщелочена и осталась мѣстами сильно солонцеватою.

До сихъ поръ не рѣшено, чему приписать отливъ моря: всеобщему континентальному поднятію почвы или другой какой причинѣ, но морское свойство водянаго покрова доказано не только

оставшимися солеными озерами, но и морскими раковинами, встрѣчающимися въ слояхъ песчанистыхъ глинъ. Только мѣстами береговыя болота и торфяныя залежи дали матеріалъ къ образованію слабыхъ, нечистыхъ пластовъ бураго угля. Около Петропавловска,—слѣдовательно, посреди большаго степнаго пространства, я нашолъ толстыя скорлупы одного вида устрицъ въ песчаноглинистыхъ слояхъ крутаго берега рѣки Ишима. Однако, это море было, кажется, не очень населено, такъ какъ по берегамъ Иртыша и Оби я не могъ открыть слѣдовъ морскихъ животныхъ.

Недостатокъ долинъ внутри такой огромной низменности легко объяснимъ. Большія рѣки, какъ Обь, Иртышъ, Ишимъ и Тоболъ, вытекаютъ почти уже готовыми рѣками изъ сосѣднихъ горъ, но на такой ничтожной высотѣ надъ уровнемъ своего устья, что не могло быть и рѣчи объ образованіи долинъ. Встрѣчая только однѣ плоскія возвышенности, эти рѣки могли образовать не болѣе, какъ крутые берега съ одной стороны. Мелкихъ притоковъ изъ почти горизонтальныхъ промежутковъ онѣ получаютъ очень мало; настоящихъ ключей, съ образующимися изъ нихъ потоками нѣтъ почти совсѣмъ, потому что для нихъ не существуетъ естественныхъ условій—достаточнаго разнообразія въ высотахъ и соотвѣтствующаго внутренняго устройства. Вода, падающая изъ атмосферы, если не испаряется, то собирается въ многочисленныхъ озерахъ или рѣдкихъ рѣчныхъ ложахъ, а что всасывается почвою,—находитъ подземный стокъ по горизонтальнымъ песчанымъ слоямъ въ рѣки и озера. Немногіе существующіе ручьи вытекаютъ изъ горъ и болотъ.

Хотя это прежнее морское дно лишено собственно долинъ и горъ, оно изобилуетъ многочисленными углубленіями безъ всякаго или недостаточнаго стока воды и образуетъ упомянутыя озера. Расположеніе этихъ озеръ почти прямолинейными рядами или поясами другъ за другомъ, или почти параллельное между собою, какъ къ сѣверо-западу отъ Алтая, заслуживаетъ особеннаго наблюденія. Сѣверозападная часть приложенной общей карты Алтая представляетъ только что упомянутую параллельность. Мы видимъ на ней два поразительно прямолинейные и между собою параллельные ряда озеръ, которыя только отчасти, посредствомъ сто-

ковъ, находятся въ связи между собою и съ Обью у Барнаула. Эти ряды довольно точно идутъ съ ю-з. на с-в.; почти имъ параллельно и ближе къ Алтаю, но еще въ степи, видно нижнее теченіе Алея, а еще далѣе къ ю.-в., образуя двѣ довольно параллельныя линіи, видѣнъ Чарышъ съ притокомъ и вытянутымъ въ длину озеромъ. На с.-в. отъ маленькихъ рядовъ озеръ, случайная параллельность повторяется еще нѣсколько разъ. Приписать такую, часто повторяющуюся, параллельность простому случаю нельзя, она должна имѣть опредѣленную причину. О вліяніи горныхъ породъ или напластованія не можетъ быть и рѣчи, потому что слабо волнообразные промежутки различныхъ теченій водъ и несоединенныхъ озеръ состоятъ только изъ мягкихъ, песчано-глинистыхъ, горизонтальныхъ отложеній степи. Русла лежатъ вообще въ очень плоскихъ пониженіяхъ почвы. Мы находимъ семь или восемь параллельныхъ бассейновъ и между ними семь выпуклостей, которыя по сложенію ничѣмъ не отличаются отъ остальной низменности. Самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ такой параллельности можетъ служить въ этомъ случаѣ *образованіе дюнъ на берегу прежняго моря, почти параллельно внѣшнему краю поднимающихся на юго-востокъ Алтайскихъ горъ, которыя именно и составляли берегъ того моря.* Углубленія между дюнами по отливѣ моря превратились въ отдѣльныя озера или русла рѣкъ.

Обращаютъ на себя также вниманіе многочисленныя, но плоскія озера безъ всякаго стока, въ которыхъ притокъ и испаренія уравновѣшиваются совершенно, какъ во внутреннихъ водахъ морей Каспійскаго и Аральскаго. Хотя такихъ озеръ на 4 листахъ карты Западной Сибири (1848 г.) представлено очень много, но въ дѣйствительности ихъ гораздо болѣе. Подобно самому западному озеру, представленному на нашей картѣ, озера эти имѣютъ систему притоковъ, но не имѣютъ истока. Эти, не имѣющія истока, озера принадлежатъ преимущественно къ соленымъ, по невозможности быть выщелоченными. Послѣднее обстоятельство уясняется еще болѣе при сравненіи озеръ Каспійскаго и Байкальскаго. Первое, безъ истокa, до сихъ поръ содержитъ воду, негодную къ употребленію; второе съ истокомъ, давно пре-

вратилось въ пресноводный бассейнъ, хотя живущіе въ немъ еще тюлени довольно вѣрно доказываютъ, что оно было прежде морскимъ заливомъ. Для многочисленныхъ маленькихъ озеръ Западной Сибири можно допустить только одно объясненіе, что, по своей мелкости, богатству острововъ и чрезвычайной неправильности, они представляютъ случайныя углубленія прежняго морскаго дна и не имѣютъ характера проваловъ, подобно многимъ маленькимъ озерамъ въ дилювіальной области сѣверной Германіи.

Я уже неоднократно упоминалъ, что большія рѣки Западной Сибири, по выходѣ изъ горъ, не протекаютъ по настоящимъ долинамъ, но между совершенно плоскими, около 20 футовъ высокими, берегами, или имѣя съ одной стороны берегъ высотою въ 50 и 150 футовъ, Все это неудивительно, если принять въ соображеніе незначительное разнообразіе въ высотахъ. Достойно замѣчанія, напротивъ, то, что высокій, крутой берегъ у рѣкъ Сибири, текущихъ къ сѣверу, напримѣръ у Ишима, Иртыша, Оби и т. д. обыкновенно возвышается съ ихъ восточной стороны, между тѣмъ какъ въ Россіи, въ рѣкахъ, текущихъ къ югу, наприм. Камѣ, Волгѣ и Донѣ, крутой берегъ находится, наоборотъ, на западной сторонѣ или справа. Обыкновенное положеніе крутаго берега на этихъ рѣкахъ соотвѣтствуетъ совершенно мнѣнію Бавине, по которому, всѣ рѣки сѣвернаго полушарія, вслѣдствіе обращенія земли около своей оси, стремятся къ уклоненію вправо, слѣдовательно сильнѣе подмываютъ свои правые берега, чтобы со временемъ превратить ихъ въ крутые; естественно, что въ южныхъ полушаріяхъ дѣйствіе происходитъ обратное. Это стремленіе необходимо должно увеличиваться съ географическою широтой, слѣдовательно, отъ экватора къ обоимъ полюсамъ. Теоретически это несомнѣнно вѣрно, такъ какъ каждая текущая частичка воды стремится впередъ въ постоянномъ направленіи и со скоростью вращенія своего мѣста происхожденія; слѣдовательно, въ сѣверномъ полушаріи, сравнительно съ обращающеюся твердою землей, вода стремится вправо, а въ южномъ—влѣво. Спрашивается только, достаточно-ли велика сила дѣйствія воды, развивающаяся въ ней отъ вращенія земли, чтобы имѣть (фактическое)

вліяніе на образованіе береговъ. Бабине вычислилъ постоянное давленіе, какое вслѣдствіе вращенія производитъ въ широтахъ южной Франціи каждая рѣка на свой правый берегъ. Напоръ этотъ составляетъ приблизительно $\frac{1}{100,000}$ давленія, какое производитъ вода на дно рѣки при глубинѣ равной ширинѣ рѣки, т. е. рѣка шириною въ 10 километровъ давитъ на свой правый берегъ съ одинаковою тяжестью, какъ рѣка глубиною въ 1 дециметръ на свое дно. Нетрудно вычислить для каждой широты, насколько каждая текущая частичка воды, если не встрѣтитъ никакого препятствія, уклонится отъ своего направленія. Мнѣ кажется невозможнымъ опредѣлить дѣйствіе подмыванія, производимаго этою силой на берегъ рѣки, потому что при этомъ нужно принять въ соображеніе многія, едва опредѣлимыя, побочныя обстоятельства, а именно: сопротивленіе береговъ, рѣчные изгибы и особенно, обусловливаемая паденіемъ, быстрота теченія, посредствомъ которой давленіе переходитъ въ треніе (Friction). Можно сказать, что въ исторіи образованія земли мы видимъ безпрестанно, что ничтожныя, но постоянныя силы оказывали весьма важное дѣйствіе, на что особенно обратилъ вниманіе Ляйэль. Съ другой стороны, мы должны имѣть въ виду, что разность вращенія и обусловленное этимъ боковое уклоненіе при своемъ началѣ безконечно малы. Уклоняясь, вода встрѣчаетъ сопротивленіе отъ береговъ, вслѣдствіе чего дѣйствіе ея усиливается настолько, что если она и не въ состояніи отрывать твердыхъ частицъ, то, по крайней мѣрѣ, возвышаетъ температуру. Во всякомъ случаѣ, можно утверждать, что твердый, скалистый берегъ не измѣняется этимъ легкимъ давленіемъ; въ крайнемъ случаѣ возможно, что очень рыхлые, изъ песку или глины состоящіе, берега могли быть подмыты въ верхнихъ широтахъ, гдѣ разность вращенія быстро возрастаетъ. Послѣднія условія въ извѣстной степени выразились на сибирскихъ рѣкахъ, гдѣ поэтому такое вліяніе вѣроятно. Но если мы обратимъ вниманіе па фактическія отношенія, то онѣ только отчасти согласуются съ теоріей и не могутъ, какъ мнѣ кажется, считаться доказательствомъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Отдѣльныя исключенія изъ правила встрѣчаются во всѣхъ

этихъ рѣкахъ, въ которыхъ подверженный постоянному подмыванію крутой берегъ—хотя одинаковаго свойства—лежитъ на лѣвой сторонѣ, а не на правой, наприм. на Оби близь Барнаула, на Камѣ около Перми. Въ 1869 году я замѣтилъ нѣсколько такихъ исключеній на Волгѣ и Донѣ.

2) Эти рѣки образуютъ сильные изгибы, почему не можетъ быть и рѣчи о дѣйствіи вращенія земли.

3) Въ Этихъ изгибахъ часто оба берега бываютъ обрывисты.

4) Въ сибирскихъ рѣкахъ, высокіе, крутые берега обусловлены положеніемъ плоскихъ возвышеній почвы, которыя рѣки не прорѣзываютъ, но обходятъ; поэтому боковое положеніе крутыхъ береговъ зависитъ здѣсь большею частію отъ пути, выбраннаго первоначально водою для своего стока. Конечно, это не относится къ низкимъ, крутымъ берегамъ, которые независятъ отъ случайностей сосѣдняго уровня, но только отъ односторонности рѣчнаго вліянія. Послѣ всего этого, мнѣ кажется, что вопросъ относительно этихъ рѣкъ во всякомъ случаѣ нельзя рѣшить вѣрно. Можно было бы судить лучше, если бы имѣлись подробныя топографическія карты ихъ теченія. Путешественники, наблюдающіе подобныя вещи и пишущіе объ этомъ, посѣщали до сихъ поръ эти рѣки за исключеніемъ Камы, Волги и Дона, только на существующихъ переходахъ. На этихъ немногихъ мѣстахъ могло быть случайное согласованіе, но и на нихъ замѣчены нѣкоторыя исключенія.

Выше мы видѣли, что большая часть Западной Сибири была покрыта моремъ во время такъ называемаго дилювіальнаго періода, поэтому для геолога возникаетъ вопросъ, давно ли это было? Естественно, что на такой вопросъ нельзя отвѣчать совершенно точно и числомъ лѣтъ, но только относительно—съ нѣкоторою вѣроятностью, руководствуясь послѣдовательною древностью горизонтальныхъ отложеній, наполняющихъ прежній бассейнъ. Но какъ на востокѣ, у подошвы Урала, такъ и на западѣ или внутри Алтая, нѣтъ никакого слѣда отложеній третичнаго, мѣловаго, юрскаго и тріасоваго періодовъ; только къ югу, въ окрестностяхъ Каспійскаго моря, показываются новѣйшіе плеоценовые третичные слои.

Изъ этого можно заключить, что во время названныхъ геологи-

ческихъ промежутковъ времени, за исключеніемъ, можетъ быть, конца третичнаго періода, во всей Западной Сибири не произошло никакого отложенія, вѣроятно потому, что въ то время Западная Сибирь не была еще покрыта моремъ. Соединеніе морей, отдѣлявшее нѣкогда Европу отъ Азіи, произошло, слѣдовательно, въ такъ называемый дилювіальный періодъ, а можетъ быть, и въ плеоценовое время, т. е. въ тотъ періодъ, изъ котораго нашли въ этой странѣ многочисленные остатки мамонтовъ и носороговъ, что, по своему климатическому положенію, возбудило справедливое вниманіе, такъ какъ представители этихъ животныхъ живутъ только въ очень теплыхъ странахъ. Какъ объяснить такое видимое противорѣчіе? Можетъ быть, тѣ толстокожіе, въ желудкѣ которыхъ найдены вѣтви хвойныхъ деревьевъ и кожа которыхъ была значительно покрыта волосами, жили на островахъ и берегахъ того, дилювіальнаго раздѣлительнаго, моря, присутствіе котораго, въ противоположность настоящему континентальному, обусловливало болѣе мягкій береговой климатъ.

Съ этимъ въ связи находится также, пожалуй, совершенное отсутствіе слѣдовъ распространенія ледниковъ или ледянаго періода на Алтаѣ, соотвѣтственно западно-европейскому. Уже генералъ Гельмерсенъ замѣтилъ отсутствіе эрратическихъ валуновъ, округлости скала и ледянаго шлифа. Я также, не смотря на тщательные поиски, не могъ найти ни малѣйшаго слѣда ледниковъ ни на предгоріяхъ Алтая, ни въ глубокихъ, вдающихся въ горы долинахъ, хотя горы поднимаются отъ 7—11000 футовъ надъ поверхностью моря, и въ юго-восточной части ихъ существуетъ нѣсколько маленькихъ глетчеровъ. Недостатокъ ледяныхъ слѣдовъ на Уралѣ можно объяснить его незначительнымъ поднятіемъ, но на Алтаѣ это тѣмъ болѣе поразительно, что въ Туркестанскихъ горахъ Сѣверцовъ, говорятъ, нашелъ слѣды очень обширныхъ ледниковъ. Замѣчателенъ еще отчасти крутой выходъ палеозойскихъ или еще болѣе древнихъ слоевъ почвы на обѣихъ окраинахъ Западной Сибири: глинистаго сланца около Семипалатинска и слюдоваго сланца на востокъ отъ Екатеринбурга, также и около Троицка. Слои эти только слабо покрыты дилювіальнымъ покровомъ и мѣстами выдаются изъ него.

Что касается степной флоры, то она, какъ новѣйшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая интересная и состоитъ, смотря по содержанію соли въ почвѣ, изъ совершенно различныхъ видовъ. Особенный характеръ имѣютъ во всякомъ случаѣ растенія, занимающія края соляныхъ озеръ и углубленія степей. Почти всѣ эти растенія имѣютъ мясистые, сочные листья и стебли и содержатъ во всѣхъ частяхъ соль, что можно уже узнать по вкусу. Изъ этого можно заключить, что содержаніе соли въ почвѣ не только не вредитъ этимъ растеніямъ, но положительно необходимо для ихъ существованія. По крайней мырѣ, я замѣтилъ при сушеніи подобныхъ растеній, что они обладаютъ свойствомъ очень долго удерживать полученную влагу: будучи высушены, они очень гигроскопичны, что, вѣроятно, находится въ связи съ ихъ содержаніемъ соли. Какъ слѣдствіе этихъ особенностей, можно объяснить себѣ способность солончаковыхъ растеній оставаться свѣжими въ продолженіе лѣтнихъ жаровъ до осени, когда вся остальная растительность засыхаетъ уже въ началѣ лѣта.

Большая часть растеній принадлежитъ къ семейству Chenopodeae, которые, какъ извѣстно, имѣютъ маленькіе незамѣтные цвѣты. Мѣста, покрытыя ими, никогда не отличаются большими ярко окрашенными цвѣтами, но являются въ видѣ сѣровато-зеленыхъ полосъ, имѣющихъ только осенью желтоватую или красноватую окраску. Такимъ образомъ, всѣ соляныя озера, которыя мы видѣли въ Иртышскихъ степяхъ, были покрыты кольцеобразными полосами Schoberia maritima Less. Рѣже Chenopodeae являются на солончаковой почвѣ представители другихъ семействъ, именно древесныя растенія. По крайней мѣрѣ въ степяхъ алтайскаго округа встрѣчается только Halimodendron argenteum Dec., схожій съ карагайникомъ, но отличающійся отъ него болѣе мясистыми и сочными листьями.

Во всякомъ случаѣ, въ солонцеватой степи соединены самыя неблагопріятныя условія для растительности. Значительное содержаніе соли мѣшаетъ произростанію растеній, не принадлежащихъ къ солончаковой флорѣ. Съ своей стороны лѣтніе жары дѣлаютъ возможнымъ произростаніе этихъ растеній только на соляныхъ озе-

рахъ и въ углубленіяхъ. Поэтому, въ такихъ степяхъ встрѣчаются пространства безъ всякой растительности, и образуютъ, въ полномъ смыслѣ слова, пустыни, производящія чрезвычайно грустное впечатлѣніе на путешественника. Впрочемъ, въ западной части Алтайской области такія мѣста встрѣчаются довольно рѣдко, потому что почва болѣе или менѣе выщелочена и покрыта растеніями, характеризующими степную флору.

Почва степи состоитъ большею частію изъ песку и глины и могла бы, при достаточной влажности, производить богатую растительность. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ берега степныхъ рѣкъ, которые не только покрыты прекрасными лугами, но и обширными сосновыми лѣсами. Единственная причина неплодородности степей заключается въ чрезвычайной сухости лѣта, которая, въ свою очередь, зависитъ отъ сухихъ югозападныхъ вѣтровъ. Кому въ первый разъ случалось видѣть западно-сибирскія степи въ глубокое лѣто или осенью, тотъ едва-ли повѣритъ, что весной эта пустыня была прекраснымъ лугомъ. Значительныя пространства покрыты лѣтомъ различными видами полыни, которые почти всѣ имѣютъ болѣе или менѣе желтоватый цвѣтъ и кажутся издали засохшими. Такое же впечатлѣніе производитъ большая часть степныхъ растеній, такъ какъ ихъ листочки и стебли покрыты сѣрыми или желтоватыми волосиками. Конечно, рядомъ съ ними встрѣчаются растенія, принадлежащія къ луговой флорѣ, но это бываетъ какъ исключеніе и притомъ подобныя растенія такъ жалки и такъ мало возвышаются надъ почвой, что не въ состояніи измѣнить вида степи. Болѣе важную роль въ этомъ отношеніи играютъ два вида ковыля: Stipa pennata L. и Stipa capillata L. Тамъ, гдѣ встрѣчаются эти граминеи, они обыкновенно покрываютъ значительныя пространства и измѣняютъ характеръ мѣстности. Особенно красива степь тамъ, гдѣ встрѣчается Stipa pennata, которая до осени сохраняетъ свои перистыя вѣтви и, колеблемая вѣтромъ, напоминаетъ волнующееся море. Степнымъ жителямъ эти волны доставляютъ большое наслажденіе и „ковыль“ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ народной поэзіи. Вообще, подобныя степи очень однообразны, хотя мѣстами имѣютъ

луговой характеръ. Такія мѣста встрѣчаются тамъ, гдѣ вслѣдствіе пониженія почвы довольно долго держалась снѣговая вода. Кромѣ луговыхъ растеній, подобныя мѣста покрываются ивнякомъ, который и защищаетъ растенія отъ палящихъ лучей солнца.

Вліяніе влажности всего замѣтнѣе на долинахъ степныхъ рѣкъ, гдѣ степь становится плодородной и покрывается растеніями, которыя встрѣчаются также въ средней Европѣ: различные граминеи, наприм. луговой горохъ (La thyrus pratensis), обыкновенный василекъ (Tanacetum vulgare) и другія. Кромѣ того, встрѣчаются растенія, особенно характеризующія сибирскую луговую флору—это: Hemerocallis flava L. и Lavatera thuringiaca L. Плодородіе почвы всего лучше выражается обиліемъ ивы и тополя, которые буквально образуютъ лѣса. Изъ ивъ всего чаще встрѣчаются бѣлая ива (S. alba L), верба (S. viminalis L) и голубовато-сѣрая ива (S. glauea L). Изъ другихъ видовъ встрѣчаются, какъ отдѣльные экземпляры: S. pentondra L и S. pyrolaefolia Ledeb. Берега сибирскихъ рѣкъ составляютъ настоящее отечество первыхъ двухъ видовъ. По крайней мѣрѣ, я нигдѣ не видѣлъ такихъ прекрасныхъ ивовыхъ лѣсовъ, какъ по берегамъ Оби, гдѣ бѣлая ива достигаетъ 50 футовъ а верба—20 футовъ. Осокорь и серебристый тополь встрѣчаются громадной вышины. По песчанымъ берегамъ встрѣчается сосна, которая, однако, вслѣдствіе пожаровъ, исчезаетъ все болѣе и болѣе и уступаетъ свое мѣсто березѣ и осинѣ. Флора рѣчныхъ долинъ неограничивается только степными пространствами, но поднимается по широкимъ горнымъ долинамъ западнаго Алтая до 3000 футовъ высоты. Нѣкоторыя растенія правда исчезаютъ здѣсь и замѣняются другими (такъ, напримѣръ, здѣсь появляется Populus lanrifolia Ledeb.); однако, общій характеръ растительности остается тотъ же самый и флора рѣчныхъ долинъ образуетъ переходъ отъ степной растительности къ ближайшему поясу—т. е. къ лѣсной флорѣ.

II.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОЕНІЕ АЛТАЯ.

Почти въ центрѣ большаго азіатскаго материка поднимается Алтай, какъ западный конецъ длинной горной цѣпи, которая идетъ отсюда до устья Амура и отдѣляетъ Восточную Сибирь отъ Китая. Эта громадная горная стѣна, имѣющая почти 600 миль въ длину, прорѣзывается почти въ срединѣ своей длины Байкальскимъ озеромъ и его южными притоками, которые, подобно Енисею и Иртышу, вытекаютъ изъ сѣвернаго возвышеннаго бассейна Китая. Названныя рѣки хотя и прорѣзываютъ горную цѣпь, но не образуютъ воротъ для великаго сношенія народовъ, подобно Байкальскому бассейну у Иркутска и Кяхты. Алтай есть главный бассейнъ рѣки Оби, хотя Иртышъ и Енисей получаютъ притоки изъ этой же широкой горной группы, восточныя границы которой совершенно произвольны, потому что къ ней безъ перерыва примыкаютъ горы Тангну и Саянскія. Такъ какъ послѣднія прорѣзываются поперегъ Енисеемъ, то было бы удобнѣе причислить ихъ западную часть до этой рѣки къ Алтаю, названіе котораго—по китайски *Алинъ*—имѣетъ, по Радлову, четыре различныя производства: отъ *Алтунъ*—золотая гора, *Алинъ-тау*—пестрая гора, *Ал-тай*—высоколежащій первобытный лѣсъ или *Алти-ай*—шесть мѣсяцевъ.

Приближаясь къ Алтаю со стороны Урала, прежде всего бросаются въ глаза послѣ долгаго странствованія по степи, голые холмы, расположенные неправильными группами и рядами. Растительность ихъ такъ скудна, что именно здѣсь думаешь видѣть начало степи. Разбросанные лѣски, многочисленныя, оживленныя водныя поверхности исчезаютъ, ихъ мѣсто заступаютъ пустынные горные хребты и низкіе конусы. Постепенно горы возвышаются,—около Колыванской гранильни и Змѣиногорска доходятъ отъ 4—5000 футовъ, у Риддерска отъ 6—7000 футовъ надъ поверхностью моря. Но и эти горы большею частью безлѣсны и покрыты только низкими травами и тернистымъ кустарникомъ. Ихъ очень красивыя формы выступаютъ непокрытыми, но представляютъ голыя,

сухія фигуры, неоживленныя ни источниками, ни ручьями, ни человѣческими поселеніями, безъ тѣни и освѣжающей зелени, за исключеніемъ можетъ быть весны. Пріятное для глазъ исключеніе составляетъ ближайшая окрестность Колыванской гранильни, гдѣ Синюха, окруженная многочисленными другими горными группами, покрыта еще густымъ лѣсомъ, изъ котораго поднимаются живописныя гранитныя скалы. Тамъ, между горами и скалами, лежатъ прекрасныя водныя поверхности озеръ Колыванскаго, Бѣлаго и Большаго Рабочаго пруда, между тѣмъ, какъ густой лѣсъ перемежается съ цвѣтистыми лугами. Но это, какъ сказано, исключеніе. Внѣшній характеръ горъ между тѣмъ мѣняется при дальнѣйшемъ движеніи на востокъ за область рудниковъ и поселеній. Тамъ горы поднимаются еще выше отъ 7 до 8000 футовъ; Бѣлуха даже до 11000 футовъ надъ поверхностью моря. Ихъ вершины покрыты отчасти вѣчнымъ снѣгомъ, а склоны часто первобытнымъ лѣсомъ (тайгой); отдѣльныя ложбины наполнены маленькими глетчерами. Поселенія становятся въ этой области все рѣже и рѣже; ихъ мѣсто замѣняютъ группы юртъ, разбиваемыхъ на короткій срокъ бродячимъ, кочующимъ племенемъ—калмыками. Эта часть горъ еще мало извѣстна; естествоиспытатели проѣзжали по ней рѣдко и мелькомъ. Но и эти немногіе, какъ Ледебуръ, Мейеръ, Бунге, фонъ Гельмерсенъ и Чихачевъ дѣлаютъ увлекательныя описанія, особенно Телецкаго озера, окруженнаго крутыми и высокими сланцевыми скалами и лѣсистыми горами, по ущельямъ которыхъ низвергаются шумящіе ручьи, но по живописнымъ берегамъ котораго нѣтъ ни одного постояннаго человѣческаго поселенія. Лично самому мнѣ неизвѣстна восточная цѣпь горъ, но ихъ геологическое строеніе, на основаніи всѣхъ предлежащихъ сообщеній, такъ согласно съ западною частію, что я осмѣливаюсь судить также и объ этомъ, опираясь на карты и сообщенія генерала Гельмерсена и съ нѣкоторою осторожностью на сообщенія и карты г. Чихачева.

Но прежде обсужденія внутренняго строенія алтайской возвышенности, я долженъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній относительно ея внѣшнихъ формъ и отношеній. Хотя на западномъ Алтаѣ, какъ горы, такъ и долины большею частію безлѣсны, слѣдовательно большею частію довольно легко доступны, задача гео-

лога все-таки чрезвычайно затрудняется другими различными обстоятельствами. Самое большое препятствіе заключается въ сильномъ вывѣтриваніи породъ. Тамъ, гдѣ не возвышаются дѣйствительныя скалы, тамъ поверхность состоитъ вездѣ изъ толстой, часто очень плодородной вывѣтрившейся массы, покрытой степными травами или густымъ кустарникомъ. Въ широкихъ долинахъ и даже на плоскихъ склонахъ эти продукты вывѣтриванія нанесены на многіе футы. Выступающія скалы только въ видѣ исключенія проявляютъ совершенно свѣжую породу. Искусственныхъ обнаженій, за исключеніемъ рудниковъ, нѣтъ совсѣмъ. Иначе и быть не можетъ въ странѣ, гдѣ дома и мосты строятся изъ дерева; гдѣ улицы не мостятся, гдѣ вообще неизвѣстны ни шоссе, ни желѣзныя дороги, ни каналы. Поэтому приходится часто ѣхать цѣлыя мили, чтобы отъ одного подроднаго обнаженія, достигнуть до другаго. Геологу слѣдовало бы путешествовать пѣшкомъ, но это невозможно въ странѣ, гдѣ населенныя мѣста лежатъ другъ отъ друга на 3, 4 и даже на 5 и 6 миль; гдѣ настоящихъ дорогъ очень мало и гдѣ большія пространства покрыты непроницаемымъ кустарникомъ изъ розъ, смородины, малины, репейника, колючки и другихъ, изъ которыхъ поднимаются густыя облака кровожадныхъ комаровъ, (нападающихъ преимущественно *на мѣста около глазъ*). Невозможно странствовать въ горной странѣ, въ которой годная для питья вода встрѣчается рѣдко, между тѣмъ какъ солнце безпрепятственно накаливаетъ пыльную почву, а дождикъ дѣлаетъ дороги непроходимыми.

Къ счастью, что оріентированіе, по крайней мѣрѣ на западномъ Алтаѣ, облегчено великолѣпными картами, составленными неутомимыми трудами братьевъ фонъ Мейнъ и на которыхъ линіями уровня обозначены высоты. Изъ этихъ картъ оказывается, что на Алтаѣ не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленныхъ направленіяхъ поднятій, какія пробовалъ установить Чихачевъ подъ вліяніемъ странной гипотезы Эли-де-Бомона. Широкія пониженія почвы (Depvssionen), которыя простираются между главными возвышеніями, принадлежатъ скорѣе къ результатамъ разрушенія (Evosion) нежели поднятія; эти пониженія почвы слѣдуютъ преимущественно за легко разрушаемыми сланцевыми породами, въ то время, какъ между

ними выступаютъ болѣе плотныя гранитныя массы, не лежащія въ опредѣленныхъ направленіяхъ. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я позволю себѣ сдѣлать только общій обзоръ внутренняго строенія алтайскихъ горъ, а потомъ уже дополню ихъ спеціальными описаніями. Главная масса Алтая состоитъ изъ кристаллическихъ и древнеосадочныхъ сланцеватыхъ горныхъ породъ съ различными второстепенными включеніями, которыя прерываются, или скорѣе прорѣзываются обширными гранитными массами, а также менѣе распространенными порфировыми и діабазовыми массами и жилками.

У подошвы горы, такъ же какъ въ широкихъ впадинахъ, надъ тѣти древними породами, которыя всѣ старѣе отложеній Діасова періода, находятъ повсюду непосредственно дилувіальныя или новѣйшія (veceute) отложенія. Эти отложенія безъ перерыва и почти горизонтально простираются къ сѣверу до Ледовитаго океана, къ западу до Урала и къ юго-западу далеко въ глубь киргизскихъ степей; между тѣмъ какъ съ южной и западной стороны къ Алтаю примыкаютъ горы центральной и западной Азіи, состоящія изъ древнихъ горныхъ породъ. Къ сѣверу отъ Алтая поднимаются еще разъ изъ плоской Салаирской цѣпи древнія породы и фармаціи Алтая изъ дилувіальныхъ, здѣсь отчасти золотоносныхъ отложеній. Кристаллическіе сланцы состоятъ на Алтаѣ преимущественно изъ разновидностей слюдоваго сланца, которые переходятъ отчасти въ хлоритовый, тальковый, рогово-обманковый и глинисто-слюдовый сланецъ, съ пропластками кварцеваго сланца и зернистаго известняка. Гнейсъ встрѣчается почти только въ видѣ немного шиферной разновидности гранита. Древнія осадочныя породы, по содержащимся въ нихъ органическимъ остаткамъ принадлежатъ силурійскому, девонскому и каменноугольному періодамъ. Они состоятъ преимущественно изъ глинисто-сланцевыхъ разновидностей, съ включеніями песчаника, кварцита, роговаго камня и известняка. Окаменѣлости встрѣчаются особенно часто въ известнякахъ, но также въ глинистомъ сланцѣ, кварцитѣ и роговомъ камнѣ. Они содержатъ преимущественно морскіе организмы; но перемежающіеся слои песчаника, сѣраго глинистаго сланца и сланцевой глины, такъ же какъ и каменноугольныя залежи

около Кузнецка, содержатъ ясные остатки растеній каменноугольнаго періода. По своей особенности, неправильности жилообразныхъ включеній между древнеосадочными и нѣкоторыми еруптивными породами, заслуживаютъ упоминанія еще очень богатыя мѣсторожденія рудъ, состоящихъ преимущественно изъ тяжелаго шпата и кварца съ сѣрными металлами и ихъ продуктами разложенія—такъ называемыми óхряными рудами. Изъ всего этого можно формулировать кратко слѣдующіе главные результаты.

1) Сравнительная древность выступающихъ на Алтаѣ породъ слѣдующая:

a) Кристаллическій сланецъ
b) Силурійскій сланецъ
c) Девонскій сланецъ
d) Известняки, сланцы и песчаники каменноугольнаго періода
} съ второстепенными включеніями.

e) Гранитъ.

f) Содержащіе кварцъ и свободные отъ кварца фельзитовые порфиры.

g) Мѣсторожденія рудъ.

h) Зеленокаменныя породы или грюнштейны.

i) Дилувіальныя отложенія.

k) Новѣйшія отложенія.

2) Поразительный недостатокъ всѣхъ осадочныхъ отложеній Діасоваго, Тріасоваго, Юрскаго, мѣловаго и третичнаго періодовъ заставляетъ предполагать, что эта страна въ продолженіи длиннаго промежутка времени этихъ періодовъ не находилась подъ водою, но была материкомъ; въ дилувіальное же время была покрыта моремъ до подошвы горъ.

3) Въ это дилувіальное время, все огромное пространство отъ Ледовитаго океана до Алтая и Урала, такъ же какъ до Каспійскаго и Чернаго морей было покрыто океаномъ, совершенно отдѣлявшимъ Европу отъ тогдашней Азіи.

4) Отсутствіе всякихъ слѣдовъ глетчеровъ за нынѣшними весьма ограниченными предѣлами дозволяетъ заключить съ достовѣрностію, что на Алтаѣ не было ледянаго періода, подобнаго европейскому.

5) Это обстоятельство можно, пожалуй, объяснить береговымъ

положеніемъ Алтая во время европейскаго ледянаго періода, когда черезъ соединеніе Средиземнаго моря съ Ледовитымъ океан. проходило здѣсь сравнительно теплое теченіе. Изъ этого соединительнаго моря подпимались въ дилувіальное время большіе плоскіе острова, обитаемые земными млекопитающимися (мамонтами и другими), остатки которыхъ такъ часто встрѣчаются въ Сибири и находятся также въ нѣкоторыхъ пещерахъ Алтая.

6) По осушеніи сибирскаго моря вслѣдствіе поднятія почвы и стока воды—съ оставленіемъ многихъ еще и теперь отчасти соляныхъ озеръ—наступилъ нынѣшній континентальный климатъ, отличающійся очень холодными зимами и теплымъ, сухимъ лѣтомъ, что также мало способствуетъ распространенію глетчеровъ.

7) Грюнштейны принадлежатъ къ новѣйшимъ еруптивнымъ породамъ на Алтаѣ, они пронизываютъ все, даже мѣсторожденія рудъ, за исключеніемъ дилувіальныхъ и новѣйшихъ отложеній. Трахитовыхъ и базальтовыхъ породъ нѣтъ совсѣмъ; вообще нѣтъ никакихъ слѣдовъ третичнаго или новѣйшаго времени.

8) Для ближайшаго опредѣленія времени или временъ поднятія Алтая нѣтъ никакихъ точекъ опоры. Древнеосадочные слои до слоевъ каменноугольной формаціи большею частію сильно подняты и разрушены; дилувіальные слои лежатъ горизонтально—остается слѣдовательно неопредѣленнымъ большой промежутокъ времени.

9) Какъ нельзя установить опредѣленнаго времени поднятія Алтая, такъ нельзя установить и его опредѣленнаго направленія. Чихачевъ пробовалъ опредѣлить шесть направленій цѣпи, но эти направленія кажутся произвольными и вышли подъ вліяніемъ идей Elie de Beaumonts.

Послѣ этого предварительнаго и совершенно общаго обзора, я попробую немного спеціальнѣе описать породы и формаціи Алтайской области, такъ же какъ и его главнѣйшія мѣсторожденія рудъ, но при этомъ только кратко упомяну о ихъ мѣстномъ распростроніи, насколько это возможно, по предлежащему матеріалу чужага и собственнаго наблюденій. Геологическая карта Алтайской области, приложенная къ роскошному изданію Чихачева, такого свойства, что довѣрять ей безусловно нельзя. Главныя области гранита относительно ихъ общаго положенія и протяженія, а также

главныя мѣстности, гдѣ появляются новѣйшія ерунтивныя породы (порфиры и грюнштейны), изображены на этой картѣ довольно вѣрно. Напротивъ, разобщеніе и ограниченіе осадочныхъ формацій и кристаллическихъ (метаморфическихъ) сланцевыхъ породъ кажется мнѣ не только очень неполнымъ, но отчасти совершенно невѣрнымъ. Это не упрекъ, но предостереженіе, понятное каждому опытному геологу, что отъ перваго опыта представить геологически такую огромную и почти совершенно неизвѣстную область, нельзя ожидать и требовать совершенства. Я тѣмъ менѣе могу быть въ этомъ случаѣ строгимъ критикомъ, что обязанъ этой картѣ своимъ оріентированіемъ, а также и потому, что не былъ въ состояніи сдѣлать спеціальныя исправленія или обработать самостоятельно части карты. Это было не только невозможно, но и препятствовало бы моей главной задачѣ, состоящей въ изслѣдованіи и выраженіи мнѣнія о главнѣйшихъ мѣсторожденіяхъ рудъ Алтая. Я надѣюсь, что заслуживающее благодарность намѣреніе Кабинета составить по возможности точную карту всей Алтайской области, скоро осуществится и мы будемъ имѣть вѣрное изображеніе внутренняго строенія этой интересной горной страны, составляющей нѣкоторымъ образомъ геологогическій центръ Азіи. Въ спеціальныхъ описаніяхъ я не буду строго придерживаться порядка геологической древности, а начну съ гранита, образующаго такъ сказать ерунтивное центральное ядро всей области, а потомъ перейду къ новѣйшимъ ерунтивнымъ породамъ, встрѣчающимся въ меньшихъ массахъ—къ фельзитовымъ порфирамъ и грюнштейнамъ.

ГРАНИТЪ.

Гранитъ, образующій ерунтивныя зернистыя массы Алтая, представляетъ ясную кристаллическую смѣсь ортоклаза, олигоклаза, кварца и темной слюды, очень часто съ порфировидными выдѣлившимися крупными ортоклазовыми кристаллами (двойниками по карлсбадскому закону), иногда же онъ содержитъ немного роговой обманки. Хотя на Алтаѣ, какъ и въ другомъ мѣстѣ, немного различныя разновидности гранита появляются другъ подлѣ друга, однако я не имѣлъ возможности опредѣлить ихъ рѣшительное мѣстное расположеніе или постоянное отношеніе древности. Поро-

да занимаетъ вообще множество довольно большихъ округовъ, которые возвышаются обыкновенно въ видѣ горныхъ хребтовъ или группъ холмовъ надъ поверхностью окружающихъ древнихъ осадочныхъ фармацій или кристаллическихъ сланцевъ. Очень часто они покрыты огромными каменными глыбами, между которыми поднимаются подобно развалинамъ бо́льшія или ме́ньшія массы скалъ, имѣющіе плитообразныя или кубическія отдѣленія съ округленными углами и ребрами, совершенно какъ на Гарцѣ или Фихтельгебиргѣ. Чихачевъ на своей картѣ различаетъ слѣдующія главныя гранитныя области, соединяемыя другъ съ другомъ развѣтвленіями и мѣстность которыхъ не могла быть нанесена на маленькую карту:

a) Совершенно на югѣ Алтая—область, пересѣкаемая Иртышомъ и Бухтармой. Къ ней принадлежитъ напримѣръ скалистая гора „Орелъ", поднимающаяся около Зыряновска на значительную высоту. Къ сѣверу эта гранитная масса становится немного уже, но расширяется потомъ

b) въ могучую массу и переходитъ, съуживаясь опять, Катунскую долину, образующую главный рукавъ Оби. Принимая въ свою область оба придатка этой долины, гранитъ идетъ къ востоку почти до Телецкаго озера, скалистые берега котораго состоятъ однако изъ глинистаго сланца. Къ этой восточной гранитной области примыкаетъ къ западу другая, которая

c) образуетъ горную группу Аннуй и Бахалача и тянется по обоимъ берегамъ рѣки Песчаной до равнины рѣки Оби. Далѣе къ западу и достигая области горнаго производства мы встрѣчаемъ

d) большую гранитную область къ сѣверо-востоку отъ Риддерска. Область эта образуетъ высокія Убинскія горныя цѣпи. Отъ этой горной цѣпи узкая вѣтвь идетъ до Бухтарминска на Иртышѣ, соединяясь съ описанною подъ буквою *a*. Другая вѣтвь возстановляетъ связь съ гранитомъ Бостугомской долины; третья къ сѣверу образуетъ Коксунскую цѣпь, четвертая наконецъ переходитъ къ сѣверо-западу Убу и расширяется

e) въ горахъ Плоскій въ сплошную массу. Болѣе всего вытянута въ длину гранитная масса (узкаго пояса), которая начинается совершенно на западѣ на Алеѣ, образуетъ здѣсь горную цѣпь

Камаская, и идетъ къ востоку черезъ Колыванскія и Тигерекскія горы до Коргонскихъ Альпъ.

f) наконецъ къ Алтаю принадлежитъ отчасти большая гранитная область, которая, начинаясь къ сѣверу отъ Телецкаго озера, простирается до Алатау, на сѣверномъ концѣ котораго гранитъ выступаетъ еще разъ на значительномъ протяженіи. Промежутки между всѣми этими гранитными областями наполнены слюдовымъ сланцемъ, глинистымъ шиферомъ и другими осадочными породами, которыя, какъ менѣе защитимыя, болѣе подверглись разрушенію и поэтому образуютъ обыкновенно широкія долины, по которымъ преимущественно стекаютъ воды и лежитъ большая часть рудниковъ, мѣсторожденія которыхъ состоятъ можетъ быть въ далекомъ отношеніи къ появленію гранита, въ которомъ они не встрѣчаются. Опредѣленное, преобладающее направленіе нельзя узнать ни по виду, ни по положенію или соприкосновенію этихъ гранитныхъ областей. Самыя длинныя протяженія не имѣютъ разительной параллельности ни между собою, ни съ главнымъ возвышеніемъ цѣпи, или преобладающими полосами кристаллическихъ сланцевъ, или древними осадочными формаціями; напротивъ, они кажутся въ этомъ отношеніи распредѣленными совершенно неправильно и высота ихъ менѣе всего есть слѣдствіе ерyптивнаго происхожденія, но скорѣе слѣдствіе большаго сопротивленія разрушающимъ вліяніямъ. Несомнѣнно, что гранитъ на Алтаѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ земли—прорвалъ, какъ новѣйшая порода, клисталлическіе сланцы и одну часть древнѣйшихъ осадочныхъ формацій и при этомъ сильно измѣнилъ ихъ первоначальное наслоеніе, но его настоящія вершины принадлежатъ не къ вулканическимъ, но рѣшительно къ плутоническимъ. Вообще на Алтаѣ нѣтъ ни слѣда вулканической дѣятельности.

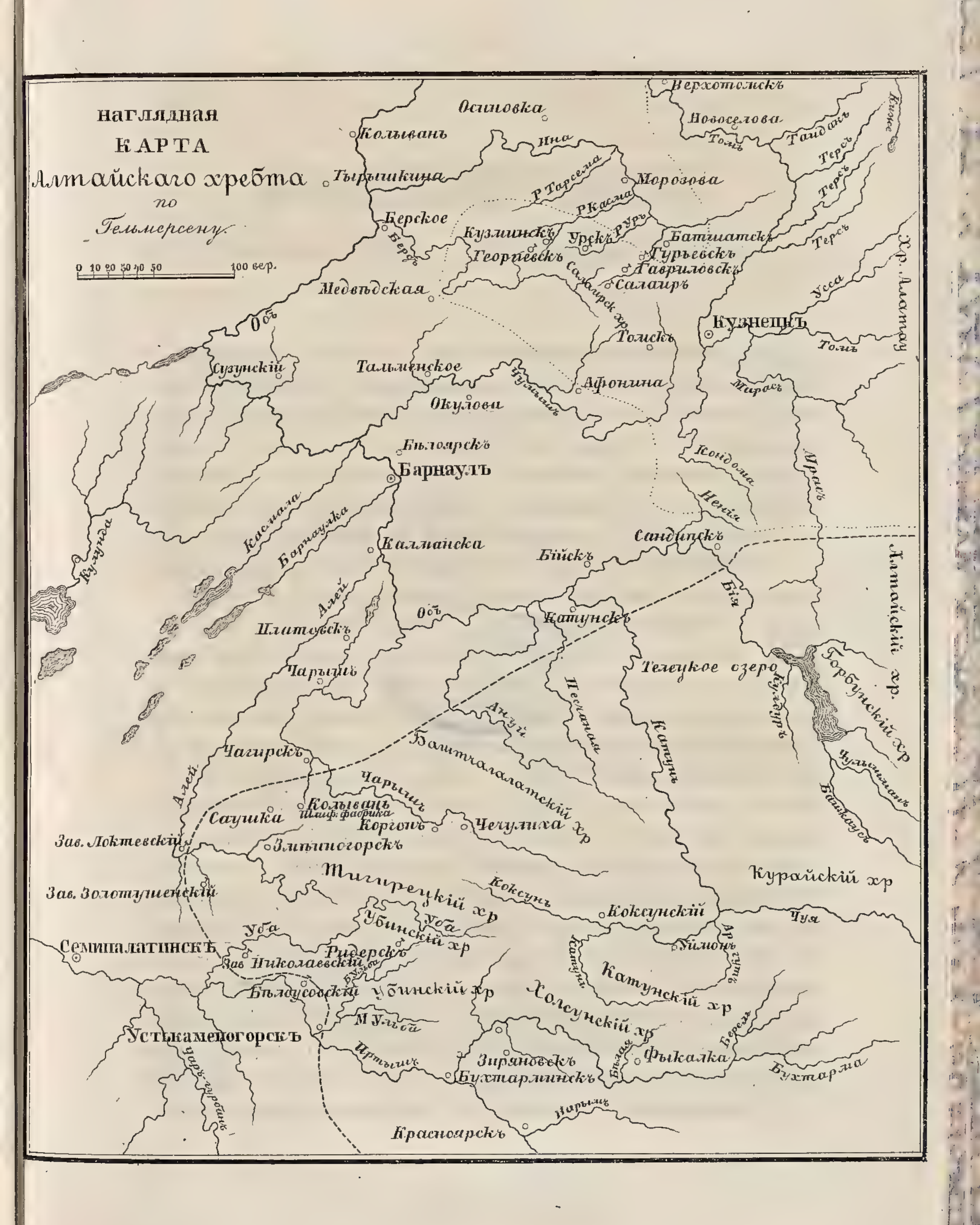
Гранитныя массы Алтая показываютъ во всякомъ отношеніи очень большое сходство съ гранитомъ другихъ странъ, какъ по ихъ минералогическому составу и образованію, такъ и въ ихъ формахъ отдѣленія и поверхности. Живописныя скалы, окружающія Колыванское озеро, или нагромозженныя на вершинѣ Синюхи, или округленныя у Бухтарминска, поразительно похожи на такія же скалы Броккена, Гарца, Грейфенштейна въ Рудныхъ горахъ,

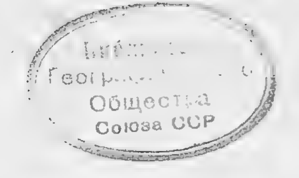
или Корнберга, Вейсенштейна и Оксенкопера въ Фихтельгебиргѣ. Аналогичныя формы имѣютъ скалы Тюрингскаго лѣса, Оденвальда, Шварцвальда и окрестностей Карльсбада и Гейдельберга. Вездѣ повторяются тѣ руиноподобныя скалистыя образованія, тѣ плитообразныя отдѣленія, получающія или видъ куба, вслѣдствіе перпендикулярныхъ расѣлинъ; или мѣшковъ, вслѣдствіе округленія реберъ и угловъ или наложенныхъ другъ на друга валиковъ, въ то время, какъ между ними поднимаются отвѣсно скалы безъ округленія. Всѣ эти согласныя формы основаны очевидно на натурѣ, сложеніи и плутоническомъ происхожденіи породы.

Мѣстное вывѣтриваніе произвело на Алтаѣ особенныя явленія, какихъ мнѣ нигдѣ не случалось видѣть. Явленія эти заключаются во впадинахъ, вбуравленныхъ въ горизонтальномъ направленіи и имѣющихъ сходство съ исполинскими головами съ тою только разницею, что оси впадинъ не вертикальны, но вбуравлены съ свободной стороны въ стѣны породы, причемъ стѣны не гладкія, но совершенно шероховатыя. Мнѣ кажется, что впадины эти произошли отъ дождя, относимаго вѣтромъ на мѣста, минералогическій составъ которыхъ, вслѣдствіе какого нибудь обстоятельства особенно мало оказалъ сопротивленія разрушенію. Какъ сложеніе и внѣшнія формы, такъ и отношенія древности алтайскихъ гранитовъ очевидно согласуются съ таковыми же многихъ другихъ странъ. Гранитъ у Бухтарминска и далѣе въ сторону, въ долинѣ Иртыша, пронизываетъ ясно древнѣйшій свободный отъ окаменѣлостей глинистый сланецъ жилообразно и огромными массами; очевидно, онъ прорвалъ также силурійскія и девонскія отложенія и нарушилъ ихъ наслоеніе. На картѣ Чихачева, алтайскій гранитъ, подобно граниту Гарца, какъ будто прорвалъ отложенія каменноугольнаго известняка или Кульмскаго періода, въ чемъ я не имѣлъ одноко случая убѣдиться. Еще менѣе извѣстенъ мнѣ на Алтаѣ случай, по которому можно бы было точно узнать, что гранитъ—новѣйшаго происхожденія, чѣмъ отложенія каменно-угольной формаціи, содержащей остатки растеній.

П. Левановскій.

НАГЛЯДНАЯ
КАРТА
Алтайскаго хребта
по
Гельмерсену.
0 10 20 30 40 50 100 вер.
Верхотомскъ
Осиновка
Новоселова
Колывань
Тырышкина
Морозова
Берское
Кузминскъ
Георгiевскъ
Урскъ
Батшатскъ
Гурьевскъ
Гавриловскъ
Салаиръ
Медвѣдская
Кузнецкъ
Томскъ
Сузунскiй
Тальменское
Афонина
Окулова
Бѣлоярскъ
Барнаулъ
Калманска
Сандипскъ
Бiйскъ
Катунскъ
Плотовскъ
Чарышъ
Телецкое озеро
Чагирскъ
Колывань
Саушка
Коргонъ
Чечулиха
Зав. Локтевскiй
Змѣиногорскъ
Зав. Золотушенскiй
Курайскiй хр
Коксунскiй
Семипалатинскъ
Зав Николаевскiй
Риддерскъ
Бѣлоусовскiй
Катунскiй хр
Холзунскiй хр
Устькаменогорскъ
Фыкалка
Зыряновскъ
Бухтарминскъ
Красноярскъ

Общества
Союза ССР

БОТАНИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ТАРСКАГО ОКРУГА, ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

10-го іюня 1882 года Западно-Сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго географическаго общества мнѣ поручено было заняться изслѣдованіемъ флоры Тарскаго округа, Тобольской губерніи, въ виду того, что о флорѣ этого округа въ ботанической литературѣ по настоящее время не имѣется никакихъ свѣдѣній. Принявъ на себя этотъ трудъ, я отправился изъ города Омска 15-го іюня 1882 года въ Тарскій округъ и находился тамъ до начала августа,—всего, слѣдовательно, около $1^1/_2$ мѣсяцевъ.

Экскурсіи, предпринимавшіяся мною, совершены были въ двухъ главныхъ направленіяхъ: 1) по правому берегу Иртыша и по долинѣ рѣкъ, впадающихъ въ него: Тары и по притокамъ Уя и 2) по лѣвому берегу Иртыша (степному), начиная съ предѣловъ Тюкалинскаго округа до устья рѣки Оши, впадающей въ Иртышъ. Въ этихъ мѣстностяхъ и собраны главнымъ образомъ мною растенія.

Лѣса занимаютъ по правому берегу Иртыша сплошное пространство и носятъ здѣсь названіе „урмана"; они состоятъ исключительно изъ породъ conifera: Pinus sylvestris (сосна), Pinus obowata (пихта), Abies sibirica (ель), мѣстами Cembra (кедръ), и только изрѣдка являются лиственныя деревья, какъ Betula (береза), Populus (тополь), Larix (лиственница), и пр. и наполняютъ всю восточную часть Тарскаго округа, переходя за предѣлы его въ сосѣдніе—Тобольскій и Каинскій округа. Поверхность этого района возвышена и пересѣкается долинами небольшихъ протекающихъ здѣсь рѣчекъ. Почва по большей части глинистая, переходя постепенно къ востоку въ песчаную. Низкія мѣста, особенно около болотъ и озеръ, заключаютъ въ себѣ залежи торфяниковъ.

Рѣка Тара дѣлитъ флору этого участка на лѣсную и луговую. По правому ея берегу тянутся хвойные лѣса и флора преобладаетъ лѣсная. Здѣсь часто встрѣчаются Orchideae (ятрышниковникъ), Cypripedium Calceolus (башмачки), Polypodiaceae (папортники), Asplenium filix femina (папортникъ), множество Majanthemum, bifolium (майникъ), Pirola rotundifolia (грушанка), Paris quadrifolia (вороній глазъ). Растительный коверъ, покрывающій старые корни сосенъ и елей, содержитъ въ себѣ Linnea borealis и цѣлыми массами выдѣляется Vaccinium vitis idaea (брусника). На опушкѣ лѣсовъ ростутъ Rubus saxatilis (костяника), Fragaria collina (клубника), и др. Встрѣчающіяся рѣчки или ручейки измѣняютъ растительную картину. Тутъ по берегамъ попадаются кустарники Salices (ива), Sorbus aucuparia (рябина) и цѣлыя рощи злаковъ и осокъ. На островахъ этихъ рѣчекъ живутъ обитатели, любящіе влажность, какъ Caltha palustris (калужница), Stachys palustris (чистецъ). На болотистыхъ мѣстахъ, покрытыхъ мхомъ, часто попадаются Sonchus palustris, Pedicularis palustris (мышникъ), Alisma plantago (частуха).

Лѣвая сторона рѣки Тары низменна и проникнута черноземомъ. Она представляетъ луговину, гдѣ встрѣчаются иногда довольно большими участками лиственные лѣса, отчего и характеръ флоры здѣсь уже не тотъ. Обыкновенными растеніями тутъ Ranunculaceae: Ranunculus acris (лютикъ ѣдкій) разсѣянъ на большихъ пространствахъ, изрѣдка встрѣчаются Aconitum Lycoctonum (аконитъ), Anemone sylvevtris, (анемонъ), Clematis (ломоносъ). По сырымъ мѣстамъ и берегамъ рѣчекъ выдѣляются Rosaceae: Geum rivale (гравилатъ), Geum urbanum (гравилатъ), различные виды Potentilla, особенно potentilla anserina (гусиная лапка), Comarum palustris (сабельникъ). Какъ по луговой, такъ и по лѣсной области весьма распространенъ видъ Sangvisorba officinalis (кровохлебка), также Rubus ideus, (малина), Alchemilla Vulgaris (манжетка), Spirea ulmaria (таволга). Изъ papilionaceae особенно выдаются: trifolium repeus (клеверъ ползучій), trifolium agrarium (клеверъ полевой), trifolium pratense (клеверъ луговой); виды vicia tenuifolia (горошекъ тонколистный), vicia Sepium (горошекъ), Lathyrus pratensis (чина луговая), Lathyrus sylvestris (чина лѣсная).

При впаденіи рѣки Тары въ Иртышъ флора является смѣшанной; она состоитъ изъ представителей типичныхъ, какъ гористымъ, такъ и низменнымъ мѣстностямъ.

Лѣвый берегъ Иртыша рѣзко отличается отъ праваго, какъ по устройству поверхности, такъ и по характеру растительнаго царства. Почва лѣваго берега Иртыша состоитъ преимущественно изъ песковъ и глинъ (пески преобладаютъ), переходящихъ мѣстами въ солончаки. Лиственные лѣса (хвойные весьма рѣдко встрѣчаются и то небольшими оазисами) разбросаны отдѣльными рощицами и чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ рѣзче обнаруживается переходъ къ степному пространству: лѣсныя области мало по малу исчезаютъ; а съ этимъ вмѣстѣ появляется и характерная флора степей, чрезвычайно бѣдная и однообразная. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе злаки: Calamagrostis, Agrostis vulgaris, festuca ovina (кипецъ), Stipa capillata (ковыль), Stipa pennata (ковыль). На невысохшихъ еще солонцахъ встрѣчается Carex (млечникъ), Glaux mari, Salsola и пр.; на солонцахъ, происшедшихъ отъ высыханія соленыхъ озеръ, растутъ Koeleria, Festuca, Bromus inermis.

Сравнивая почву и растительность Тарскаго округа, насколько мнѣ удалось съ этимъ ознакомиться, съ извѣстною отчасти флорою смежнаго Тобольскаго округа (Вѣст. Им. Р. Г. О. 1855 г. ч. XIV, смѣсь, стр. 96) и прилегающаго съ юга степнаго пространства (Записки З. С. Отд. Им. Р. Г. О. 1881 г.), можно легко убѣдиться во 1-хъ въ томъ, что Тарская флора занимаетъ среднее положеніе между лѣсной и степной, т. е. существуетъ естественная связь между растительностью изслѣдуемаго округа съ растительностью лѣсной и степной полосы. Доказательствомъ этого служитъ слѣдующее: въ сѣверной части округа встрѣчается множество растеній, тождественныхъ съ Тобольскою флорою, напримѣръ: potentilla, Ranunculus, Aconitum, Cypripedium и пр. вообще такихъ растеній, которыя свойственны лѣсамъ; между тѣмъ южная часть имѣетъ свой особенный растительный habitus, характерный для степнаго пространства; здѣсь поселились злаки, осоки и солончаковыя растенія и во 2-хъ въ томъ, что метаморфическія горныя породы, состоящія изъ вполнѣ вывѣтрившагося гранита,

залегающія по правому берегу рр. Тары и Иртыша, уходятъ далеко на сѣверъ въ видѣ небольшаго хребта, изрѣдка пересѣкаемаго незначительными притоками Иртыша, между тѣмъ какъ юго-западная часть округа представляетъ черноземную полосу, переходящую къ югу постепенно въ песчано-глинистый слой, придающій растительности степной колоритъ.

Указавъ на главныхъ выдающихся представителей флоры округа, я долженъ еще обратить вниманіе на нѣкоторыя цѣлебныя растенія, употребляемыя жителями въ видѣ лекарствъ. Эти растенія, по мѣсту ихъ прозябанія, можно подраздѣлить на двѣ группы: однѣ встрачаются сплошными зарослями и недалеко отъ жилищъ, другія (меньшее количество видовъ)—внутри урмана. Къ первой группѣ растеній нужно отнести:

Обыкновенную гусиную лапку (Potentilla anserina) изъ семейства розоцвѣтныхъ, растущую около жилья, дорогъ и пашенъ и употребляемую крестьянами отъ ломоты въ ногахъ. Растеніе выпаривается въ водѣ и въ этотъ настой погружаютъ ноги.

Пастушья сумка (Capsella Bursa Pastoris семейство крестоцв.), подобно предъидущему, весьма распространенный видъ. Изъ нея приготовляется настой (берутъ или все растеніе или сумки [плоды]), употребляемый отъ лихорадки. *Дикій ленъ* (Linaria vulgaris—семейства норичник.) ростетъ по пашнямъ; водяной его настой употребляется отъ боли въ животѣ. *Ленъ* (Linum usitatissimum) идетъ на уничтоженіе опухолей; толченыя сѣмена вываривають въ кипяткѣ и на тряпкѣ прикладываютъ къ больному мѣсту.

Ко второй группѣ припадлежатъ:

Плакунъ (Lythrum salicaria)—семейства подбережниковыхъ, ростетъ въ округѣ изрѣдка по болотамъ, озерамъ и заливнымъ лугамъ. Берется все растеніе или одни корни. Отваръ его пьютъ, какъ говорятъ, отъ порчи—для излеченія кликушъ.

Хвощъ (Equisetum hyemale) ростетъ въ хвойномъ лѣсу. Изъ него дѣлаютъ отваръ и пьютъ отъ желтыша (желтухи), а также—отъ испуга (болѣзней, вызываемыхъ испугомъ).

Кромѣ этихъ растеній мнѣ представлялась возможность, особенно въ глухихъ мѣстахъ, по притокамъ рѣки Уя, встрѣчаться

съ другаго рода лечебными травами. Къ сожалѣнію, я не могъ добиться, что это за растенія и куда они относятся, вслѣдствіе всеобщаго между жителями этой глуши суевѣрія, состоящаго въ томъ, что не слѣдуетъ никому показывать травы, иначе она не будетъ дѣйствовать.

Собранныя мною растенія можно сгруппировать въ слѣдующія семейства,—по количеству представителей каждаго отдѣльнаго семейства. Наибольшій процентъ растеній падаетъ на семейства: сложноцвѣтныхъ, мотыльковыхъ и губоцвѣтныхъ; изъ нихъ первое заключаетъ въ себѣ до 20-ти представителей, второе до 15-ти и третье до 10-ти. Растенія остальныхъ семействъ колеблются отъ 10-ти до 4-хъ и менѣе.

Compositae:

Tussilago farfara (мать—мачиха)—встрѣчается довольно рѣдко въ урманѣ по притокамъ Уя.

Erigeron acris (мелколепестникъ)—распространено въ обиліи по лѣсамъ и лугамъ.

Solidago virga aurea (золотарникъ)—разсѣяно во многихъ мѣстахъ округа.

Inula (девясилъ)—на лугахъ.

Achillea millefolium (тысячелистникъ)—весьма распространено по лѣсной и степной полосѣ, встрѣчается цвѣтокъ бѣлый и розовый.

Leucanthemum inodorum (поповникъ)—по лугамъ.

Tanacetum vulgare (пижма)—на поляхъ и сухихъ лугахъ.

Artemisia vulgaris (полынь)—большими зарослями по полямъ.

Gnaphalium dioicum (кошачья лапка)—мѣстами въ хвойн. лѣсахъ.

Senecio vulgaris—попадается рѣдко по сухимъ лугамъ.

Carduus nutans (чертополохъ)—около жилищъ.

Lappa tomentosa (лопухъ)—весьма распространенъ около жилищъ, по оврагамъ.

Tragopogon (козлобородникъ, чортова борода)—по лугамъ.

Hiecarium (ястребурка)—часто по полямъ.

Taraxacum officinale (одуванчикъ), ростетъ вездѣ: по полямъ, дорогамъ.

Sonchus asper (осотъ, заячья капуста),—по берегамъ рѣкъ и озеръ.

Aster alpinus, (альп. астра)—распространенъ по степной области.

Papilionaceae:

Melilotus vulgaris (донникъ). Отдѣльными особями. Около жилищъ, на пустыряхъ.

Trifolium pratense (клеверъ)—часто, по лугамъ.

Trifolium repens (клеверъ)—въ степной части округа.

Astragalus galoctites (астрогалъ)—тоже.

Onobrychis—тоже.

Vicia cracca (горошекъ)—часто, по лугамъ.

Vicia sylvatica (горошекъ)—въ хвойныхъ лѣсахъ.

Lathyrus pratensis (чина)—по лугамъ

Oxytropis—по степной полосѣ округа.

Labiatae:

Mentha arvensis (мята)—по лугамъ и полямъ округа обыкновенно.

Origanum vulgare (душица)—въ лѣсахъ, обыкновенно.

Stachys palustris (чистецъ)—по болотамъ.

Galeopsys (дикая конопля)—по пашнямъ.

Phlomis (глухая крапива), распространенное растеніе. По пашнямъ.

Lamium album (яснотка), ростетъ по кустарникамъ.

Glechoma hederacea (будра), распространено по лѣсамъ.

Leonurus Cardiaca (пустырникъ),—распространено въ лѣсахъ.

Rosaceae:

Geum rivale (гравилатъ ладанъ)—по болотамъ.

Geum Urbanum (гравилатъ),—по лѣсамъ.

Rubus idaeus (мозика)—распространено въ лѣсахъ.

Rubus saxatilis (костяника)—очень распространенное растеніе. По лѣсамъ.

Fragaria vesca (земляника) } Обыкновенныя растенія. Въ лѣ-
Fragaria collina (клубника) } сахъ и лугахъ.

Potentilla anserina (гусиная лапка)—обыкновенное растенie по лугамъ и дорогамъ.

Comarum palustre (сабельникъ)—по болотамъ.

Sanguisorba officinalis (кровохлебка)—самое распространенное растенie по лугамъ.

Rosa canina (шиповникъ), распространенный кустарникъ въ округѣ.

Onagrariae:

Epilobium angustifolium (кипрей-чай)—на поляхъ и лѣсахъ.

Cruciferae:

Nasturtium palustre (настурцiй)—по болотамъ.

Thlaspi arvense (ярутка)—изрѣдка по пашнямъ.

Capsella bursa pastoris (сумочникъ), обыкновенное растенie въ округѣ.

Sisymbrium sp. (гулявникъ),—по лѣвому берегу Иртыша, рѣдко.

Orchideae:

Orchis maculata (ятрышникъ),—по сырымъ лугамъ.

Orchis latifolia (ятрышникъ),—часто по лѣсамъ.

Cypripedium calceolus (башмачки),—часто по лѣсамъ.

В. Лебединскiй.

ФЛОРА
ГОРОДА ОМСКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.

Предварительныя сведѣнія.

Омскъ лежитъ [1]) на правомъ берегу рѣки Иртыша и при впаденіи притока Оми раздѣляется почти на двѣ равныя части. Почва песчано-глинистая, покрыта небольшимъ слоемъ чернозема; она содержитъ много соли, вслѣдствіе чего вода въ колодцахъ очень жестка и не вездѣ годна для питья. Во время жаровъ въ сухихъ мѣстахъ соль выдѣляется и покрываетъ поверхность земли бѣлоснѣжнымъ налётомъ. Вслѣдствіе чего встрѣчается здѣсь очень много солончаковыхъ растеній, какъ напримѣръ, Salicornia Salsola и растенія, развивающіяся на почвѣ, содержащей болѣе или менѣе соли, какъ полынь съ разными ея породами. Удобреніе полей не принято и навозъ вывозится за городъ и сжигается. Климатъ одновременно континентальный и степной съ частыми вѣтрами, вслѣдствіе чего зима сурова съ буранами, а лѣто жарко и сухо. Лѣсу мало, малыя группы березъ и осинъ составляютъ остатки вырубленныхъ прежнихъ лѣсовъ. Собственно въ городѣ двѣ рощи, такъ называемая городская и Любина и одна загородная, какъ любимыя мѣста прогулки городскихъ жителей. Кромѣ того, три сада, одинъ при военномъ госпиталѣ, другой при убѣжищѣ малолѣтнихъ сиротъ и третій—казачій скверъ. Въ 5-ти верстахъ къ сѣверу отъ города близь поселка Захламинскаго тянется березовый лѣсъ на разстояніи около двухъ верстъ. На обѣихъ сторонахъ по Оми разбросаны небольшія группы деревъ. Хвойный лѣсъ находится только въ 60-ти верстахъ къ сѣверу отъ города при селѣ Чернолуцкомъ. Въ городскихъ садахъ и рощахъ ростутъ, кромѣ березы, осины и сосны, рябина, бузина, боярышникъ, акація (Robinia caragana), крушина (Rhamnus cathartica), липа (только

---

[1]) Подъ 54°59′ сѣв. широты.

въ госпитальномъ саду), тополь и разныя породы ивы. Особенность этой мѣстности составляютъ высокіе, мѣстами крутые и покрытые богатой растительностью, берега Иртыша и Оми. Низменныя мѣста, при разливѣ покрывающіяся водою, даютъ ботанику богатый матеріалъ. Сюда относятся болотистыя мѣста за городомъ противъ лагеря и на лѣвой сторонѣ Оми. Слѣдуетъ также упомянуть объ оврагахъ, которые, какъ высохшія русла рѣкъ, идутъ къ Иртышу и Оми, постоянно увеличиваясь. Въ самыхъ большихъ изъ нихъ ростутъ кустарники и деревья; они изобилуютъ почти всѣми растеніями здѣшней флоры и въ то время, какъ на поляхъ и лугахъ отъ зноя все высыхаетъ, въ нихъ же растительность остается въ лучшемъ видѣ. Важны еще два большихъ иртышскихъ острова съ богатой растительностью, одинъ предъ городомъ, другой около поселка Захламинскаго.

КЛАССЪ 1-й.

DICOTULEDONES. ДВУСѢМЯНОДОЛЬНЫЯ.

СЕМ. RANUNCULACEAE. ЛЮТИКОВЫЯ.

Thalictrum minus, Linn. (Thalictrum majus Iacq) [1]—*Мелкая серебрянка*, такой же *василистникъ*, или *вередовецъ*, *хрищатій*, *барвинокъ*, *полевая петрушка*, *серебрушникъ* (Шенк.), ростетъ на лугахъ и встрѣчается очень часто. По свидѣтельству г. Андржеіовскаго въ Подольской губерніи употребляется отъ укушенія змѣй и бѣшеной собаки, при чемъ листья прикладываются къ ранамъ, также и при венерическихъ язвахъ (Таврич. губ.)

Thalictrum flavum, Linn. *Желтая серебрянка*, такой же *василистникъ* или *вередовецъ*, *василиса—трава* (Кондр.), *изплечная трава*

Примѣчаніе. [1]) Кромѣ упоминаемыхъ при каждомъ названіи растенія ботаническихъ руководствъ и описаній, при обработкѣ этой флоры руководствовались: ботаническимъ словаремъ Анненкова, домашними лечебниками Флоринскаго, Андреевскаго, фармакогнозіей Траппа, его фармакологіей, соч. Бинца, а равно и нѣкоторыми періодическими медицинскими изданіями.

(Верхн.-Тур. зав. Пермск. губ.), *матренка* (Кал. Пот.), *луговая рута* (Кондр. Пермск.), *полевой шалфей* (Уфимск.), ростетъ на влажныхъ лугахъ и на островахъ. Корень извѣстенъ былъ подъ именемъ radix Thalictri vel. Rhabarbari pauperum v. Rhabarbari, замѣнялъ ревень и употреблялся при желтухѣ, лихорадкахъ и эпилепсіи. Въ Пермской губ. употребляется снаружи отъ ломоты и боли въ ногахъ, а внутрь отъ „худобища". Порошокъ, свареный въ квасу, дается при запорѣ мочи и какъ слабительное (Крыл.)

Thalictrum simplex, Linn. *Простая серебрянка,* такой же *василистникъ* или *вередовецъ, засплиха* (Вятск. Серг.), *камчужная* (Вятск.), *синючекъ* (Кіевск.), встрѣчается разсѣяннымъ по лѣвому берегу р. Оми, преимущественно на влажныхъ мѣстахъ.

Thalictrum foetidum, Linn. *Вонючая серебрянка,* такой же *василистникъ* или *вередовецъ,* ростетъ въ маломъ количествѣ по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ подъ деревьями.

Pulsatilla patens, Mill. *Чернозельце—трава* (Кондр.), *подснѣжникъ, одномѣсячникъ* (Даль), *вѣтреница* (Пер.), *анемонъ,* встрѣчается во множествѣ на лугахъ. Употребляется въ народной медицинѣ (Каз.) отъ лихорадки. Идетъ на краску нитокъ и разной пряжи.

Anemone silvestris, Linn. (Отъ греческаго слова anemos—вѣтеръ, такъ какъ цвѣтокъ будто бы открывается только въ вѣтреное время года). *Лѣсная вѣтреница, курослѣпъ,* находится очень часто въ прилѣскахъ подъ деревьями. Употребляется въ Сибири при болѣзняхъ кожи, какъ наружное средство.

Anemone dichotoma, Linn. *Вилообразная вѣтреница,* ростетъ изрѣдка въ кустарникахъ за р. Иртышомъ и на островѣ у поселка Захламинскаго.

Adonis vernalis, Linn. *Стародубка,* (Оренб., Пермск.), *весенній горицвѣтъ.* У прежнихъ ботаниковъ Helleborus (Matth.), Helleborus Hyppocratis, Consiligo, *волосатикъ* (Вятск. губ. Пуп.), *жеклецъ* или *писклецъ* (Каз.), *боровой изгонъ* (Вятск. Вишн.), *мохнатикъ,* (Вятск. Пуп.), попадается въ большомъ количествѣ на лугахъ.

Употребляется въ видѣ крѣпкаго чая противъ водянокъ, отъ судорогъ (Каз.), отъ кашля, глистовъ. По наблюденіямъ въ клиникѣ профессора Боткина особенно хорошо дѣйствуетъ въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ и наперстянка (Digitalis purpur. herba) при болѣзняхъ сердца, можетъ употребляться въ теченіи продолжительнаго времени, не вызывая обобщеннаго дѣйствія (кумулятивнаго), быстро уничтожаетъ развившуюся при болѣзняхъ сердца водянку и возстановляетъ работу сердца тамъ, гдѣ наперстянка перестала дѣйствовать. (Протоколъ общ. русск. врачей, апрѣль 1879 года о физіолог. дѣйствіи Adonis vernalis).

Ranunculus aquatilus, Linn. *Водяной лютикъ, водяной жабникъ, крапивникъ, мокруша, плаушка*, въ стоячихъ водахъ, мѣстами—множество.

Ranunculus divaricatus, Linn. *Растопыренный лютикъ*, такой же *жабникъ, водяной измодень* (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (Пермск. губ. Крыл.), встрѣчается въ большомъ числѣ въ стоячихъ водахъ. Отваръ этого растенія употребляется внутрь, если отнимаются руки и ноги и болитъ голова.

Ranunculus lingua, Linn. *Большой лютикъ*, такой же *жабникъ*. Въ фармакол.—Herba et rad. Ranunculi Flammei majoris. *Желтый цвѣтъ* (Галичь); *лиманъ* (Рор.), *лютикъ золотистый* (Вѣстн. Ест. Наукъ), *лихорадочная трава* (Влад.), часто попадается на сырыхъ береговыхъ мѣстахъ и между камышемъ. Употребляется отъ лихорадки.

Ranunculus reptans, Linn. *Пресмыкающійся лютикъ*, такой же *жабникъ*, рѣдко попадается группами противъ лагерей, въ болотистыхъ мѣстахъ.

Ranunculus repens, Linn. *Ползучій лютикъ*, такой же *жабникъ*. Фармакологическое его названіе Ranunculus dulcis s. mitis (Herba et flores). *Братъ и сестра, жеружа—заруза*; на сырыхъ лугахъ часто.

Ranunculus cymbalariae, Pursh. *Кимвалелистный лютикъ*, такой же *жабникъ*, ростетъ большими группами на болотистыхъ мѣстахъ.

Ranunculus sceleratus, Linn. *Язвительный лютикъ*, такой же *жабникъ*. Фармакологическое его названіе Ranunculus palustris s. aquaticus (herba). *Бишокъ*, *вѣтреница*, *лютикъ водяной* (Пермск.), *ядовитая пѣтушья нога* (Щегл. перев. съ нѣм.), *яскеръ—трава* (Кондр. съ пол.) Этотъ видъ лютика часто попадается на сырыхъ мѣстахъ. Самый ядовитый изъ всего рода. Прежде употреблялся въ медицинѣ. Среди народа примѣняется отъ лихорадки (свѣжіе цвѣты и плоды привязываются къ пульсу) и отъ водобоязни; при этой послѣдней сельскіе знахари даютъ внутрь сушеное растеніе какъ животнымъ, такъ и людямъ. Въ Пермск. губ. употребляютъ отъ давленія подъ ложечкой, отъ разстройства и боли желудка въ маломъ количествѣ (Пермск. Крыл.)

Ranunculus auricomus, Linn. *Золотоцвѣтный лютикъ*, такой же *жабникъ*, рѣдко встрѣчается на сырыхъ мѣстахъ по лѣвой сторонѣ Оми и за Иртышомъ.

Ranunculus polyanthemus, Linn. *Многоцвѣтный лютикъ*, такой же *жабникъ*, *параличникъ* (Lind.), на лугахъ—часто.

Ranunculus polyrrhizos, Steph. *Корневатый лютикъ*, такой же *жабникъ*, встрѣчается за тюремнымъ замкомъ, на сухомъ мѣстѣ большими группами.

Caltha palustris, Linn. *Курослѣпъ*, *калужница*. Фармакологическое названіе Caltha palustris s. Populago (Fol. et flores). *Балалайка* (Никол. у. Волог. губ. Пот.), *калюжница* (калюга, калуга въ Малороссіи называется всякая лужа, неособенно грязная. Отсюда и названіе калужница). *Болотистый фіалокъ* (Кондр.), часто попадается на сырыхъ береговыхъ мѣстахъ.

Isopyrum fumarioides, Linn. *Лещина*, на мѣстахъ выливанія нечистотъ, группами.

Delphinium laxiflorum, DeC. *Живокость*, *соколка*, *кавалерскія шпоры*, *вызольникъ*, рѣдко встрѣчается въ лѣсу за пос. Захламинскимъ. Въ Сибири употребляется при эпилепсіи, водянкѣ, сифилисѣ и др.

СЕМ. NYMPHAEACEAE. НИМФЕЙНЫЯ.

Nymphaea alba, Linn., Nénuphar. *Бѣлая нимфа, адалень, водолей, бѣленькій одалень, кувшинка, балаболка* (Пермск. Шадр.), *запанокъ* (Вятск.), *водяной прострѣлъ* (Вятск. Леп.), рѣдко ростетъ въ заливахъ по обѣимъ сторонамъ р. Иртыша и въ рѣчкѣ Самарайкѣ.

Nuphar intermedium, Ledeb *Желтая кувшинка, кубышки*, Nuphar luteum (Smith.) Фармакологическое названіе Nymphaea lutea. *Болоболки, бубенчики желтые, водолень*—измѣненное *адалень*. *Водяная лапуха* (Арх.), на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и предъидущее растеніе, но чаще. Во время голода корни, вымоченные въ водѣ, употребляются въ пищу. Въ народной медицинѣ свѣжія листья прикладываются къ частямъ тѣла съ повышенною температурою и особенно къ головѣ, при чемъ замѣчено, что если листья сохнутъ, то больной поправится, а если мокнутъ или остаются безъ перемѣны, то значитъ пришлись по „недугу".

СЕМ. CRUCIFERAE. КРЕСТОЦВѢТНЫЯ.

Barbarea vulgaris, R. Br. (Erysimum Barbarea, Linn.) *Зимующій крессъ, сурепица, желтяница нарыжная, стручечникъ*. Трава Herba—Barbareae ростетъ на влажныхъ мѣстахъ по рр. Иртышу и Оми рѣдко и по одиночкѣ. Употребляется преимущественно отъ скорбута; листья идутъ въ салатъ, цвѣты для окраски въ желтый цвѣтъ.

Nasturtium amphibium. R. Br. (Sisymbrium amphibium, Linn.) Фармакологическое названіе Raphanus aquaticus (Herba et radix). *Водоземная настурція*, такая же *жеруха* или *гулявникъ, гарюла, кустовникъ, рѣзуха водяная, водяной хрѣнъ*, очень часто и много на сырыхъ мѣстахъ по рр. Иртышу и Оми. Трава употребляется отъ скорбута, а сѣмена отъ глистовъ.

Nasturtium palustre, DeC. (Sisymbrium palustre, Leyss.) *Болотная настурція*, такая же *жеруха, полевая желтоцвѣтка, лѣсовой холодецъ*, часто на болотистыхъ мѣстахъ и по берегамъ рѣкъ. Употребляется отъ заразы оспою у овецъ. Листья могутъ замѣнять салатъ, а сѣмена—горчицу.

Turritis glabra, Linn., (Arabis perfoliata). *Вяжечка*, *башня* (Turris), *высоковыйная трава*, *усовная трава* (Вятск. и Пермск.), *трава—усъ* (Пермск. Клеп.), часто разсѣяна въ загородной рощѣ и на бывшихъ пашняхъ. Въ Пермской и Вятской губ. траву пьютъ отъ усовья или колотья (усовь, усовье—летучій ревматизмъ по Крылову, колотье или внутреннее воспаленіе по Далю).

Arabis pendula, Linn. *Повислая рѣзуха*, *будра*, *постѣнка*, *постѣнникъ* (Двиг.), *арабская горчица*, попадается мало по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ подъ кустами.

Arabis hirsuta, Scop. (Turritis hirsuta, Linn.) *Волосистая рѣзуха*, встрѣчается очень рѣдко по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ подъ деревьями.

Cardamine parviflora, Linn. *Мелкоцвѣтный сердечникъ*, мало попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми около кожевеннаго завода на болотистомъ мѣстѣ подъ кустами.

Hesperis matronalis, Linn. Фармакологическое названіе Hesperis s. Viola matronalis. *Ночная* или *вечерняя фіалка*, *вечерница*, *фіалокъ озимый* (Кондр.), *ночная красавица*, *воздушный левкой* (Лал.), попадается въ садахъ—какъ дикорастущая.

Sisymbrium Loeselii, Linn. *Гулявникъ*, или *рѣзуха Лезеля*, *буркунъ желтый*, *горчичникъ*, ростетъ во множествѣ у заборовъ и на пустыряхъ. Молодые стебли употребляются въ пищу.

Sisymbrium Sophia, Linn. Фармакологическое названіе Sophia chirurgorum (Herba et semen). *Струйчатый гулявникъ*, такая же *рѣзуха*, *лѣкарская мудрость*, *горчица полевая*, *струйчатая жеруха* (Lind.), *елочка* (Вятск.), *усовая трава* (Пермск.), попадается очень много на пустыряхъ, по дорогамъ и въ огородахъ. Извѣстна преимущественно по исцѣленію ранъ. Отваръ листьевъ употребляется отъ поноса, кровохарканія и бѣлей, а сѣмена—отъ лихорадки, глистовъ и боли въ почкахъ.

Sisymbrium junceum, M. a Bieb., *Ситниковидный гулявникъ*,

такая же *рѣзуха*, рѣдко и разсѣянно попадается на сухихъ и бугристыхъ мѣстахъ.

Erysimum cheiranthoides, Linn. *Лакфіольный желтушникъ*, такая же *сурѣпица*, *нарыжная* (Вятск.), *свирѣпица* (Арх.), *сурѣпа*, *стручки горькіе* (Вятск.), множество встрѣчается на лугахъ за р. Иртышемъ. Настоемъ трутъ спину отъ ломоты.

Erysimum virgatum, Roth. *Лозный желтушникъ*, такая же *сурѣпица*, очень часто на сухихъ мѣстахъ и пустыряхъ.

Brassica campestris, Linn. *Полевая капуста*, часто по дорогамъ и на бывшихъ пашняхъ.

Sinapis arvensis, Linn. (Brassica Sinapistrum, Bois). *Полевая горчица*. Фармакологическое названіе Rapistrum arborum (Sem.) *Горупка* (вѣроятно измѣненное Горлупа), *горлупка*, *горчица*, *свирѣпа*, *свербигузка*, *дикая рѣдька* (Даль), очень рѣдко по дорогамъ и на бывшихъ пашняхъ.

Chorispora sibirica DeC. (Raphanus sibiricus, Pall.) *Сибирская рѣдька*, встрѣчается какъ сорная трава на пашняхъ около села Чернолуцкаго.

Alyssum incanum Linn. (Berteroa incana DeC.) *Икотникъ*, *бурачекъ* (Амб.), *торица* (Кондр.), часто въ городской рощѣ и на правой сторонѣ р. Оми около кирпичныхъ заводовъ. (Названіе происходитъ отъ *a*—противъ и lissa—бѣшенство, потому что древніе употребляли alyssum отъ бѣшенства собаки).

Alyssum minimum Willd. *Самый маленькій бурачекъ* (Lind. Bull.) *лопушка* (Grun. Bull.), *вонючая трава*, много попадается по улицамъ и на площадяхъ города Омска.

Odontarrhena obovata C. A. Meyer (Alyssum obtusifoliun De.C.) *Тупомистный бурачекъ*, ростетъ группами на сухихъ мѣстахъ противъ лагеря и на песчаныхъ откосахъ праваго берега р. Оми.

Draba lutea, Gilib. *Желтая крупка* (Кауфм.), Linn, *былъникъ* (Собол.), *сухоребрица* (Двиг.), *тачка* (Лепех. Даль), попадается часто и группами на лугахъ и бывшихъ пашняхъ.

Draba nemorosa, Linn. (Draba nemoralis, Ehrh.) *Пушистая крупка*, очень рѣдко на тѣхъ же мѣстахъ.

Camelina sativa, Crantz. (Myagrum sativum Linn.) У древнихъ Myagron. У Tragus'a—Sesamon. Фармакологическое названіе Camelina v. Myagrum s. Sesamum vulgare (Semen et Herba). *Рыжикъ, жабникъ зеленый* (Вятск.), *коровья трава* (Щегл.), *мухоловка* (Даль), *рожъ индѣйская* (Кондр. sub. Bosmorus, Sesamum), *рѣзъ, рѣзнуха* (Даль), *рѣзуха*, (Собол.), очень часто на бывшихъ пашняхъ. Сѣмена употребляются на добываніе рыжиковаго масла (oleum sesami vulgaris).

Thlaspi arvense, Linn. *Ярутка, полушечная трава*, ростетъ часто на поляхъ и бывшихъ пашняхъ.

Capsella Bursa pastoris, DeC. *Сумочникъ, пастушья сумка* (Moench.) Фармацевтическое названіе Bursa pastoris, *бабки, бѣленъ* (Олон.), *полевая грачка* (рук. Купр.), *клоповникъ* (Ниж.), *теткунъ* (Вятск.), множество попадается по дорогамъ, на площадяхъ и пустыряхъ. Herba Bursae pastoris употребляется противъ кровотеченій всякаго рода, особенно маточныхъ, также отъ лихорадки. Листья могутъ быть употребляемы въ пищу; изъ сѣмянъ можетъ приготовляться горчица и получаться масло.

Lepidium ruderale, Linn. *Стѣнная жеруха, клоповникъ, вонючка* (по дурному запаху травы), *дикій крессъ* (Кондр., Собол.), *собачій пометъ* (Арх., Меркл.), *свинюшникъ* (Lind), попадается очень часто около домовъ и заборовъ. Трава составляетъ народное лекарство отъ лихорадки. Запахъ травы изгоняетъ клоповъ.

Lepidium incisum, Roth. *Порѣзная жеруха*, рѣдко на площадяхъ города.

Lepidium latifolium, Linn. *Широколистная жеруха*, ростетъ

часто и группами по берегамъ рѣкъ и на мусорныхъ кучахъ.

Lepidium cordatum, Willd. *Сердцевидная жеруха* очень рѣдко по краямъ рѣчныхъ откосовъ.

Lepidium crassifolium, Linn. *Толстолистная жеруха* встрѣчается мало, пройдя лагерь по р. Иртышу на сухихъ солонцеватыхъ мѣстахъ.

Isatis tinctoria, Linn. *Красильная вайда, вайдъ* (Кондр.), *крутикъ* (Willd.), *синило* (Эк. Маг.), попадается небольшими группами и рѣдко по рр. Иртышу и Оми на песчаныхъ откосахъ. Употреблялась прежде въ медицинѣ подъ именемъ Folia Glasti s. Isatidis. Нынѣ замѣчательна только по своимъ красильнымъ свойствамъ. Изъ сѣмянъ можетъ быть добываемо масло. Какой то видъ въ Ходжентѣ называется сартами—усьма, усма, осма и употребляется для сурмленія бровей. Isatis violascens Bunge. наз. сартами—текесакаль (Кат.)

Neslia paniculata, Desv. (Myagrum paniculatum, Linn.) *Неслеа, круглецъ* (Уф.), *нивяшка* (Горн.), *рѣзуха* (Трощ.), *рѣжиха, рѣжуха коровья* (Амб.), часто ростетъ на откосахъ, пашняхъ и пустыряхъ.

СЕМ. VIOLARIEAE. ФІАЛКОВЫЯ.

Viola canina, Linn. *Собачья фіалка, березка* (Каз.), *изъ-гонъ трава* (Кондр.), изрѣдка попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ подъ кустарниками и на влажныхъ мѣстахъ за р. Иртышомъ.

Viola persicifolia, Roth. *Узколистная фіалка*, иногда съ бѣлыми цвѣтками, на лугахъ—рѣдко.

Viola arenaria, De.C., *Пѣсчаная фіалка, драбъ, поднимокъ* (Малор. Рог.), *иропъ* (Арх.), *куричья слѣпота* (Пермск. Кунгур.), цвѣтетъ раннею весною во множествѣ и вездѣ на лугахъ. Употребляется для ваннъ отъ грудныхъ болей въ Арханг. губ. и въ Пермск. губ. поятъ отваромъ отъ куриной слѣпоты.

Viola hirta, Linn. *Волосистая фiалка*, *вымянуха* (Кунгур.), *грыжная трава*, *кильная трава* (Кунгур.), *котовы яица* (Кур.), *круглолистъ* (Нижегор.), *озепка*, *сердечная трава* (Пермск.), часто по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ подъ деревьями. Въ Пермск. губ. отваръ или водяной настой употребляется отъ „кильной грыжи“. Снаружи свѣжее или распаренное растенiе прикладываютъ къ грудямъ женщинъ или вымени коровъ, если на нихъ появляется сыпь. Прикладываютъ также къ горлу и пьютъ отъ боли въ немъ (Крыл.)

СЕМ. POLYGALACEAE. ИСТОДОВЫЯ.

Polygala comosa, Schkuhr. *Хохлатый истодъ*, такой же *многомлечникъ*, *алоцвѣтка* (съ розов. цвѣт., Вятск., Meyer), *истодъ—дерево* (Gmel.), *шильникъ* (Хар.), распространенъ на лугахъ и подъ деревьями. Употребляется отъ рака, водяной и чахотки.

Polygala sibirica, Linn. *Сибирскiй истодъ*, такой же *многомлечникъ*, замѣчена маленькая его группа только на одномъ мѣстѣ на пѣшеходной Захламинской дорогѣ у втораго большаго оврага.

СЕМ. CARYOPHYLLACEAE. ГВОЗДИЧНЫЯ.

Dianthus plumarius, Linn. *Перистая гвоздика* замѣчена при входѣ въ загородную рощу на лѣвой рукѣ.

Dianthus tripunctatus, Sibth et Smith. *Троеточная гвоздика* попадается очень часто на лугахъ, по дорогамъ и по окраинамъ пашень.

Dianthus ramosissimus, Pall. *Густовѣтвистая гвоздика* встрѣчается мало по правой сторонѣ р. Оми на сухихъ солнечныхъ мѣстахъ.

Gypsophila muralis, Linn. (Gypsophila Serotina, Hayne). *Стѣнница*, *качимъ*, *алебастренникъ стѣнной* (Собол. соч.), *мыло утиное* (Ниж.), рѣдко и небольшими группами попадается на песчаныхъ лугахъ и между кустарниками.

Gypsophila altissima, Linn. *Высокій качимъ, колесо* (Уф.), разсѣянъ мало по загородной рощѣ. Употребляется отъ грыжи.

Silene Otites, Pers. (Cucubalus Otites, Linn.) *Ухоберточная силенка, разнополая смолевка.* Фармац. названіе Viscago (Herba), *дрема столистная, мокрица ягодная* (Лев.), *мыльная трава*, часто попадается въ загородной рощѣ и на поляхъ. Употребляется въ винномъ спиртѣ съ теріакомъ отъ собачьяго бѣшенства.

Silene wolgensis, Spreng. (Cucubalus wolgensis, Linn.) *Приволжская силенка*, такая же *смолевка*, часто и на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и предъидущая.

Silene inflata, Smith. (Cucubalus Behen, Linn.) *Бѣлый бегенъ, хлопушка.* Фармац. названіе Behen album (radix), *бѣлый бѣгунъ* (Lind.), *зборъ* (Нижегор.), тамъ же *знахарь, мыловка, бѣшеные огурцы*, (Ниж. Алт.), *дикій соколій перелетъ* (Мейеръ), *увѣчная морская трава* (Гринб.), *щелкунецъ* (Ниж. Вятск.), *брякунецъ* (Ниж.), часто разсѣяна на пустыряхъ и бывшихъ пашняхъ. Употребляется какъ домашнее средство снаружи отъ рожи.

Silene nutans, Linn. *Повислая силенка*, такая же *смолевка*, очень часто на лугахъ и подъ деревьями. Употребляется снаружи при рожѣ.

Silene viscosa, Pers. (Cucubalus viscosus Linn.) *Клейкая силенка*, такая же *смолевка*, часто на бывшихъ пашняхъ.

Silene chlorantha, Ehrh. (Cucubalus chloranthus, Willd.) *Зеленоцвѣтная силенка*, такая же *смолевка, куколица* (Рог. Уч. Изв.), попадается мало на сухихъ лугахъ и по лѣснымъ окраинамъ.

Silene multiflora, Pers. (Cucubalus multiflorus, Willd.), *многоцвѣтная силенка*, такая же *смолевка*, ростетъ множество по лугамъ за р. Иртышомъ.

Silene sibirica, Pers. (Cucubalus sibiricus, Linn.), *сибирская силенка*, такая же *смолевка*, встрѣчается небольшими группами

по лѣвой сторонѣ р. Иртыша, на сухихъ холмистыхъ мѣстахъ и недалеко отъ берега.

Lychnis vespertina, Sibth. (Lychnis arvensis, Schkuhr.—Lychnis dioica alba, Linn.), *двудомная дрема, ночной горицвѣтъ, гнѣтуха* (Тв. Рж.), *щелкунецъ лѣсной*, множество попадается на пустыряхъ и бывшихъ пашняхъ.

Lychnis Githago, Spreng. (Agrostemma Githago, Linn.) Фармац. названіе Lilium officinorum (Semen.) Githago s. Nigellastrum (radix), *куколь, волошки* (Lind.), *гвоздика полевая* (Вятск. Пут.), *плевелы, торица* (Каз.), рѣдко на поляхъ и въ огородахъ. Употребляется въ видѣ полосканія отъ зубной боли и какъ усыпляющее средство (Кал.)

Arenaria graminifolia, Schrad., *травнолистная песчанка, дѣтникъ, швыгалка* (Ковен. Гродн.) Купаютъ дѣтей при судорогахъ (Орл.)

Arenaria lateriflora, Linn., *бокоцвѣтная песчнка,* попадается часто группами по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ подъ деревьями.

Arenaria salsuginea Bunge. (Spergularia salsuginea Fenzl)., *солонцеватая песчанка*, множество за р. Иртышомъ вблизи парома на отмели.

Cerastium triviole, Reichenb., *обыкновенная ясколка, роговикъ*, мало и рѣдко попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми у подножія откоса.

Cerastium aquaticum, Linn. (Malachium aquaticum Fries). Фармац. названіе Alsine s. Morsus gallinae major. (Stellaria aquatica, Seop.), *водяная ясколка*, такая же *звѣздчатка, слабникъ, мышье ушко* (Кондр.), *бѣлыя куричьи черевы* (Мейеръ Ботан. словарь), *ястребиныя ягоды*, попадается очень часто и группами на сырыхъ мѣстахъ и у болотъ.

Stellaria Bungeana, Fenzl., *лѣсная звѣздчатка*, такой же *косте-*

нецъ гаведа, *яскорка* (Амб.), замѣчена густорастущая группа по лѣвой сторонѣ р. Оми на верху передъ откосомъ въ углубленіи, окруженномъ березами.

Stellaria graminea, Linn. У Tabern. Gramen floridum minus, *травяновидная звѣздчатка*, такой же *костенецъ*, *курья* или *курячья слѣпота* (Даль), *дикій ленъ* (Влад.), *лѣсной ленъ* (Ниж.), *моховикъ* (Кышт. у Пермск. губ.), *мыло воробьиное* (Ниж.), *звѣздочка* (Арх.), очень часто попадается на поляхъ и лугахъ. Въ Пермской губ. употребляется снаружи въ формѣ припарокъ при нарывахъ и вередахъ на пальцахъ.

Stellaria glauca, Wilh, *сѣрозеленая звѣздчатка*, такой же *костенецъ*, разбросанъ на поемныхъ лугахъ и болотистыхъ мѣстахъ въ высокой травѣ.

Stellaria crassifolia, Ehrh., *толстолистная звѣздчатка*, такой же *костенецъ*, часто попадается на болотистыхъ мѣстахъ противъ лагеря и по лѣвой сторонѣ р. Оми.

Stellaria media, Smith. (Alsine media, Linn.) Фармац. названіе Alsine s. Morsus galline (Herba), *мокрица*, *грудница* (Ниж.) по употребленію отъ грудницы у коровъ, *пташья мята* (Даль), *мышье ушко* (Кондр.), ростетъ въ огородахъ и считается какъ сорная и вредная для огородничества трава. Растеніе это составляетъ любимую и здоровую пищу комнатныхъ птицъ. Въ Пермской губ. употребляется въ видѣ припарокъ для леченія зоба.

СЕМ. MALVACEAE. МАЛЬВОВЫЯ, ПРОСВИРЧАТЫЯ.

Lavatera thuringiaca, Linn., *лаватера*, *просвирникъ*, *хатьма*, *бабій цвѣтъ* (Кал. Пот.), *васильистникъ* (Алт.), *полевой просвирникъ* (Сарат., Вятск., Вор.), *проскурнякъ* (Уф.); часто на пустыряхъ и въ садахъ. Свойства и употребленіе растенія тѣ же, какъ и алтея.

Malva rotundifolia, Linn. Фармац. названіе Malva vulgaria s. minor s. pumila (Fol. et flor.), *круглолистная мальва*, *калачики*, *василекъ* (Селенг.), *пряничникъ* (Алт. Пот.), густо ростетъ на

улицахъ и площадяхъ города. Употребляется преимущественно на полосканіе и на размягчающія припарки.

Malva crispa, Linn., *курчавая мальва, царскія кудри*—дикорастущее по огородамъ.

Malva silvestris, Linn., *лѣсная мальва*, попадается рѣдко, какъ дикорастущее, у заборовъ и въ садахъ.

СЕМ. TILIACEAE. ЛИПОВЫЯ.

Tilia europaea, Linn. Tilia parvifolia, Ehrh, *липа, лутошка* (Перм.), *лубнякъ* (Вятск.), *мочальникъ* (Вят. Пуп.), *липу* (Перм. и Зырян.), ростетъ только въ саду Омскаго военнаго госпиталя; деревья были посажены уже давно, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, и теперь достигли большихъ размѣровъ. Цвѣты употребляются въ водномъ настоѣ какъ потогонное. Доставляетъ отличный матерьялъ пчеламъ для меда. Лубъ служитъ для приготовленія мочалъ, лыкъ и т. д. Древесина въ Германіи называется святымъ деревомъ, потому что на ней пишутся иконы. Существуетъ повѣрье, что поэтому въ липу никогда не бьетъ молнія и что липовая ткань служитъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ колдовства. Для медицинскаго употребленія цвѣтки липы (flores Tiliae) собираются въ іюнѣ и въ іюлѣ мѣсяцахъ, вмѣстѣ съ прицвѣтниками, высушиваются на солнцѣ и употребляются въ видѣ теплаго чая.

СЕМ. GERANIACEAE. ГЕРАНІЕВЫЯ. ЖУРАВЕЛЬНИКОВЫЯ.

Geranium sibiricum, Linn., *сибирскій журавельникъ*, такая же *герань*, ростетъ группами около домовъ и на пустыряхъ.

Geranium pratense, Linn., *луговой журавельникъ*, такая же *герань, боровой* (Ниж.), *волчья трава* (Уфимск.), *грабельникъ* (Ниж.), *желудочная трава* (Вятск. Meyer, Lind.), *костоломъ* (Ниж.), *свинячья*

трава (Вят. Лал.), *полевая петрушка* (Уфим.), очень часто въ кустарникахъ и по рвамъ. Употребляется отъ укушенія змѣй и для составленія зеленой краски.

Geranium Pseudo-sibiricum, Meyer., (Geranium lactum, Ledeb.) *ложно-сибирскій журавельникъ*, такая же *герань*, часто встрѣчается на лугахъ и между кустарниками. Корень очень вяжущій.

Erodium cicutarium, L'Herit., *грабельки*, *аистникъ*, *грабельцы* (Вятск.), *сорочьи иглы* (Ниж.), *косарики* (Даль), *расперстница* (Вят. Лал.), попадается какъ сорная трава въ нѣкоторыхъ огородахъ. Въ Вятской губ. употребляется въ припаркахъ отъ опухоли между пальцами ногъ,—откуда и названіе „расперстная“ (Лал).

СЕМ. RHAMNACEAE. КРУШИНОВЫЯ.

Rhamnus caehartica, Linn. Фармацевтическое названіе spina cervina s. domestica (Baccae), *жесть* (Pall. Мал.), *жостеръ* (Güld.), *слабительная* или *колючая крушина*, *подорожная иголка*, ростетъ группами въ городской Любиной рощѣ и на островѣ у деревни Захламиной. Употребляется въ медицинѣ кора (Cortex Rhamni Frangulae), которая собирается весною съ молодыхъ вѣтвей; она обладаетъ слабительнымъ свойствомъ, для чего варится съ водой и дается внутрь, замѣняетъ ревень и александрійскій листъ. Отваръ изъ свѣжей корки нерѣдко возбуждаетъ рвоту. Въ Сибири употребляется народомъ при геморроидальныхъ шишкахъ. Ягоды употребляются въ техникѣ, какъ красящее вещество.

СЕМ. PAPILIONACEAE. МОТЫЛЬКОВЫЯ.

Medicago falcata, Linn., *серпистая люцерна*, *медунка*, *буркунъ*, *бурундукъ* (Lind.), *желтикъ* (на Ирт.), *пердунецъ* (Сам. Сар.), *джунгурчка* (киргизск.) У нагайскихъ татаръ—*бурунчукъ*, *буркунецъ*, *буркутникъ*, ростетъ на лугахъ и въ загородной рощѣ, очень часто.

Medicago lupulina, Linn., *хмѣлевая люцерна*, на правой сторонѣ р. Оми у кирпичнаго завода, маленькая группа.

Melilotus albus, Desv. (Melilotus leucanthus, Koch,—Melilotus vulgaris, Willd.), *бѣлый донникъ*, *донная трава* (Gmel.), *мужской донникъ*, *гунъба* (Кондр.), *плакунъ* (Перм. Клеп.) очень часто попадается на лугахъ и по дорогамъ. Въ Пермской губ. траву пьютъ отъ лихорадки. Въ другихъ мѣстахъ—отъ сухотки, водяной, боли живота и т. д. и для увеличенія молока. Листья собираются съ цвѣтущими верхушками. Употребляется для припарокъ на созрѣвающіе нарывы. Въ аптекахъ изъ донника приготовляютъ пластырь.

Melilotus dentatus, Pers., *зубчатый донникъ* ростетъ очень рѣдко по лѣвой сторонѣ р. Оми на низменныхъ мѣстахъ и пройдя лагерь у р. Иртыша.

Trifolium pratense, Linn., *луговой трилистникъ*, *клеверъ*, *дятлина* (Арх.), *валашокъ*, *красноголовникъ* (Вятск.), *дятликъ*, *медовая кашка* (Каз.), *лихорадочная трава* (Арх.), *медокъ* (Вят.), *хлѣбушка* (Перм. Клеп.), Перм. *сизь-юръ-турунъ*, часто попадается на влажныхъ лугахъ. Выгодно разводить какъ кормовую траву. Въ Архангельской губерніи употребляется отъ лихорадки.

Trifolium repens, Linn., *ползучій трилистникъ*. Фармацевтическое названіе Trifolium album (Flores), *бѣлый куньянъ* (Ниж.), *медовникъ* (Вят. Meyer), *медокъ*, *медуница* (Вят. Пуп.), Перм. *чѐчкомъ-сиръ-юръ* (Рог.), очень часто попадается на песчаныхъ и влажныхъ мѣстахъ растущимъ группами. Настой цвѣтовъ пьютъ отъ ломоты. Траву употребляютъ отъ женскихъ болѣзней, передъ и послѣ родовъ (Перм.)

Trifolium lupinaster, Linn. (Pentaphyllum Lupinaster), *пятилистный* или *люпиновый трилистникъ*, *дятлина лѣсная*, *свѣчка* (Уф.), разсѣянъ по загородной рощѣ и на лугахъ. Тунгусы употребляютъ корни въ пищу.

Glycyrrhiza glandulifera, Waldst. et Kit. *Железконосная солодка* ростетъ много по лугамъ, даетъ извѣстный солодковый корень. Изъ листьевъ ея калмыки приготовляютъ себѣ чай. Кромѣ того употребляется отъ кашля, для соленія огурцовъ и мочки яблокъ.

Caragana arborescens, Lam. (Robinia caragana, Linn.), *акація, гороховикъ, древовидная чилига, желтая акація, сибирская акація, мышій горошекъ* (Ирк.), *сибирскій горохъ* (Кондр.), *золотарникъ*. У киргизъ и томскихъ татаръ—*kará-karágan*. У красноярскихъ татаръ—*Tschakem* (кирг. *караіонъ, чакемъ*), часто попадается въ садахъ.

Oxytropis pilosa, De.C. (Astragalus pilosus, Linn.), *окситропъ, волосистый астрагалъ, горобинецъ, полевой волосистый горохъ* (Мейеръ Бот. Сл. пер.), часто по сухимъ мѣстамъ, особенно около береговъ.

Astragalus hypoglottis, Linn., *луговой астрагалъ, мышиный горохъ, кашка* (Уфим.), распространенъ всюду по лугамъ.

Astragalus onobrychis, Linn., *эспарцетный астрагалъ, горохъ гадючій, кошачій вязилъ, стобильникъ*, часто попадается на лугахъ и около береговъ.

Astragalus uliginosus, Linn., *влаголюбивый астрагалъ* попадается во множествѣ пройдя лагерь по Иртышу и на островахъ.

Astragalus contortuplicatus, Linn., *свернуто-плодный астрагалъ*, мѣстами встрѣчается по обѣимъ сторонамъ Иртыша на влажныхъ песчаныхъ берегахъ.

Astragalus lactiflorus, Ledeb. (Astragalus testiculatus, Pall.) *Молочноцвѣтный астрагалъ*, довольно часто ростетъ по правой сторонѣ р. Оми на верху передъ откосами, на сухихъ солнечныхъ мѣстахъ.

Astragalus longiflorus, Pall., *длинноцвѣтный астрагалъ*, попадается на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и предъидущій, но рѣже.

Astragalus sulcatus, Linn., *бороздчатый астрагалъ* встрѣчается очень рѣдко по обѣимъ сторонамъ р. Оми.

Hedysarum polymorphum, Ledeb., *гедизаръ, копѣечникъ.* Esculentum, Ledeb. Syn. Hed. sibiricum. Poir. *Бадуй* (отъ самоѣдскаго «бадуй» или «бадыка»—означаетъ корень), а корень—*сардана* (Gmel. Кондр.), *цвѣточный эспарцетъ* (у садовн.), замѣчена маленькая группа его по правую сторону р. Оми за послѣднимъ кирпичнымъ заводомъ, на береговомъ откосѣ. Корни свареные въ молокѣ употребляются въ пищу.

Onobrychis sativa, Lamk. (Hedysarum onobrychis, Linn.), *эспарцетъ, красный буркунъ, одоленъ* (Арх.), *руда, козья трава* (Кондр.), часто на сухихъ лугахъ. Отличная кормовая трава.

Vicia sepium, Linn., *заборный горохъ, горохъ* и *горошекъ дикій, журавлиный, мышиный, луговой, полевой, изгородный, стѣнной* (въ большч. ч. Россіи), разсѣянъ подъ деревьями и кустарниками.

Vicia cracca, Linn., *мышиный горохъ, полевой горошекъ, бобовина, воробьиные стручки* (Ниж.), *вязель* (Вят. Meyer., Арх., Влад., и др.), *гребешки* (Ниж.), Перм. *ширъ-анкичъ* (Рог.), ростетъ во множествѣ вездѣ по лугамъ и подъ кустарниками.

Lathyrus palustris, Linn., *болотистый горошекъ*, такая же *чина* (Syn. Lath. viciaefomis), *вязель* (Уф. Сар.), часто попадается на сырыхъ лугахъ и на островахъ.

Lathyrus pratensis, Linn., *луговая чина* или *желтый горошекъ, вязель, вязиль* (Вят.), *гусинецъ* (Даль), *мышьякъ* (Арх.), *повелика* (Каз.), *чина, чина луговая, желтая чина*, часто на лугахъ и подъ кустарниками. Растеніе весьма медоносное и составляетъ отлич-

ную луговую траву, заслуживающую искуственнаго разведенія.

Lathurus pisiformis, Linn., *гороховидная чина* рѣдко и по одиночкѣ попадается въ высокой травѣ и подъ деревьями.

Lathyrus tuberosus, Linn., *земляные орѣхи*. Фармацевтическое названіе Glaudes terestres, *розовый горошекъ*, (Колен.); шишковатые корни употребляются отъ поноса. Попадается группами на бывшихъ пашняхъ, мѣстами.

СЕМ. ROSACEAE. РОЗОЦВѢТНЫЯ.

Prunus padus, Linn., *черемуха*. Нынѣ Cerasus Padus (De. C.) (больш. ч. Россіи), Вятск. татар.—*шимыртъ*, Вот. Перм. Зыр. ljompu, Калм.—*майсунъ*. Бур.—*мой-гунъ*, на Сахалинѣ—*дерево tassj* (Taiss., Tatsch.) и плоды *кар-ольчи*, chinentschucá,—ростетъ преимущественно по улицамъ и въ садахъ. Кора собирается весною съ молодыхъ вѣтвей. Свѣжая кора имѣетъ запахъ похожій на горькій миндаль, вкусъ горькій вяжущій. Вода перегнанная изъ свѣжей черемуховой корки можетъ до извѣстной степени замѣнить воду горькихъ миндалей. Отваръ или настой корки (изъ $^1/_2$ унціи на 6 унцій воды) можно употреблять при разстройствѣ желудка и, какъ примочку, при глазныхъ болѣзняхъ. Прежде употребляли ее также противъ лихорадки. Свѣжую спѣлую черемуху (ягоды) въ деревняхъ употребляютъ, какъ вяжущее средство, при поносахъ.

Sorbus aucuparia, Linn. (Pirus aucuparia, Gärtn.), *рябина* (вездѣ) *грабина*, *оробина* (Рог.) Татар.—*кіикъ-йювесъ*, т. е. *дикая рябина*, (Рудск.), *мелешъ* (Вят. тат.), *мелечь*, *киндричь* (кир.) Пермяк. melisch (Pall.), Вят. *пальцъ* (Серг.), *палерпу*, Перм. *певидзь*, *пелыдзъ* (Рог.), ростетъ преимущественно въ садахъ, часто. Плоды употребляются въ пищу и для добыванія уксуса, а также и для водочныхъ наливокъ.

Cotoneaster vulgaris, Lindl. (Mespilus cotoneaster, Linn.), *иріа*,

кизильникъ (Кондр. Перм. Леп.), *кизиль* (Фишеръ) *цѣвочникъ* (Перм. Леп.), *шомпольникъ* (Корел.)—Татар. Краснояр. *irgei.*—Кирг. *kars-kirtschumar* (Pall.), часто пападается на откосахъ лѣваго берега р. Оми, вмѣстѣ съ боярышникомъ и шиповникомъ, также замѣчена отдѣльно стоящая густая группа около берега р. Иртыша передъ пос. Захламинскимъ.

Crataegus sanguinea, Pall., *боярышникъ, боярка, сибирскій боярышникъ.* На Сахалинѣ—*klysm* (Glehn.), татар. *jabeshkan* (Pall.), очень часто встрѣчается на откосахъ лѣваго берега р. Оми и въ оврагахъ. Въ Томской губ. ягоду ѣдятъ, но осторожно, такъ какъ она вызываетъ давленіе подъ ложечкой. Сушеную—мелютъ и употребляютъ для начинокъ въ пироги. Ягоду, по предразсудку старовѣровъ, грѣшно ѣсть, такъ какъ иглистыя вѣтви боярки послужили вѣнцомъ на главу Іисуса Христа, почему и ягоды имѣютъ кровавый цвѣтъ.

Rosa canina, Linn., *шиповникъ.* У Гиппократа Cynorrhodon, у Теофраста Cynosbaton, у Плинія—Rosa silvestris; по Prior 'у подъ словомъ „тернія" (русск. терновникъ), (Ев. Матв. VII—16), должно разумѣть Rosa canina. *Шиповный цвѣтъ* (Вятск.), *шепишникъ* (Арх.), *шипишникъ, шипнякъ* (Сиб., Арх., Волог.), *шипичка* (Перм., Сиб.), *шипецъ, шипица* (Перм.), Татар. güll., плоды—itburum (Pall.), *итпрунъ* (Сиб. Вѣстн.), на Алтаѣ—*тегенекъ*, киргиз.—*итмурунъ*, т. е. собачій носъ (мурунъ), Перм. *жельнöгъ* (Рогов.), вотяк. *logdes-pu*, *роза дикая, своробоpина, свороборинное дерево, своборина* (Стар. Руковод.); очень часто попадается на откосахъ лѣваго берега р. Оми, въ оврагахъ и въ загородной рощѣ. Употребляются кора корня и лепестки цвѣтовъ, первая отъ укушенія бѣшенными собаками (откуда и названіе canina), вторые—при кровотеченіяхъ. Плоды и сѣмена—при поносахъ, каменной болѣзни и др. Весь плодъ—при глистахъ. Орѣхообразные выплывы, образующіеся на вѣтвяхъ—отъ укушенія насѣкомыхъ (Cynips Rosae, извѣстная въ медицынѣ подъ именемъ Fungus rosarum—шиповниковая губка), употребляли отъ укушенія бѣшенными живот-

ными; имъ приписывали свойство наводить сонъ, клали подъ подушки и вообще считали имѣющими волшебныя свойства. Бедегуаръ употреблялъ ихъ въ формѣ высушенаго порошка отъ зоба. Плоды могутъ быть употребляемы въ пищу въ видѣ варенья, сѣмена—замѣнять кофе, а молодые листья—чай. У насъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ корень шиповника считается лучшимъ декоктомъ, пользующимъ разстройство печени и селезенки, происшедшее отъ лихорадки (Ботан. словарь). Также употребляется, какъ слегка вяжущее ароматическое средство, для примочекъ, спринцеваній и полосканій, а также входитъ въ составъ ароматическихъ припарокъ. Плоды шиповника даютъ, какъ мочегонное средство, въ чаѣ. Въ прежнее время шиповникъ, подъ именемъ „свороборины", игралъ видную роль въ народной медицинѣ.

Rosa cinnamomea, Linn., *коричневая роза*, далѣе названія тѣ же, какъ и Rosa canina. Плоды на Сахалинѣ—*pilia als*, т. е. *bacca magna* (Max. 100), Аино на Сахалинѣ *тапиі* (Schm.), Гольды ниже Амура *отастá*, разсѣяна въ небольшомъ числѣ по лугамъ и у дер. Захламиной, передъ лѣсомъ.

Rosa pimpinellifolia, De C., *круглолистная роза*, разсѣяна за загородною рощею.

Rosa tomentosa, Sm., *пушистая роза*, за лагерями въ кустарникахъ, рѣдко.

Agrimonia pilosa, Ledeb., *рѣпейникъ, рѣпникъ, глекопаръ, глекопаръ* (Рог.), очень часто въ оврагахъ и рвахъ, подъ кустарниками.

Potentilla anserina, Linn., *гусиная трава*, фармацевт. названіе Anserina L. Argentina (radix et herba), *дорожница* (Арх.), *жабникъ* (Lind. названіе перенесенное отъ Pot. argentina), *морковница* (Енис. губ. Кривошапк.), *молка* (Lind.), *гусятникъ* (Вятск. Пуп. Мол.), *гусятница* (Lind.), *могучникъ* (съ лат. назв. род.), *дикая ря-*

бина (Ниж.), Якут. *кеценесь* (Павл.), много по дорогамъ на песчаныхъ мѣстахъ. Корень и трава прежде употреблялись въ медицинѣ отъ поноса. Въ голодное время употребляли въ пищу, въ Шотланд. и Ирланд. Въ народной медицинѣ употребляли отъ опухоли при цинготной, отъ грыжи, отъ боли въ животѣ у родильницъ.

Potentilla supina, Linn., *приземистая лапчатка*, такой же *могучникъ, куримъ, курымъ* (Gmel. Сиб.), *куримскій чай* (Спб.), попадается большими группами вездѣ на сырыхъ мѣстахъ и по берегамъ рѣкъ.

Potentilla bifurca, Linn. *вилообразная лапчатка*, такой же *могучникъ, змѣевникъ, мышиный горохъ, подорожникъ, прострѣлъ* (Сарат.) Сарты вдоль р. Сыръ-Дарьи—*джурчай* (Кат.), много на улицахъ и площадяхъ города, пахнетъ огуречникомъ и составляетъ хорошую кормовую траву.

Potentilla opaca, Linn., *тусклая лапчатка*, такой же *могучникъ, желтушникъ* (Grüner. Харьк., Екатер.), цвѣтетъ рано вездѣ по лугамъ.

Potentilla norvegica, Linn., *Норвежская лапчатка*, такой же *могучникъ, горлянка* (Вят. Meyer.), *поясничная* (Вят. Meyer.), часто за р. Иртышемъ па поемныхъ лугахъ. Употребляется отъ грудныхъ болѣзней, жабы и золотухи.

Potentilla argentea, Linn., *серебристая лапчатка*, такой же *могучникъ*. Фармацевтическое названіе Argentea v. Quinquefolium minus (Herba et radix), *грибовая трава* (Уф.), *желѣзникъ* (Вятск. Meyer.), *забируха* (Вят. Meyer), *серебренникъ, серебрянка* (Кондр. Щегл. перев.), *червивка* (по истребленію глистовъ и червей) Вят. Meyer. Пот. *червишникъ*, очень часто и вездѣ на сухихъ лугахъ и бывшихъ пашняхъ. Имѣетъ вяжущее свойство и употребляется въ болѣзни горла, отъ жабы въ большей части Россіи. Мѣстами употребляется вмѣсто чая.

Potentilla approximata, Bunge, *сближенная лапчатка*, такой же *могучникъ*, часто попадается въ загородной рощѣ, на бывшихъ пашняхъ и по лѣвой сторонѣ р. Иртыша.

Potentilla conferta, Bunge, (Potentilla pensylvanica, Linn. var.), *густоцвѣтная лапчатка*, такой же *могучникъ*, встрѣчается также часто и на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и предъидущій видъ.

Potentilla viscosa, Don. *клейкая лапчатка*, такой же *могучникъ*, *полевой чай* (Вост. Сиб. Pall. Reis. II. 655), обладаетъ запахомъ клубники и ростетъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и предъидущій. Употребляется въ Сибири вмѣсто чая.

Comarum palustre, Linn., (Potentilla palustris, Scop.), *сабельникъ*, *пятиперстная трава*. Фармацевт. названіе Pentaphyllum aquaticum. *Земляника болотная* (Wied.), *пятилистникъ большой* (Даль), *сабельникъ болотный* (Перм. Леп. Двиг.), *краска-суставка* (Вят. Meyer), рѣдко попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми у камыша. Трава и корни прежде употреблялись въ медицинѣ отъ поноса, слизеистеченій и кровотеченій. Въ народной медицинѣ употреблялись отъ поноса, ломоты, венерической болѣзни и какъ потогонное; въ видѣ припарки отъ наружныхъ воспаленій и отъ чемера у лошадей.

Fragaria collina, Ehrh., *клубника*. У Rupr. Fr. viridis. *Шпанская земляника* (у сад.), *клубничникъ* (повсюду въ Вел. Росс.) и изм. *глубника* (Ирк.), *глубнига* (Вят.) Кирг. *кайбульдуремъ*, ростетъ на сухихъ лугахъ и подъ кустарниками, очень часто. Ягоды въ большомъ употребленіи, какъ свѣжія, такъ и сухія.

Fragaria vesca, Linn. У Rupr. Fr. silvestris. *Земляника* (повсемѣстно), *землянка*, *земляница* (Кондр.), Перм. озъ-ягодъ. Вятск. татар. *хаинъ-зиляга*, т. е. *березовыя ягоды*, на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и предъидущая, также и на откосахъ лѣваго берега р. Оми, но рѣдко, чаще у села Чернолуцкаго. Въ народной медицинѣ

употребляется отъ весьма многихъ болѣзней, какъ то: отъ простуды въ видѣ горячаго питья, отъ глазной и отъ зубной болей въ видѣ припарокъ, отъ боли въ печени—коренья толкутъ и сокъ ягодъ—пьютъ на тощакъ, отъ удушья въ груди—въ видѣ отвара; отъ кровотеченія у женщинъ—пьютъ отваръ травы и т. д.

Rubus idaeus, Linn., *малина*, встрѣчается очень рѣдко въ садахъ. Повсемѣстно употребляется сушеная малина въ видѣ чая, въ тепломъ видѣ, какъ хорошее потогонное средство.

Rubus caesius, Linn. *куманика*, *бирюза*, *ежевика*, часто встрѣчается по оврагамъ и на островѣ у пос. Захламинскаго. Ягоды въ большомъ употребленіи.

Rubus saxatilis, Linn., *костяника*, часто попадается въ загородной рощѣ и на откосахъ лѣваго берега р. Оми подъ деревьями. Ягоды употребляются въ пищу.

Geum urbanum, Linn. Фармац. назв. Caryophyllata s. sanamunda (Radix). *Гравилатъ* (Сукк.), *графилатъ*, *гвоздичникъ*, *гвоздичный корень*, ростетъ по дорогамъ, заборамъ, рвамъ и оврагамъ въ большомъ количествѣ. Корень пахнетъ гвоздикою. Корень употребляется при лихорадкахъ, но всего чаще, какъ возстановляющее средство при выздоровленіи послѣ болѣзней. Корни кладутъ также въ пиво для предохраненія отъ окисанія.

Spiraea ulmaria, Linn., фармацевт. назв. Ulmaria s. Regina prati s. Barba caprina (Radix et flores), *тавола-лабазникъ*, *бѣлоголовка* (Арх. Леп.), *бѣлоголовникъ* (Алт. Верб. Пот.), *вѣяло* или *вязова трава* (Кондр.), *горма* (Нов. Арх.), *донникъ* (Сиб. Вят.), *жердовникъ* (Вят. Meyer), *жиродонникъ* (Wied), *листовая трава* (Арх.), *раповникъ*, *храповникъ*, *ряжма* (Арх.), *тавола болотная*, *илемная* (Wied), кирг. *акъ-пасъ*, т. е. *бѣлая голова*, ростетъ часто подъ кустарниками и въ оврагахъ. Въ Россіи имѣетъ большое употребленіе отъ боли горла, груди, отъ ломоты, укушенія змѣй и бѣше-

ныхъ животныхъ, отъ поноса и т. д. Сухими цвѣтами присыпаютъ обожженныя мѣста. Для остановленія кровотеченія жгутъ и пепелъ прикладываютъ къ порѣзаннымъ мѣстамъ. Отваромъ моютъ голову, чтобы росли волоса. Подъ именемъ раповника или дикой рябинки рекомендуется какъ средство отъ водобоязни. Для этого собираютъ только распустившіеся цвѣты, сушатъ ихъ на солнцѣ и, затѣмъ, истирая въ порошокъ, хранятъ въ хорошо закупоренномъ сосудѣ. Порошокъ этотъ даютъ больнымъ водобоязнею отъ 2—3-хъ разъ въ день, посыпая имъ хлѣбъ.

Spiraea Filipendula, Linn., фармацевт. назв. Filipendula s. saxifraga rubra, *бархатки полевыя* (Уф.), *четкообразная тавола, земляные орѣшки, журинъ* (Даль), *ломикаменъ красный, ломъ каменный трава* (Кондр.), *камнеломъ, медовые орѣшки* (Lind.), попадается очень часто на сухихъ лугахъ. Въ Пермской губерніи корневыя шишки употребляются въ видѣ слабаго отвара малолѣтнимъ дѣтямъ отъ „родимой грыжи" (катарръ кишекъ), иногда отъ кильной грыжи и отъ поноса (Кунгур.)

Spiraea hypericifolia, Linn., var. latifolia (Spiraea crenata, Linn.), *тавола маровая, каменная тавола* (Pall.), *пужный таволожникъ* (Упр. Календ.), во множествѣ встрѣчается, какъ маленькій кустарникъ на сухихъ лугахъ.

Sanguisorba carnea Fisch. *Кровохлебка, савина стрѣла*, всюду на влажныхъ лугахъ. Употребленіе какъ у Sanguisorba officinalis, разновидностью которой можно ее читать.

СЕМ. ONAGRACEAE. КИПРЕЙНЫЯ.

Epilobium angustifolium, Linn. Фармацевт. назв. Lysimachia Chamaenerion. *Узколистный кипрей, капорскій чай* (отъ села Копорья Петерб. губ.), (Даль), *ива-трава, ивовая трава, иванъ-чай* (Лепех.), *купрей* (Даль), *копорка, курильскій чай* (Лепех.) *ковенникъ* (Восточ. часть Томской губ.), *плакунъ* (Арх., Ниж. Лепех.). Назва-

ніе плакунъ-трава произошло вслѣдствіе легенды, „что когда жиды распинали Іисуса Христа и проливали пречистую кровь Его, тогда Пресвятая Богородица по Сынѣ слезы роняла на матушку на сыру-землю и отъ тѣхъ слезъ зарождалась плакунъ-трава“. Попадается мѣстами много на отлогихъ мѣстахъ и по окраинамъ лѣсовъ. Употребляется отъ запора, головной боли; порошкомъ изъ сухихъ листьевъ присыпаютъ раны отъ ознобленія (Нижег.) Татары и тунгусы употребляютъ молодые листья въ пищу, подобно капустѣ.

Epilobium palustre, Linn., *болотный кипрей, червякъ-трава, скрыпникъ*, разсѣянъ на сырыхъ мѣстахъ и у болотъ. Пьютъ какъ чай послѣ потери крови.

Myriophyllum spicatum, Linn. Фармац. назв. Millefolium aquaticum s. penatum, *колосистый перистолистникъ*, такая же *урутъ, дикая греча, крововикъ водяной, перо орлово, тысячникъ, укропъ италіанскій* (Кондр.), замѣчена маленькая группа въ болотѣ у пос. Захламинскаго. Листья по своей жесткости употребляются для полированія дерева.

Myrioplyllum verticillatum, Linn., *кольчатоцвѣтный перистолистникъ*, такая же *урутъ*, мало встрѣчается по лѣвой сторонѣ р. Иртыша, въ болотистыхъ мѣстахъ.

Hyppuris vulgaris, Linn. Syn. Linmopeuce vulgaris. Rupr. У Табера Polygonum feminum. *Конехвостъ* (Wied.), *консхвостникъ, водяная сосенка, хвощъ водяной* (Бот. Слов. Meuer'а), *хвостъ конскій* (Іевл.), ростетъ большими группами по лѣвой сторонѣ р. Оми на поемныхъ мѣстахъ.

СЕМ. LYTHRARIEAE. ПОДБЕРЕЖНИКОВЫЯ.

Lythrum virgatum, Linn., *лозный подбережникъ* въ большомъ числѣ попадается на влажныхъ мѣстахъ по р. Иртышу.

Lythrum salicaria Linn., Фармацевт. назв. Salicaria s. Lysimachia purpurea, *вербовая трава, плакунъ, дербенникъ, подбережникъ, вербовникъ* (всѣ пер.), *зализнякъ червонный* (Рог.), *камышъ боровой* (Ниж.), *красота дѣвичья, кровавница* (Даль), *плакунъ-корень* (Шенк.), *луговой чай* (Lind.), татар. *дерекуль*, изрѣдка разсѣянъ на островѣ у города. Употребляется отъ судорогъ у дѣтей (Уф.), для чего кладется къ ваннамъ.

СЕМ. CRASSULACEAE. ТОЛСТЯНКОВЫЯ. СМОРОДЕННЫЯ.

Sedum purpureum, Linn., *забируха* (Вят. Meyer), *очитокъ молодило, заячья капуста* (во всей Россіи), *заячья капустка* (Омск.), *котовикъ* (Вят. Пуп.), *котовы м....ки* (Вят., Пуп. Арх.), *котовыя яица* (Вят.), *скрипунъ* (Gmel. Кондр. и въ разн. мѣст.), *узикъ, шестинедѣльникъ* (Урал. Пот., потому что засыхаетъ черезъ 6 недѣль), кирг. на Тарбаг. *коко-маралъ*. Тат. *контибаеръ*, разсѣяно по лугамъ и подъ кустарниками. Въ Россіи вода, перегнанная черезъ листья этой травы, извѣстна подъ именемъ живой воды и употребляется съ полнымъ успѣхомъ для примачиванія глубокихъ застарѣлыхъ язвъ и карбункуловъ. Настоемъ этого растенія поятъ женщинъ отъ безплодія, а даваемый внутрь дѣйствуетъ, какъ возбудительное средство для мужчинъ. Киргизы пьютъ эту траву отъ грудныхъ болѣзней.

СЕМ. RIBESIACEAE. КРЫЖОВНИКОВЫЯ. СМОРОДЕННЫЯ.

Ribes nigrum, Linn., *черная смородина* (повсюду), *маховка* (Даль). Вятск. *Sutis-pu. Сетъ-сутѣръ*, пермяк. *Soeterpu* (Pall.), Вятск. татар. *карiанъ*, киргизск. *караiатъ*, очень часто ростетъ въ садахъ. Употребляются ягоды и листья въ видѣ горячаго настоя, какъ противузолотушное средство, такъ же какъ и потогонное при ломотѣ, водяной и т. д.

Ribes aciculare, Smith., *крыжовникъ*. Кирг. на Тарбаг. *точала* (Пот.), встрѣчается въ садахъ, гдѣ очень сильно разростается и

размножается, вслѣдствіе чего рѣдко цвѣтетъ и никогда не даетъ плодовъ.

СЕМ. SAXIFRAGACEAE. КАМНЕЛОМКОВЫЯ.

Parnassia palustris, Linn., *болотная золотничка*, *бѣлозоръ*, *перелойка* (Перм. Томск.), *лягушечникъ* (Ниж.), *мочегонная трава* (Сиб. Павл.), *перелойная трава* (Вят., Перм. Сиб.), *цвѣтъ жизни* (Wied.), *кузюлянъ* (Каз.), очень часто попадается на болотистыхъ мѣстахъ. Въ Вятской губ. лечатъ коровъ отъ перелоя, т. е. когда молоко перемежается или отдѣляется съ кровью (Лал.)

СЕМ. UMBELLIFERAE. ЗОНТИЧНЫЯ.

Eryngium planum, Linn., *синеголовка*, *синій чертополохъ*, *заячій листъ* (Уф.), *перекати-поле*, *переполошникъ* (календ.), *синеголовникъ* (Lind.), *чертогонъ* (Сам. Уф.), *березка луговая* (Ниж.), татар. — *ченьчуга* (Каз.), разсѣянъ на сухихъ мѣстахъ и въ городѣ. Употребляется въ большей части Россіи отъ колотья, кашля, отъ безсонницы и головной боли (Уф.) Въ древности употребляли отъ укушенія змѣй и отравленія ядомъ.

Cicuta virosa, Linn., *віохъ*, *омегъ*, *бѣшенница ядовитая* (Арх. Меркл.), *дягиль сабачій* (Dal.), *изгонъ* (Арх. Меркл.), татар. *у—эленъ*, киргиз. *О*, разсѣянъ на мокрыхъ мѣстахъ по р. Иртышу, противъ лагеря съ аиромъ (Acorus calamus), вмѣстѣ растущій. Все растеніе весьма ядовито, а особенно его корневище. Употребляется подъ именемъ Cicitae virosae s. aquaticae при сибирской язвѣ рогатаго скота въ видѣ сбитня изъ меда, соли и постнаго масла.

Carum carvi, Linn. Фармацевтич. назв. Carvum s. Cuminum pratense, *тминъ*, *анисъ полевой*, *дикій анисъ* (въ бол. части Россіи), *ганусъ*, *козловка* (Ниж.), *тимонъ*, *тиманъ*, *тиминъ* (Вят.), татарск. *жира*, попадается мѣстами на лугахъ. Сѣмена (Sem. Carvi, s. cari, s. cumini pratensis) имѣютъ возбуждающее свойство. Изъ нихъ приготовляется ликёръ-кюммель.

Sium lancifolium, Linn. Фармацевт. назв. Sium palustre s. Postinaca aquatica (herba et radix), *поручейникъ, моржовы дудки, попутчикъ* (Кондр. и Даль), *сахарникъ, укропникъ*, очень часто находится въ болотахъ и на всѣхъ мокрыхъ и заливныхъ мѣстахъ. По ядовитости его считаютъ за Омегъ, хотя и употребляютъ его мѣстами отъ грыжи.

Pampinella magna, Linn. Фармацевт. назв. Pampinella alba s. Tragaselinum majus (Radix), *большой бедренецъ, бедренецъ* (Кондр.), *оршумъ* (Вят. Meyer), *порѣзная трава* (Каз.), *совая стрѣла* (Кондр.), мѣстами часто попадается на лугахъ передъ лагеремъ и по лѣвой сторонѣ р. Оми. Свѣжевыжатый сокъ употребляется для сведенія желтыхъ пятенъ на лицѣ.

Phellandrium aquaticum, Linn., (Oenanthe Phellandrium, Lamk.), *пустырникъ, омежникъ, конскій укропъ, водяной омегъ, собачья петрушка, водяной укропъ*, киргизск. *чибырга*, много мѣстами на болотистыхъ лугахъ, особенно за р. Иртышемъ. Прежде употреблялся при водяной болѣзни и въ частности—при грудной водянкѣ, вслѣдствіе своего мочегоннаго дѣйствія.

Seseli athamantoides, Ledeb. (Athamanta sibirica, Linn., Libanotis sibirica, Koch). *Сибирская жабрица*, такой же *порѣзникъ*, на всѣхъ лугахъ самое распространенное и массами растущее зонтичное растеніе.

Seseli hyppomaranthrum, Linn., *конская жабрица*, такой же *порѣзникъ*, разсѣянъ по сухимъ солнечнымъ мѣстамъ, особенно по краямъ откосовъ.

Cnidium venosum, Koch. (Seseli venosum, Hoffm., selinum silvestre, Linn.) *Жгунъ-корень, гранка* (Уф.), *морковь полевая* (Уф.), очень часто попадается на сырыхъ лугахъ.

Cenolophium Fischeri, Koch., *пусторебрышникъ, полевой укропъ*,

разсѣянъ по богатымъ травою лугамъ и по окраинамъ лѣсовъ, часто попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми.

Ligusticum Levisticum, Linn. (Levisticum officinale, Koch.), *заря*, разводится въ огородахъ, какъ пахучее растеніе. Листья толкутся вмѣстѣ съ мыломъ и служатъ для умыванія отъ загара (Калужской губ.)

Angelica silvestris, Linn., *дудникъ, дудочная трава, дягиль, дягильникъ* (Gmel. Fl. sib.), *пистовникъ* (Уф.), встрѣчается въ большихъ оврагахъ и по Иртышу, пройдя лагерь, на влажныхъ мѣстахъ кустарниками, попадается и по одиночкѣ. Въ народной медицинѣ употребляется отъ боли желудка и для укрѣпленія пьютъ настойку его корня въ винѣ.

Archangelica deccurens, Ledeb., *дягилъ, дягильникъ*, встрѣчается по лѣвой сторонѣ р. Оми у подножія откоса между кустарниками, мало и рѣдко. По Linn. Angelica Archangelica, *луговыя дудки* (Арх. Мерк.), *дягиль аптечный, вонючій* (Schrenk. Спб.), *дягница, коровка* (Даль), *подраница* (Арх.), *бурулька* (Даль). Въ Архангельской губ. употребляется отъ судорогъ у дѣтей. На сѣверѣ все растеніе идетъ въ пищу. Корень его собирается весною и высушивается вмѣстѣ съ корневищемъ и мелкими вѣтвями. Цвѣтъ его снаружи бурый, внутри—бѣловатожелтый, запахъ ароматный, сильный, вкусъ сладковато-пряный, жгучій. Употребляется въ видѣ чая (завариваютъ 1—2 чайныхъ ложки), или винной настойки, а также въ порошкѣ, какъ возбуждающее средство при слабомъ пищевареніи, при упадкѣ силъ, при нервномъ разстройствѣ, какъ мочегонное и потогонное средство. Дягиль до извѣстной степени можетъ замѣнить собою валеріану. Крѣпкій спиртный настой его, или настой на водкѣ, съ прибавленіемъ камфоры, употребляется для растираній при ломотѣ, ревматизмѣ и проч. (Spiritus Angelicae).

Peucedanum officinale, Linn. Фармацевт. назв. Peucedanum s.

Foeniculum porcinum (Rad.), *аптечный горичникъ, хвостъ свиной* (Кондр.), *хвостовая трава* (Собол. Кашин.), кирг. *аккурай-тіякъ, т. е. бѣлый верблюжій тростникъ* (Falk.), множество попадается въ загородной рощѣ, на лугахъ и въ оврагахъ. Употребляется какъ средство, способствующее пищеваренію и какъ мочегонное.

Peucedanum alsaticum, Linn., *эльзасскій горичникъ, подукропникъ*, татар. *шеперлай*, мало и рѣдко попадается по лѣвой сторонѣ р. Иртыша на бугристыхъ мѣстахъ. Употребляется отъ ломоты въ костяхъ.

Pastinaea sativa, Linn., *пастернакъ, полевой борецъ* (Даль), *борщъ полевой* (Вят.), *козловникъ* (Ниж.), *оленья* или *еленья трава* (Кондр.), *поповники* (Вят.), много ростетъ противъ тюремнаго замка во рву, отдѣляющемъ огородъ отъ поля; въ дикомъ состояніи разсѣянъ по садамъ и огородамъ. Извѣстное огородное растеніе. Корень и молодые листья употребляются иногда въ медицинѣ, какъ мочегонное.

Heracleum sibiricum, Linn., *борщъ, борщевикъ, брошевка* (Арх.), *бодранъ* (Каз.), *гигль, гигелье* (Вят. Пуп.), *дягиль* (Уф.), *пикана* (Сиб.), *рожнецъ, слажая трава* (Сиб. Gmel.), татар. *сонжикъ-отъ*, часто попадается въ оврагахъ подъ кустарниками и деревьями. Молодой стебель и черешокъ корневыхъ листьевъ ѣдятъ въ сыромъ видѣ, идетъ также для приготовленія щей. Употребляется какъ лекарство отъ грудной боли—изъ корня дѣлается питье; самый корень помогаетъ отъ зубной боли; въ видѣ примочки отъ часотки и въ формѣ припарки—отъ опухолей.

Chaerophyllum bulbosum, Linn., (Myrrhis bulbosa, Sperg.), *шишковатый бутень, бугиля* (Рог.), *морковникъ* (Арх.), *мухоморъ* (Уф.), *орѣшица* (Арх.), немного встрѣчается въ оврагахъ за фермою крестьянскихъ мальчиковъ подъ березами и къ сѣверу отъ города въ кустарникахъ. Дѣти ѣдятъ стебли. Корни употребляются въ пищу.

Conium maculatum, Linn. Фармацевт. назв. Cicuta maculata s. terrestris s. major, Petroselium caninum. *Болиголовъ, пятнистый омегъ, дягиль собачій* (Кондр.) *болиголовъ омегъ* (Двиг.), *пустосѣлъ, гориголовка* (Кондр.), замѣчена маленькая группа въ оврагѣ передъ загородной рощею. Въ медицинѣ считается за очень ядовитое лекарство, имѣющее сильное наркотическое дѣйствіе, но употребляется во многихъ болѣзняхъ лимфатической системы, отвердѣніяхъ железъ, какъ болеутоляющее снаружи.

Pleurospermum austriacum, Hoffm. (Ligusticum austriacum, Linn.), *ребросѣмянникъ, гиляки* на Сахал. *kalngi, kengda* (Glehn.), часто попадается на откосахъ лѣваго берега р. Оми подъ деревьями. Молодые стебли употребляются въ пищу.

СЕМ. CORNACEAE. ДЕРЕННЫЯ.

Cornus sanguinea, Linn. Фармац. назв. Cornus femina. *Деренъ* (Lind.), *красный деренъ, свидина, глогъ, курослѣпникъ,* татарск. *чубакъ, караболанъ* (кирг.), очень мало встрѣчается на островѣ у пос. Захламинскаго, прозябаетъ вяло между тальникомъ, крушиной и куманикой, которыми заглушается и потому вскорѣ можетъ быть совсѣмъ вытѣсненъ.

СЕМ. CAPRIFOLIACEAE ЖИМОЛОСТЬЕВЫЯ.

Sambucus racemosa, Linn., *бузина, красная бузина* (повсюду), *дикая калина* (Сиб. Pall.), *цвѣвочникъ* (Вят. Meyer), Перм. *зинапу,* т. е. *вонючее дерево.* Татар. *usulagatsch. Аино* на Сахал. *Ossŏkoni*; встрѣчается въ садахъ, сильно разростается и размножается.

Viburnum opulus, Linn. *Калина.* Фармацевт. назв. Opulys s. sambucus aquaticus (Cortex, flores et baccae), *дристуха* (Твер. Пуп.), Пер. *жовъ-пу, жолъ-пу,* а ягоды *жовъ, жолъ,* Вятск.—тат. *balan,* тат. на Алтаѣ *шанышъ-агачъ* (Верб.), кирг. *кызылъ-бурюзъ* (Хорошх.), много ростетъ на островѣ у пос. Захламинскаго. Въ народной ме-

дицинѣ отваръ коры употребляется внутрь отъ удушья и отъ простуды; снаружи же сокомъ ягодъ намазываютъ лицо для уничтоженія прыщей (Перм. Крыл.) Въ Арх. ягоды употребляютъ какъ рвотное, слабительное и вмѣсто чая для произведенія испарины.

Lonicera tatarica, Linn., *жимолость, татарскія вишни* (Эк. Маг.) *нѣмка* (Горн.), кирг.—*сысыкъ-ріанъ*, т. е. вонючее дерево, рѣдко попадается въ садахъ, какъ украшеніе.

СЕМ. RUBIACEAE. МАРЕНОВЫЯ.

Galium ruthenicum, Willd., *россійскій подмаренникъ, дреза* (Даль), *ротопникъ, повелика, повелица, богородская солома*, попадается на лугахъ и въ большомъ числѣ. Употребляется при грудныхъ боляхъ.

Galium boreale, Linn., *сѣверный подмаренникъ, воробьевая трава, листопаръ* (Арх.), *марена русская* (Вят., Смол., Вор.), *пеструха* (Арх.), часто попадается на влажныхъ мѣстахъ и подъ кустарниками. Употребляется отъ глухоты, отъ золотухи въ видѣ примочекъ, для очищенія глазъ, а корни на краску.

Galium uliginosum, Linn., *влаголюбивый подмаренникъ, гольникъ, повилица* (Вят. Meyer), довольно часто попадается на болотистыхъ мѣстахъ.

Galium palustre, Linn., *болотный подмаренникъ, зборъ* (Ниж.), *марена* (Вят. Meyer), часто разсѣянъ на сырыхъ и болотистыхъ мѣстахъ. Отваръ пьютъ отъ удушья.

СЕМ. VALERIANEAE. МАУНОВЫЯ.

Valeriana dubia, Bunge, *маунъ, болдырьянъ, очной корень, бомбай*, т. е. *степная свѣчка* (Зенз.) *земляной ладанъ* (Gmel.), попадается на лугахъ и бывшихъ пашняхъ, вблизи города рѣдко, чаще за по-

слѣднимъ въ сѣверномъ направленіи и по лѣвой сторонѣ р. Иртыша. Корень имѣетъ врачебное дѣйствіе. Въ народѣ умываются отъ лихорадки.

СЕМ. DIPSACEAE. ВОРСЯНКОВЫЯ.

Scabiosa ochroleuca, Linn., *бѣлая свербежница, скабіоза, бородавочникъ, грудная трава* (Кондр.), *пупникъ* (Алт. Пот.), часто встрѣчается въ загородной рощѣ и на лугахъ. Употребляется на присыпку струпьевъ и для выведенія бородавокъ.

СЕМ. COMPOSITAE. СЛОЖНОЦВѢТНЫЯ.

Tussilago Farfara, Linn. Фармацевт. назв. Farfara, s. Tussilago, s. Ungula cabollina s. Bechium, s. Pes Asini s. Filius ante patrem (Herba et flores), *бѣлокопытникъ* (Gmel.), *камчужная трава* (Перм. Крыл.), *лапуха студеная* (Вят. Meyer), *мать и мачиха* (Кондр. и вездѣ), *одностороникъ* (Алт. Верб.), сарты или кирг.—*кока*, замѣчена только одна маленькая группа по лѣвой сторонѣ р. Оми на сыромъ глинистомъ мѣстѣ у подножія откоса. Употребляются въ Перм. губ. листья, истолченные въ кашицу, прикладываются къ вередамъ, несозрѣвшимъ нарывамъ—камчугамъ, откуда и названіе камчужной травы (Крыл.) Листья съ давнихъ временъ употреблялись противъ кашля, одышки и даже чахотки, почему и дано латинское названіе этому растенію—tussilago, отъ слова tussis—кашель. Съ этою цѣлью оно употребляется и до сихъ поръ въ формѣ чая или водной настойки, входитъ въ составъ аптечнаго груднаго чая.

Aster Alpinus, Linn., *альпійская астра*, очень часто попадается на сухихъ, особенно бугристыхъ мѣстахъ. Цвѣтъ растенія обладаетъ пріятнымъ запахомъ.

Aster dracunculoides, Linn., *эстрагоновая астра* распространена повсюду на лугахъ и ростетъ массами.

Aster Hauptii, Fisch., *астра Гаупта*, мало и рѣдко попадается на отлогихъ мѣстахъ и передъ оврагами.

Aster tripolium, Linn., *солончаковая астра*, часто на солончаковыхъ мѣстахъ.

Erigeron acris, Linn., *мелколепестникъ*. Фармацевт. назв. Conyza major s. Caerulea, *блошникъ* (Wied.), *блошница* (Lind.), *неувяда* (Даль), *опуховая* (Вят.), *червивая* (Уфим.), *тат. дервишъ-отъ*, очень часто попадается въ загородной рощѣ. Прежде употреблялась при болѣзняхъ груди и играла важную роль при колдовствѣ и знахарствѣ.

Solidago virgaurea, Linn., *золотая розга*, *золотарникъ*, *золотѣнь*. Фармацевт. назв. Virgaurea s. Consolida sarracenica (herba), *живителѣная трава* (Перм. Леп.), *желѣзнянка боровая* (Вят. Meyer), *заячій пухъ* (Уф.), *золотая вѣтка* (Перев.), *разстрѣльная* (Ниж.), часто встрѣчается въ загородной рощѣ и по оврагамъ. Употребляется при болѣзняхъ мочевыхъ органовъ, камняхъ въ почкахъ и пузырѣ, также при леченіи ранъ.

Inula salicina, Linn., *ивовый дивясилъ*. Фармацев. назв. Bubonium luteum (radix), *желтый глазъ* (Вят. Сѣнц.), *осолодошникъ* (Уф.), *сердечная трава* (Lind. Вят. Meyer), очень часто попадается по берегамъ рѣкъ и на островахъ. Въ народной медицинѣ употребляется отъ венерической болѣзни въ пилюляхъ; листья его подмѣшиваются къ листьямъ арники.

Inula Britanica, Linn., *луговой девясилъ*, мѣстами часто попадается на влажныхъ лугахъ.

Chrysanthemum leucanthemum, Linn., *ивановъ цвѣтъ*. Нынѣ Leucanthemum vulgare. Фармац. назв. Bellis majus (herba et flores), *блохогонъ* (по дѣйствію), *бѣликъ* (Вят. Meyer), *бѣлякъ* (Каз.), *бѣлоцвѣтъ* (Вят. Пуп.), *стоцвѣтъ* (Lind.), Перм.—*чёчко́мъ-юръ*, т. е. бѣлая голова (Рогов.), попадается мѣстами и понемногу въ заго-

родной рощѣ и по оврагамъ. Употребляется для купанія дѣтей, отъ разслабленія мочеваго пузыря, отъ грыжи, отъ мелкихъ плоскихъ глистовъ (Волог.), отъ золотушной глазной болѣзни (Кал.), пьютъ отъ головной боли (Тотьма).

Inula inodorum, Linn. (Pyrethrum inodorum, Sm.), *непахучій поповникъ*, множество ростетъ на влажныхъ пустырныхъ мѣстахъ.

Achillea millefolium, Linn., *тысячелистникъ*, *деревей*, *кровавникъ*, *тысячелистная гулявица*, *гусиная гречка* (Даль), *грыжная трава* (Вят. Meyer), *девятиха бѣлая* и *красная* (Арх.), *дѣвичьи пупки* (Алт. Пот.), *дикая каша* (Каз.), *красноцвѣтка* (Вят.), *ладанъ росной* (въ Никол. станицѣ на Алтаѣ Пот.), *материнка* (Даль), *носочистка* (Вят. Сѣнц.), *порѣзная трава* (Алт. Арх.), кирг.—*ширчиканъ*, очень распространенъ по лугамъ и полямъ. Трава и цвѣты, подъ именемъ herba et summitates millefolii, составляютъ общеупотребительное лекарство. Они имѣютъ свойство укрѣпляющее, возбудительное и принимаются при слабости пищеварительныхъ органовъ, при геморроидальныхъ и маточныхъ кровотеченіяхъ, при боляхъ во время мѣсячнаго очищенія, при слизистыхъ бѣляхъ, перемежающейся лихорадкѣ и др. Въ народной медицинѣ—отъ порѣза для остановленія кровотеченія, отъ боли въ груди, для открытія молока у матерей и мн. друг. Листья собираются вмѣстѣ съ цвѣтущими головками и употребляются какъ горькое желудочное средство, въ видѣ чая или желудочной водки.

Achillea nobilis, Linn., *благородная гулявица* попадается на сухихъ мѣстахъ противъ лагеря передъ береговыми откосами, маленькими группами.

Achillea cartilaginea, Ledeb., *хрящеватая гулявица*, очень много попадается на влажныхъ лугахъ по берегамъ рѣкъ и на островахъ.

Tanacetum vulgare, Linn., *пижма*, *дикая рябинка*, *глистникъ* (Томск. Андр.), *девятибратъ* (Перм.), *пуповка* (Алт.), *рябинникъ*

желтый (Вят.), *сузикъ* (Даль), часто попадается по дорогамъ, по откосамъ лѣваго берега р. Оми. Въ Сибири растеніе это извѣстно подъ именемъ девятильника клоповнаго. Его раздѣляютъ на мужской и женскій; послѣдній отличается отъ перваго ямочками на цвѣточныхъ головкахъ. Мужской полезенъ отъ „жолуницы", или желтухи для мужчинъ, а женскій отъ той же болѣзни у женщинъ. Его парятъ и пьютъ вмѣсто чая. Растеніе это извѣстно также и какъ укрѣпляющее. Въ Пермской губерніи собирается цвѣтущее растеніе, отваръ котораго употребляется отъ желтой грыжи (при желтухѣ?), отъ худобы и глистовъ. Послѣ употребленія—говорятъ —является потребность ко сну (Крыл.) Дается такъ же, какъ и глистогонное (противъ червячковъ и круглыхъ глистовъ), въ водной наливкѣ (изъ одной унціи на шесть унцій воды), или въ видѣ порошка (1—2 скрупула на пріемъ) и въ промывательномъ. Такъ какъ рябинка сама по себѣ не слабитъ, то вмѣстѣ съ нею даютъ слабительное. Употребляютъ отъ клоповъ.

Artemisia Absinthium, Linn., *полынь*. Въ фарм. называется Absinthium majus, s. rusticanum, s. vulgaris (Summitates, Тран.), *горечь* (Вят.), кирг. *юшанъ* (Falk.), очень часто встрѣчается на сухихъ мѣстахъ и на пустыряхъ. Принадлежитъ къ горчайшимъ травамъ и потому употребляется при слабомъ пищевареніи. Въ народной медицинѣ употребляется отъ лихорадки, въ видѣ настоя, отъ боли живота, печени и селезенки, противъ вѣтровъ, для возбужденія аппетита и отъ глистовъ. Противъ глистовъ (червячковъ) отваръ полыни назначаютъ въ клистирахъ вмѣстѣ съ чеснокомъ. Въ деревняхъ предпочитаютъ употреблять, такъ называемую, каменную полынь (artemisia frigida, sericea) низкую сѣро-бѣловатаго цвѣта, ростущую на каменистыхъ утёсахъ и на старыхъ каменныхъ развалинахъ и стѣнахъ. Ее употребляютъ также отъ чахотки, кашля, удушья и падучей болѣзни.

Artemisia vulgaris, Linn., *обыкновенный чернобыльникъ*. Фармац. названіе Artemisia rubra, alba, vulgaris, *быльникъ горькій* (Вят. Meyer Fl.), *будыльникъ* (Сиб. Gmel. Fl.), очень часто встрѣчается

по дорогамъ, рвамъ, на бывшихъ пашняхъ и подъ деревьями. Въ народной медицинѣ употребляется отъ всѣхъ женскихъ болѣзней, происходящихъ отъ разстройства женскихъ отправленій (Пупар.) Корень собирается осенью, при чемъ берутъ только боковые корешки, которые обрѣзываютъ и очищаютъ отъ земли, не промывая водою, высушиваютъ и хранятъ въ хорошо закупоренной банкѣ. Корни эти очень тонки, около 2 вершковъ длины, снаружи свѣтло-буры, внутри бѣлы, запахъ непріятный, вкусъ слизисто-сладковатый, острый. Употребляютъ противъ падучей болѣзни, нервнаго разстройства у женщинъ (истерика), противъ бѣлей, при задержаніи регулъ и при нѣкоторыхъ другихъ маточныхъ болѣзняхъ. Даютъ въ видѣ чая, или настойки на водкѣ, а также въ порошкѣ, по 20—30 гранъ па пріемъ.

Artemisia Lercheana, Stegm., *чернобыльникъ Лерха* Syn. Art. Santonica L. (exparte) Дост. Flores Cinae Indicae vel Barbaricae, *Варварійское* или *Индійское цытварное съмя. Лжецедооръ*, мѣстами много попадается, особенно на сухихъ солонцеватыхъ и бѣдныхъ травою мѣстахъ. Растеніе это хотя и имѣетъ очень ароматный запахъ, но послѣдній нисколько не напоминаетъ собою запаха цытварнаго сѣмени, которое и не можетъ быть добыто изъ этого растенія здѣсь, тогда какъ въ жаркихъ мѣстахъ цытварное сѣмя получается отъ слѣдующихъ видовъ Artemisiae: Art. Lercheana (включая сюда и Art. Santonica), Art. parviflora, Art. Syeberi u Art. Wahliana. Послѣднее считается самымъ лучшимъ.

Artemisia campestris, Linn., *полевой чернобыльникъ* ростетъ въ большомъ числѣ на лугахъ и бывшихъ пашняхъ.

Artemisia frigida, Willd., *холодный чернобыльникъ* густо покрываетъ сухія и скудныя травою мѣста, какъ бѣловатымъ ковромъ. Подъ названіемъ горной полыни употребляется въ народной медицинѣ (см. Artemisia absinthium).

Artemisia procera, Willd., *знатный чернобыльникъ*, большая

группа его ростетъ на лѣвой сторонѣ р. Иртыша, вблизи парома, на низменной влажной мѣстности.

Artemisia rupestris, Linn., *каменный чернобыльникъ* разсѣянъ въ небольшомъ числѣ на сухихъ лугахъ. Запахъ бальзамическій.

Artemisia pontica, Linn., *Римскій чернобыльникъ* очень распространенъ на лугахъ и подъ деревьями.

Artemisia laciniata, Willd., *расщепленный чернобыльникъ*, встрѣчается въ двухъ разновидностяхъ:

Var. 1) **glabriuscula**, *голый*, разсѣянъ въ небольшомъ числѣ передъ загородною рощею между кустарниками и на откосахъ по лѣвой сторонѣ р. Оми подъ деревьями.

Var. 2) **incana**, *сѣдой*, немного замѣчено пройдя лагерь по р. Иртышу въ болотѣ.

Artemisia holosericea, Ledeb., *шелковистый чернобыльникъ* тоже имѣетъ двѣ разновидности:

Var. 1) **grandiflora**, *крупноцвѣтный чернобыльникъ*, рѣдко попадается группами въ загородной рощѣ подъ деревьями и кустарниками.

Var. 2) **parviflora**, *мелкоцвѣтный* встрѣчается мелкими группами на сухихъ солнечныхъ и отлогихъ мѣстахъ по Захламинской дорогѣ и по лѣвой сторонѣ р. Оми.

Artemisia glauca, Pall., съ нераздѣльными линейными листьями и непріятнымъ запахомъ, встрѣчается въ 2-хъ разновидностяхъ:

1) *сѣрая, пушистая,* съ сильнымъ запахомъ и

2) *зеленая, голая* съ слабымъ запахомъ, на всѣхъ мѣстахъ и пустыряхъ во множествѣ. Часто изъ нихъ приготовляютъ вѣнники для метенія половъ, потому что запахъ ихъ считаютъ уничтожающимъ блохъ.

Gnaphalium dioicum, Linn., *двудомная сушеница*, v. Antennaria dioica, Gärtn (Syn. Helychrysum montanum Rupr.), off. Gnaphalium s. Pilosella alba s. Pescati (Fl. et Herba). *Гвоздика бѣлая* и *красная* (Вят.), *грыжникъ*, *жабная трава* (Дом. леч.), *кошачья лапа* (Собол. Вят.), *сорокоприточная* (Алт. Кузн.), множество ростетъ передъ загородною рощею, между кустарниками. Употребляется отъ опухоли, отъ бѣлей и при неправильномъ очищеніи, для присыпки ранъ въ видѣ порошка.

Gnaphalium uliginosum, Linn. У Rupr. Helychrysum aquaticum *змѣевикъ* (Даль), *заломъ*, *жабная трава* (Дом. леч.), *срызъ* (Вят. Meyer), *болотная сушеница*, часто попадается на сырыхъ мѣстахъ и по берегамъ рѣкъ. Употребляется отъ жабы и при раненіяхъ.

Senecio vulgaris, Linn. Фармац. назван. Senecio, s. Erigeron (Herba), *живительная трава* (Лял.), *обыкновенный крестовникъ*, мало попадается на мокрыхъ мѣстахъ въ огородахъ и у заборовъ. Трава эта отваренная или стертая съ масломъ прикладывается къ затвердѣлымъ молочнымъ железамъ, геморроидальнымъ шишкамъ и при ломотѣ.

Senecio Jacobaea, Linn., *крестовникъ Якова* очень часто встрѣчается по дорогамъ и окраинамъ лѣсовъ.

Senecio erucifolius, Linn., *гулявниковой крестовникъ* мало и рѣдко попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми у подножія откосовъ.

Cineraria palustris, Linn., (Senecio palustris, De C.) *болотный зольникъ* очень рѣдко попадается на сырыхъ мѣстахъ.

Cineraria Schkuhrii, Reichenb., *зольникъ Шкура* очень часто въ загородной рощѣ и на лугахъ.

Bidens tripartita, Linn., *череда*, *козьи рожки*, *двузубецъ*, очень часто ростетъ на сырыхъ мѣстахъ и по берегамъ. Листья соби-

раются съ цвѣтами и высушиваются. Отваръ череды употребляется противъ золотухи. Такъ называемый аверинскій чай состоитъ изъ равныхъ частей этого растенія и трехцвѣтной фіалки (Иванъ да Марья).

Bidens cernua, Linn., *поникшая череда*, замѣчена одна маленькая группа передъ лагеремъ по р. Иртышу и на лѣвой сторонѣ Иртыша по рѣчкѣ Самарайкѣ.

Aritium Lappa, Linn. (Aritium tomentosum, Schkuhr), Lappa major, Gärtn. Syn. Lappa officinalis All. Фармац. назв. корня Radix Bardonae majoris s. Lappa majoris s. Personatae (всѣхъ трехъ видовъ), *лапушникъ*, *рѣпейникъ*, *липучія шишки* (Шенк.), кирг.—*учагáнъ*, Перм.—*порсь-кокъ-турунъ*, т. е. свиная нога - трава (Рогов.) репей), татар.—*кянгéръ*, *птеханъ*, множество встрѣчается по дорогамъ, рвамъ и на пустыряхъ. Разновидность съ бѣлыми цвѣтами замѣчена въ оврагѣ передъ пос. Захламинскимъ. Въ народной медицинѣ употребленіе многоразлично: сокъ отъ листьевъ употребляется при раненіяхъ, отваръ корня—отъ чесотки, листья прикладываются при цинготныхъ кровоизліяніяхъ на конечностяхъ.

Serratula coronata, Linn., *коронная серпуха*, *дурманъ* (Перм. Крыловъ), *серпухъ* (Сиб. Gmel.), встрѣчается по одиночкѣ и рѣдко по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ между деревьями. Стебель съ листьями этого растенія служитъ для приготовленія отвара, который и употребляется для окраски шерсти въ желтый цвѣтъ.

Serratula multiflora, Linn., *многоцвѣтная серпуха* очень мало попадается по правой сторонѣ р. Оми на верху передъ откосомъ, на сухомъ солнечномъ мѣстѣ.

Saussurea amara, De C. (Serratula amara, Linn.), *горькая серпуха*, *горькій корень* (Левч.), *горькуша*, очень часто ростетъ на влажныхъ солонцеватыхъ мѣстахъ. Отваръ корней употребляется въ Сибири отъ сифилитическаго лома костей.

Carduus nutans, Linn., *поникшій чертополохъ*, такой же *волчецъ, бодякъ, бодецъ, домовикъ* и *ёжъ* (Вят.), часто попадается на пустыряхъ и бывшихъ пашняхъ.

Cirsium acaule, All. (Carduus acaulis Linn.), *безстебельный татарникъ, чертополохъ* (Бесс.), *губжа* (Даур.), киргизское—*тюэтабанъ*, т. е. верблюжій слѣдъ (Потан.), немного встрѣчается на влажныхъ мѣстахъ противъ лагеря и по лѣвой сторонѣ р. Оми. Стебли этого растенія ѣдятъ въ сыромъ видѣ.

Cirsium serratuloides. Scop. (Cnicus serratuloides, Linn.), *серпуховидный татарникъ* ростетъ въ большомъ числѣ по лугамъ, полямъ и пашнямъ, примѣшивается къ хлѣбнымъ зернамъ, какъ сорная трава.

Carlina vulgaris, Linn., *пуховникъ, колючникъ, бѣлый девясилъ* мало и рѣдко встрѣчается въ кустарникахъ къ сѣверу отъ города.

Centaurea cyanus, Linn., *василекъ* рѣдко встрѣчается на пашняхъ и въ огородахъ.

Centaurea scabiosa, Linn., *перистый василекъ, желѣзный корень, свербежнолистная лоскутница, Адамова голова* (Спб.), *осотъ черный* (Вят.), *шаболовникъ* (Вят.), *Христовы ребра* (Перм. Клеп.), очень часто попадается на лугахъ и поляхъ. Въ Пермской губерніи пьютъ траву отъ боли въ поясницѣ (Клеп.)

Tragopogon orientalis, Linn., *восточный козлобородникъ* находится рѣдко и разсѣянъ на богатыхъ травою лугахъ.

Scorzonera purpurea, Linn., *пурпуровый козелецъ, стоголовникъ* (Bohk.), распространенъ въ большомъ количествѣ въ загородной рощѣ и на лугахъ; цвѣтокъ пахнетъ ванилью. Употребляется отъ укушенія бѣшеной собаки.

Scorzonera graminifolia, Linn., *травяномистный козелецъ*, немного найдено по правой сторонѣ р. Оми на верху передъ откосомъ, на сухомъ солнечномъ мѣстѣ.

Scorzonera parviflora, Iacq., *мелкоцвѣтный козелецъ*, его немного замѣчено пройдя лагерь по р. Иртышу на влажныхъ мѣстахъ.

Hypochaeris maculata, Linn., *пазникъ, пятнистая ястребка*, разсѣянъ на богатыхъ травою лугахъ и подъ деревьями.

Sonchus oleraceus, Linn., *огородный осотъ* часто встрѣчается въ огородахъ какъ сорная трава.

Sonchus uliginosus, M. a B. (Sonchus intermedius, Brück), *влаголюбивый осотъ* разсѣянъ по влажнымъ береговымъ мѣстамъ.

Sonchus sibiricus, Linn., *Сибирскій осотъ* разсѣянъ и мѣстами часто встрѣчается на влажнымъ лугахъ и подъ кустарниками.

Sonchus tataricus, Linn., *татарскій осотъ* попадается мѣстами по береговымъ откосамъ и оврагамъ.

Leontodon Taraxacum, Linn. (Taraxacum officinale, Web.), *одуванчикъ, попово гуменцо*, всюду распространенъ. Листья могутъ быть употребляемы, какъ салатъ. Въ медицинѣ употребляется вытяжка изъ корня, какъ разрѣшающее по дѣйствію и связующее для приготовленія пилюль.

Crepis tectorum, Linn. (Hieracium tectorum, Karsch., Hieracioides vulgatissima Rupr.), *скерда, скрипуха, кровельная ястребинка, бузульникъ* (Собол.), *пушникъ* (Вятск.), *скрипуха кровельная* (Собол.), часто встрѣчается на лугахъ, по дорогамъ и въ огородахъ.

Hieracium praemorsum, Linn. (Crepis praemorsa, Tauch.), *от-*

грызенная ястребинка встрѣчается по одиночкѣ и рѣдко въ загородной рощѣ и на лугахъ.

Hieracium echioides, Lumnitz, *ежевидная ястребинка* разсѣяна на сухихъ мѣстахъ и на бывшихъ пашняхъ.

Hieracium umbellatum, Linn., *зонтичная ястребинка, желтунецъ* (Каз.), *куколь* (Ниж.), *каюкъ* (Уфим.), немного замѣчено противъ тюремнаго замка подъ деревьями и въ загородной рощѣ. Употребляется для крашенія пряжи въ желтый цвѣтъ, отъ болѣзни, называемой „летучкой" (ревматизмъ?), отъ опухоли въ видѣ припарки.

Hieracium virosum, Pall. (Hieracium foliosum), *листистая ястребинка, ядовитая трава* (Кондр.), ростетъ на сухихъ отлогихъ мѣстахъ передъ оврагами по одиночкѣ и въ группахъ.

Hieracium sibiricum, Linn. (Crepis sibirica, Linn.), *сибирская ястребинка* попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ, по лѣвой сторонѣ р. Иртыша, очень часто.

Hieracium lyratum, Linn., *лирообразная ястребинка* разсѣяна и мало попадается на откосахъ лѣваго берега р. Оми подъ деревьями.

СЕМ. CAMPANULACEAE. КОЛОКОЛЬЧИКОВЫЯ.

Campanula infundibulum, Vest., *колокольчикъ, воронка*, очень часто попадается вездѣ на лугахъ и въ кустарникахъ.

Campanula sibirica, Linn., *сибирскій колокольчикъ, мѣсячная трава* (Соб.), *трехцвѣтка* (Уфим.), *василекъ полевой* (Подол.), *воувчукъ* (Тавр.), *дикая буковица* (Курск.), *повилика* (Харьк., Екат. Grun.), разсѣянъ группами по бывшимъ пашнямъ. Въ Подольской губерніи употребляется отъ зубной боли въ видѣ полосканія, а въ Таврической губерніи отъ венерической болѣзни.

Campanula liliifolia, Linn., (Adenophora communis, Fisch.), *лилійнолистный колокольчикъ* мало попадается по лѣвой сторонѣ р. Иртыша подъ деревьями, за кожевеннымъ заводомъ.

СЕМ. ERICACEAE. ВЕРЕСКОВЫЯ.

Pirola rotundifolia, Linn., *круглолистная грушанка*, такая же *грушевка*. Фармац. назв. Pirola s. Pirola major (Herba), *березка* (Вят. Meyer. Лям.), *борвинокъ* (съ франц.), *боровой бронецъ* (Перм. Клеп.), *живая трава* (Арх.), *ноготпдная трава* (Сиб.), *подъячникъ* (стар. Рук.), *подлѣсъ* (Волог., Никол. у Пот.), *чернолистка* (Сиб.), Якут.—*хара-себердякъ* (Павл.), встрѣчается немного, маленькими группами на откосахъ лѣваго берега р. Оми подъ деревьями. Въ Пермской губерніи пьютъ настой отъ болей послѣ родовъ.

Pirola secunda, Linn., *односторонняя грушанка*, такая же *грушевка*, попадается на тѣхъ же мѣстахъ, но менѣе и по одиночкѣ.

Pirola umbellata, Linn. (Chimophila umbellata, Nutt), *зонтичная грушанка* очень немного встрѣчается въ бору у села Чернолуцкаго.

СЕМ. PRIMULACEAE. БАРАНЧИКОВЫЯ. СКОРОСПѢЛКОВЫЯ.

Primula longiscapa, Ledeb., *длинностебельный первоцвѣтъ*, такой же *баранчикъ* или *скороспѣлка*, часто находится пройдя лагерь по р. Иртышу, на влажныхъ лугахъ.

Androsace septentrionale, Linn., *сѣверный проломникъ*, *грыжная трава* (Gmel.), *перелойная трава* (Кондр.), *лапа мужская* (Кондр. Даль), *рѣзуха* (Б. Сл. Мейера), *твердочашечникъ* (Тобол.), употребляется въ Сибири при бѣляхъ у женщинъ и gonorrhoe'ѣ у мужчинъ.

Androsace maxima, Linn., *крупночашечный проломникъ*, попа-

дается мѣстами густыми группами на бывшихъ пашняхъ и на солнечныхъ откосахъ.

Lysimachia vulgaris, Linn., *обыкновенный вербейникъ*. Фармац. назв. Lysimachia lutea (Herba), *лабазникъ* (Wied.), часто встрѣчается на влажныхъ мѣстахъ подъ кустарниками. Трава употребляется противъ кровотеченія, поноса и скорбута, а снаружи при раненіяхъ. Сушеная и сожженая истребляетъ мухъ. Листья даютъ желтую краску. Въ народной медицинѣ тоже идетъ на составленіе кровоочистительнаго декокта, на припарки отъ опухолей, отъ грыжи (Влад.), отъ запора и отъ изнеможенія пьютъ отваръ, отъ кроваваго поноса—настойка на водкѣ.

Lysimachia thyrsiflora, Linn., *метелкоцвѣтный вербейникъ*, немного замѣчено противъ лагеря въ болотистомъ мѣстѣ, маленькими группами.

Glaux maritima, Linn., *морской приземникъ*, такой же *млечникъ*, *молочная трава* (Lind.), *гремникъ* (Меркл.), массами находится по Иртышу и Оми на солончакахъ. Увеличиваетъ количество молока. Служитъ указателемъ соленыхъ источниковъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ростетъ.

СЕМ. LENTIBULACEAE. ПУЗЫРЧАТКОВЫЯ.

Utricularia vulgaris, Linn., *пузырчатка*. Фармац. назв. Lentibularia, (Herba), *волынчатка* (Собол.), *воронковидъ*, *пузырница* (Даль), попадается только группами мѣстами противъ лагеря въ болотистыхъ стоячихъ водахъ.

СЕМ. ASCLEPIADACEAE. ЛАСТОЧНЕВЫЯ.

Cynanchum vincetoxicum, R. Br. (Asclepias vincetoxicum Linn.) *противоядный ластовень*, ростетъ группами на отлогихъ мѣстахъ

въ загородной рощѣ. Ядовитое растеніе, прежде употреблялось какъ лекарство.

Cynanchum sibiricum, R. Br. (Asclepias sibirica, Linn.), *Сибирскій ластовень* (Дспе.), *кендырь, кендырь* (Сиб. Меркл.), *полевой огурецъ, степной огурчикъ* (Даур.), ростетъ маленькими группами на бугристыхъ и отлогихъ береговыхъ мѣстахъ по правой сторонѣ р. Оми.

СЕМ. GENTIANEAE. ГОРЧАНКОВЫЯ. ГОРЕЧАВКОВЫЯ.

Gentiana Pneumonanthe, Linn., *легочноцвѣтная горчанка*, такая же *горечавка* или *стародубка, колокольня луговая* (Вят. Котел.), *соколій перелетъ* (Максим.), *уразникъ* (Перм. Клеп.), часто ростетъ на влажныхъ лугахъ. Употребляется для крашенія шерсти въ голубой цвѣтъ, отъ ушиба пьютъ настой, отъ боли въ животѣ—отваръ, отъ простуды—настойку; въ трудныхъ родахъ и отъ горячки—пьютъ отваръ (Вор.), отъ шума въ ушахъ и отъ золотухи.

Gentiana cruciata, Linn., *крестовая стародубка, сокольній перелетъ, василиса* (Вят. Meyer Пуп.), *ископытъ* (Вят. Meyer), *казакъ* (Перм. Клеп., Вят. Meyer), *семиродникъ* (Вят.), *синеголовъ, соколинникъ* (Вят. Котел.), *синіе пѣтушки* (Lind.), *семигодникъ* (Вятск. Meyer), *уразная* (Вят. Meyer), очень рѣдко разсѣянъ по лѣвой сторонѣ р. Оми. Употребляется отъ водобоязни, отъ порѣза, отъ болей подъ ложечкой—въ видѣ настоя, отъ кашля у лошадей.

Gentiana ciliata, Linn. (Gentiana barbata, Froel.), *рѣсничная горчанка*, такая же *горечавка*, попадается въ небольшомъ числѣ по лѣвой сторонѣ р. Оми на откосахъ подъ деревьями.

Limnanthemum nymphaeoides, Link. (Menganthes nymphaeoides, Linn. Villarsia nymphaeoides, Vent., *кувшинчиковая вахта* ростетъ передъ лагеремъ въ болотныхъ стоячихъ водахъ въ большомъ числѣ и группами.

СЕМ. CONVOLVULACEAE. ВЬЮНКОВЫЯ. ПОВИЛИКОВЫЯ.

Convolvulus arvensis, Linn., *полевой вьюнокъ*. Фармац. назв. Convolvulus minor. *Вьюнъ, вьюнчикъ* (Meyer, Бот. Сл. Даль). Тат. на Алт. *торютарткычи*, въ Киргизской степи *чермакъ*, замѣчено на откосахъ передъ Любинскою городскою рощею и на правой сторонѣ р. Оми у кирпичнаго завода въ двухъ большихъ группахъ. Трава славится, какъ отличное заживляющее раны средство, а корень обладаетъ слабительнымъ свойствомъ.

Convolvulus sepium, Linn. *Плетневый вьюнокъ* рѣдко попадается по оврагамъ между деревьями, группами.

Cuscuta monogyna. Vahl. *Однопестичная повитель*, такая же *повилица*, встрѣчается часто на островахъ; какъ чужеядное растеніе, она обвиваетъ молодыя ивы и губитъ ихъ.

Cuscuta europaea, Linn. *Европейская повитель*, такая же *повилица*, ростетъ по лѣвой сторонѣ р. Оми, встрѣчается вообще рѣже и менѣе вредна, чѣмъ предъидущая, обвиваетъ крапиву.

СЕМ. BORAGINEAE. БУРАЧНИКОВЫЯ.

Pulmonaria mollis, Wolff. *Медуника, медуница*, разсѣяна подъ деревьями и у кустарниковъ, цвѣтетъ раннею весною. Прежде была извѣстна какъ Pulmonaria officinalis Linn. Tabern. и употреблялась въ народной медицинѣ, какъ самое дѣйствительное средство при золотухѣ въ формѣ питья и ваннъ.

Lithospermum officinale. *Куросмѣнъ меньшій* (Кондр.), *солнечное просо* (Кондр.), *аптекарское каменное сѣмя* (Собол. перев.), *лекарственный воробейникъ*, такое же *воробьиное сѣмя*, часто попадается подъ кустарниками и во рвахъ. Въ Богеміи разводится для подделки чая.

Lithospermum arvense, Linn. *Пашенный воробейникъ*, такое же *воробьиное сѣмя*, *деребянка* (Вят. Meyer), *румянница* (Вят. Пуп.), *рѣпяшокъ* (Wied.), разсѣянъ по бывшимъ пашнямъ и на пустыряхъ. Корни, собранные весною до появленія листьевъ, употребляются какъ румяны.

Myosotis alpestris, Schmidt. *Обыкновенная незабудка* встрѣчается множество на лугахъ подъ кустарниками.

Myosotis caespitosa, Schultz. (Myosotis lingulata Lehm.) *Болотная незабудка*, *мокрыникъ* (Нижег.), рѣдко попадается на сырыхъ мѣстахъ.

Onosma simplicissima, Linn. *Ословонникъ*, *бараній языкъ*, очень часто находится на сухихъ солнечныхъ мѣстахъ и по оврагамъ.

Asperugo procumbens, Linn. *Лежачая острица*, замѣчена большая густая группа подъ береговымъ откосомъ за военнымъ госпиталемъ.

Echinospermum Lappula, Lehm. (Lappago Myosotis, Mnch.) *Рѣпейчатая липучка*. Фармац. назв. Cynoglossum minus. *Липушникъ* (Вят. Пуп.), *любимъ* (Уфим.), множество ростетъ по пустырямъ и бывшимъ пашнямъ.

Cynoglossum officinale, Linn. Фармац. назв. Cynoglossum majus, L. Lingua canina. *Лекарственный чернокорень*, *чередникъ*, *щелкуна*, *мышиный духъ*, *одуръ* (Вят. Пуп.), *полюбимъ* (Вят.), *собачникъ аптечный* (Собол.), *собачій языкъ* (Кондр. пер.), *якутка* (Якут. обл.), рѣдко разсѣянъ на пустыряхъ за городомъ. Въ народной медицинѣ употребляется отъ ломоты. Якуты настаиваютъ эту траву на винѣ и пьютъ отъ боли въ желудкѣ и заваловъ, а также отъ тошноты, давленія и отъ поноса. Растеніе вообще ядовито.

СЕМ. SOLANEAE. ПАСЛЕНОВЫЯ.

Hyoscyamus niger, Linn. Фармац. назв. Hyoscyamus s. Faba suilla s. porcina (herba et folia). *Бѣлена, блекотница, бѣлунъ* (Даль), *бѣшеная трава* (Урал. Пот.), *бѣшенница* (Каш. Приарг. кр.), *зубникъ* (сѣмена Вят. Meyer), *пьяный корень* (Даль), множество встрѣчается на пустыряхъ и по дорогамъ. Бѣлена имѣетъ сильно ядовитое свойство. Значительные пріемы ея производятъ сухость въ полости рта и глотки, доходящую почти до невозможности глотать; голосъ становится хриплымъ, кожа сухою, лицо краснѣетъ, зрачки расширяются, является оглушеніе, головная боль, головокруженіе, шумъ въ ушахъ, притупленіе слуха, ослабленіе зрѣнія, сопливость. Поэтому назначеніе бѣлены внутрь должно быть не иначе, какъ по предписанію врача (даютъ въ порошкѣ или настоѣ отъ 1 до 2 гранъ). Смѣлѣе можно употреблять это средство снаружи, какъ болѣутоляющее, въ формѣ припарокъ, примочекъ, мазей и пластырей. Для мази и пластыря можно взять полдрахмы порошка бѣлены на одну унцію жира или пластырной смѣси. Весьма часто употребляется бѣленное масло (Ol. hyoscyami). Его приготовляютъ настаиваніемъ листьевъ бѣлены на крѣпкомъ спиртѣ и затѣмъ прибавленіемъ масла. Спиртъ потомъ удаляется выпариваніемъ, а масло выжимается подъ прессомъ, отстаивается и процѣживается. Въ народной медицинѣ употребляются сѣмена для излеченія зубной боли. Для этого берутъ восковую свѣчку и облепляютъ ее всю сѣменами бѣлены, затѣмъ свѣчу зажигаютъ и направляютъ отдѣляющійся дымъ въ ротъ.

Solanum nigrum, Linn. *Вороняшка, черноягодный пасленъ, поздника* (Меркл.), *базника* (во всемъ Уральск. войскѣ), *жибзника* (Даль), *сорочьи ягоды* (Вят. Вешт.), кирг.—*кара-булдыргенъ* (Пот.), часто попадается въ огородахъ какъ сорная трава. Ягоды употребляются въ пищу (въ пирогахъ); ихъ даютъ дѣтямъ отъ глистовъ.

Solanum persicum, Willd. *Вороньи ягоды, сладкогорькій пасленъ, бережная осолодка* (Перм. г. Кунг.), *кустовая осолодка* (Красноуф.

Крыловъ), *медвѣжьи ягоды* (Сиб. Gmel.), *сладкая трава* (Вят. Meyer), очень часто попадается у заборовъ и во рвахъ. Корень растенія считается въ Перм. губ. дѣйствительнымъ средствомъ отъ сифилиса (худой болѣзни) и, по мнѣнію многихъ народныхъ лекарей, можетъ замѣнить сассапарилъ. Принимается въ видѣ водянаго отвара и настоя на водкѣ. Водяной отваръ приготовляется такъ: корень рѣжутъ на части, кладутъ въ горшокъ съ водой, замазываютъ тѣстомъ и ставятъ въ печь (Перм. Крыловъ). Stipites dulcamare, т. е. молодые стебли, содержатъ: кристаллическое тѣло алколоидъ соланинъ и дулькамаринъ—тѣло, тоже съ характеромъ слабаго основанія. Въ медицинѣ употребляется въ отварѣ и въ примѣсяхъ къ сборамъ (грудномъ—Species ad infusum pectorale), какъ уменьшающее раздраженіе дыхательныхъ путей и въ случаяхъ, когда желаютъ возбудить дѣятельность почекъ.

СЕМ. OROBANCHEAE. ЗАРАЗИХОВЫЯ.

Orobanche polymorpha, Schrek. *Заразиха.* Латинское названіе „orobanche“ сложилось изъ словъ: „orobos“ и „anchein“—истреблять растеніе; она истребляетъ бобовыя растенія, разсѣяна на бывшихъ пашняхъ и около береговъ. Чужеядное растеніе существуетъ на счетъ другихъ, извлекая питательность изъ ихъ корней.

СЕМ. SCROPHULARINEAE. НОРИЧНИКОВЫЯ.

Verbascum phoeniceum, Linn. *Фіолетовый коровякъ, медвѣжье ухо, царскій скипетръ, бобки* (Хер.), *вичирки* (Малор. Рог.), *самоцвѣтъ* (Курск. Горн.), *царскія свѣчки* (Вор.), разсѣянъ на пустыряхъ и бывшихъ пашняхъ.

Linaria vulgaris, Moench. *Льнянка, ленникъ, собачки* Mill. Фармацевт. назв. *Antrihinum vulgare* s. Osyris. *Башмачникъ* (Казан.), *внутренникъ* (Вят. Meyer), *денежникъ* (Уф.), *жолуницъ, котовыя яйца* (Вят. Meyer), *ленъ Дѣвы Маріи* (Кондр.), *полевой ленъ* (Каш. Приарг. кр.), *плотикъ, путикъ* (Вят. Meyer), *стаканчики* (Арх. Меркл.),

щелчокъ (Вят. Meyer), очень часто встрѣчается на пустыряхъ, бывшихъ пашняхъ и откосахъ. Въ народной медицинѣ употребленіе этого растенія очень обширно, но преимущественно отъ воспаленія и затвердѣнія печени, отъ боли и рѣзи въ животѣ или подъ ложечкой, отъ головной боли, при желтухѣ, грыжѣ, золотухѣ, глистахъ.

Veronica longifolia, Linn. *Длиннолистная дубровка* или *дубравка, горлянка* (Вят.), *кипрейникъ синій* (Ниж.), *коноплянникъ* (Вят. Котел.), *плакунъ* (Кал.), *синіе султанчики* (Собол.), часто ростетъ на влажныхъ лугахъ между кустарниками и на островахъ. Листья прикладываютъ къ ногамъ, когда онѣ пухнутъ отъ жара (Арх.)

Veronica panniculata, Pall. *Метелкообразная дубравка* разсѣяна по лугамъ и подъ кустарниками.

Veronica spicata, Linn. *Колосистая дубравка, Андрей-трава* (Кондр.), *Андреевъ крестъ* (Собол.), *змѣевецъ* (Перм. Клеп.), часто попадается въ загородной рощѣ, на лугахъ и бывшихъ пашняхъ. Употребляется отъ укушенія бѣшеной собаки (Каз.) Въ Пермской губ. змѣевецъ прикладываютъ къ нарывамъ на пальцахъ (Клеп.)

Veronica incana, Linn. *Сѣдая дубравка, рябиновка* (Уфим.), *сердечная* (Новг.), очень часто попадается по береговой части загородной рощи и по правой сторонѣ р. Оми на сухихъ мѣстахъ. Употребляется отъ болѣзни сердца и простуды.

Veronica Anagallis, Linn. *Водяная дубравка*, Tabern. Berula s. Anagallis aquatica. *Водяная вероника* (Двиг.), *ключевая* (Вят. Meyer), *супротивница* (Кунгуръ), очень рѣдко попадается на болотистыхъ мѣстахъ.

Veronica scutellata, Linn. *Щитовидная дубровка, уржовникъ* (Моч.), изрѣдка ростетъ по лѣвой сторонѣ р. Оми на болотистыхъ лугахъ.

Veronica Teucrium, Linn. *Широколистная дубровка, змѣиная головка,* очень распространена по лугамъ и окраинамъ лѣсовъ, имѣетъ двѣ разновидности: одну съ темносиними, другую съ красносиними цвѣтками.

Limosella aquatica, Linn., получила названіе отъ слова „limosus"—болотный, грязный, *лужайникъ, грязница водяная* (Собол.), *стрекунъ, стрикунъ* (Сл. Ц.), множество находится по сырому берегу р. Иртыша подъ тальникомъ.

Castilleja sibirica, Landl. (Bartsia pallida, Linn.), рѣдко попадается на откосахъ лѣваго берега р. Оми.

Euphrasia officinalis, Linn. *Лекарственная очанка,* или такая же *глазница, свѣтъ очей, глазная трава, свѣтликъ* (Кондр.), очень часто встрѣчается на лугахъ. Употребляется въ медицинѣ при болѣзни глазъ.

Odontites rubra, Pers. (Euphrasia Odontites, Linn). Фармац. назв. Euphrasia rubra. *Красная очанка, бѣлтрава* (Вор.), *зубарь* (Даль), множество попадается по рвамъ, дорогамъ и бывшимъ пашнямъ. Употребляется отъ боли зубовъ, отъ чахотки пьютъ отваръ (Ниж.), при ужаленіи змѣями дѣлаютъ припарки.

Rhinanthus Crista-Galli, Linn. (Alectorolophus Crista-Galli, M. a B). *Погромокъ, звонецъ, пѣтушій клопецъ, мышья трава* (Wied.), *хмѣлевка* (Перм. Клеп. по употребленію вмѣсто хмѣля), *гремокъ* (Даль), *погремки* (Вят. Пуп.), тат.—*усти-худузъ,* часто встрѣчается по лѣвой сторонѣ р. Оми на сырыхъ лугахъ. Отваръ сѣмянъ служитъ для истребленія насѣкомыхъ.

Pedicularis palustris, Linn. Фармац. назв. Pedicularis aquatica s. fistularia (herba). *Болотная вшивица,* такой же *мытникъ, гнидная трава* (Кондр.), *болотный перелистъ* (Журн. садав.), *острая трава,* которую петрогаетъ никакой скотъ, очень часто ростетъ на

болотистыхъ мѣстахъ противъ лагерей. Въ народной медицинѣ употребляется отъ ужаленія змѣй, отъ лихорадки, для остановленія сильныхъ кровотеченій при геморроѣ, снаружи—для истребленія головныхъ насѣкомыхъ.

Pedicularis laeta, Steven. (Pedicularis tanacetifolia, Bunge). *Пріятный мытникъ*, ростетъ на влажныхъ лугахъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города къ сѣверу до заимки г-на Амманта.

Pedicularis elata, Willd. *Высокій мытникъ, черноголовникъ* (Сиб. Gmel.), замѣченъ въ небольшомъ числѣ маленькими группами на заимкѣ того-же г-на Амманта.

Melampyrum cristatum, Linn. *Братъ* и *сестра*, *Иванъ* да *Марья*, *гребенчатый марьянникъ*, *желтушникъ* (Вят. Леп.), часто встрѣчается передъ загородной рощею, между кустарниками.

СЕМ. LABIATAE. ГУБОЦВѢТНЫЯ.

Salvia silvestris, Linn. *Дикій шалфей, степной василекъ*, тат.—*менемша-куль*, разсѣянъ на сухихъ лугахъ и нѣсколькими группами на откосахъ праваго берега р. Оми. Настой листьевъ можетъ быть употребляемъ для полосканія горла при жабѣ, а также для примочекъ, обмываній и впрыскиваній, какъ слегка вяжущее и ароматическое средство. Рѣже его употребляютъ внутрь, при катаррахъ для уменьшенія отдѣленія слизи. Въ старину греческіе врачи вѣроятно приписывали шалфею весьма цѣлебныя силы, какъ это можно судить по данному ему названію—salvia, отъ salvare—спасать, лечить.

Lycopus exaltatus, Linn. *Зюзникъ, болотная крапива, цыпникъ* (Pall.), попадается иногда группами по обѣимъ сторонамъ р. Оми, на низменныхъ и сырыхъ мѣстахъ.

Mentha arvensis, Linn. *Дикая мята*. Фармац. назв. Mentha

equina vel silvestris. *Глушникъ* (Арх.), *перскопъ* (Вят. Meyer), часто ростетъ по болотистымъ и сырымъ мѣстамъ. Употребляется отъ удушья, при боляхъ въ глоткѣ—отваръ съ медомъ,—отъ укушенія бѣшеной собаки прикладываютъ листья, употребляется при грудницѣ у коровъ (Ниж.) Можетъ употребляться въ видѣ чая, какъ желудочное средство (при тошнотѣ, поносѣ) и снаружи въ видѣ припарокъ.

Thymus angustifolius, Schrck. *Богородская трава*, Pers. *Вымерки, ломокость, чебрецъ*, очень часто попадается на сухихъ лугахъ. Листья собираются съ цвѣтущими верхушками растенія (изъ 10 фунт. свѣжей травы получается около 4-хъ фунт. сушеной). Запахъ богородской травы пріятный, ароматный, вкусъ пряный, терпкій. Употребляется преимущественно снаружи въ видѣ настоя для ароматическихъ спринцеваній и примочекъ, а также для припарокъ и ваннъ. Кромѣ того трава употребляется въ Сибири среди простонародія для окуриванія коровъ послѣ теленія.

Origanum vulgare, Linn. *Душица, блошница* (Эк. Mars. Вят. Meyer), *душица боровая* (Вят. Meyer), *душница* (югъ Томск. губ.), разсѣяна возлѣ загородной рощи между кустарниками. Въ Пермской губ. пьютъ отъ безсонницы (Клеп.), отъ остановки мѣсячныхъ очищеній и при маточныхъ боляхъ (?) Листья и молодыя вѣтви собираются съ цвѣтущими верхушками (изъ 10 фунт. свѣжей душицы получается около 3-хъ фунт. сушеной). Душица, на подобіе мяты, употребляется при слабомъ пищевареніи и желудочныхъ катаррахъ, въ видѣ воднаго настоя (чая); она входитъ также въ составъ сложныхъ травяныхъ сборовъ, употребляемыхъ съ тою же цѣлію. Снаружи можетъ быть употребляема для ваннъ и припарокъ (при грудницѣ).

Glechoma hederacea, Linn. (Nepeta Glechoma, Benth), *будра, кошачья мята*. Фармац. назв. Hedera terestris (Ros.), Calamintha humilis s. Corona terrae s. chamaeclema s. Glechoma (herba). *Адаленъ* (стар. Рук.), *душмянка* (Арх.), *красночная трава* (Вят. Пуп.),

опуховая трава (Вят. Лал.), *подбируха* (Вят. Meyer), *шалфей* (Уф.), тат.—*киркъ*, часто попадается по рвамъ, около заборовъ на пустыряхъ. Въ народной медицинѣ употребляется отъ грудныхъ болѣзней, отъ болѣзней мочевыхъ органовъ, отъ боли послѣ родовъ; внутрь—отъ лихорадки и снаружи отъ нечистыхъ язвъ, отъ золотухи, для произведенія нарыва. Ею же припариваютъ коровье вымя, если оно послѣ теленія опухло (Ниж.)

Dracocephalum Ruyschiana, Linn. *Драконоглавъ, змѣеголовникъ, лѣсной иссопъ, синій звѣробой* (Перм.), очень часто ростетъ между кустарниками. Употребляется отъ ломоты и головной боли (Черн.)

Dracocephalum thymiflorum, Linn. *Тиміанный драконоглавъ*, такой же *змѣеголовникъ*, очень часто встрѣчается на пустыряхъ и бывшихъ пашняхъ, имѣетъ непріятный запахъ.

Scutellaria galericulata, Linn. *Шлемникъ*. Фармац. назв. Tersianaria v. Trientalis (herba). *полевой звѣробой* (Вят. Meyer), *сердечная трава*, разсѣяна и очень рѣдко по сырымъ лугамъ и около береговъ. Употребляется отъ лихорадки.

Stachys palustris, Linn. Фармац. назв. Stachys aquatica (herba), Marubium aquaticum acutum. *Болотный чистецъ*, такая же *колосница*, или *живица, гуголь, косникъ большой, колютикъ* (Вят. Meyer), очень часто встрѣчается на сырыхъ лугахъ и по берегамъ. Употребляется отъ боли горла и золотухи.

Galeopsis Tetrahit, Linn. *Пикульникъ*. Фармац. назв. Cannabis silvestris и отсюда *конопельникъ, дикая конопля, сучье вымя* (Вят. Meyer), *пѣтушья головка* (Кондр. и др.), *крапива красноцвѣтная* (Амб.), *боровой жабрей* (Вел.-Рос.), *посконь* (Олон.), *медовникъ* (Моск. Желѣзн.), очень часто ростетъ по полямъ и на пустыряхъ.

Leonurus glaucescens, Bunge. *Пустырникъ, львиный хвостъ*,

множество встрѣчается по дорогамъ, рвамъ, на пустыряхъ и у заборовъ.

Leonurus Marrubiastrum, Linn. *Кошечій хвостъ*, его маленькая группа замѣчена по лѣвой сторонѣ р. Оми за кожевеннымъ заводомъ и изрѣдка разсѣянъ по лѣвой сторонѣ р. Иртыша на сырыхъ мѣстахъ.

Phlomis tuberosa, Linn. *Шишковатый запникъ*, *запья трава*, *узловатый посошекъ*, *буквица* (Уф.), *жабья трава*, *жерновцы* (Алт. Пот.), *женихова плеть* (Уф.), *посошекъ узловатый* (Собол.), *утиная трава* (Кондр.), *чильчажная трава* (Алт.), часто попадается на сухихъ лугахъ, по дорогамъ и рвамъ. Порошекъ изъ корня употребляется отъ ранъ. Трава отъ лихорадки, при дѣтскихъ судорогахъ, а казаки употребляютъ отъ поноса.

СЕМ. PLUMBAGINEAE. ЗУБНИЧНИКОВЫЯ.

Statice speciosa, Linn. *Красивый бегень*, *каменный чай* (Сибир. Gmel.), часто ростетъ на сухихъ солнечныхъ мѣстахъ.

Statice Gmelini, Willd. (Statice Limonium, Gmel). *Бегенъ гмелина*, *солонечникъ* (Уф.), кирг. *тумаръ-буялъ* (Иван.), замѣчается очень часто, пройдя лагерь, по р. Иртышу на солончаковыхъ мѣстахъ. Корень употребляется для дубленія и на краску.

СЕМ. PLANTAGINEAE. ПОДОРОЖНИКОВЫЯ.

Plantago major, Linn. *Большой подорожникъ*, такой же *придорожникъ* или *попутникъ*. Фармац. назв. Plantago latifolia s. major (Radix et folia), *путникъ* (Вят. Арх.), кирг. *бако-джіапе*, попадается только мѣстами по дорогамъ и рвамъ. Свѣжіе листья прикладываютъ къ ранамъ, вередамъ, нарывамъ. Особенно дѣйствительны при ужаленіи насѣкомыхъ. Свѣжій корень кладутъ въ уши при ревматической боли зубовъ. Корень принимаютъ внутрь при

кровохарканіи и лихорадкѣ, а сѣмена отъ кроваваго поноса.

Plantago media, Linn. *Средній подорожникъ, арженикъ* (Вят.), *ржаникъ, малый подорожникъ, узикъ* (Даль), татар.—*ашихяпракъ*, часто ростетъ по лугамъ. Въ народной медицинѣ пользуется значеніемъ какъ средство отъ ранъ, нарывовъ вередовъ и ушибовъ.

Plantago maxima, Iacq., самый крупный видъ изъ подорожниковъ, при высушиваніи становится чернымъ, встрѣчается очень часто на лугахъ.

Plantago sibirica, Poiret. *Сибирскій подорожникъ*, по той сторонѣ Иртыша, на влажныхъ лугахъ встрѣчается довольно часто.

Plantago paludosa, Turcz, *болотный подорожникъ*, пройдя лагерь, по Иртышу, на болотистомъ мѣстѣ, немного.

Plantago maritima, Linn. *Морской подорожникъ, воробейникъ* (Wied.), очень часто попадается по солончакамъ.

СЕМ. AMARANTACEAE. АМАРАНТОВЫЯ.

Amaranthus retroflexus, Linn. *Амарантъ подсвекольникъ* (Шах.), ростетъ во множествѣ по дорогамъ, у заборовъ и на пустыряхъ. Сорная трава въ садахъ и на посѣвахъ свекловицы.

СЕМ. CHENOPODIACEAE. МАРЕВЫЯ.

Salicornia herbacea, Linn. *Солероъ, мокрединникъ, солонецъ* (Щегл.), кирг. *сорокишъ-чупъ* (Катол. Турк. выст.), мѣстами много попадается по лѣвой сторонѣ р. Оми по солончакамъ. Изъ этого растенія добывается сода и натръ.

Chenopodima maritima, Dum. (Chenopodium maritimum, Linn.—Schoberia maritima, C. A. Meyer). *Приморская марь*, очень часто встрѣчается на сухихъ солончаковыхъ мѣстахъ.

Salsola collina, Pall. *Солянка, зольникъ*, множество его ростетъ по дорогамъ, рвамъ и на пустыряхъ.

Corispermum hyssopifolium, Linn. *Верблюжья трава, колосистая верблюдка*, часто попадается на поляхъ передъ пос. Захламинскимъ.

Corispermum Pallasii, Stev. *Палласова верблюдка*, немного и рѣдко попадается по песчанымъ береговымъ отмелямъ по обѣимъ сторонамъ р. Иртыша.

Kochia sedoides, Schrad. *Молодилочная кохія*, ростетъ густыми группами по лѣвой сторонѣ р. Оми на бугристыхъ мѣстахъ.

Kochia prostrata, Schrad. *Лежачая кохія* рѣдко встрѣчается по правой сторонѣ р. Оми на откосахъ.

Chenopodium album, Linn. *Бѣлая марь, бурьянъ*, Moqu. *Дикая лебеда* (Собол. Астр.), *собачья лобода* (Малор. Рог.), *снытъ боровая* (Ниж. Рупр.), множество ростетъ по дорогамъ, полямъ и пустырямъ. Сѣмена, при неурожаѣ, употребляются въ примѣсь къ хлѣбу.

Chenopodium viride, Linn. *Наемка* (на Кавк.), *зеленая марь* ростетъ на тѣхъ же мѣстахъ и также много. Употребляется для щей, а сѣмена прибавляютъ къ ржаной мукѣ.

Chenopodium ficifolium, Sm. *Фиговолистная марь* рѣдко разсѣяна по лѣвому береговому откосу р. Иртыша.

Chenopodium opulifolium, Schrad. *Калиноволистная марь* ростетъ густо и въ большомъ количествѣ около изгородки въ казачьемъ скверѣ.

Chenopodium glaucum, Linn. *Сѣрая марь*, очень часто попадается по улицамъ и на пустыряхъ.

Chenopodium polyspermum, Linn. *Многосѣмянная марь, мелкая лебеда, вередовая*, рѣдко попадается на влажныхъ мѣстахъ по лѣвымъ сторонамъ рр. Оми и Иртыша. Употребляется при вередахъ.

Chenopodium rubrum, Linn. (Blitum polymorphum C. A. Meyer). Фармац. назв. Atriplex silvestris. *Красная* или *навозная марь, гусиная лапка*, очень часто встрѣчается по лѣвой сторонѣ Оми, на низменныхъ солонцеватыхъ мѣстахъ.

Atriplex patula, Linn. *Обыкновенная лебеда* ростетъ въ большомъ числѣ по лѣвой сторонѣ р. Оми, на солончакахъ.

Atriplex littoralis, Linn. *Прибрежная лебеда* попадается на тѣхъ же мѣстахъ и также много.

Atriplex hortensis, Linn. *Огородная лебеда*, въ большомъ количествѣ ростетъ по откосамъ праваго берега р. Оми и въ Любиной рощѣ.

Ceratocarpus arenarius, Linn. *Рогоплодникъ* встрѣчается группами у провіантскаго магазина, на краю крѣпостнаго вала и пройдя лагерь по дорогѣ.

Axyris amarantoides, Linn. *Обыкновенная сорная трава* на улицахъ и у заборовъ.

СЕМ. POLYGONACEAE. ГРЕЧИШНЫЯ.

Rumex acetosa, Linn. *Обыкновенный щавель*. У Tabern. Oxalis, Acetosa. Фармац. назв. Acetosa officinalis s. pratensis s. nostras (Rad., Herba et Semina). *Былка* (Кал. Пот.), *квасецъ* (Волын.), *кислица* (въ бол. части вост. Россіи), *кислянка* (Том.), *пучки* (Арх. Меркл. Костр.), *кумыздыкъ* (кумысъ—кисл. молоко кирг.), *сіэркуйрукъ* или *кузгулакъ* (тат.), часто ростетъ по дорогамъ и лугамъ. Листья и стебли употребляются въ пищу.

Rumex acetosella, Linn. *Маленькій щавель, воробьевъ щавей* (стар. рук. леч. Иноз.), *волосатикъ* (Вят. Meyer), *красная трава* (Перм. Крыл.), *пикáна* (Сиб.), *кисленка,* группами и часто встрѣчается на бывшихъ пашняхъ у загородной рощи. Въ Пермской губ. отваръ растенія считается очень хорошимъ средствомъ отъ „улевища," т. е. излишняго теченія кровей у женщины. Употребляется также отъ запора мочи, отъ ломоты въ костяхъ и отъ поноса у дѣтей.

Rumex confertus, Willd. *Конскій щавель,* множество попадается по дорогамъ, рвамъ, на лугахъ и подъ кустарниками.

Rumex aquaticus, Linn. *Водяной щавель.* Фармац. назв. въ Амер. Rumex Britannicae s. Sapathum aquaticum s. Hydrolapathum (Rad. et herba), *горлецъ, грыжная трава* (Сл. Церк.), *змѣевикъ* (Стар. Рукоп.), *одолѣнъ водяной* (Кунг. и Осин. у Перм. г. Крыл.), *водяной щавель,* очень рѣдко попадается по сырымъ мѣстамъ у р. Иртыша. Цвѣты и сѣмя въ порошкѣ употребляются отъ поноса по столовой ложкѣ. Сильно вяжущая трава.

Rumex stenophyllus, Ledeb. *Узколистный щавель,* часто встрѣчается по лѣвой сторонѣ р. Оми, на низменныхъ сырыхъ мѣстахъ.

Rumex maritimus, Linn. *Златожелтый щавель* очень часто ростетъ по берегамъ рѣкъ.

Кромѣ упомянутыхъ видовъ щавеля встрѣчается часто еще одинъ видъ, который не могъ быть опредѣленъ.

Polygonum Persicaria, Linn. *Обыкновенный горлецъ* или *гречишникъ.* Фармац. назв. его Persicaria mitis (Herba). *Горецъ почечуйный, мужская геморройная трава,* очень часто попадается по берегамъ рѣкъ и по рвамъ. Чай изъ травы пьютъ отъ геморроя. Свѣжую траву прикладываютъ къ затылку отъ боли головы, на подобіе горчичника.

Polygonum amphibium, Linn. *Земноводный горецъ,* такой же

горлецъ. Фармац. назв. Persicaria acida Ingermanni (Herba). *Водяная гречиха* (журн. сад.), часто ростетъ по заливнымъ мѣстамъ и на островахъ. Употреблялась прежде какъ мочегонное и даже отъ каменной болѣзни. Корень даютъ вмѣсто Сассапарили. Вѣроятно этотъ видъ и есть такъ называемое киргизами на Тарбагатаѣ *тáмыръ-дары* (дорогое лекарство), такъ какъ дѣйствіе его одинаково съ Сассапарилью, о чемъ упом. Пот. и Струве.

Polygonum Hydropiper, Linn. *Водяной перецъ, водоперечный горецъ.* Фармац. назв. Persicaria urens s. Hydropiper (Herba). *Брылена* (Вят. Meyer), *женская геморройная трава, елка-трава* (Кондр.), *лягушечья трава* (Сиб.), попадается мѣстами въ группахъ по лѣвой сторонѣ Оми, у подножія откоса и на лѣвой сторонѣ р. Иртыша по рѣкѣ Самарайкѣ.

Polygonum minus, Ait. *Мелкій горецъ*, густо ростетъ по лѣвой сторонѣ Оми у кожевеннаго завода около пруда.

Polygonum aviculare, Linn. *Птичій горецъ, топтунъ*, помногу замѣчается на городскихъ улицахъ.

Polygonum strictum, Ledeb. *Прямой горецъ*, мѣстами попадается въ группахъ на сухихъ лугахъ передъ сѣвернымъ кладбищемъ.

Polygonum hastatum, Murr. (Polygonum crassifolium). *Копьелистный горецъ* очень часто ростетъ по песчанымъ откосамъ р. Иртыша.

Polygonum Convolvulus, Linn. *Горецъ-вьюнокъ, горецъ повиличный* (Сл. Ак.), *подбируха* (Вят. Лал.), встрѣчается въ группахъ только мѣстами за загородною рощею на бывшихъ пашняхъ.

Polygonum dumetorum, Linn. *Подкустный горецъ, младенческая трава* (Wied.), рѣдко попадается по лѣвой сторонѣ Оми подъ кустарниками.

Tragopyrum lanceolatum, M. a Bieb. (Polygonum frutescens, Linn.) *Кустарничный горецъ, гречка, сумчатникъ* (Корел.), *костоватый придорожникъ* (лѣс. журн.), замѣчена маленькая группа по правой сторонѣ Оми наверху передъ откосомъ.

СЕМ. SANTALACEAE. САНДАЛЬНЫЯ.

Thesium ramosum, Hayne. *Ленолистникъ.* Назыв. также Thesium linophyllum. *Гвоздичка, ленецъ, ленолистъ, ленолистникъ, льнянка,* рѣдко разсѣянъ по лугамъ и полямъ.

СЕМ. EUPHORBIACEAE. МОЛОЧАЙНЫЯ.

Euphorbia Esula, Linn. *Ослиный молочай.* Фармац. назв. Esula s. Tithymalus (Rad. et cortex), *молочакъ, молоканка, пригонъ* (Алт.), попадается рѣдко на откосахъ по лѣвой сторонѣ р. Оми. Сокъ употребляется для уничтоженія бородавокъ и мозолей.

Euphorbia subcordata, C. A. Meyer. *Сердцевидный молочай* довольно часто встрѣчается на сухихъ песчаныхъ откосахъ по Иртышу и по правой сторонѣ Оми.

СЕМ. CALLITRICHINEAE. КРАСОВЛАСКОВЫЯ.

Ceratophyllum demersum, Linn. *Погруженный роголистникъ, водяная крапива, крапивка,* часто ростетъ на лѣвой сторонѣ р. Иртыша въ рѣчкѣ Самарайкѣ.

Callitriche verna, Linn. Callitriche Плинія есть Adiantum capillus veneris. *Водяной волосъ, красовласка, болотникъ, водяная звѣздочка* (Собол.), *водозвиздка, каменная роса* (Даль), часто ростетъ въ стоячихъ водахъ.

СЕМ. URTICACEAE. КРАПИВОЦВѢТНЫЯ.

Urtica urens, Linn. *Жгучая крапива, огонь крапива* (Даль).

Вотяк. *бигеръ-пошнеръ* (Сарапуль), очень часто ростетъ по заборамъ и въ огородахъ. Молодые листья служатъ для пищи, какъ овощи, а свѣжій сокъ употребляется какъ прохладительное средство и при кровохарканіи.

Urtica dioica, Linn. *Двудомная* или *большая крапива*. Фармац. назв. Urtica major. Вотяк. *пунширъ* (Сарап.), Перм. *печеръ, петчеръ* (Рог.), татар. *шалканъ-киндеръ, кечерконъ, чалканъ-чачакъ* (на Алт.), *кче-конъ* (Вят., тоже и U. urens), кирг. *сеизиръ, кирткенъ* (Кир.), *ибелекъ*, часто ростетъ группами во рвахъ и на пустыряхъ. Листья употребляются отъ кровотеченій всякаго рода, при начинающейся чахоткѣ, поносѣ, ломотѣ, а снаружи, въ видѣ сѣченія, при пораженіи параличемъ разныхъ членовъ. Корень и сѣмена составляютъ народное средство отъ глистовъ и поноса. Для куръ составляютъ цѣлебную пищу.

Cannabis sativa L. *Посѣвная конопля, зеленецъ* (Ряз.), *моченецъ* въ Турк., *сибо* (кир.), сарты въ Турк. *банъ, бандона*. Изъ сѣмянъ приготовл. наша, наши (гашишъ), кирг. *киндеръ-май*, Перм. *пышъ*, Вотяк. *пыжъ*, въ Катты-Курганѣ (Турк. край) *чакичакъ*, а одуряющ. вещ.—*банъ* (кирг.), часто ростетъ во рвахъ и на пустыряхъ. Употребляется въ медицинѣ и въ техникѣ для добыванія масла и волокна. Изъ верхушекъ свѣжаго растенія особеннымъ способомъ приготовляютъ на Востокѣ гашишъ. Извѣстный напитокъ древнихъ грековъ Nepenthes приготовлялся изъ сѣмянъ конопли.

СЕМ. AMENTACEAE. СЕРЕЖКОЦВѢТНЫЯ.

Betula alba, Linn. *Береза, преснецъ* (Камч.), Въ Ирк. *Chudum*, кирг. *каинъ-агачъ*, тат. *каянъ, каинъ, баго, сиркъ, сирикъ, сиракъ, сирекъ, макаръ-агачъ, баю* (кирг.), преобладающее въ лѣсахъ дерево. Разновидность съ пушистыми молодыми листьями и такими же вѣтвями замѣчена по лѣвой сторонѣ Оми (назв. шубнякъ). Употребленіе весьма обширно. Березовый сокъ (Succus Betulae),

прежде употреблялся, какъ весеннее лѣченіе. Изъ древесины получаются березовое масло, березовый деготь или березовая камфора, ol. betullinum, s. ol. Rusci s. russicum, отъ котораго зависитъ запахъ юхтовой кожи. Спиртъ или вино, настоенное на березовыхъ листовыхъ почкахъ, употребляется снаружи отъ ломоты и внутрь отъ разстройства желудка. Изъ коры гонятъ деготь.

Salix alba, Linn. *Ветла*, *бѣлая ива*, такая же *верба*, *осокорь* (Уф.), *таловое дерево* (Каш. Приарг. кр.), *талъ*, Бухар.—*бидъ*, Бурят. *ӧмӧгонъ*; дерево часто встрѣчается по Иртышу у загородной рощи. Корою здѣшнихъ породъ ивы замѣняютъ въ медицинѣ и кожевенномъ производствѣ дубовую кору. Собирается весною съ 2—3-хъ лѣтнихъ вѣтвей ивы, тальника или вербы. Кора эта имѣетъ вяжущій вкусъ, почему она и употребляется какъ дубовая кора (внутрь въ отварѣ изъ половины унціи на шесть унцій воды, снаружи для полосканій, примочекъ и впрыскиваній). Иногда къ отвару прибавляется небольшое количество квасцовъ. Такой отваръ употребляютъ для полосканія рта и горла при хронической жабѣ, для укрѣпленія рыхлыхъ десенъ и при язвахъ во рту, для впрыскиваній въ маточный рукавъ при бѣляхъ, для клистировъ при поносѣ, для примочекъ при сильно гноящихся язвахъ. Въ крайнемъ случаѣ, за неимѣніемъ другихъ вяжущихъ средствъ, можно употреблять и внутрь, при поносахъ и маточныхъ кровотеченіяхъ.

Salix Caprea, Linn. *Козья ива*, *верба*, *бредина*. Вотятск. *бадь* (Сарап.); этотъ кустарникъ очень часто попадается въ оврагахъ и на сырыхъ мѣстахъ группами. Кора употребляется въ медицинѣ тоже какъ вяжущее средство.

Salix viminalis, Linn. *Прутяная ива*, *лозная верба*, *тальникъ*, *бѣлый тальникъ* (Даль), *вязинникъ* (Сукл.), *ива* (Собол.), *ракитникъ* (Вят. Meyer), часто ростетъ по Иртышу, на островахъ и садахъ.

Salix stipularis, Linn. *Прилистниковая ива* замѣчена въ лѣсу за пос. Захламинскимъ, около болота.

Salix triandra, Linn. (Salix amygdalina, Linn). *Троемужная* или *миндальная ива, тальникъ, бѣлолозъ* (Астр.), *бѣлоталъ* (Укр. Черн.), *білотѣлъ* (Сред.), *красноталъ* (Даль), *тала* (Укр. Черн.) *ломашникъ* (Нов. Оск.), *лосклый тальникъ, тагальникъ, мелкая ветла* (Щегл.), часто попадается по берегамъ и на островахъ. Употребляется на плетеніе разныхъ вещей.

Salix pentandra, Linn. *Пятимужная* или *лаврово-листная ива, черноталъ, тальникъ* (Вят. Meyer). Фармацевт. назв. Salix laurea (cortex), *бредь* (Смол. Ельн.), *верба* (Собол. Екат. Вил.), *вербовникъ, верба-лоза, верболозъ* (Зап. Росс. Черняевъ Укр.), рѣдко встрѣчается на сырыхъ мѣстахъ по лѣвой сторонѣ Оми.

Salix sibirica, Pall. *Сибирская ива, ракитникъ, маленькій кустарникъ*, занимаетъ на сырыхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ козьей ивою большія пространства, называемыя „ракитами".

Populus tremula, Linn. *Осина, дрожащій тополь, ветла* (Календ.), *горечавка* (Приарг. кр.), по горькому вкусу, *трясучка* (Приарг. кр.), *шептунъ-дерево* (Каш. Приарг. кр.), часто ростетъ около загородной рощи и по садамъ. Кора употребляется въ Сибири отъ скорбута и сифилиса.

Papulus nigra, Linn. *Осокорь, черный тополь, сокора* (Малор.), *сокорина* (Черн. Конеп.), *сухарка* (Оренб.), *папортовое*[1] *дерево* (Даль), татар. *Tirek*, кирг. *kara-tirek*, Бухар. *улассенъ-терекъ, улассенъ-влазунъ, цеюри-олюзенъ*, тат.-кирг. *акша*, ростетъ нѣсколько деревьевъ въ городской Любинской рощѣ, въ садахъ—очень рѣдко. Кора употребляется противу перемежающихся лихорадокъ; смолистыя почки, Gemmae s. oculi Populi, въ видѣ мази употребляются и донынѣ снаружи при воспаленномъ состояніи геморроидальныхъ шишекъ.

---

[1]) Папорть, папортъ, папороть—паростъ на деревѣ осокарь, подобный тому, какъ на березѣ, изъ котораго выпиливаютъ папортовые фанеры (Даль).

СЕМ. CONIFERAE. ХВОЙНЫЯ. ШИШКОНОСНЫЯ.

Pinus silvestris, Linn. *Сосна,* Вятск.-тат. *наратъ* (Лал.), вотяки—*пужумъ,* Перм. и Зыр. *пожумъ,* Ирк. буряты *нарxунъ,* кирг. *карагай-натуръ,* садится въ садахъ, напр. при военномъ госпиталѣ. Почки собираются для лѣкарства. Доставляетъ сосновую смолу или лѣсной ладанъ, olibanum silvaticum s. Thus vulgare, s. commune, также простой терепентинъ Terebinthina communis s. vulgare, также варъ, канифоль (Colophonium), черный деготь. Изъ хвои получается сосновая шерсть. Въ Якутской области заболонь служитъ главною пищею для значительной части якутовъ. Гдѣ нѣтъ сосны, тамъ ѣдятъ лиственичную кору (Павл. Изв. Сиб. Отд.)

КЛАССЪ 2-й.

MONOCOTYLEDONES. ОДНОСѢМЯНОДОЛЬНЫЯ.

СЕМ. TYPHACEAE. РОГОЗОВЫЯ.

Typha angustifolia, Linn. *Палочникъ, рогозъ, бадья, чертопалочникъ* (Вят. Вешт.), *рогожникъ* (Вят.), *рогоза* (повсюду), *рѣчной тырличъ* (Вят. Леп.), кирг. *куга* (Борщ. Зап. Акм. наукъ), тат. и башк. *игапъ, иргапъ, дiэца,* попадается мало въ болотѣ у пос. Захламинскаго.

Sparganium ramosum, Linn. *Вѣтвистый ежеголовникъ,* такая же *ежеголовка, бабки волчьи, ежа малая, ежева голова* (Кондр.), *ежевика* (Астр.), часто встрѣчается между камышомъ по болотистымъ мѣстамъ. Прежде употребляли отъ укушенiя змѣй; стебли могли бы служить для приготовленiя бумаги.

Sparganium simplex, Huds. *Простой ежеголовникъ* ростетъ на тѣхъ же мѣстахъ и также часто.

СЕМ. AROIDEAE. АРОННИКОВЫЯ.

Acorus Calamus, Linn. *Аиръ, иръ, иръ.* Фармац. назв. Calamus aromaticus, s. vulgaris, s. Acorus verus (Rad.), *вонючка* (Сиб. Каш.), *жаеръ* (Даль), тат. *иръ*, кирг. *іекенъ*, бухар. *егеръ* (Кирѣевъ), густо ростетъ на болотистыхъ мѣстахъ противъ лагеря. Употребляется въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ желудка. Корневище, особенно на Востокѣ, служитъ для приготовленія конфектъ, употребляемыхъ при эпидеміяхъ, а также на куренье, въ пудру, въ зубные порошки. У персовъ и арабовъ считается сильнымъ афродизическимъ средствомъ.

СЕМ. LEMNACEAE. РЯСКОВЫЯ.

Lemna trisulca, Linn. названіе получ. отъ греч. Limne—болото. *Трехбороздная ряска*[1]).

Lemna minor, Linn. *Маленькая ряска* и

Lemna polyrrhiza, Linn. *Корневатая ряска;* всѣ три вида вмѣстѣ и густо покрываютъ поверхность стоячихъ водъ. Ряски составляютъ питательную пищу для свиней, гусей, утокъ и куръ. Собранную ряску немного посыпаютъ отрубями, мукой.

СЕМ. NAJADEAE. НАЯДОВЫЯ.

Potamogeton heterophyllus, Schweb. (Potamogeton gramineus, Linn). *Разномѣстный рдестъ* встрѣчается часто и группами на заливныхъ и болотистыхъ мѣстахъ, противъ лагеря на береговомъ островѣ и по лѣвому берегу р. Иртыша.

Potamogeton lucens, Linn. *Блестящій рдестъ, семиколѣнка* часто попадается противъ лагеря въ рѣчкообразномъ заливѣ и по рѣчкѣ Самарайкѣ.

---

[1]) Слово ряска, вѣроятно, произошло отъ малор. слова ряспый, что значитъ многолиственный.

Potamogeton perfoliatus, Linn. *Прободенный рдестъ*, рѣдко ростетъ противъ лагеря въ болотныхъ стоячихъ водахъ.

Potamogeton crispus, Linn. *Кудрявый рдестъ* изрѣдка находится въ Иртышѣ у Захламинскаго острова.

Potamogeton Vaillantii, Schult. *Вайлянтовъ рдестъ*, замѣчена густоростущая его группа противъ лагеря на береговомъ островѣ, въ болотномъ протокѣ.

Potamogeton pusillus, Linn. *Маленькій рдестъ*, *кундуракъ* (Pall.), *наплавъ* (Даль), *супротивница* (Шенк. Костр.); густо ростущая его группа найдена за Захламинскимъ поселкомъ въ лѣсномъ болотѣ.

СЕМ. ALISMACEAE. ЧАСТУШНЫЯ.

Butomus umbellatus, Linn. *Сусакъ*. Фармац. назв. Juncus floridus. *Бобовникъ, осотнякъ* (Даль), *сусакъ-трава* (Кондр. и пр.), тат. *сусатокъ*, кирг. *тинъ-басъ* (Falk.), *альчункай*, очень часто ростетъ по берегамъ и на сырыхъ мѣстахъ. Въ народной медицинѣ корни и сѣмена употребляются отъ водяной въ питьѣ. Корни въ Арханг. губ. бѣдными жителями, а также тунгусами въ Сибири и киргизами около Гурьева, употребляются въ пищу. Калмыки пекутъ въ золѣ свѣжіе и сухіе корни этого растенія и ѣдятъ ихъ съ саломъ. Въ Молдавіи печеные корни тоже употребляются въ пищу. Послѣ сосны составляетъ важнѣйшую пищу якутовъ; у послѣднихъ существуетъ предразсудокъ, что онъ цвѣтетъ только тогда, когда его никто не видитъ и что онъ можетъ перемѣнять мѣста (Павлова, Зам. о Вилюйск. кр.)

Sagittaria cagittaefolia, Linn. Отъ латинскаго Sagitta—стрѣла по формѣ листьевъ. Фармац. назв. Sagittaria s. Plantago aquatica (Rad. et. herba). *Стрѣлолистъ* (Двиг. род.), *стрѣлолица, стрѣльная трава*, часто попадается въ болотныхъ протокахъ. Корень мучнистъ и употребляется калмыками въ пищу.

Alisma Plantago, Linn. Фармац. назв. Plantago aquatica (Rad. et. herba). *Частуха, шильникъ, лягушечья трава* (Вят. Даур. съ нѣм.), *пастушеская свирѣль* (Кондр. съ древн. лат. Fistula pastorensis), очень часто ростетъ въ болотахъ и на сырыхъ лугахъ. Корень этого растенія составляетъ одно изъ употребительнѣйшихъ средствъ отъ укушенія бѣшенною собакой.

Triglochin maritimum, Linn. *Приморская тривострица*, такой же *тріостренникъ, морской пырей* (Wied.), его множество попадается на солончакахъ.

Triglochin palustre, Linn. *Болотная тривострица*, такой же *тріостренникъ, болотница обыкновенная* (Гродн.), *веревочникъ* (Курск. Мизгеръ), *пырей болотный* (Wied.), *свитень* (Курск. Горн.), *чечевичникъ болотный* (Амб.), мало и мѣстами попадается на сырыхъ и болотистыхъ пространствахъ.

СЕМ. HYDROCHARIDEAE. ЛЯГУШЕЧНЫЯ.

Hydrocharis Morsus Ranae, Linn. *Лягушечникъ, жабій кусъ, водокрасъ*. Латинское назв. произошло отъ hydor—вода и charis—радость, пріятность. Фармац. назв. Morsus Ranae s. Diaboli. *Водопріятность лягушечная* (Собол.), часто встрѣчается въ рѣчкѣ Самарайкѣ.

Stratiotes aloides, Linn. *Тѣлорѣзъ, ядрорѣзъ* (Wied.), ростетъ въ той же рѣчкѣ и также часто. Употребляется отъ рѣзи въ животѣ.

СЕМ. ORCHIDEAE. ОРХИДНЫЯ.

Orchis latifolia, Linn. *Широколиственный ятрышникъ, кукушница, змѣевикъ* (Вят. Леп.), *кукушкины слезки* (Сиб. Gmel.), *кокуй, кокисъ, куколь* (въ знахар. рукоп.), *пятипалечникъ* (Каш. Приарг. кр.), *соломонидина ручка* (Приарг. кр.), по одиночкѣ разсѣянъ по лѣвой

сторонѣ р. Оми передъ камышомъ и на сырыхъ лугахъ, пройдя лагерь по р. Иртышу. Листья прикладываютъ къ ногтоѣдамъ всѣхъ видовъ (въ Вят.), но преимущественно употребляется знахарями, какъ кантаридное средство при случаѣ называемомъ крестьянами „порча свадьбы".

Orchis conopsea, Linn. (Gymnadenia conopsea, R. Br.) *Комаровидный ятрышникъ*, такой же *кукушникъ*, очень рѣдко попадается въ лѣсу за пос. Захламинскимъ.

Cypripedium guttatum, Swartz. *Окропленный башмачекъ*, *курочки* (Перм. Клепит.), *рябыя зозульки*, разсѣянъ по лѣвой сторонѣ Оми на откосахъ подъ деревьями. Цвѣтки обладаютъ запахомъ розы; листья чернѣютъ при высушиваніи.

Cypripedium calceolus, Linn. *Адамова голова*, *адамова трава* (Знах. рр. Мельн. Вят., Волог., Арх. Кондр.), *кукушкины башмачки* (Приарг. кр.), *надушки*, *кукушкины ножки* (Нерч.), *пѣтушки* (Вят. Леп. Перм.), *двухцвѣтная трава* (Арх.), *венеринъ башмакъ*, *черевичникъ*, очень рѣдко попадается, но на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и предъидущее.

СЕМ. IRIDEAE. КАСАТИКОВЫЯ.

Iris arenaria, Waldst, et. Kit. *Песчаный касатикъ* встрѣчается только мѣстами въ группахъ по лѣвой сторонѣ Оми, на сухихъ солнечныхъ мѣстахъ передъ откосами и оврагами.

Iris sibirica, L. *Горечавка* (въ Якут. обл.), *сибирскій касатикъ*, *бубенчики*, *кукушьи слезы* (на Иртышѣ между Омскимъ и Семипалат.), *огурчики* (Приарг. кр.), *пикульникъ* (Енис.), *пузикъ* (Вят. Нуп.), *сибирская трава* (Кондр.), *сорочьи цвѣты* (Алт. Верб.), *чеменикъ* (Алт. Верб.), *чистякъ* (Кондр.), Якутск.—*бага-батасъ* (т. е. лягушечье копье Павл.), по Meinsch. *bagha-batagha*—якутское названіе, часто ростетъ на сырыхъ травянистыхъ лугахъ.

Iris ruthenica, Ait. *Россійскій касатикъ, лузикъ* (Алт. Пот.), *кошаникъ*, очень часто попадается подъ деревьями и кустарниками.

СЕМ. LILIACEAE. ЛИЛІЕЦВѢТНЫЯ.

Asparagus officinalis, Linn. *Спаржа обыкновенная, аспарагъ* (Кондр.), *адамова борода* (Каз.), *метелка, мухоморъ* (Уф.), *волчье сѣмя* (Каш. Приарг. кр.), *волчьи ягоды* (Fl. sib.) Приарг. кр. *журавлиныя ягоды* (Минд.), кирг. *итдшу*, довольно часто попадается на лугахъ и между кустарниками, также въ загородной рощѣ. Разводятъ въ огородахъ, такъ какъ молодые побѣги составляютъ прекрасное кушанье.

Polygonatum officinale, All. (Convallaria Polygonatum, Linn). *Соломонова печать, купена, воронецъ* (Приарг. кр. Каш.), *сорочьи глаза* (Перм. Клеп.), *сорочьи ягоды* (Уф. Алт.); *пятилистка-купена* (Каз.), разсѣяно въ загородной рощѣ и по лѣвой сторонѣ Оми на лѣсистыхъ откосахъ. Листья, ягоды и корни вызываютъ рвоту. Въ народной медицинѣ употребляютъ для купанья послѣ родовъ; отъ порѣзовъ и отъ ранъ прикладываютъ листья; отваръ изъ корня пьютъ отъ сибирской язвы, отъ водяной и при желтухѣ.

Majanthemum bifolium, Schmidt. (Convallaria bifolia, Linn). *Майникъ, соль, заячья кровь* (Мал.), *заячья соль* (Кал. Под.), *заячьи ягодки, зайцевы ягоды* (Могил.), *змѣевикъ* (Волог.), *ландышъ двулистный, боровой* (Моск. Ниж.), *рябчиковыя ягоды* (Пет.), *дикая резеда* (Тул.), довольно часто встрѣчается по лѣвой сторонѣ Оми на лѣсистыхъ откосахъ. Употребляется отъ ногтоѣды (Арх., Волог.) и для мягчительныхъ клистировъ (Кал.)

Fritillaria minor, Ledeb. *Рябчикъ, мохначъ*, въ небольшомъ числѣ ростетъ пройдя около версты отъ тюремнаго замка, на сухомъ лугу.

Lilium Martagon, Linn. *Чалмовидная лилія, сарана* (Перм.),

саранка, овсянка (Fl. sib.), тат. *сари-шенъ*, рѣдко разсѣяно подъ деревьями и между кустарниками. Въ Сибири луковицы ѣдятъ сырыя или испеченыя въ золѣ, либо свареныя въ водѣ съ молокомъ и коровьимъ масломъ.

Allium nutans, Linn. *Повислый лукъ, слизунъ* (Сиб. Pall.), очень рѣдко и по одиночкѣ попадается за загородною рощею между кустарниками и въ лѣсу за Захламиной.

Allium strictum, Schrad., *прямой лукъ* ростетъ на сухихъ лугахъ, мѣстами часто.

Allium acutangulum, Schrah. (Allium angulosum, Linn). *Граненый лукъ, мышій чеснокъ* (Сиб. Pall.), *слизунъ* (Алт.) можетъ быть другой видъ, *скорода* (Мал. Черн.), *полевая цибуля* (Могил. Пабо), тат. *зва* (Симб. Beitr), *пагыръ* (Верб.) тоже можетъ быть другой видъ. Луковицы въ Сибири примѣшиваются къ хлѣбу. Множество и очень часто попадается на сырыхъ лугахъ.

СЕМ. JUNCACEAE. СИТНИКОВЫЯ.

Juncus articulatus, Linn. *Суставчатый ситникъ* встрѣчается въ 3-хъ разновидностяхъ:

1) немного и изрѣдка противъ лагеря на сырыхъ песчаныхъ мѣстахъ;

2) наиболѣе часто по лѣвой сторонѣ р. Оми около камыша и

3) множество по р. Иртышу на болотистыхъ мѣстахъ.

Juncus compressus, Jacq. (Juncns bulbosus, Linn). *Сплюснутый ситникъ, бородавочная трава* (Нижегор.), часто и по многу ростетъ на болотистыхъ и сырыхъ лугахъ.

Juncus buffonius, Linn. *Жабный ситникъ, клоповникъ* (Рязан.), разсѣянъ по песчаной отмеми Иртыша противъ лагерей. Употребляется отъ колотья и запора мочи.

Luzula campestris, R. Br. *Ожига*—Cand. *болотная трава* (Волын.), *булавочникъ* (Волог.), *ожика* (Lind.), *кукушкины слезки* (Сл. Церк.), разсѣянъ между кустарниками передъ загородною рощей.

СЕМ. CYPERACEAE. СЫТНИКОВЫЯ, ОСОКОВЫЯ.

Cyperus fuscus, Linn. *Черноватый сытовникъ*, *сыть*, *циперъ*, *кипрей*, *осітнякъ* (Малор. Сред.), довольно часто попадается на лѣвой сторонѣ р. Иртыша вблизи парома.

Heleocharis palustris, R. Br. (Scirpus palustris, Linn). *Болотный камышъ* густо ростетъ и въ большомъ количествѣ на сырыхъ лугахъ и болотистыхъ мѣстахъ.

Scirpus lacustris, Linn. Фармац. назв. Scirpus major s. Juncus maximus. *Озерный камышъ*, *комишъ* (Малор.), *куга* (Ворон. Малор. Екат.), *окуга* (у кирг.), *махалки* (цвѣты въ Астр. губ.), *обручная трава* (Пет. Меркл.), густыми группами попадается въ болотныхъ протокахъ на береговомъ островѣ противъ лагеря.

Scirpus maritimus, Linn. *Приморскій камышъ, орѣшникъ* (Сар.), *свинуха* (Астр.), часто находится на болотистыхъ мѣстахъ. Орѣшки на корняхъ могутъ быть употребляемы въ пищу.

Scirpus parvulus, R. et Jchr. (Scirpus nanus, Spr). *Маленькій камышъ* очень рѣдко попадается на сырыхъ мѣстахъ по Иртышу, противъ лагеря, и на островахъ.

Eriophorum polystachium, Linn. *Многоголовчатая пушица* встрѣчается въ большомъ количествѣ по Иртышу, пройдя лагерь, на болотистомъ лугу.

Carex microcephala, C. A. Meyer. *Многоголовчатая осока* ростетъ въ небольшомъ числѣ на холмистомъ мѣстѣ въ загородной рощѣ передъ оврагомъ.

Carex praecox, Jacq. (Carex verna, Will.), *ранняя осока, криничина осока* (Малор. Волк.), очень часто встрѣчается подъ деревьями и кустарниками на всѣхъ лугахъ. По замѣчанію крестьянъ указываетъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ ростетъ она, находится подъ землею вода.

Carex supina, Willd. *Низкая осока*, очень часто ростетъ на сухихъ лугахъ.

Carex Schreberi, Willd. *Шреберова осока*, ее множество попадается на сухихъ песчаныхъ мѣстахъ.

Carex pediformis, C. A. Meyer. *Толстокорневая осока* встрѣчается часто подъ деревьями на откосахъ по лѣвой сторонѣ Оми.

Carex distans, Linn. *Отдаленная осока* очень часто ростетъ на сырыхъ болотистыхъ лугахъ.

Carex cyperoides, Linn. *Сытовниковая осока* разсѣяна въ небольшомъ числѣ на лѣвомъ берегу р. Иртыша на отмели вблизи парома.

Carex pseudo-cyperus, Linn. *Осока-ложносытовникъ*, замѣчено немного у камыша по лѣвой сторонѣ Оми.

Carex hordeistichos, Will. (Carex secalina Wahlenb.), очень немного найдено въ одномъ изъ огородовъ подъ откосомъ по лѣвой сторонѣ Оми.

Carex caespitosa, Linn. *Дерновая осока, березка* (Пет.), *кустовица* (Могил.), *острецъ* (Тамб.), *шарагъ* (Олон.), кирг. *кіякъ*, густо ростетъ вездѣ на болотистыхъ мѣстахъ.

Carex acuta, Linn. *Острая осока* очень часто и въ большомъ количествѣ попадается въ болотахъ.

Carex nutans, Host. *Повислая осока* рѣдко разсѣяна по болотистымъ лугамъ около Иртыша, пройдя лагерь.

Carex ampullaceae, Good. (Carex rostrata, With). *Бутыловидная осока, рѣзунъ* (Олон.), очень часто ростетъ въ болотахъ.

Carex vesicaria, Linn. *Пузырчатая осока, осока болотная, водяная, осока-рѣзунъ* (Вят.), *рѣзецъ* (Кал.), *болотные толкачики* (Кал.), также часто, какъ и предъидущая, ростетъ въ болотахъ.

Carex riparia, Good. *Прибережная осока, гавянъ* (Малор. Рог.), рѣдко встрѣчается въ глубокихъ сырыхъ оврагахъ и на болотистыхъ мѣстахъ; въ лѣсномъ болотѣ за Захламинскимъ поселкомъ ростетъ въ большомъ количествѣ.

Carex orthostachys, C. A. Meyer. *Прямоколосная осока* попадается очень часто, вездѣ на болотистыхъ мѣстахъ.

Carex vulpina, Linn. *Лисья осока, опорѣзная* (Ниж.), ее множество и очень часто находится на сырыхъ и болотистыхъ мѣстахъ.

Еще 3 неопредѣленные вида осоки встрѣчаются тоже на сырыхъ и болотистыхъ пространствахъ; изъ нихъ одинъ видъ—на отмели у парома.

СЕМ. GRAMINEAE. ЗЛАКИ.

Panicum miliaceum, Linn. *Просо, пшено*, кирг. *тары*, очень рѣдко попадается на полевыхъ межахъ. Разводится повсюду и въ видѣ пшена употребляется въ пищу.

Panicum viride, Linn. *Подпросо, дикое просо*, часто встрѣчается на поляхъ и бывшихъ пашняхъ.

Panicum crus galli, Linn. *Гребенчатое просо, дикій боръ* (Ниж.), *плоскуха* (Малор.), *просянка* (Астр. Пот.), *чижикъ* (Тамб.), сарты—

курмакъ, кара-курмякъ, понемногу находится въ огородахъ, какъ сорная трава. Сѣмена могутъ быть употребляемы въ пищу человѣкомъ и домашними животными.

Phalaris arundinaceae, Linn. *Тростничный канарейникъ,* такой же *блестецъ.* Фармац. назв. Gramen pictum—*баклаунъ, батлаукъ* (Хар. Черняевъ), *пырей* (Моск. Желѣз.), *троеста* (Твер. Пуп.), очень часто находится на сырыхъ мѣстахъ лѣваго берега р. Иртыша и на островахъ его.

Hierochloa borealis, Roem. et Schult. (Holcus odoratus, Linn). *Сѣверный лядникъ, горькуша* (Урал., Каз., Карел.), *гірчакъ* (Малор.), *зубровка* (Литв. составл. любим. пищу зубровъ въ Бѣловежской пущѣ), *плоскуха гірка, плоскушка* (Малор.), *чаполоть* (Малор. Рог.), разсѣянъ по загородной рощѣ. Въ сухомъ видѣ отдѣляетъ весьма пріятный запахъ. Скотъ не ѣстъ этой травы.

Alopecurus nigricans, Hornem. *Черноватый лисій хвостъ, батлачикъ, сѣроголозатень* (Даль), *чернохвостникъ,* распространенъ па всѣхъ лугахъ.

Alopecurus fulvus, Sm. *Оранжевый лисій хвостъ, болотникъ мелкій* (Ниж.), *горланка* (Волог. Потан.), *осока* (Тул.), рѣдко попадается группами на сырыхъ мѣстахъ. Довольно хорошая кормовая трава.

Phleum Roehmeri, Wibel. (Chilochloa Boehmeri, P. Beauv Phalaris phleoides, Linn). *Аржанецъ Бемера, ржанецъ, боръ мышій, житница* (Екат.), *многоплодная трава* (Сл. Амб.), очень часто ростетъ на сухихъ лугахъ.

Agrostis alba, Linn. *Бѣлая полевица, рѣзакъ* (Минск.), *фіориновая трава* (съ нѣм.), рѣдко попадается на береговомъ островѣ противъ лагерей и на влажныхъ лугахъ. Хорошая кормовая трава.

Agrostis canina, Linn. *Собачья полевица, волосачъ, волосянка*

ростетъ мѣстами и въ маленькихъ группахъ по загородной рощѣ и на лугахъ.

Beckmannia crucaeformis, Host. *Бекманнія, бекманія—зубровникъ, водяной пырей* (Кален.), *чаполица*, якуты—*Montschara* или *Kalutschun* (Meinsh.), мѣстами встрѣчается на сырыхъ лугахъ, но чаще въ лужахъ среди проѣзжихъ дорогъ.

Calamagrostis epigeios, Roth. (Arundo epigeios, Linn). *Наземный вѣйникъ* (тростникъ), *війныкъ* (Малор.), *жаровецъ* (Костр.), *кунишникъ* (Укр. календ.), *куньякъ* (Костр.), *куточникъ*[1] (Екат. Зап. Акад. Н.), *чапуга* (Малор. Рог.), тат. *тулки-куйрюкъ* (Ставр.), очень часто находится на сухихъ песчаныхъ мѣстахъ по оврагамъ и откосамъ.

Calamagrostis lanceolata, Roth. (Arundo Calamagrostis, L). *Перообразный вѣйникъ* (тростникъ) *отла* (Твер.), *болотная метлика, круглая трава* (Вол.), часто попадается по лѣвой сторонѣ Оми на откосахъ подъ деревьями.

Calamagrostis littorea, De. C. (Arundo littorea, Schrad). *Прибрежный вѣйникъ* (тростникъ), немного замѣчено на песчаной отмели у южнаго конца города.

Calamagrostis silvatica, De. C. (Arundo sulvatica Schrad., Agrostis arundinacea, Linn). *Лѣсной вѣйникъ, боровица* (Ниж.), *вострецъ* (Вят.), *мятлица* (Ниж.), *пожарница* (Мог.), *плоская трава* (Гродн.), очень рѣдко находится по лѣвой сторонѣ Оми за послѣднимъ кирпичнымъ заводомъ, подъ деревьями.

Stipa pennata, Linn. *Перистая ковыль, волоски* (Кунгуръ), *кипецъ* (по Иртышу *зеленый*, а во время зрѣлости *ковыль*), *ковыла* (Екат.), *ковыль* (Вел. Росс.), *ковиль* (Мал. Росс.), *марьинъ ленъ* (Амб.), *любима—сѣмена ковыля* въ Сибири (Пот.), *овечья смерть* (Lind.),

[1]) Кутокъ—малороссійск. названіе, по русски—уголъ.

свистуха (молодые кусты въ Херс. Левч.), *шелковая трава* (Курск. Мизгер.), кирг.—*бетеге, акъ-чепъ, акъ-слеу* (Хорошх.), *селеу, кудилъ, акъ-кудилъ* (кирг.), татар. *камчанъ*, очень часто ростетъ на сухихъ лугахъ. Въ Пермской губ. собираютъ растеніе съ плодами и безъ корня, распариваютъ въ молокѣ и прикладываютъ къ зобу, молоко же пьютъ. Кромѣ того, въ видѣ припарки кладутъ снаружи при ногтоѣдѣ (Крыл).

Stipa capillata, Linn. *Волосяная ковыль, степчина, иголка, киперъ* (Даль), *ковыль* (Вел. Росс.), *ковиль* (Малор.), *тирса* (Рупр. о Черноз. р. 14. Зап. Акад. Н. 1867, т. X, кн. II Grün.), *шелковая трава* (Календ.), кирг. *битеге* (Пот.), на тарбаг. *садакъ-куде, сiиръ-чубъ*, т. е. *коровья трава*. У южн. кирг. *босъ*, монг. *дэрэеу* (Пот.), калм. *кара-кудилъ* (Falk.), тат. *изю-элёнъ*, т. е. горячая трава (Алт. Верб.), *шигона, шимантуй* (Селенг. Pall.), ростетъ на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и предъидущее, но выбираетъ цѣльную, богатую почву.

Phragmites communis, Trin. (Arundo Phragmitis, Linn). *Тростникъ, камышъ, жгуты* (Твер. Ост. Пуп.), *куга* (Приарг. кр.), *очеретъ* (Малор.), *тресна, треснякъ* (Олон. Пот.), *треста, трестъ* (Арх.), *троста, трость* (Слов. Библ.), *тростникъ* (Моск. и др). Ростки въ Тобол. губ. наз. *копьецами, шильцами*, а на Иртышѣ—*копьяшками, початки* (Приарг. кр.), кирг. *Tschi*, сарты въ Турк. *кичакъ* (Кат. выст.), ростетъ густо мѣстами въ болотахъ.

Koeleria cristata, Pers. (Aira et Poa cristata, Linn). *Гребенчатая кёлерiа, кипецъ, тонконогъ, тонконiгъ*, очень часто находится на сухихъ лугахъ. Хорошая кормовая трава.

Avena pratensis, Linn. *Луговой овесъ*, мѣстами разсѣянъ на сухихъ лугахъ.

Poa pratensis, Linn. *Луговой мятликъ*, такая же *мятлика, метла* (Моск. Желѣзн.), *смогранецъ* (Могил.), якут. *Bäthiäta*, т. е.

волоски (var. angust.), тунг. *Batama* (Павл.), часто находится между кустарниками на лугахъ и по дорогамъ.

Poa fertilis, Host. *Плодовитая мятлика, мелковолосникъ* (Сарат.), встрѣчается мѣстами подъ кустарниками и по окраинамъ лѣсовъ.

Poa annua, Linn. *Годичная мятлика, гусинникъ* (Сарат.), *мурава*, сарты—*афрыкъ* (на Сыръ-Дарьѣ), очень часто ростетъ на сухихъ лугахъ. Отличная луговая и кормовая трава.

Glyceria distans, Wahlobg. (Poa distans, Linn). *Манникъ*, попадается очень часто на солонцеватыхъ мѣстахъ.

Festuca ovina, Linn. *Овечья заноска, овсяница, волосянка* (Вор.), *манникъ* (Вор. Могил.), *щипецъ* (Малор. Рог.), *типчакъ* (на Дону), *тонконогъ, тонконігъ* (Мар. Рог.), *щетка* (Gmel. Собол.), кирг. *иркикъ*, на тарбагат.—*бетэге* (самый лучшій кормъ для лошадей), множество попадается на сухихъ лугахъ.

Festuca elatior, Linn. (Festuca pratensis, Huds). *Высокая заноска, луговая овсяница, метла, мітлиця* (Малор. Рог.), *вожецъ* (Арх.), *костеря* (Новг.), *мурогъ* (Могил.), *манна луговая* (Щегловъ), *манная трава, овсянишникъ*, часто ростетъ по влажнымъ лугамъ, по берегамъ и въ оврагахъ.

Festuca borealis, M. et Koch. (Arundo festucacea, Willd). *Тростниковая заноска*, такая же *овсяница, троска* (Мог.), часто находится за Иртышомъ на сырыхъ мѣстахъ и у болота въ лѣсу за пос. Захламинскимъ.

Brachypodium pinnatum, P. Beauv. (Bromus pinnatus, Linn). *Перистая коротконожка*, такой же *костеръ*, часто встрѣчается передъ загородною рощей между кустарниками.

Bromus inermis, Leyss. *Безостный костеръ, аржанецъ* (Сарат.),

овсянуха (Астр.), *пырей* (Ворон., Кіев.), *пырецъ* (Ниж.), *перій* (Мал. Волк.), *пирій* (Екат.), *пырейный костеръ*, сарты *су-бидаскъ*, якут. *Glaptaghai-ot*, т. е. *дурная трава* (Meinsh. 230), находится часто по дорогамъ въ загородной и городской рощахъ.

Triticum repens, Linn. (Agropyrum repens, P. Beauv). *Пырей*. Фармац. назв. Gramen, Gramen album s. arvense s. caninum (Rhizoma et stolones). *Бороноволокъ* (Твер. Преобр.), *гришиносъ* (Ниж.), *житвицъ* (Мог.), *житецъ* (Орл.), Въ Москов. губ. корни—*понырь*, *нырокъ*, а трава *оржанецъ* (Желѣзн.), *кырій*, *пірій* (Малор. Стар. Банд.); *ржанецъ* (Олон.), *ржанъ* (Ниж.), кирг. *битайахъ* (Ставр.), сарты на Сыръ-Дарьѣ—*бычанъ*, *кыякъ*, попадается множество вездѣ на лугахъ и поляхъ. Корни употреблялись прежде въ медицинѣ какъ кровочистительное средство. Могутъ быть примѣнены къ приготовленію хлѣба, пива и вина. Отличная кормовая трава.

Elymus junceus, Fischer, *ситниковидный овёсецъ*, попадается большими группами на песчаныхъ откосахъ по правой сторонѣ р. Оми.

Elymus angustus, Tr., *узкій овёсецъ*, ростетъ по малу на высокихъ откосахь берега Иртыша при селѣ Чернолуцкомъ.

Hordeum pratense, Huds. (Hordeum secalinum, Schreb). *Луговой ячмень*, на Тарбагатаѣ—*мысыкъ-гойрукъ*, мѣстами много ростетъ на влажныхъ лугахъ за лагеремъ.

КЛАССЪ 3-й.

CRYPTOGAMIA. ТАЙНОБРАЧНЫЯ.

СЕМ. EQUJSETACEAE. ХВОЩИ.

Equisetum arvense, Linn. *Полевой хвощъ*. Фармац. назв. Equisetum minus. *Елка* (Влад.), *земляные орѣхи* (Могил.), *пестовникъ* (Твер. Ост. Пуп.), *пестушки* (Волог., Ряз. и др.), *пестикъ* (Кал. Моск.), *пѣсты*, *пестики* (Вят. Пуп.), *опестышъ* (Влад.), *толкачикъ* (Моск. Смол.), Перм. *кöкъ-тоинъ*, часто попадается въ загородной рощѣ и на откосахъ подъ деревьями по лѣвой сторонѣ Оми.

Equisetum hiemale, Linn. *Столярный хвощъ*. Фармац. назв. Equisetum major. s. mechanici. *Зимній хвощъ, хвоищъ* (Малор. Рог.), *щеть, щеть* (Güld.), *боровой хвощъ* (Петерб.), *хвощъ обыкновенный* (Собол.), *сирътунъ* (Уфим.), разсѣянъ по одиночкѣ въ оврагахъ. Употребляется для полированія столярныхъ работъ. Въ Гродпен. губ. отъ болѣзни груди и горла.

Equisetum limosum, Linn. *Илистый хвощъ*, во множествѣ встрѣчается на болотистыхъ мѣстахъ.

Equisetum ramosum, Schleich. (Equisetum elongatum, Willd). *Вѣтвистый хвощъ*, попадается на тѣхъ же мѣстахъ, но мало.

Equisetum palustre, Linn. *Болотный хвощъ, кругляхъ* (Малор. Рог.), рѣдко находится на лѣвой сторонѣ р. Иртыша по болотамъ.

СЕМ. FILICES. ПАПОРОТНИКИ.

Pteris aquilina, Linn. *Орлякъ*. Это есть Thelypteris Плинія и Діоскорида (Lenz). Фармац. назв. Filix foemina s. Pteris aquilina. *Абага* (Уф.), *лапушка боровая* (Уф.), *папоротъ* (Твер., Вят.), *попо-*

ротникъ (Ниж., Каз., Вил.), *еланный*[1]) *папоротникъ* (въ Томской тайгѣ), *папертникъ* (Тамб). Ростетъ мѣстами въ группахъ по лѣвой сторонѣ Оми на откосахъ подъ деревьями. Корень употребляется въ медицинѣ отъ поноса и глистовъ. Печеный употребляется въ пищу. Травой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ набиваютъ тюфяки для золотушныхъ дѣтей. Въ Россіи отваръ корня употребляютъ тоже отъ глистовъ, а снаружи „отъ коросты и шелудей".

Ю. Килломанъ и
М. Колоколовъ.

---

[1]) Елань—прогалины внутри лѣса.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛАТИНСКИХЪ НАЗВАНІЙ РАСТЕНІЙ[1].

A

---

[1]) *Примѣчаніе.* Растенія обозначены: употребляемыя въ медицинѣ (*), въ пищу людьми (**), на разнообразныя техническія производства(***) и какъ хорошія кормовыя травы для домашнихъ животныхъ и птицъ (+).

II.

R.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХЪ НАЗВАНІЙ РАСТЕНІЙ.

А.

Б.

X.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

XXIII.

Я.

ПОПРАВКИ И ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ФЛОРѢ Г. ОМСКА.

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
1	7 сверху	соли	солей
—	11 „	Salicornia	Salicornia,
2	15 „	Dicotuledones	Dicotyledones
—	въ примѣчаніи къ ботаническимъ руководствамъ пропущены слова:		Flora altaica Ледебура.
4	11 сверху	aquatilus	aquatilis
10	8 „	Willd	Wied
13	8 „	officinorum	officinarum
—	15 „	въ концѣ статьи пропущены слова:	Встрѣчается часто въ загородной рощѣ.
—	16 „	песчнка	песчанка
—	5 снизу	Seop	Scop
—	9 „	triviole	triviale
16	4 сверху	Pceudo-sibiricum	pseudo-sibiricum
—	„ „	lactum	laetum
—	13 „	caehartica	Cathartica
—	„ снизу	въ статьѣ Rhamnus cathartica	Сказанное употребленіе коры принадлежитъ другому виду Rhamnus Frangula, который здѣсь не встрѣчается.
17	8 сверху	въ статьѣ Melilotus albus	Медицинское употребленіе относится къ растенію Melilotus officinalis, котораго здѣсь нѣтъ.
19	5 сверху	Esculentum	Hed. Esculentum
—	6 снизу	viciaefomis	viciaeformis
20	2 сверху	Lathurus	Lathyrus
—	5 „	Glaudes terestres	Glandes terrestres
—	12 „	chinentschucà	chinentschurà
—	13 „	слова „по улицамъ и“	не читать
26	7 снизу	читать	считать

СТРАН.	СТРОКИ.		НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
27	7	снизу	консхвостникъ	консхвостникъ
—	8	„	Hyppuris	Hippuris
—	11	„	Myrioplyllum	Myriophyllum
28	8	сверху	Смороденныя	не читать
—	9	„	очитокъ	очитокъ,
30	1	„	Linn.	M. a Bieb.
—	„	„	Sium palustre s. Pastinaca aquatica (herba et radix)	не читать
—	7	„	Pampinella	Pimpinella
—	8	„	Tragaselinum	Tragoselinum
—	7	снизу	hyppomaranthrum	Hippomarathrum
31	10	сверху	кустарниками	между кустарниками
32	10	„	Pastinaea	Pastinaca
—	6	снизу	Sperg	Spreng
33	5	„	Opulys	Opulus
35	11	сверху	cabollina	caballina
36	7	снизу	Britanica	Britannica
37	5	сверху	Jnula inodorum	Chrysanthemum inodorum
39	14	„	Stegm	Stechm
42	8	„	Aritium	Arctium
—	10	„	Bardonae	Bardanae
44	1	снизу	Tauch	Tausch
45	8	„	колокольчикъ, воронка	колокольчикъ—воронка,
46	2	„	въ концѣ не напечатано	„Растетъ вездѣ на лугахъ и поляхъ“
48	4	„	Menganthes	Menyanthes
—	7	„	coliata	ciliata
49	5	„	officinale	officinale, Linn.
50	11	сверху	simplicissima	simplicissimum
52	4	снизу	Antrhinum	Antirrhinum
54	9	сверху	Landl.	Lindl.
55	7 и 10	„	Амманта	Аммонта
56	8	„	Schrek	Schreb
—	3	снизу	terestris	terrestris
57	10	„	Marubium	Marrubium

СТРАН.	СТРОКИ.		НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
59	3	снизу	Chenopodima	Chenopodina
—	11	„	Amaranthus	Amarantus
—	„	„	Амарантъ	Амарантъ,
60	1	сверху	зольмикъ	зольникъ
61	7	снизу	Oxalis, Acetosa	Oxalis Acetosa
62	11	сверху	Sapathum	Lapathum
67	9	снизу	Papulus	Populus
70	5	„	cagittaefolia	sagittaefolia
74	10	сверху	Schrah	Schrad.
—	6	снизу	(Juncns	(Juncus
75	9	„	Jchr	Schr
76	11	сверху	въ концѣ статьи добавить слова:	Употребляется на Алтаѣ подъ названіемъ теплой травы для согрѣванія ногъ вмѣсто чулокъ.
77	14	„	Carex vulpina, Linn. Лисья осока, опорѣзная (Ниж.)	Carex intermedia, Good. Средняя осока, (по провѣркѣ Meinshausen'омъ)
78	4	„	arundinaceae	arundinacea
—	8	снизу	Roehmeri	Boehmeri
79	9	„	sulvatica	silvatica
81	8	сверху	Wahlobg	Wahlnbg.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

1) РАСТЕНІЯ, НАЙДЕННЫЯ ПО НАПЕЧАТАНІИ БРОШЮРЫ:

ИЗЪ СЕМЕЙСТВА ЛЮТИКОВЫХЪ.

Myosurus minimus, Linn. Отъ словъ: Mys, мышь и ura—хвостъ. Фармацевтическое названіе Cauda marina. *Мышехвостникъ*, *мышнякъ* (Двиг.), *хвостъ мышій* (Кондр.), *мышатникъ* (Горн.), встрѣчается на сыромъ лугу за тюремнымъ замкомъ небольшими группами.

ИЗЪ СЕМЕЙСТВА КРЕСТОЦВѢТНЫХЪ.

Sisymbrium Thalianum Gay. (Arabis Thaliana, Linn). *Гулявникъ Таля*, попадается рѣдко около пороховаго погреба.

ИЗЪ СЕМЕЙСТВА МОТЫЛЬКОВЫХЪ.

Ervum tetraspermum, Linn. *Четырехъ-сѣмянная чечевица*, *вязель* (Сар.), тат.—*Елькинчекли—Убелекъ* (Ставр.), растетъ въ лѣсу передъ поселкомъ Захламинскимъ.

ИЗЪ СЕМЕЙСТВА ГОРЧАНКОВЫХЪ.

Gentiana pratensis, Fröl. (Gentiana Amarella, Linn). Фармац. назван. Gentianella s. Gentiana autumnalis. *Луговая горчанка* или *горечавка*, встрѣчается часто на лугахъ. Прежде употреблялось въ медицинѣ. Въ Вологодской губерніи даютъ лошадямъ съ овсомъ или овцамъ съ хлѣбомъ отъ кашля. Въ Вятской губерніи, когда лошадь или корову очень изнуренныхъ начинаютъ вдругъ откармливать и оттого у нихъ появятся нарывы, кормятъ этой травой и болѣзнь скоро проходитъ. Въ Англіи употреб. вмѣсто Gent. lutea.

2) РАСТЕНІЯ, ОПРЕДѢЛЕННЫЯ ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ ПЕТЕРБУРГСКИМЪ БОТАНИКОМЪ MEINSHAUSEN'ОМЪ.

ИЗЪ СЕМЕЙСТВА ПОДОРОЖНИКОВЫХЪ.

Plantago asiatica Linn. *Азіатскій подорожникъ*, попадается часто по песчанымъ берегамъ р. Иртыша.

ИЗЪ СЕМЕЙСТВА ОСОКОВЫХЪ.

Isolepis Micheliana, R. et Schult. (Scirpus Michelianus, L). *Ситникъ Мишеля*, разсѣянъ по лѣвому берегу р. Иртыша на отмели вблизи парома.

Carex ericetorum, Pollich. (Carex ciliata, Willd.) *Вересковая осока*, растетъ на лугахъ и между кустарниками.

Carex stricta, Good. *Прямая осока*, встрѣчается часто въ болотахъ.

Carex tomentosa, Linn. *Пушистая осока*, очень рѣдко попадается на сухихъ лугахъ.

Carex orthostachys, C. A. Meyer. forma glaberrima. *Голая форма прямоколосной осоки*, очень часто находится въ болотахъ и между камышомъ.

АСТРОНОМИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ Г. ЛАЗАРЕВА
для
ОПРЕДѢЛЕНІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ МѢСТЪ
ВЪ АЛТАѢ, НА ВЕРХНЕЙ БУХТАРМѢ,
и его же
БАРОМЕТРИЧЕСКІЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ ВЫСОТЪ
ВЪ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Въ январѣ 1883 года членъ-сотрудникъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, К. А. Лазаревъ, препроводилъ къ нашему сочлену, С. Т. Мирошниченко, журналъ своихъ астрономическихъ наблюденій для опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ въ Алтаѣ, на верхней Бухтармѣ. Просмотрѣвъ эти наблюденія, г. Мирошниченко передалъ ихъ въ Отдѣлъ съ заключеніемъ, что изъ нихъ можно было бы получить вполнѣ удовлетворительные результаты, вычисливъ вновь, такъ какъ въ вычисленіяхъ, исполненныхъ самимъ наблюдателемъ, замѣчены неточности. Занятый въ то время спѣшнымъ вычисленіемъ собственныхъ наблюденій, г. Мирошниченко не имѣлъ времени на перевычисленіе наблюденій г. Лазарева и работа эта возложена была Отдѣломъ на меня.

Провѣривъ вычисленія г. Лазарева, я нашелъ въ нихъ лишь незначительныя, но общія ошибки, повторяющіяся въ вычисленіи каждаго отдѣльнаго его наблюденія для опредѣленія времени и широты. Между тѣмъ самыя наблюденія, произведенныя весьма старательно и со знаніемъ дѣла, нельзя не признать вполнѣ удов-

летворительными. Поэтому я счелъ полезнымъ вычислить ихъ вновь и привести результаты въ настоящей замѣткѣ.

Г. Лазаревъ наблюдалъ малымъ универсальнымъ инструментомъ Пистора и Мартинса, точность ноніусовъ котораго на обоихъ кругахъ 30″, а увеличеніе трубы около 14. Въ фокусѣ ея было натянуто 6 горизонтальныхъ нитей и 2 вертикальныя. Цѣна одного дѣленія уровня на вертикальномъ кругѣ этого инструмента 30″. Наблюдатель имѣлъ три средніе карманные хронометра: Dent № 5877, Cullberg. № 2085 и Rosskels № 6869, изъ которыхъ послѣдній оказался негоднымъ, и барометръ Паррота съ термометрами.

Время г. Лазаревъ опредѣлялъ по соотвѣтственнымъ высотамъ различныхъ звѣздъ, мало разнящихся склоненіями, замѣчая прохожденія ихъ чрезъ всѣ шесть горизонтальныхъ нитей. Наклонность отсчитывалась передъ прохожденіемъ звѣзды чрезъ I-ю нить и тотчасъ же по прохожденіи ея чрезъ VI-ю. Точность опредѣленія времени, судя по согласію результатовъ, полученныхъ для каждой пары соотвѣтственныхъ нитей и поправокъ хронометра, найденныхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ изъ наблюденій 2-хъ паръ звѣздъ, вполнѣ удовлетворительна. Ошибка въ поправкахъ хронометра едва-ли достигаетъ $\pm 0^s,5$.

Широты опредѣлены изъ наблюденій зенитныхъ разстояній полярной звѣзды, на которую дѣлалось по 4, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ и по 8 наведеній при различныхъ положеніяхъ вертикальнаго круга инструмента. Наклонность отсчитывалась для каждаго наведенія. Результаты одноименныхъ наведеній въ большинствѣ весьма хорошо согласуются между собой, расходясь лишь на 20″, много на 25″. Разновременныя опредѣленія широты одного изъ пунктовъ—Котонъ-Карагая, также очень согласны, именно: по опредѣленію 12-го іюня 49° 10′ 34″, а 3-го іюля—49° 10′ 23″. Наконецъ, широта уроч. Чингизтай, по опредѣленію г. Лазарева, —49° 10′ 46″,—очень близка къ широтѣ того же пункта, найденной г. Мирошниченко въ 1869 г., по наблюденію котораго она 49° 10′ 43″. При этомъ нужно замѣтить, что г. Лазаревъ, какъ видно по плану окрестностей астрономическаго пункта г. Мирошниченко (1869 г.

масштабъ 250 саж. въ дюймѣ),—наблюдалъ въ 770 саж. западнѣе и въ 40 саженяхъ сѣвернѣе послѣдняго, а потому между вышеозначенными широтами, по приведенiи къ одной параллели результатовъ наблюденiя, получается самая ничтожная разница. На вышеприведенныхъ основанiяхъ можно полагать, что ошибки широтъ г. Лазарева не должны превышать 30″.

Опорнымъ пунктомъ для относительныхъ долготъ, опредѣленныхъ г. Лазаревымъ перевозкою 2-хъ хронометровъ, послужило ур. Чингизтай на р. Бухтармѣ, долгота котораго опредѣлена г. Мирошниченко въ 1869 г.[1]) Къ этому урочищу и отнесены мною долготы 3-хъ пунктовъ г. Лазарева, изъ которыхъ одинъ (Котонъ-Карагай) лежитъ къ западу отъ названнаго урочища, а два другiе (посел. Урыльскiй и уроч. Чиндагатуй) къ востоку. Согласiе относительныхъ долготъ по обоимъ хронометрамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Долготы отъ уроч. Чингизтай:
—западн. +восточн.

	По хрон. Dent'a	По хрон. Cullberg'a	Среднiя
Котонъ-Карагай . . .	$-1^m\,11^s.7$	$-1^m\,14^s.9$	$-1^m\,13^s.3$
Посел. Урыльскiй . .	+1 35 .1	+1 33 .6	+1 34 .3
Уроч. Чиндагатуй . .	+4 17 .9	+4 15 .4	+4 16 .6
	+4 13 .7	+4 11 .6	+4 12 .6
			$+4^m\,14^s.6$

Долгота урочища Чиндагатуй вычислена мною двоякимъ образомъ: съ ходами 13-ти дневнаго рейса изъ Котонъ-Карагая чрезъ Чингизтай и посел. Урыльскiй на Чиндагатуй и обратно въ Котонъ-Карагай; затѣмъ съ ходами въ теченiи 3-хъ дневнаго рейса изъ пос. Урыльскаго на уроч. Чиндагатуй съ возвращенiемъ въ тотъ же самый поселокъ, въ которомъ опредѣленiе времени было сдѣлано въ переднiй и обратный пути. Относительные ходы хронометровъ въ теченiи полнаго рейса изъ Котонъ-Карагая съ 1-го по 14-е сентября были удовлетворительны, а потому ошиб-

[1]) Долгота эта 55° 36′43″, приведена мною по плану окрестностей астрономическаго пункта г. Мирошниченко къ мѣсту наблюденiя на томъ же урочищѣ г. Лазарева, которое оказалось на 770 саж., или на 1′20″, западнѣе.

ки приведенныхъ въ послѣднемъ вертикальномъ столбцѣ долготъ г. Лазарева (средн. по обоимъ хронометрамъ), по всей вѣроятности не превосходятъ $\pm 3^s.0$.

СПИСОКЪ ПУНКТОВЪ,

ОПРЕДѢЛЕННЫХЪ ВЪ 1882 ГОДУ Г. ЛАЗАРЕВЫМЪ НА ВЕРХНЕЙ БУХТАРМѢ.

Названiе пунктовъ	Широта	Восточн. долг. отъ Пулкова	Примѣчанiе
Котонъ-Карагай (ст. Алтайская) . . .	49° 10′,5	55° 17′,0	Отрядная канцелярiя
Урочище Чипгизтай	49 10,8	55 35,4[1])	Пересѣченiе р. Кара-су дорогою изъ Алтайской стан. въ пос. Урыльскiй
Поселокъ Урыльскiй	49 14,3	55 58,9	Домъ казака Калугина
Урочище Чиндагатуй	49 13,9	56 39,0	Мостъ черезъ рѣчку Чиндагатуй.

Кромѣ астрономическихъ наблюденiй, г. Лазаревъ въ теченiи продолжительнаго пребыванiя на Алтаѣ въ 1882 г., а также во время поѣздки своей туда же и въ Зайсанское приставство въ 1883 г. опредѣлилъ въ этихъ странахъ высоты многихъ пунктовъ ртутнымъ барометромъ Паррота и анероидомъ Нодэ № 26-й Главной физической обсерваторiи. Высоты вычислены по соотвѣтственнымъ наблюденiямъ частью надъ Котонъ-Карагаемъ, гдѣ оставался другой барометръ,—Фортэня, частью относительно Семипалатинской метеорологической станцiи.

Высота Котонъ-Карагая получена изъ 309 соотвѣтственныхъ наблюденiй надъ Семипалатинскомъ въ теченiи iюня, iюля, августа, октября и ноября 1882 года, а для Семипалатинска принята абсолютная высота 182,0 метра, вычисленная г. Штэллингомъ по соотвѣтственнымъ наблюденiямъ за 1876—1877 гг. въ этомъ пунктѣ

[1]) Долгота по опредѣленiю г. Мирошниченко 1869 г., приведенная къ мѣсту наблюденiя г. Лазарева.

и въ г. Омскѣ[1]). Абсолютная же высота этого послѣдняго опредѣлена точно инструментальною нивеллировкою г. Мошкова[2]).

Вычисленія сдѣланы самимъ наблюдателемъ по таблицамъ Бергмана и Барановскаго, приложеннымъ къ „Инструкціи для метеорологическихъ станцій“ Академика Вильда.

СПИСОКЪ ВЫСОТЪ,

опредѣленныхъ г. Лазаревымъ въ юго-восточной части Семипалатинской области въ 1882 и 1883 гг.

Названіе мѣста	Число наблюденій	Абсолютная высота въ русскихъ футахъ	Названіе мѣста	Число наблюденій	Абсолютная высота въ русскихъ футахъ
Котонъ-Карагай (ст. Алтайская)	309	3350	Ст. Мало-Нарымская	2	1470
Г. Устькаменогорскъ	14	910	Ст. Таловка (Солдатова)	2	2540
Перевалъ между р. Ульбой и почт. станц. Ульбинской	1	1210	Ст. Медвѣдка	2	3100
Ст. Ульбинская	2	1080	Ур. Чингизтай (р. Кара-су)	6	2780
Ст. Феклистовская	3	2310	Посел. Урыльскій	5	3230
Перевалъ между ст. Феклистовской и Сѣверной	2	2650	Перевалъ Сапсартѣнь	2	4630
Перевалъ между ст. Сѣверной и Александровской	2	2640	Перевалъ Коко-даба	2	5560
Ст. Александровская	2	1630	Уроч. Арчаты	4	4090
Ст. Бухтарминская	2	1082	Р. Бухтарма (верхній мостъ)	3	4870
Ст. Воронинская	1	1070	Уроч. Чиндагатуй (мостъ)	6	5420
Ст. Черемшанская	1	1050	Рудн. Зыряновскій	9	1380
Ст. Мало-Красноярская	2	1270	Выс. Чистоярскій	2	980
			Выс. Батинскій	1	1070
			Г. Кокпекты	2	1660
			Пик. Джусъ-агачъ	1	1400
			Пик. Бурханка	1	1410

[1]) Абсолютная высота г. Семипалатинска изъ соотвѣтственныхъ пятилѣтнихъ метеорологическихъ наблюденій въ Омскѣ, по моему вычисленію,—180,3 метра.

[2]) Лѣтописи Главной физической обсерваторіи за 1877 г. стр. XXI-я XX-я.

Названіе мѣста	Число наблюденій	Абсолютная высота въ русскихъ футахъ	Названіе мѣста	Число наблюденій	Абсолютная высота въ русскихъ футахъ
Пик. Эспе.	1	1540	гая въ Нарымскомъ хребтѣ	—	7598
Вершина горы Тасъ-чеку къ югу отъ Котонъ-Кара-			Верхняя граница лиственницы на этой горѣ . .	—	6490

Послѣднія двѣ высоты опредѣлены надъ Котонъ-Карагаемъ тригонометрически, для чего былъ измѣренъ въ долинѣ базисъ въ 290 саж., а горизонтальные и вертикальные углы измѣрялись малымъ универсальнымъ инструментомъ Пистора и Мартинса.

Дѣйствительный членъ, М. Пѣвцовъ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ Г. АКМОЛИНСКѢ

съ 1873 по 1881 годъ

К. А. ЛАЗАРЕВА.

Въ 1873 году Главной Физической Обсерваторіей, съ разрѣшенія Императорской Академіи наукъ, была выслана мнѣ полная серія инструментовъ для метеорологическихъ наблюденій, чѣмъ и было положено основаніе въ г. Акмолинскѣ метеорологической станціи, существующей и по настоящее время.

Станція расположена въ южной части бывшаго укрѣпленія, въ разстояніи около 100 метровъ отъ праваго берега рѣки Ишима, на мѣстности совершенно открытой и ровной. Психрометръ, гигрометръ и minimum термометръ въ цинковой клѣткѣ, Главной Физической Обсерваторіи № 95, установлены внутри деревянной будки, построенной во всемъ согласно Инструкціи для метеорологическихъ станцій г. Академика Вильда. Дождемѣръ и флюгеръ съ указателемъ силы вѣтра установлены на той же деревянной будкѣ.

Для производства метеорологическихъ наблюденій служили слѣдующіе инструменты:

I) Два термометра № 176^{I} и 166^{II}, волосяной гигрометръ Главной Физической Обсерваторіи № 85, minimum термометръ № 55, который 8-го декабря 1875 года былъ сломанъ и замѣненъ въ іюнѣ 1876 г. другимъ № 129; послѣдній 11-го января 1881 г. былъ сорванъ бурею и замѣненъ 23-го ноября 1881 г. новымъ № 334. Всѣ термометры работы Гейслера.

II) Два большіе дождемѣра Главной Физической Обсерваторіи № 87 и 87^{I} со стаканомъ № 27.

III) Малый флюгеръ Главной Физической Обсерваторіи съ 4-мя штавтами, замѣненный въ январѣ 1878 другимъ,—съ 8-ю штавтами.

IV) Анероидъ Naudet № 1-й, замѣненный 1-го августа 1874 г.

другимъ такимъ же № 26. Для контроля наблюденій по анероиду служилъ термо-барометръ Гейслера № 9, а съ іюня 1877 г. давленіе воздуха наблюдалось по ртутному барометру Турретини № 69. собранному и наполненному мною на мѣстѣ.

Поправки всѣхъ инструментовъ опредѣлены и приняты въ разсчетъ при вычисленіи.

Всѣ наблюденія производились, согласно „Инструкціи для метеорологическихъ станцій“ г. Академика Вильда, въ 7 ч. утра, 1 ч. по полудни и 9 ч. вечера.

Для опредѣленія суточныхъ среднихъ всѣхъ наблюдаемыхъ элементовъ, брались среднія ариѳметическія изъ 3-хъ срочныхъ дневныхъ наблюденій,—мѣсячныя среднія изъ суточныхъ, и годовыя изъ мѣсячныхъ среднихъ.

Всѣ числа въ прилагаемыхъ таблицахъ показаны по новому стилю. Времена года принимались такъ: весна съ 21-го марта по 21-е іюня, лѣто съ 21-го іюня по 21-е сентября; осень съ 21-го сентября по 21-е декабря и зима съ 21-го декабря по 21-е марта.

Сверхъ нормальныхъ наблюденій, согласно Инструкціи для метеорологическихъ станцій, въ г. Акмолинскѣ производятся наблюденія надъ температурою на поверхности земли и количествомъ испарившейся воды.

К. Лазаревъ.

20-го марта 1882 года.
г. Семипалатинскъ.

ТАБЛИЦЫ

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ ВЪ Г. АКМОЛИНСКѢ

съ 1873 по 1881 г.

Температура воздуха по термометру Цельзія изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій (7 час. утра, 1 ч. по полудни и 9 час. вечера).

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябр.	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	18,6	9,4	4,1	—2,4	—21,0	-	-	-	-	—0,8
1874	—15,0	—18,0	—10,5	4,4	17,2	20,9	20,7	20,0	13,9	—1,4	6,2	—13,1	2,8	—15,0	9,0	19,5	—3,2
1875	—17,2	—23,6	—12,1	6,1	11,7	17,5	21,8	17,6	11,1	1,2	—9,1	—13,2	1,0	—18,8	5,7	14,8	—2,5
1876	—19,9	—16,8	—10,0	1,7	11,3	16,7	20,8	18,6	13,6	2,4	—12,9	—17,4	0,7	—16,6	6,0	18,9	—3,7
1877	—21,9	—17,4	—6,6	2,0	13,7	19,0	20,5	18,8	14,0	3,1	—8,2	—24,8	1,0	—16,0	5,5	18,6	—2,9
1878	—19,5	—12,9	—4,7	4,4	15,5	19,6	23,7	18,8	11,0	1,0	—2,8	—15,8	3,2	—17,5	9,7	17,9	—1,9
1879	—19,8	—14,4	—7,6	4,2	14,1	19,8	22,2	16,2	11,0	3,2	—9,8	—12,7	2,2	—15,6	9,8	17,9	—3,3
1880	—19,8	—16,1	—7,1	—5,3	13,1	17,8	20,3	17,2	10,5	5,1	—3,4	—10,7	1,8	—15,8	5,2	17,9	—0,5
Среднія	—19,0	—17,0	—8,4	2,5	13,8	18,7	21,7	18,2	11,7	2,3	—6,8	—16,1	1,8	—16,8	7,3	17,9	—2,3

Maximum и minimum температуры въ однѣ сутки, изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій.

Годы	Январь		Февраль		Мартъ		Апрѣль		Май		Іюнь	
	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1874	—4,3	—27,1	—16,9	—30 2	—11,5	—26,2	21,4	6,7	21,4	6,9	34,8	21,3
1875	—12,3	—29,6	—16,7	—33,0	—15,1	—30,7	16,7	5,9	15,6	4,7	24,9	12,3
1876	—16,2	—29,4	—10,0	—23,3	—20,2	—30,0	7,7	—6,0	17,2	2,7	30,2	17,7
1877	—12,2	—34,0	—15,5	—28,8	—8,2	—27,7	17,2	1,8	17,7	5,0	34,1	18,7
1878	—9,2	—27,3	—13,2	—28,8	—1,6	—13,8	18,9	4,6	30,2	12,3	35,4	19,6
1879	—20,2	35,6	—18,6	—34,2	—7,3	—21,4	28,8	14,3	21,6	6,8	26,4	12,7
1880	—11,6	—22,0	—10,5	—25,2	2,2	—14,6	3,0	—9,4	24,1	11,7	23,4	12,1
Средняя суточная разность температуры изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій	17,7		14,3		14,7		13,2		13,2		13,7	

Годы	Іюль		Августъ		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь	
	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum
1873	-	-	27,5	13,1	14,9	0,3	15,8	0,8	—3,9	—15,4	1,4	—15,8
1874	26,6	15,3	28,3	14,9	26,3	7,1	12,2	—2,5	0,4	—11,1	—6,5	—18,7
1875	25,0	12,2	32,4	17,5	20,7	2,2	15,6	—0,7	0,1	—13,5	—1,4	—22,5
1876	31,4	20,0	31,5	17,8	14,6	—0,2	23,1	9 7	—5,2	—17,5	—9,0	—24,2
1877	35,5	19,2	29,8	6,8	27,6	10,7	16,3	—1,2	6,5	—10,7	—18,7	—31,2
1878	36,6	17,9	33,5	17,1	27,2	11,5	11,1	—7,6	9,0	—7,6	—7,6	—22,0
1879	32,8	20,2	28,8	13,7	24,6	9,4	14,5	—3,2	4,4	—22,2	—3,4	—18,0
1880	30,5	19,1	28,3	14,5	17,6	0,4	20,6	1,4	11,1	—3,0	—7,2	—21,9
Средняя суточная разность температуры изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій	12,7		15,6		16,5		16,6		14,3		15,2	

Maximum и minimum температуры въ одинъ мѣсяцъ и годъ изъ 3 хъ срочныхъ наблюденій.

Годы	Январь		Февраль		Мартъ		Апрѣль		М а й		І ю н ь		І ю л ь		Августъ		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Г о д ъ	
	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	30,0	11,2	29,3	0,3	20,9	— 8,8	7,3	—21,0	1,4	—27,8	-	-
1874	—3,9	—36,0	—1,9	—34,7	2,4	—31,1	24,4	—12,4	31,4	5,5	36,4	12,5	32,2	12,1	33,2	9,8	29,6	0,5	12,6	—16,7	3,5	—21,6	1,1	—33,5	36,4	—36,0
1875	—1,3	—29,7	—8,9	—46,9	3,7	—30,7	22,1	—10,7	24,4	—4,7	33,1	5,3	36,0	12,2	36,2	6,1	27,0	—2,2	15,6	—14,3	1,3	—25,3	2,0	—31,0	36,2	—49,6
1876	—4,8	—42,2	—5,6	—30,0	0,8	—30,0	15,1	—7,2	31,7	—3,3	33,9	5,1	35,2	13,0	31,5	5,9	28,1	—0,2	23,1	—18,2	1,6	—28,5	0,7	—33,4	35,2	—42,2
1877	—3,0	—28,9	—2,8	—33,8	2,2	—27,9	22,0	—11,6	29,4	1,2	34,1	9,0	35,5	7,8	32,6	6,8	30,7	2,8	18,5	—13,0	7,4	—21,0	—5,0	—45,7	35,5	—45,7
1878	—4,7	—36,6	—2,0	—28,8	10,0	—16,6	20,0	— 7,8	32,1	2,5	35,4	6,8	36,3	9,5	36,5	5,8	27,2	—2,4	16,1	—7,6	9,0	—17,6	—5,0	—30,0	36,5	—36,6
1879	—5,0	—42,1	—1,0	—34,2	3,6	—25,1	28,8	—19,8	30,3	0,6	33,2	10,4	32,9	10,3	30,4	4,9	29,4	1,4	15,7	—10,8	2,4	—30,2	1,0	—35,1	33,2	—42,1
1880	—8,2	—30,9	—3,2	—34,8	3,2	—20,6	10,7	—22,2	25,4	1,5	28,6	10,9	31,8	11,3	29,7	8,7	27,8	—1,2	20,6	— 7,4	15,2	—22,0	0,2	—23,8	31,8	—34,8
Средняя мѣсячная разность температуры изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій:																										
	32,2		31,4		32,2		32,7		24,5		23,5		23,4		25,0		28,1		29,7		29,3		32,0		76,0	

Нѣкоторыя изъ періодическихъ явленій.

Годы	1-й иней	1-й снѣгъ	1-й день, когда замѣчена температура съ — изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій	1-й день съ среднею суточною температурою ниже 0°	Покрытіе рѣки Ишима льдомъ	Вскрытіе рѣки Ишима(*).	1-й день, когда замѣчена температура съ тепломъ	1-й день съ среднею суточн. температурою выше 0°.	1-я гроза.	Послѣдняя гроза.	1-й весенній дождь	1 й день, когда температура съ холодомъ по minimum термометру	Послѣдній снѣгъ	Послѣдній день съ температурою ниже 0° изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій	Послѣдній день съ средн. суточною температурою ниже 0° изъ 3-хъ срочн. набл.	Послѣдній день съ температур. выше 0° изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій	Послѣдній день съ среднею температур. выше 0° изъ 3-хъ срочн. наблюденій	Послѣдній дождь
1873	14 сент.	20 октяб.	1 октябр.	23 октяб.	23 нояб.	-	-	-	-	2 авг.	-	-	-	-	-	14 декабр.	22 ноября	21 декабр.
1874	14 сент.	17 октяб.	3 октябр.	4 октябр.	20 октяб.	съ 13 и 16 апрѣля	29 марта	29 марта	20 мая	19 авг.	16 апрѣл.	14 сент.	8 апрѣл.	17 апрѣл.	17 апрѣл.	18 ноября	18 ноября	18 ноября
1875	10 август.	15 октяб.	29 сент.	18 октяб.	-	съ 9 и 11 апрѣля	27 марта	28 марта	19 апр.	20 авг.	15 апрѣл.	13 сент.	16 апрѣл.	17 апрѣл.	3 апрѣл.	20 ноября	19 ноября	15 декабр.
1876	25 август.	9 октяб.	29 сент.	10 октяб.	28 октяб.	съ 12 и 20 апрѣля	23 марта	8 апрѣля	22 апр.	17 сент.	9 апрѣл.	8 сент.	18 апрѣл.	28 апрѣл.	28 апрѣл.	20 ноября	24 октяб.	6 декабр.
1877	11 сент.	9 ноября	3 октябр.	8 октяб.	30 октяб.	съ 17 и 20 апрѣля	1 марта	2 апрѣля	17 мая	2 сент.	9 апрѣля	1 октяб.	27 апрѣл.	28 апрѣл.	28 апрѣл.	11 ноября	11 ноября	24 октябр.
1878	1 октяб.	18 октяб.	30 сент.	1 октяб.	6 ноября	съ 20 и 23 апрѣля	11 марта	21 марта	21 мая	17 авг.	21 марта	29 сент.	24 апрѣл.	25 апрѣл.	21 апрѣл.	22 ноября	11 ноября	11 ноября
1879	1 октяб.	1 октяб.	1 октябр.	9 октяб.	4 ноябр.	17—20 апрѣля	12 марта	23 марта	5 мая	9 іюля	14 апрѣл.	21 сент.	4 апрѣл.	16 апрѣл.	9 апрѣл.	2 ноября	26 октяб.	26 октябр.
1880	15 сент.	12 октяб.	24 сент.	12 октяб.	15 ноябр.	съ 28 ап. и 1 мая	7 марта	14 апр.	13 мая	31 авг.	22 марта	27 сент.	24 апрѣл.	25 апрѣл.	25 апрѣл.	22 ноября	13 ноября	8 ноября

(*) Первая цифра означаетъ, когда тронулся ледъ, а вторая—когда рѣка очистилась отъ льда.

Число дней, когда самая низкая температура была выше 0° изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій (дни безъ холода, термометръ въ 3 срочныя наблюденія былъ выше 0°)

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ
1873	-	-	-	-	-	-	-	31	30	18	7	–	-
1874	-	-	-	16	31	30	31	31	30	5	-	-	174
1875	-	-	1	22	29	30	31	31	28	13	-	-	185
1876	-	-	-	15	30	30	31	31	29	16	1	-	183
1877	-	-	-	12	31	30	31	31	30	14	-	-	179
1878	-	-	3	14	31	30	31	31	29	4	-	-	173
1879	-	-	-	16	31	30	31	31	30	14	-	-	182
1880	-	-	-	5	31	30	30	31	29	19	3	-	176
Среднее число дней	-	-	0,6	14,3	30,6	30,0	31,0	31,0	29,4	12,9	1,4	-	179

Число дней, когда самая высокая температура была ниже 0° или равна 0° (дни безъ тепла, термометръ въ 3 срочныя наблюденія не подымался выше 0°).

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	15	28	-
1874	31	28	28	2	-	-	-	-	-	11	23	29	152
1875	31	28	26	2	-	-	-	-	-	9	23	29	149
1876	31	29	25	6	-	-	-	-	-	7	28	30	156
1877	31	28	23	3	-	-	-	-	-	2	21	31	139
1878	31	28	19	2	-	-	-	-	-	5	16	31	132
1879	31	26	21	8	-	-	-	-	-	4	27	27	144
1880	31	29	25	18	-	-	-	-	-	1	16	30	150
Среднее число дней	31.0	28.0	23.8	5.9	-	-	-	-	-	5.1	21.1	29.4	146.0

Число жаркихъ и морозныхъ дней изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій.

Годы	Жаркихъ: Май, Отъ 25° до 30°	Май, Отъ 30° до 35°	Май, Отъ 35° и выше	Іюнь, Отъ 25° до 30°	Іюнь, Отъ 30° до 35°	Іюнь, Отъ 35° и выше	Іюль, Отъ 25° до 30°	Іюль, Отъ 30° до 35°	Іюль, Отъ 35° и выше	Августъ, Отъ 25° до 30°	Августъ, Отъ 30° до 35°	Августъ, Отъ 35° и выше	Сентябрь, Отъ 25° до 30°	Сентябрь, Отъ 30° до 35°	Сентябрь, Отъ 35° и выше	Морозныхъ: Октябрь, Отъ −25° до −30°	Октябрь, Отъ −30° до −35°	Октябрь, Отъ −35° и ниже
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	11	1	-	3	-	-	-	-	-
1874	11	1	-	7	5	2	9	6	-	12	4	-	8	-	-	-	-	-
1875	-	-	-	3	5	-	12	6	1	7	2	2	2	-	-	-	-	-
1876	3	1	-	8	2	-	8	2	1	10	2	-	2	-	-	4	-	-
1877	4	-	-	7	5	-	8	8	1	11	3	-	8	1	-	-	-	-
1878	5	2	-	8	7	1	15	13	1	15	3	1	2	-	-	-	-	-
1879	6	2	-	15	3	-	16	9	-	7	1	-	1	-	-	-	-	-
1880	2	-	-	5	-	-	13	2	-	9	-	-	3	-	-	-	-	-
Среднее число дней	4.4	0.9	-	7.6	3.9	0.4	11.6	6.6	0.6	10 2	2.0	0.4	3.6	0.1	-	0.5	-	-

Годы	Морозныхъ: Ноябрь, Отъ −25° до −30°	Ноябрь, Отъ −30° до −35°	Ноябрь, Отъ −35° и ниже	Декабрь, Отъ −25° до −30°	Декабрь, Отъ −30° до −35°	Декабрь, Отъ −35° и ниже	Январь, Отъ −25° до −30°	Январь, Отъ −30° до −35°	Январь, Отъ −35° и ниже	Февраль, Отъ −25° до −30°	Февраль, Отъ −30° до −35°	Февраль, Отъ −35° и ниже	Мартъ, Отъ −25° до −30°	Мартъ, Отъ −30° до −35°	Мартъ, Отъ −35° и ниже	Годъ: Жаркихъ, Отъ −25° до −30°	Жаркихъ, Отъ −30° до −35°	Жаркихъ, Отъ −35° и ниже	Холодныхъ, Отъ −25° до −30°	Холодныхъ, Отъ −30° до −35°	Холодныхъ, Отъ −35° и ниже
1873	-	-	-	1	-	-	-	-	.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1874	-	-	-	1	5	-	2	2	2	3	6	3	2	2	-	47	16	2	8	15	5
1875	4	-	3	3	2	-	13	3	-	7	9	8	2	7	-	22	13	3	29	20	11
1876	4	-	-	9	6	3	8	3	1	6	1	.	1	1	-	31	7	1	28	11	4
1877	-	-	-	1	4	15	8	8	10	11	5	1	-	1	-	38	17	1	20	18	26
1878	-	-	-	4	4	-	9	6	4	1	2	-	-	-	-	45	25	3	14	12	9
1879	-	1	-	4	1	2	4	4	6	3	3	-	1	-	-	45	15	-	12	9	8
1880	-	-	-	-	-	-	8	9	-	7	5	-	-	-	-	32	2	-	15	14	-
Среднее число дней	1.0	0.1	0.4	2.9	2.7	2.5	7.4	5.0	3 3	5.4	4.4	1.7	0.9	1.6	-	37.1	13.6	1.4	18.0	14.3	8.5

Давленіе воздуха при 0° въ миллиметрахъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Среднія годовыя.
1874	737,0	735,3	737,2	734,4	732,1	728,3	726,0	729,6	732,9	738,4	740,3	740,3	734,3
1875	736,7	743,0	733,9	735,5	732,3	728,0	725,1	731,6	734,4	736,4	739,7	735,8	734,4
1876	742,5	737,3	739,8	735,3	736,3	732,0	729,0	732,4	736,5	735,3	744,9	735,8	736,4
1877	742,7	740,0	737,8	735,0	735,7	729,5	730,8	733,1	730,4	739,3	741,1	746,7	736,8
1878	739,4	736,1	736,8	733,2	729,1	729,5	724,7	726,2	731,1	738,5	739,4	741,9	733,8
1879	742,4	737,3	735,2	734,2	732,6	724,4	725,4	726,1	731,7	738,8	736,9	731,1	732,9
1880	739,0	731,6	729,8	736,9	730,6	727,8	728,7	729,1	735,4	733,0	737,2	739,4	733,2
Среднее	739,96	737,23	735,79	734,93	732,67	728,50	727,10	729,73	733,20	737,10	739,97	738,71	734,54

Maximum и minimum высоты барометра въ мѣсяцъ.

Годы	Январь		Февраль		Мартъ		Апрѣль		Май		Іюнь	
	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum
1874	749,0	723,7	750,3	714,7	752,8	718,0	744,2	720,0	740,7	720,7	738,0	718,6
1875	751,3	724,6	749,3	734,0	752,1	718,1	747,7	724,6	743,8	713,5	742,9	719,0
1876	762,7	729,3	747,4	718,5	746,9	730,7	746,4	717,0	748,8	727,2	739,4	723,4
1877	757,6	729,2	753,6	730,2	742,6	713,0	746,7	720,1	747,1	721,7	737,8	719,9
1878	748,7	725,3	744,9	722,8	749,1	717,2	746,0	717,1	743,5	715,6	736,6	718,3
1879	761,2	729,0	758,0	724,2	745,0	722,4	748,4	722,2	739,9	719,1	734,5	714,4
1880	750,6	728,3	741,4	717,9	739,8	713,8	755,5	719,4	742,4	717,1	735,3	717,0

Годы	Іюль		Августъ		Сентябрь		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Годъ	
	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum	Maximum	Minimum
1874	732,8	719,9	742,0	718,4	743,4	723,6	754,7	721,3	754,0	718,0	752,6	730,1	754,7	718,0
1875	729,4	717,7	741,4	723,3	741,7	721,5	747,3	717,7	752,4	728,4	760,7	715,1	760,7	713,5
1876	736,1	722,5	712,5	723,1	744,3	721,7	751,0	711,2	757,2	723,0	750,1	720,6	762,7	716,2
1877	742,0	720,7	739,1	721,9	738,2	715,5	750,6	726,6	744,8	721,7	766,6	732,0	766,6	713,0
1878	730,2	716,6	736,0	718,8	745,3	722,1	749,2	718,2	747,4	724,3	754,4	729,2	754,4	715,6
1879	735,0	716,8	738,2	711,2	747,0	721,3	747,7	718,4	755,3	716,0	744,0	713,8	761,2	711,2
1880	736,6	717,7	736,4	723,1	746,4	722,9	743,2	717,5	745,5	727,4	749,5	721,7	755,5	713,8

Абсолютная влажность въ миллиметрахъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Весна	Лѣто	Осень	Зима
1873	-	-	-	-	-	-	-	10,3	6,3	4,8	3,4	2,1	-	-	-	-	-
1874	1,4	1,1	1,9	4,4	7,2	9,0	8,3	8,2	7,0	3,5	2,5	1,8	4,7	6,4	8,8	3,6	1,4
1875	1,2	0,6	1,2	5,1	5,7	8,5	9,7	7,6	5,5	3,7	2,1	1,7	4,4	5,6	8,2	2,9	1,0
1876	1,0	1,2	2,2	4,3	6,4	8,7	11,0	8,7	6,3	4,6	1,7	1,4	4,8	4,6	9,2	3,0	1,2
1877	0,8	1,2	2,7	4,2	5,8	10,0	10,2	8,9	7,2	3,9	2,1	0,8	4,8	5,8	9,4	3,0	1,3
1878	1,1	1,7	2,8	3,2	5,9	7,4	9,0	7,7	7,1	3,4	3,2	1,3	4,5	5,3	7,9	3,2	1,5
1879	1,1	1,6	2,5	5,0	5,6	7,5	8,7	7,4	7,1	4,2	2,0	1,8	4,5	5,5	8,0	3,2	1,5
1880	0,9	1,4	2,5	2,8	7,1	9,6	10,2	8,7	6,1	5,2	3,3	2,2	5,0	5,7	8,9	4,1	2,0
Среднее	1,07	1,26	2,34	4,14	6,24	8,67	9,59	8,46	6,57	4,16	2,58	1,64	4,67	5,56	8,62	3,29	1,41

Относительная влажность въ процентахъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Весна	Лѣто	Осень	Зима
1873	-	-	-	-	-	-	-	72	73	77	83	80	-	-	-	-	-
1874	85	76	82	72	52	52	49	50	63	80	79	84	69	69	51	80	80
1875	79	81	79	71	56	60	54	54	51	75	85	85	70	65	54	79	79
1876	87	89	88	80	66	63	63	57	57	75	89	89	76	74	59	82	86
1877	79	83	90	78	53	65	60	59	63	70	84	86	73	68	61	76	85
1878	91	91	85	55	49	48	44	51	74	71	86	82	69	54	53	81	90
1879	91	90	87	77	49	46	46	57	74	74	82	87	72	62	55	81	89
1880	83	87	86	80	65	65	59	64	17	78	88	99	77	74	62	87	85
Среднее	85	85	85	73	56	57	51	58	66	75	84	86	72	66	56	81	85

Наименьшая относительная влажность въ процентахъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Весна	Лѣто	Осень	Зима
1873	-	-	-	-	-	-	-	32	25	28	48	32	-	-	-	-	-
1874	63	55	47	22	14	14	16	14	23	28	38	53	14	14	14	28	32
1875	56	53	60	14	20	21	22	19	18	27	51	59	14	14	19	22	53
1876	58	58	68	37	16	25	18	25	16	26	49	73	16	16	16	26	58
1877	60	44	59	31	16	22	21	24	16	19	32	55	16	16	21	16	44
1878	69	63	30	13	12	16	17	12	17	13	23	53	12	12	12	13	63
1879	68	55	53	23	14	15	14	22	25	27	46	65	14	14	14	27	55
1880	60	51	48	48	15	17	29	21	25	31	52	73	17	15	21	31	48

Средняя облачность (0—небо чисто, 10 совсѣмъ покрыто облаками, 1, 2, 3 и т. д.—различныя промежуточныя степени облачности).

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	4,6	6,6	6,1	7,3	7,0	-	-	-	-	-
1874	8,1	4,6	5,2	5,4	2,8	4.4	4,9	3,5	3,5	6,8	5,4	6,7	5,1	-	-	-	-
1875	4,9	4,4	6,2	3,7	5,0	5,1	5,2	4,6	3,7	6,8	6,8	7,0	5,3	-	-	-	-
1876	6,1	6,7	3,6	5,5	4,6	4,7	4,5	3,4	3,5	6,6	4,4	5,8	4,9	-	-	-	-
1877	5,5	4,8	5,3	6,0	4,4	4,9	4,5	4,6	3,9	3,6	5,0	3,9	4,7	-	-	-	-
1878	6,9	6,4	4,6	5,0	4,8	3,2	3,6	3,5	6,6	4,7	7,0	5,2	5,1	-	-	-	-
1879	7,4	7,2	2,7	4,4	3,5	5,1	4,9	5,5	6,0	4,6	6,2	1,2	5,4	-	-	-	-
1880	5,3	6,0	7,3	4,1	4,7	5,0	4,1	4,7	2,7	6,1	6,5	7,5	5,3	-	-	-	-
Среднее	6,3	5,7	5,0	4,9	4,2	4,6	4,5	4,3	4,6	5,7	6,1	6,3	5,1	-	-	-	-

Число пасмурныхъ и ясныхъ дней (ясными днями считались дни, въ которые сумма облачности въ 3 срочныя наблюденія была 6 или менѣе 6, а пасмурными, когда сумма облачности въ 3 срочныя наблюденія была 24 и болѣе).

Годы	Январь		Февраль		Мартъ		Апрѣль		Май		Iюнь		Iюль		Августъ	
	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3	-
1874	-	17	9	7	8	9	5	7	12	2	4	2	5	7	11	1
1875	8	8	7	4	5	14	12	2	4	6	5	5	3	3	7	4
1876	7	11	5	15	13	5	6	7	8	5	5	2	6	4	9	1
1877	7	11	8	8	8	9	4	12	8	3	5	4	8	6	11	6
1878	6	18	7	15	9	5	5	7	6	6	14	2	10	1	12	2
1879	5	20	3	16	17	2	12	8	16	4	4	6	4	3	6	6
1880	9	10	7	13	2	16	13	7	8	5	5	4	8	4	10	7
Среднее	6	14	7	11	9	9	8	7	9	4	6	4	6	4	9	3

Годы	Сентяб.		Октябрь		Ноябрь		Декабрь		Годъ		Зима		Весна		Лѣто		Осень	
	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно	Ясно	Пасмурно
1873	2	4	1	3	3	8	4	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1874	12	1	4	13	8	8	4	14	82	88	17	31	20	13	30	11	15	33
1875	10	4	4	14	3	13	4	16	72	93	23	24	20	16	18	14	11	39
1876	13	3	5	13	10	7	5	11	92	84	25	33	22	16	24	17	19	38
1877	11	5	15	4	12	13	14	8	111	89	22	31	18	18	28	16	38	29
1878	1	10	12	10	4	16	8	10	94	102	23	35	28	17	26	12	19	38
1879	2	10	11	8	7	13	4	20	91	116	25	36	37	17	12	18	19	42
1880	15	-	7	12	7	17	2	16	93	111	19	42	26	22	29	11	18	42
Среднее	8	5	7	10	7	11	6	13	91	98	22	33	24	17	24	14	20	37

Метеорные осадки. Толщина слоя воды въ миллиметрахъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Iюнь	Iюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	62,3	34,2	46,5	27,0	12,7	-	-	-	-	-
1874	10,6	7,7	2,6	9,5	4,4	49,4	13,3	31,0	12,0	26,0	14,6	9,5	194,6	25,0	63,2	59,4	50,6
1875	4,5	2,3	14,0	13,2	25,7	22,0	23,1	14,2	32,9	20,4	13,1	14,2	199,6	15,4	57,4	85,5	44,5
1876	4,5	6,8	0,1	24,5	14,8	52,7	76,8	39,6	10,6	51,3	5,8	15,6	303,1	14,6	79,3	139,7	67,8
1877	9,3	3,7	9,5	6,3	15,1	70,1	52,4	46,7	23,7	20,1	3,0	4,1	264,0	24,1	88,8	124,7	31,3
1878	4,8	3,5	5,5	4,7	19,5	35,6	15,6	17,4	74,7	17,3	5,7	4,1	208,4	8.6	46,7	117,8	35,0
1879	3,7	3,6	1,4	18,0	2,7	9,1	16,7	21,6	61,0	31,3	11,6	17,5	198,2	7,4	26,2	94,8	67,2
1880	4,2	12,2	25,1	14,6	25,0	99,4	30,1	48,0	9,3	25,3	5,1	4.4	302,7	36,6	133,4	98,4	35,9
Среднее	5,9	5,7	8,3	13,0	15,7	48,3	33,1	35,1	32,3	29,8	10,7	10,3	239,4	18,8	69,9	102,9	47,5

Наибольшее количество осадковъ въ однѣ сутки въ миллиметрахъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Iюнь	Iюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	28,7	12,3	37,1	5,3	2,0	-	-	-	-	-
1874	2,5	1,8	1,1	3,7	2,4	15,7	3,4	23.8	6,5	9,6	6,2	4,4	23,8	2,5	15,7	23.8	9,6
1875	1,4	1,3	4,6	5,7	9,4	10,0	6,8	10,5	16,4	5,1	8,6	2,5	16,4	1,6	9,4	16,4	8,6
1876	1,5	2,0	0,1	9,7	7,0	11,9	34,9	13,6	4,2	14,8	2,6	7,1	34,9	2,5	11,9	34,9	14,8
1877	2,8	1,2	3,1	2,4	5,8	11,8	10,8	15,5	7,1	9,1	2,1	16,0	15,5	3,1	11,8	15,5	7,6
1878	1,9	2,3	2,6	2,2	6,6	15,4	7,9	6,0	15,5	12,5	1,6	2,0	15,5	2,3	15,4	15,5	12,5
1879	0,9	1,5	0,8	11,4	1,2	4,5	16,4	7,1	22,6	11,1	2,6	4,7	22,6	1,5	11,4	22,6	11,1
1880	2,1	4,1	9,7	15,0	7,8	22,2	17,8	26,7	3,3	15,5	4,2	2,6	26,7	9,7	22,2	26,7	15,5
Среднее	1,9	2,0	3,3	7,1	5,7	13,1	14,1	16,5	11,0	14,3	4,1	3,8	22,1	2,5	14,0	22,1	11,4

Число дней съ туманомъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	2	6	-	-	-	-	-
1874	2	3	5	2	-	-	1	-	4	2	4	4	27	6	7	4	11
1875	1	10	-	3	-	-	-	-	-	-	2	-	16	11	3	-	2
1876	4	1	7	3	-	-	-	-	-	-	4	4	23	7	7	-	7
1877	2	2	1	1	-	-	-	-	-	-	4	4	14	5	1	-	6
1878	2	1	5	-	-	-	-	-	2	3	-	2	15	9	1	1	4
1879	4	1	2	-	-	-	-	1	3	-	-	1	12	8	1	4	1
1880	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	4	7	13	2	-	-	6
Среднее число дней . .	2,3	2,6	3,0	1,3	-	-	0,1	0,1	1,3	0,8	2,0	3,0	17,1	6,9	2,9	1,3	5,3

Число дней съ осадками (дождемъ, снѣгомъ и крупой).

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1874	15	9	7	6	5	7	12	4	5	15	8	11	104	34	20	18	34
1875	10	4	14	5	9	7	8	3	2	15	11	16	104	27	22	23	39
1876	12	13	2	12	5	15	10	7	4	14	9	12	115	30	28	25	30
1877	10	7	13	9	7	17	11	10	6	7	6	5	108	30	33	31	19
1878	10	10	6	6	7	5	4	5	12	9	13	7	94	23	19	21	29
1879	11	8	5	7	3	9	4	8	12	6	15	20	108	22	20	23	38
1880	9	14	16	9	8	13	4	9	5	6	10	6	109	37	34	18	23
Среднее число дней . .	11.0	9.3	9.0	7.9	6.3	10.4	7.6	6.6	6.6	10.3	10.3	11.0	106.0	29.0	25.1	22.7	30.3

Число дней съ градомъ.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-
1874	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-
1875	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-
1876	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1877	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-
1878	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1879	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-
1880	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Среднее число дней . .	-	-	-	0,1	0,1	0,4	-	0,1	-	-	-	-	0,7	-	0,6	0,1	-

Число дней съ грозами.

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1874	-	2	-	-	-	3	2	3	-	-	-	-	8	-	3	5	-
1875	-	-	-	1	-	-	2	1	-	-	-	-	4	-	1	3	-
1876	-	-	-	1	2	3	3	4	1	-	-	-	14	-	3	11	-
1877	-	-	-	1	5	10	2	2	-	-	-	-	20	-	9	6	-
1878	-	-	-	-	2	1	2	1	-	-	-	-	6	-	3	3	-
1879	-	-	-	1	1	3	2	-	-	-	-	-	7	-	5	2	-
1880	-	-	-	-	1	7	1	3	-	1	-	-	13	-	8	4	1
Среднее число дней . .	-	-	-	0,6	1,6	3,6	2,0	2,0	0,1	0,1	-	-	10,3	-	4,6	4,9	0,7

Число дней съ осадками (дождемъ, снѣгомъ и градомъ).

Годы	Январь			Февраль			Мартъ			Апрѣль			Май			Іюнь		
	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1874	-	15	-	-	9	-	-	7	-	3	3	-	5	-	-	6	-	1
1875	-	10	-	-	4	-	1	13	-	3	2	-	4	4	1	7	-	-
1876	-	12	-	-	13	-	-	2	-	9	3	-	5	-	-	15	-	-
1877	-	10	-	-	7	-	2	11	-	4	5	-	7	-	-	16	-	1
1878	-	10	-	-	10	-	1	5	-	2	4	-	7	-	-	5	-	-
1879	-	11	-	-	8	-	1	4	-	4	2	1	2	1	-	8	-	1
1880	-	9	-	-	14	-	2	14	-	-	9	-	8	-	-	13	-	-
Среднее число дней . .	-	11,0	-	- -	9,3	-	1,0	8,0	-	3,6	4,0	0,1	5,0	0,7	0,1	10,0	-	4,3

Число дней со снѣжными метелями (буранами).

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ	Зима	Весна	Лѣто	Осень
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	10	-	-	-	-	-
1874	10	7	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	23	24	1	-	-
1875	8	1	6	-	-	-	-	-	-	-	-	7	22	13	2	-	3
1876	10	14	2	-	-	-	-	-	-	-	2	8	36	30	-	-	6
1877	6	4	4	-	-	-	-	-	-	-	-	3	17	18	-	-	3
1878	2	8	1	-	-	-	-	-	-	-	3	1	15	11	-	-	3
1879	5	1	1	2	-	-	-	-	-	-	6	12	27	6	3	-	14
1880	3	12	12	-	-	-	-	-	-	-	2	1	30	22	6	-	2
Среднее число дней . .	5,0	6,7	4,4	0,4	-	-	-	-	-	-	1,7	5,8	24,3	17,7	1,7	-	4,4

Іюль			Августъ			Сентябрь			Октябрь			Ноябрь			Декабрь			Годъ		
Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ	Дождь	Снѣгъ	Градъ
-	-	-	8	1	-	8	1	1	9	4	-	4	13	-	-	17	-	-	-	-
12	-	-	4	-	-	5	-	-	2	13	-	3	5	-	-	11	-	40	63	1
8	-	-	3	-	-	2	-	-	4	11	-	-	11	-	1	15	-	33	70	1
10	-	-	7	-	-	4	-	-	8	6	-	1	8	-	-	12	-	59	56	-
11	-	-	10	-	-	6	-	-	4	3	-	-	6	-	-	5	-	60	47	1
4	-	-	5	-	-	12	-	-	2	7	-	1	12	-	-	7	-	39	55	-
4	-	-	8	-	-	12	-	-	1	5	-	-	15	-	-	20	-	40	66	2
4	-	-	9	-	-	5	-	-	4	2	-	2	8	-	-	6	-	48	61	-
7,6	-	-	6,7	0,1	-	6,7	0,1	0,1	4,1	6,4	-	1,4	9,7	-	0,1	11,6	-	45,1	59,7	0,7

Число дней съ бурею (считая скорость вѣтра 15 и болѣе метровъ въ секунду.)

Годы	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Іюнь	Іюль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Годъ
1874	-	3	1	1	1	1	2	-	-	2	2	-	13
1875	-	-	3	1	1	1	1	-	1	4	1	3	16
1876	7	11	1	11	-	1	-	2	-	3	1	3	40
1877	1	-	-	2	-	-	-	-	-	2	1	-	6
1878	1	4	3	7	6	8	3	3	1	2	4	1	43
1879	1	1	2	2	2	4	3	3	-	-	8	11	37
1880	-	10	4	3	-	2	-	1	2	5	7	1	35
Среднее число дней . .	1,4	4,1	2,0	4,0	1,3	2,4	1,4	1,3	0,6	2,6	3,4	2,7	27,0

Число вѣтренныхъ дней изъ 3-хъ срочныхъ наблюденій.

Годъ	Январь N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо	Февраль N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо
1874	2	1	2	5	15	17	35	4	12	-	10	1	10	16	19	13	-	15
1875	2	7	4	7	21	16	11	3	22	2	8	2	6	7	13	6	2	38
1876	3	7	3	5	6	33	6	1	29	1	1	-	8	10	40	12	1	14
1877	6	8	4	5	10	27	11	2	20	2	5	8	7	11	12	8	4	27
1878	2	9	2	4	8	19	11	-	38	1	7	7	6	10	29	3	1	20
1879	7	13	1	-	2	33	12	1	24	5	5	6	2	16	27	5	2	16
Среднее число	3,7	7,5	2,7	4,3	10,0	24,2	14,3	1,8	24,1	1,8	6,0	4,0	6,5	11,7	23,6	8,0	1,7	21,7

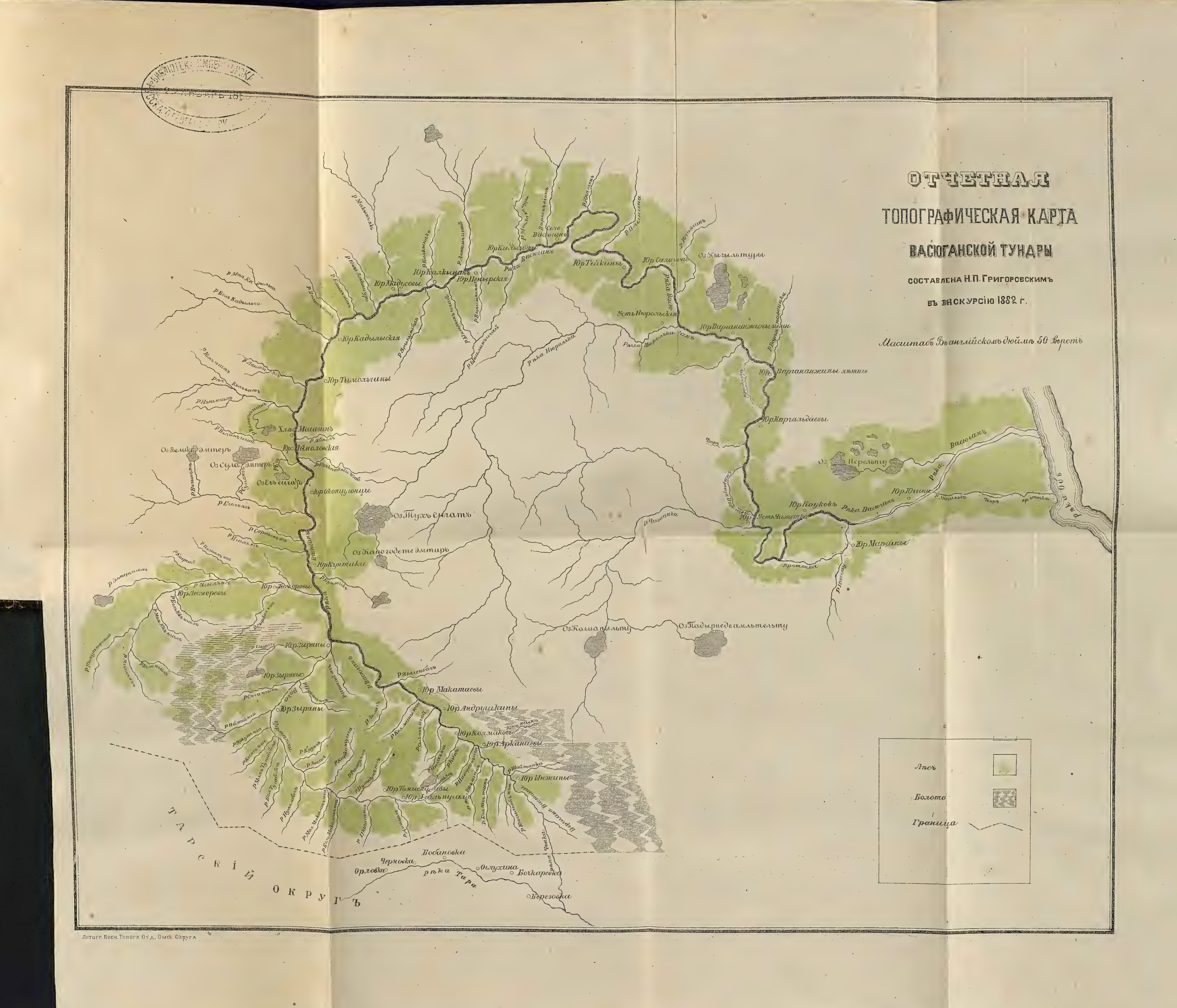
Годъ	Мартъ N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо	Апрѣль N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо
1874	1	18	18	3	9	10	11	-	23	1	9	5	3	15	9	28	1	19
1875	1	7	10	10	15	10	20	1	19	1	5	20	11	14	5	16	2	16
1876	-	10	10	17	9	15	7	5	20	4	13	6	5	6	25	17	12	2
1877	3	3	4	2	10	35	10	4	22	7	10	5	21	7	19	7	7	7
1878	1	3	20	15	12	13	5	3	21	1	12	7	2	9	20	11	5	23
1879	1	11	17	13	11	9	11	7	13	8	12	11	8	7	7	11	4	22
Среднее число	1,1	8,7	13,1	10,0	11,0	15,3	10,7	3,1	19,7	3,7	10,1	9,0	8,3	9,7	14,1	15,0	5,1	14,8

Годъ	Май N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо	Іюнь N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо
1874	7	4	8	11	5	3	22	4	29	4	11	13	5	5	9	14	7	22
1875	4	6	6	5	13	6	29	9	15	2	10	3	3	16	8	23	7	18
1876	3	4	8	3	12	13	17	7	26	11	8	6	3	2	5	17	17	21
1877	5	15	11	9	11	10	7	4	21	4	10	11	5	4	19	12	5	20
1878	3	9	5	8	8	14	7	11	28	13	15	6	4	2	7	11	9	23
1879	9	15	11	5	1	8	14	11	19	7	4	6	3	4	16	23	13	14
Среднее число	5,2	8,8	8,1	6,8	8,3	9,0	16,0	7,7	23,0	6,8	9,7	7,5	3,8	5,5	10,7	16,7	9,7	19,7

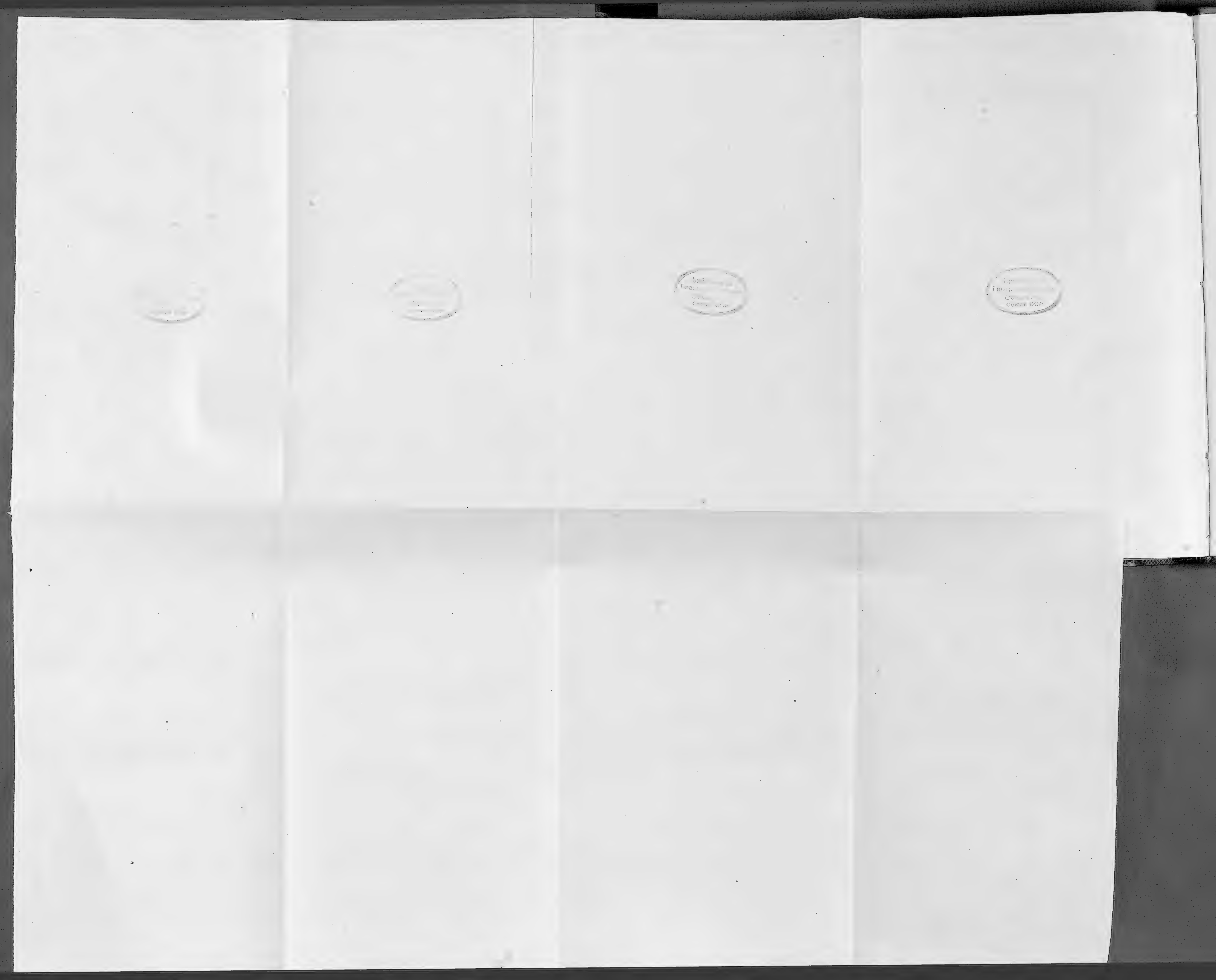
Годъ	Іюль N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо	Августъ N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо	Сентябрь N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо
1873	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	3	7	10	2	14	4	13	35	2	15	3	11	6	24	7	3	19
1874	-	11	10	4	4	4	30	4	26	8	19	7	5	6	4	22	6	16	5	5	3	5	8	4	16	3	41
1875	3	6	4	8	4	3	26	12	27	8	22	7	4	2	3	12	3	32	2	11	6	7	6	10	16	7	25
1876	12	14	6	4	1	2	4	7	43	11	4	5	5	-	3	14	3	48	2	10	15	6	3	2	7	3	42
1877	22	15	7	2	2	-	8	15	22	14	8	4	-	-	20	6	4	20	5	13	4	5	1	14	9	8	31
1878	8	7	8	7	5	4	22	4	28	5	-	1	1	3	10	28	11	34	6	7	3	1	8	10	15	9	31
1879	4	21	2	3	5	15	22	11	10	3	10	4	4	3	11	32	13	13	8	6	6	5	6	8	13	12	26
Среднее число	8,1	12,3	6,1	4,7	3,5	4,7	18,7	8,8	24,3	7,7	9,4	5,0	4,1	2,3	9,3	16,9	8,6	28,3	4,3	9,6	5,5	5,5	5,4	10,2	11,9	6,4	27,0

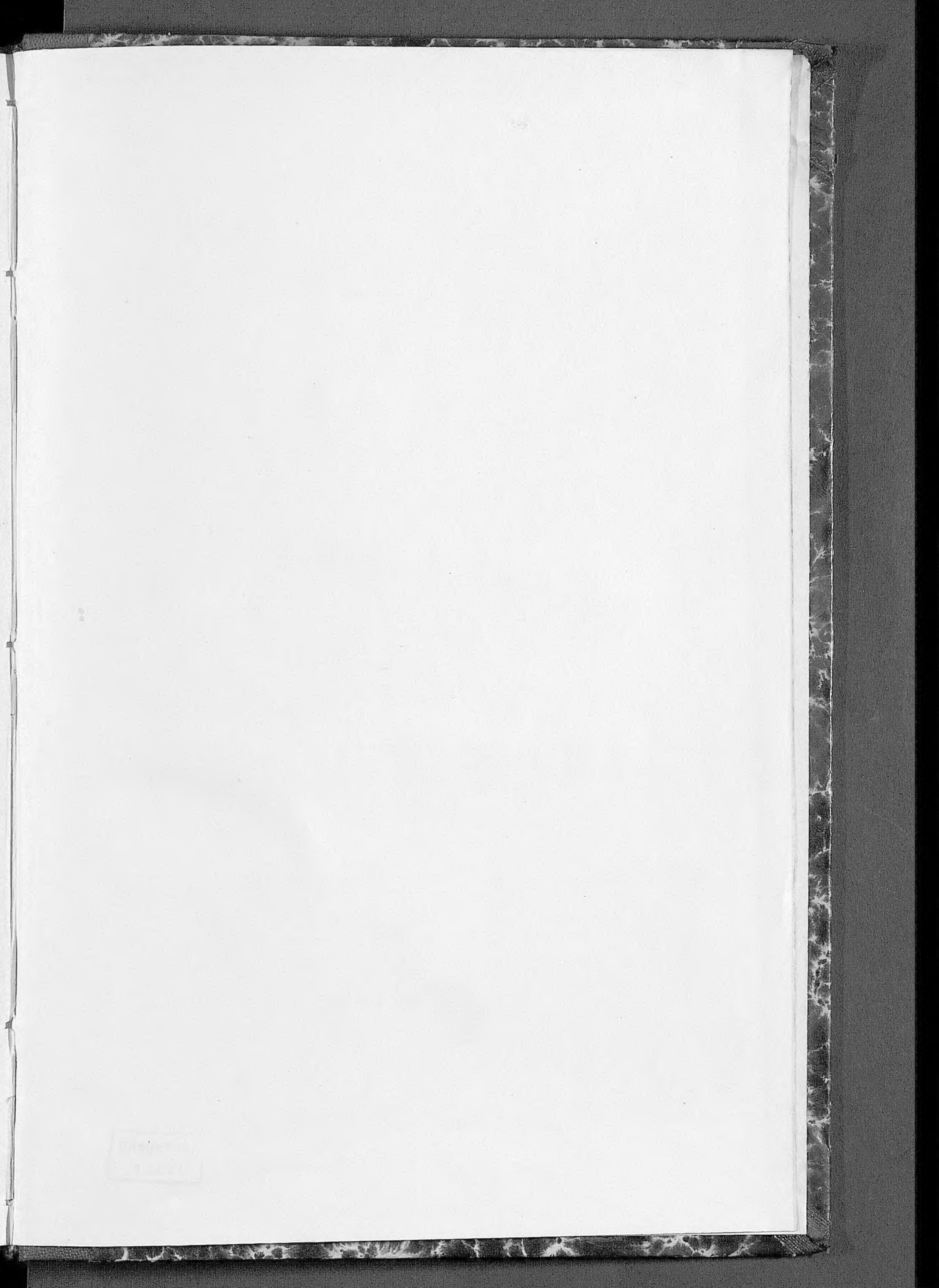
Годъ	Октябрь N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо	Ноябрь N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо	Декабрь N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо
1873	2	4	3	13	2	24	17	10	18	3	5	8	8	15	28	-	-	23	-	-	-	1	28	23	18	3	20
1874	2	3	4	4	14	9	26	9	22	1	4	5	3	9	14	24	-	30	3	16	2	7	9	15	16	3	22
1875	2	10	5	4	10	25	16	7	14	5	16	10	9	8	15	5	1	21	1	10	5	11	10	27	10	1	18
1876	-	6	4	4	5	31	12	1	30	1	9	8	2	2	15	13	2	38	1	10	5	2	13	23	15	-	24
1877	7	5	1	3	5	26	15	5	26	1	6	1	-	3	21	11	4	43	7	16	-	-	1	11	9	3	46
1878	6	3	10	2	3	16	20	7	26	2	1	6	7	8	20	23	1	22	2	17	6	7	12	13	2	2	32
1879	2	8	9	5	4	12	12	10	31	6	6	6	4	7	25	18	7	11	2	3	2	4	11	47	9	2	13
Среднее число	3,0	5,6	5,1	5,0	6,1	20,4	17,4	7,0	23,9	2,7	6,7	6,3	4,7	7,4	19,7	13,5	2,0	27,0	2,3	10,3	2,9	4,6	12,0	22,7	11,3	2,0	25,0

Годъ	Годъ N	NE	E	SE	S	SW	W	NW	тихо
1873	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1874	34	111	78	65	115	117	257	41	277
1875	33	118	82	85	126	141	190	55	265
1876	49	96	76	64	69	207	141	59	337
1877	83	124	60	59	65	214	113	72	305
1878	50	90	81	64	88	175	158	63	326
1879	62	114	81	56	77	218	182	93	212
Среднее число	51,8	108,8	76,3	65,0	90,0	178,7	173,3	63,8	287,0

Отчетная
Топографическая карта
Васюганской тундры
составлена Н. П. Григоровскимъ
въ экскурсію 1882 г.
Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ 50 верстъ
Лѣсъ
Болото
Граница
Село Васюганъ
Юр. Тейкины
Юр. Сагачевы
Юр. Кадыльская
Юр. Тимольгины
Юр. Макатаевы
Юр. Андрушкины
Юр. Комаковы
Юр. Инжины
Юр. Каргальдаевы
Юр. Паукова
Юр. Маргины
Оз. Тухъ Емлатъ
Оз. Нерельту
Оз. Комапилыту
рѣка Васюганъ
рѣка Тара
Тарскій Округъ
Орловы
Черновка
Бобановка
Бочкаревка
Березовка
Литогр. Воен. Топогр. Отд. Омск. Округа

15 р.
2 кар.

